

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина

**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ПРОСТРАНСТВО, ГРАНИЦЫ
И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
(1941–1945)**

Ростов-на-Дону
2013

УДК 94 (47).084.3/.8

ББК 63.3 (235.7)

К82

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках проекта проведения научных исследований
«Частная жизнь советского человека в условиях военного времени:
пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)»,
проект № 12-01-00127а

Рецензенты:

д.и.н., профессор **И.Л. Жеребцов,**

д.и.н., профессор **И.Б. Орлов**

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 362 с. – ISBN 978-5-4358-0071-5.

Монография посвящена частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны. В ней определяются границы частной жизни как предмета изучения, рассматриваются особенности ее отражения в исторических источниках. Значительное внимание уделено семейным отношениям, любви и дружбе, жилищному и религиозному вопросам в жизни советского человека, а также практикам использования свободного времени в 1941–1945 гг. Работа написана на основе различных источников официального и личного происхождения, включая записанные самими авторами интервью с очевидцами и участниками событий.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94 (47).084.3/.8

ББК 63.3 (235.7)

ISBN 978-5-4358-0071-5

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2013

© Е.Ф. Кринко, 2013

© И.Г. Тажидинова, 2013

© Т.П. Хлынина, 2013

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC
AND HUMANITIES RESEARCHES SSC RAS

E.F. Krinko, I.G. Tazhidinova, T.P. Khlynina

**PRIVATE LIFE OF THE SOVIET MAN IN WARTIME:
THE SPACE, BOUNDARIES,
AND MECHANISMS OF IMPLEMENTATION
(1941–1945)**

**Rostov-on-Don
2013**

UDC 94 (47).084.3/.8
K83

The study was prepared by sponsored RFH in the within framework the project research «Private Life of the Soviet Man in Wartime: the Space, Boundaries, and Mechanisms of Implementation (1941–1945)», project № 12-01-00127a

Reviewers:

Dr (History) Professor **I.B. Orlov**,
Dr (History) Professor **I.L. Zhrebtsov**

Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. (2013). Private Life of the Soviet Man in Wartime: the Space, Boundaries, and Mechanisms of Implementation (1941–1945). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 362 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0071-5.

The monograph is devoted to the private life of the soviet people during the Great Patriotic War. It defines the boundaries of privacy as a subject of study, particularly its reflection is seen in the historical sources. Considerable attention is given to family relationships, love and friendship, housing and religious questions in the life of the soviet people, and the use of leisure time practices in 1941 – 1945. Study is based on various sources of official and personal origin, including those of the authors recorded interviews with witnesses and participants in the events.

The edition is intended for science officers, teachers, post-graduate students, students, and also all interested readers.

UDC 94 (47).084.3/.8

ISBN 978-5-4358-0071-5

© Institute of Social-Economic
and Humanities researches SSC RAS, 2013
© Krinko, E.F., 2013
© Tazhidinova, I.G., 2013
© Khlynina, T.P., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава 1. Что пишут о частной жизни историки, сообщают источники и помнят респонденты	13
1.1. Частная жизнь как предмет изучения	13
1.2. Свидетельства эпохи: комплекс исторических источников	28
1.3. История и память: опросы очевидцев	40
Глава 2. «Если бы собрать все пережитое нами – вышла бы замечательная книга жизненной борьбы»: письменные практики реализации приватного	59
2.1. «Хочется наладить с тобой связь, только этим сейчас и живу»: семейные истории в письмах	61
2.2. «Я вот здесь пишу сейчас все, что придет в голову»: три дневника Великой Отечественной о времени, жизни, людях и о себе	74
Глава 3. Семья как пространство частной жизни советского человека	87
3.1. Государственное регулирование семейно-брачных отношений и их динамика накануне и в годы Великой Отечественной войны	87
3.2. Специфика внутрисемейных взаимоотношений в условиях военного времени	109
Глава 4. Марс и Эрос: мир чувств и чувственных отношений в 1941–1945 гг.	133
4.1. Лирический герой военного времени	134
4.2. Любовь на войне: женские истории	152
4.3. Любовь и война: мужской взгляд	166
Глава 5. Дружеские связи: опыт военных лет	183
5.1. Феномен фронтовой дружбы	184
5.2. «Заочные отношения» как явление военного времени	198
Глава 6. «Мой дом – моя крепость»: организация и освоение жилого пространства в предвоенные и военные годы	215
6.1. «Жить будем по-новому»: зигзаги предвоенной жилищной политики	215
6.2. Квартирный вопрос в условиях военного времени	230

6.3. «Жили мы и в доме, и в рабочих бараках»: опыт освоения жилого пространства участниками Великой Отечественной войны	247
Глава 7. Религия в жизни советского человека	261
7.1. Религиозный вопрос в СССР накануне и во время Великой Отечественной войны	262
7.2. Вера и безверие как личностный выбор	278
7.3. Суеверия и приметы военного времени	290
Глава 8. Практики использования свободного времени на фронте и в тылу	303
8.1. Досуговые возможности и предпочтения мирного населения	305
8.2. Особенности «культурного отдыха» фронтовиков	322
Послесловие	337
Библиография	339

TABLE OF CONTENTS

Preface	9
Chapter 1. What is written of historians about the private life, reported the sources and remembered respondents.	13
1.1. Private life as a subject of study	13
1.2. Evidences of the era: a complex of historical sources	28
1.3. History and memory: interviews witnesses	40
Chapter 2. “If we collect all our experiences – turned a great book of life of struggle”: writing practices of the private.	59
2.1. “I want to establish a relationship with you, I live now just that”: family histories in letters	61
2.2. “I’m here now writing whatever comes to mind”: three diary of the Great Patriotic about time, life, people and about themselves	74
Chapter 3. The family as a space of private life of the soviet people	87
3.1. State regulation of family relations and dynamics before and the years of the Great Patriotic War	87
3.2. The features of family relations in wartime	109
Chapter 4. Mars and Eros: the world of the senses and sense relations in 1941–1945	133
4.1. The lyrical hero of war	134
4.2. Love in War: women’s stories	152
4.3. Love and War: man’s glance	166
Chapter 5. Friendships: the experience of the wartime	183
5.1. The phenomenon of front-line friendship	184
5.2. “Correspondence relationship” as the phenomenon of wartime	198
Chapter 6. “My home – my citadel”: organization and development of the living space in the prewar and war years	215
6.1. “We will live of the new”: the pre-war housing policy bends	215
6.2. The housing question in the wartime	230
6.3. “We lived in the house and working barracks”: the experience of the development of residential space of participants of the Great Patriotic War	247

Chapter 7. Religion in the life of the soviet people	261
7.1. The religious question in the Soviet Union before and during of the Great Patriotic War	262
7.2 . Belief and unbelief as a personal choice	278
7.3. Superstitions and sings of wartime	290
Chapter 8. Of the use of leisure time at the front and in the rear	303
8.1. Recreational opportunities and preferences of the civilian population	305
8.2 . The features of the “cultural rest” by veterans	322
Conclusion	337
Bibliography	339

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея написания книги о частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны, которая все еще остается самым памятным и болезненно переживаемым событием новейшей российской истории, изначально представлялась исследовательской авантюрой. И дело не только в длительно существовавшем профессиональном поверье, в свое время разделяемом как отечественными, так и зарубежными коллегами, о принципиальной невозможности таковой у «нашего человека». Сама постановка подобно рода вопроса в героическом интерьере военного времени, предполагавшего максимальную степень личной самоотдачи и коллективного сплочения, едва ли могла встретить понимание среди тех, кто знал войну не понаслышке. Вполне обоснованные сомнения вызывало и источниковое обеспечение проблемы, которое, за редким своим исключением, ориентировалось на более значимые и весомые сюжеты советского прошлого. Обо всех трудностях, сопряженных с реализацией проекта, мы подробно рассказали на страницах предлагаемой вниманию заинтересованного читателя книги. Здесь же хотелось поговорить о том, что осталось за ее пределами и так или иначе сказалось на выработке концепции исследования, отборе его сюжетного ряда, авторского понимания частного, а также способствовало превращению идеи в полновесный научный труд.

Главной проблемой, с которой нам пришлось столкнуться, и которая предопределила собою всю внутреннюю архитектуру исследования, стало отсутствие в гуманитарной практике сколько-нибудь внятного понимания частной жизни. Определяемая по преимуществу через широкий набор синонимов (личной, индивидуальной, обособленной) или через противопоставление публичной сфере, частная жизнь длительное время находилась на периферии отечественного историописания и лишь сравнительно недавно стала предметом самостоятельного изучения. Незначительность профессионального стажа связывалась как со все еще не преодоленным представлением о тоталитарной природе советского строя, жестко контролировавшего любые проявления жизнедеятельности общества и его отдельных представителей, так и с убежденностью в том, что само становление и развитие частной жизни являлось важнейшим достижением западной цивилизации.

Между тем при любой социальной и политической организации существует пространство, остающееся неподконтрольным власти. Разумеется, в различных культурных традициях представления о его границах различались, по-разному решались и вопросы о том, что следовало выставлять напоказ, а что оставлять под

покровом личных и семейных тайн. Например, у многих народов семейные обряды и иные инициации совершаются публично, в виде общественных церемоний, в других странах они носят интимный характер. При этом полный контроль над поведением человека достигался лишь в социальных утопиях, обосновывавших его необходимость созданием идеального, равного в своих возможностях общества. Появление новых форм социальной регламентации и контроля в связи с развитием современных технологий внушил их критикам определенные опасения, нашедшие отражение в антиутопических романах – «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла. Однако, несмотря на все возрастающее техническое совершенство «Большого брата», у человека сохраняются индивидуальные потребности, а значит, и та сфера его жизни, в которой они находят свое удовлетворение.

Не являлся исключением в этом отношении и советский человек, жестко регламентированная и требовавшая предельной открытости жизнь которого вовсе не означала отсутствия у него возможностей уединения или невыполнения очередных задач партии и правительства. Недаром в советской обиходной культуре возникло и до сих пор не утратило своей значимости понятие «показуха», означающее видимость деятельности, имитацию работы. Показательно, что за ее фасадом росли и множились островки отдельных от генерального плана развития страны жизней, вбирающих в себя как социальные нормы, так и индивидуальные практики их истолкования. Точкой пересечения этих диспозиций как раз и оказывалась частная сфера, границы которой очерчивались внешними факторами, а внутреннее пространство заполнялось личными предпочтениями, несущими на себе неизбежный отпечаток социального окружения.

Следует отметить, что доступ к частной сфере человека всегда ограничен, в отличие от публичного пространства. Частным считается именно то, что не предназначается взору посторонних, сокрыто от их глаз и ушей. Частное не принято выставлять на всеобщее обозрение, а проникновение чужих в данную сферу нередко приобретает скандальный характер, сопровождается конфликтами. При этом уже само наличие многочисленных запретов и табу не только подтверждает существование частной сферы, но и свидетельствует о широком общественном интересе к происходящим в ней процессам и явлениям. К таким, вызывающим повышенное внимание проявлениям частного, относятся отношения человека с членами семьи, родственниками, близкими, друзьями и соседями, его чувственный мир, религиозные представления, досуговые практики и сама жизнь за закрытыми дверями отдельно взятого помещения. Они с особой тщательностью регулируются государством и ревностно охраняются гражданами, воспринимающими любое вторжение в их частную жизнь угрозой личной безопасности. Именно двойственное положение этих областей человеческой жизнедеятельности позволяет историку нащупать «ту грань, которая отделяет приватное от публичного в историческом процессе»¹ и прояснить саму суть частной жизни, наиболее зримым воплощением которой они и рассматриваются.

¹ *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 годы. URL: <http://lib.rus.ec/b/302572/read> (дата обращения: 15.07.2012).

Научное изучение истории частной жизни тесно связано с развитием историко-антропологического подхода, способствовавшего расширению границ исторического познания. Исследования последних лет показали, что частная сфера сохраняла свою автономию по отношению к господствовавшей системе ценностей. Несмотря на жесткую регламентацию официальной идеологией и сложившимся гендерным порядком, наиболее «закрытой» для государственного контроля оставалась эмоциональная сфера, неоднократно подвергавшаяся серьезным испытаниям в условиях социальных трансформаций. Одним из самых острых потрясений для советского общества стала Великая Отечественная война, изменившая не только образ жизни, но и значимость соотношения приватного / частного и публичного. В то же время война не смогла полностью подавить «обычные» эмоции, выражавшиеся в симпатиях и антипатиях к другим людям, в любви и дружбе как базовых социально-психологических потребностях личности. При этом сама экстремальная ситуация военного времени способствовала выработке новых практик и условий взаимоотношений в частной сфере, характер и содержание которых определялись различными обстоятельствами как субъективного, так и объективного порядка.

Ответам на вопросы о том, какое место и значение в жизни советского человека периода Великой Отечественной войны занимала частная жизнь, каковы были механизмы ее формирования, где заканчивались границы приватного, и начиналось публичное, собственно, и посвящена эта книга. Рассматривая частную жизнь как пространство индивидуального выбора, неподконтрольного власти и одновременно ею формируемого, мы попытались на примерах жилищной политики, семейно-брачных отношений, ведения дневников и написания писем, фронтového досуга, любовных и дружеских отношений, проявлений веры и суеверий в тылу и на фронте показать диалектику частного и общего, их взаимодействия и противоречий.

Решение этой задачи достигалось на основе привлечения широкого круга источников как официального, так и личного происхождения. Существенную помощь нам оказали непосредственные очевидцы и участники событий того времени. В ходе исследования авторским коллективом были записаны 40 интервью, материалы которых мы используем с согласия респондентов. Встречи с ними обозначили и проблему неизбежно сопутствующего такого рода рассказам хоторнского эффекта, когда понимание научной значимости проводимого исследования и своей личной к нему сопричастности заставляли наших собеседников говорить о вещах, ранее скрываемых и до некоторой степени провокативных. Происходившая таким образом перенастройка личной памяти приводила порой к возникновению повествовательных казусов, замыкавших частную жизнь в пространстве несвойственных ей, с исследовательской точки зрения, проявлений – коллективном отдыхе и походе за продуктами, чтении писем в кругу друзей и просто знакомых. В то же самое время нежелание многих респондентов говорить на эту тему связывалось с пониманием того факта, что рассказанные ими «некрасивые» истории могут попасть на страницы будущей книги. Особенности восприятия частной жизни ее

участниками позволили отнести ее к так называемым «серым зонам»¹, в пространстве которых регистры одобрения и осуждения, эстетики поступка и его этичности вписывались не столько в интерьер эпохи, сколько во внутреннюю морфологию межличностных отношений и их прагматического восприятия.

Обращение к частной жизни советского человека в 1941–1945 гг. актуализируется появлением новых подходов в современной историографии и вводом в научный оборот новых источников. Они позволяют переосмыслить, во-первых, представления о самом советском обществе, его характере и степени подконтрольности государству, во-вторых, поведение и психологию человека на войне как экстремальной ситуации. В то же время их изучение в достаточной степени затруднено как социально-психологическими обстоятельствами, выражающимися в сохранении многочисленных табу на изучение военной темы, так и сугубо профессиональными трудностями, связанными со сложностями сбора необходимого эмпирического материала о данной сфере, нередко и сегодня сохраняющей «закрытый» характер.

Полученные результаты позволят выработать необходимые методики изучения частной жизни советского человека не только в военные годы, но и в другие, мирные периоды его существования. Осуществление указанных задач будет не только способствовать решению сложной и малоизученной исследовательской проблемы, но и расширит горизонты привычного восприятия истории Великой Отечественной войны и советского общества в целом. Анализ вопросов частной жизни советского человека в условиях военного времени дает возможность представить ее общую эволюцию, выделить в ней наиболее устойчивые и изменчивые элементы, а также закрепить за сферой приватного право полноценного участника постижения прошлого. Надеемся, что книга встретит благосклонный отклик заинтересованного читателя и профессионального сообщества, мысленному диалогу с которым она во многом обязана своим появлением.

Авторами разделов книги являются:

Предисловие – *Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина*

Глава 1: 1.1, 1.2 – *Е.Ф. Кринко*, 1.3 – *Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина*

Глава 2: 2.1, 2.2. – *Т.П. Хлынина*.

Глава 3: 3.1 – *Е.Ф. Кринко*, 3.2 – *И.Г. Тажидинова*

Глава 4: 4.1 – *И.Г. Тажидинова*, 4.2 – *Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина*, 4.3 – *Е.Ф. Кринко*

Глава 5: 5.1, 5.2 – *И.Г. Тажидинова*

Глава 6: 6.1, 6.2, 6.3 – *Т.П. Хлынина*

Глава 7: 7.1, 7.2, 7.3 – *Е.Ф. Кринко*

Глава 8: 8.1, 8.2 – *И.Г. Тажидинова*

Заключение – *Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина*

¹ Термин, используемый итальянским философом Дж. Агамбеном для характеристики отношений, складывавшихся в лагере между жертвами и палачами, который выводит их за пределы «невозможности суждений» // *Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*. М., 2012. С. 20.

Глава 1

ЧТО ПИШУТ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИСТОРИКИ, СООБЩАЮТ ИСТОЧНИКИ И ПОМНЯТ ОЧЕВИДЦЫ

Советское прошлое постепенно освобождается от обволакивающих его историографических стереотипов, сквозь призму которых оно представало то идиллией социальной гармонии, основанной на взаимопонимании и взаимопомощи между людьми, то пугающим режимным объектом, погруженным в атмосферу постоянного страха и подозрительности. Обе крайности все еще находят поддержку среди сторонников разных идеологий: от государственно-патерналистской, апологетизирующей советские достижения, до либерально-индивидуалистической, их категорически отвергающей. И все же на смену идеологическим штампам приходит более достоверная система представлений, глубокая переработка прошлого позволяет «вписать» его в общую логику развития и соединить с настоящим. За последние годы отечественными и зарубежными исследователями накоплен значительный опыт переосмысления советской истории, опирающийся на новые подходы и новые комплексы источников, которым прежде не уделялось значительного внимания. Наиболее важным представляется изменение самого фокуса исследований: с политизированной истории государства и его институтов – на повседневный мир взаимоотношений и чувств «обычных» граждан, с их массового, стереотипного поведения – на индивидуальные предпочтения и стратегии решения стоявших перед ними задач.

Особый интерес вызывает разработка различных сюжетов частной жизни, в пространстве которой человек зачастую оставался предоставленным самому себе. Локализуясь на микросоциальном уровне – в границах дома, семьи, круга близких, друзей и знакомых, частная жизнь, тем самым, оказывалась автономной, наиболее независимой от государства сферой человеческой жизнедеятельности. Она существовала во всех сложно структурированных социальных системах, но пределы индивидуальных возможностей человека отличались, как отличалась степень и формы контроля государства над его существованием. Обращение к истории частной жизни представляется важным и необходимым условием понимания сущности советского строя, механизмов его эволюции и все еще сохраняющегося обаяния. Помимо расширения общих представлений о прошлом и путях его постижения, данный подход позволяет увидеть советских граждан в совершенно ином ракурсе и понять, чем был советский проект для конкретного человека.

1.1. Частная жизнь как предмет изучения

Изучение частной жизни как самостоятельное исследовательское направление сформировалось сравнительно недавно, но имеет достаточно длительную предысторию. Первые работы, посвященные частной жизни, появились еще

в XVIII в. Среди них был изданный в 1781 г. в Лондоне четырехтомный труд «Частная жизнь Людовика XV, или Основные события, подробности и анекдоты его правления». Годом позже во Франции вышли три тома «Истории частной жизни французов от истоков до наших дней», оставшейся незавершенной. В последующие полтора столетия словосочетание «частная жизнь» не раз фигурировало в названиях различных публикаций. Например, в той же Франции с 1938 г. издательство «Nachette» выпускало серию книг «Частные жизни», посвященных известным историческим деятелям (Людовику XIV, Мирабо, Марии-Антуанетте) и писателям (Жорж Санд, Шатобриану, Бальзаку)¹.

Эти и другие подобные им работы отразили два основных подхода, первоначально сложившихся в изучении частной жизни. Более многочисленные представители первого из них описывали тайные любовные похождения знаменитостей в работах скорее популярного, чем научного жанра, призванных удовлетворить потребности массового читателя в таких сведениях. Сторонники второго подхода, склонные к этнографическим обобщениям, рассматривали историю частной жизни как историю быта и нравов. По словам Ю.Л. Бессмертного, из таких книг «читатель может узнать, как люди ели и пили, как одевались, как устраивали свое жилье, с кем встречались на пирушках, как сидели за столом, в каких кроватях спали, чем укрывались и т.п.». Поскольку лучше всего в источниках была представлена жизнь знати, «именно о ней и шла речь в подавляющем большинстве упомянутых работ»².

В России публикации на данную тему выходили, начиная с XIX в., и были представлены как переводными работами, так и оригинальными исследованиями отечественных историков³. Среди последних выделяются основательные труды И.Е. Забелина, тщательно описавшего внутренний распорядок и взаимоотношения обитателей Московского двора⁴. В популярном очерке Н.И. Костомарова рассказывалось о семейной жизни, праздниках, играх, забавах и увеселениях русского народа⁵. Но в основном русские историки изучали семейные взаимоотношения и семейные порядки знати. Семейные истории представителей социальных низов значительно реже находили отражение на страницах их книг: в большинстве работ, изданных в дореволюционный период, «народ безмолвствовал».

В конце XIX в. быт стал рассматриваться в передовой общественной мысли как «темное царство» застоя и рутины, и русская интеллигенция повела решительную борьбу с этим миром пошлости и мещанства. Позже волны борьбы с бытом

¹ Неклюдова М.С. «История частной жизни»: генеалогия одного издательского проекта // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10. С. 61–63.

² Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 11.

³ Гюльманн К.Д. Общественная и частная жизнь в европейских городах средних веков. СПб., 1839; Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848; Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895 и др.

⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869; *Его же*. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895.

⁵ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.

периодически возникали в советской России. Критическое отношение к тому, что выходило за пределы общественно значимой деятельности, характеризует и советскую историографию. При подготовке фундаментальных трудов по истории рабочего класса и колхозного крестьянства описания их культуры и материально-бытового положения неизменно занимали последние страницы¹. Изложение рассматриваемых вопросов находилось под значительным влиянием идеологии, а все бытовые проблемы объяснялись сохранением «пережитков» прошлого или «нарушением принципов социализма». Тем не менее в работах советских авторов приводилось немало сведений о складывании социалистического образа жизни и новых форм досуга граждан СССР, решении женского вопроса².

Специалисты связывают становление исследований частной жизни как самостоятельного научного направления в западной историографии с дискуссией, возникшей вокруг переведенных в конце 1980-х гг. на английский язык двух ключевых трудов³. Первой по времени появления стала книга Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы», опубликованная в Германии еще в 1962 г., а в Великобритании в 1989 г.⁴ Пяти томный труд «История частной жизни», изданный в Париже в 1985–1987 гг. под общей редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби, вышел в английском переводе в 1987–1991 гг.⁵ Хабермас ввел само понятие публичной сферы, связанной с циркулирующей независимой от государства информации, обосновал «прорастание» в нее частной сферы и формирование на этой основе гражданского общества, что имело принципиальное значение для выяснения соотношений частного и публичного. Французские историки в своем коллективном труде решали масштабные задачи исследования частной жизни на протяжении двух тысячелетий, в основном, на материалах Европы, посвятив каждой исторической эпохе отдельный том.

Методологической основой для научной разработки проблем частной жизни стало появление новых подходов и направлений в современной историографии⁶. Объединяющим началом большинства из них, невзирая на существующие отличия, стало возвращение истории «человеческого измерения», выразившееся в становле-

¹ История советского крестьянства: в 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1987; История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 3. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1984.

² Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функциях быта // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003. С. 122–141.

³ Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3. С. 164.

⁴ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a / M., 1962. Англ. изд.: Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.

⁵ Histoire de la vie privée. Vol. 1–5. Paris, 1985–1987. Англ. изд.: A History of Private Life. Vol. 1–5. Cambridge, 1987–1991.

⁶ Подробнее см.: Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. С. 20–32; Ее же. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 248–262 и др.

нии исторической антропологии. По словам Ж. Ле Гоффа, историческая антропология представляет собой «общую глобальную концепцию истории. Она охватывает все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропология»¹. Различными направлениями данного подхода выступают французская историческая школа «Анналов» (в рамках которой выделилась новая историческая наука), британская историческая антропология и возникшая в США новая культурная история, а среди отечественных исследователей к его представителям в первую очередь следует отнести А.Я. Гуревича. Хотя методологического единства подобного тому, которое, например, отличало советскую историографию, опиравшуюся на марксизм, никогда не существовало не только между разными направлениями, но и внутри них.

Выступая результатом тесного междисциплинарного взаимодействия с этнологами, психологами и лингвистами, историческая антропология способствовала расширению «территории историка». В проблематику исследований оказались включены восприятие жизни и смерти, болезней и телесности, возрастных периодов (особенно детства и старости), различные социальные практики, системы питания и манеры поведения, праздники и будни, ритуалы и церемонии, социальные страхи и другие темы, находившиеся прежде за пределами внимания профессиональных историков. Отличительной особенностью данного подхода являлось стремление понять социальные процессы с позиций их непосредственных участников.

Историческая антропология способствовала привлечению исследовательского внимания к вопросам межличностного и межгруппового взаимодействия, что стало предпосылкой и для разработки истории частной жизни. Историкам удалось показать, что в разные времена по-разному истолковывались такие ее проявления как любовь и ненависть, дружба и внутрисемейные отношений. Неизбежно встал вопрос о переосмыслении всех других форм и проявлений частной жизни «как элементов единой и взаимосвязанной системы поведенческих стереотипов, подверженной периодическим изменениям»².

Тесно связана с изучением частной жизни история повседневности. настолько тесно, что отдельные авторы не видят между ними различий. По словам Ш. Фицпатрик, некоторые «подразумевают под “повседневностью” главным образом сферу частной жизни, охватывающую вопросы семьи, домашнего быта, воспитания детей, досуга, дружеских связей и круга общения»³. Однако большинство исследователей полагает, что история повседневности охватывает все-таки более широкий круг вопросов, не сводимых к частной или семейной жизни, включая, например, трудовую деятельность или общественные церемонии⁴. А.А. Преображенский считает, что

¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа Анналов. М., 1993. С. 297.

² Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений. С. 12.

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. М., 2001. С. 7.

⁴ См. подробнее: Крячко Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. как предмет изучения в современной историографии // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7. Минск, 2012. С. 268–274.

частная жизнь человека «всегда была включена в его повседневность. И немало зависела от нее»¹. Рассматривая соотношение данных понятий, Н.Л. Пушкарёва отмечала: «Именно изучение повседневности под углом зрения социальной антропологии заставило историков определить роль и значение частной жизни людей». Следует согласиться с ее мнением о том, что сферы повседневной и частной жизни во многом пересекаются, но полностью не совпадают, между ними сохраняются отличия: «Историк частной жизни изучает лишь одну из сфер повседневной жизни – а именно ту, которая зависит от индивидуальных, частных решений». В то же время повседневность нельзя свести только к сфере частного, так как ее отдельные стороны принадлежат публичной жизни².

Достаточно близка к истории частной жизни и микроистория – направление, обращающее внимание на судьбы отдельных людей, не попадающих в разряд «замечательных», или небольших социальных групп, локализованных в рамках определенного исторического времени и пространства. Через их жизненные истории микроисторики стремятся постичь пространство существовавших возможностей, степень свободы и несвободы индивида в заданных политических, социально-экономических и этнокультурных обстоятельствах. При этом один из основателей данного подхода Дж. Леви отмечал, что микроистория означает «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях»³. Собственно говоря, это в значительной степени присуще и истории частной жизни. Обращаясь к мотивам поступков конкретных людей, она неизбежно выходит на микроисторический уровень. Но соотношение и взаимосвязь истории частной жизни с микроисторией представляются иными, чем с историей повседневности: микроистория выступает для нее скорее методом исследований, одним из основных способов постижения прошлого. По словам другого представителя микроистории Х. Медика, «приверженность к особенностям жизненных и бытовых деталей и к истории маленького и захолустного локального общества никоим образом не исключает выхода как на масштабные исторические взаимосвязи, так и на обсуждение общих исторических проблем. Напротив, она сообщает им новое качество»⁴.

Сложившаяся под влиянием феминизма история женщин первоначально стремилась к «восстановлению» их исторического существования, «вычеркнутого» из «мужской» историографии. Позже Дж. Келли переформулировала задачу: «Дело не только в том, чтобы “вернуть истории женщин”, но прежде всего в том, чтобы “вернуть женщинам историю”»⁵. Речь шла о том, что у женщин есть своя история, но она совершенно иная, чем у мужчин, а значит, требует других методов и подходов к ее изучению. В 1980-е гг. в рамках истории женщин возникло новое исследовательское направление, в котором ключевой категорией анализа

¹ Стоит ли копаться в «грязном белье»... (Российские историки размышляют над проблемами «истории частной жизни») // Родина. 1996. № 12. С. 81.

² Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 98, 100.

³ Цит. по: Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 193.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 172.

стал «гендер», подчеркивавший социальный, а не биологический характер неравенства между полами. Согласно гендерному подходу, гендерная иерархия и гендерно-обусловленные модели поведения задаются не природой, а обществом, предписываются социальными нормами. Гендерное сознание воспроизводится на индивидуальном уровне и поддерживает сложившуюся систему отношений господства и подчинения во всех сферах¹.

Основные теоретико-методологические положения данного подхода сформулировала Дж. Скотт. Она считала, что гендер составляют «четыре неразрывных взаимосвязанных компонента: культурные символы, вызывающие множественные и зачастую противоречивые образы; нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций смысловых значений этих символов и находят свое выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации (не только система родства, семья и домохозяйство, но и такие сексуально-дифференцированные институты, как рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство); а также самоидентификация личности»². В результате предметом гендерных исследований оказываются не столько сами женщины и мужчины, сколько отношения между полами. Обращение к внутреннему миру человека, поиск нового смысла во взаимоотношениях мужчины и женщины, анализ их специфических статусов и ролей превращают гендерную историю в «родственное» для истории частной жизни направление, в то же время существующее самостоятельно и обладающее собственной исследовательской методологией.

Проблематика демографической или демосоциальной истории, прежде всего истории семьи, была в значительной степени задана трудами Э. Шортера, Ж.-Л. Фландрена и Л. Стоуна, вышедшими в середине 1970-х гг. На материалах Средневековья и раннего Нового времени они подняли широкий круг вопросов, которые можно свести к нескольким группам проблем: структуры семьи и домохозяйства, распределение прав и обязанностей, характер внутрисемейных отношений, в том числе материальных, эмоциональных, сексуальных³. Данные вопросы актуальны и для истории частной жизни, однако предмет ее изучения только к ним не сводится, а особенности используемых методов исследований позволяют сохранять обособленность этим историческим направлениям.

«Реабилитация» частной жизни в российской историографии произошла в 1990-е гг., когда изменились исследовательские приоритеты и стали более доступны работы зарубежных авторов. Неслучайно, что «пионерами» в изучении данной темы оказались специалисты в области всеобщей истории, прежде всего европейского средневековья, всегда в большей степени, чем исследователи истории России,

¹ Репина Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Альманах гендерной истории. Адам и Ева. СПб., 2003. С. 8.

² Цит. по: Репина Л.П. История женщин и гендерная история на рубеже веков: итоги и перспективы развития. (Аналитический обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. М., 2001. Ч. 2. С. 107.

³ Репина Л.П. История женщин сегодня. Историографические заметки // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. С. 39.

ориентированные на зарубежную историографию. В Институте всеобщей истории РАН в течение нескольких лет работал специальный семинар под руководством Ю.Л. Бессмертного, результаты которого нашли отражение в ряде коллективных трудов. В них преимущественно на материалах европейского Средневековья рассматривались темы любви, брака и семьи, взаимоотношений с близкими и родными, эмоциональная сфера жизни человека¹. Еще две коллективные работы стали итогами российско-немецких коллоквиумов, проведенных совместно с Институтом истории общества им. Макса Планка и посвященных повседневному поведению человека прошлого у себя дома, в кругу родных и друзей². Вышедшие в эти годы первые работы по истории частной жизни в России также были ограничены, как правило, дореволюционной эпохой³. В настоящее время в Институте всеобщей истории РАН продолжает действовать выросшее из семинара Ю.Л. Бессмертного специальное научное подразделение – центр «История частной жизни и повседневности» (руководитель – И.Н. Данилевский). С 1996 г. центр издает исторический альманах «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории», акцентирующий внимание читателей на проблемах микроистории, индивидуального и исключительного в истории.

Однако проблемы определения того, что представляет собой частная жизнь, сохраняют свою актуальность. По словам Е.Ю. Зубковой, «первая трудность, с которой сталкивается каждый, кто обращает внимание на историю частной жизни, начинается с попытки определить свойства самого предмета, не имеющего четких границ и строгих содержательных смыслов»⁴. Следует учитывать и то, что сами представления о частной жизни менялись с течением времени, что затрудняет выработку единой дефиниции. В упоминавшемся фундаментальном труде под редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби от таких обобщающих дефиниций просто отказались даже в рамках отдельных томов: различные авторы предлагают свои определения частной жизни для разных эпох и народов.

В русском языке исходным понятием для рассматриваемого термина является слово «часть», которое определяется в толковом словаре В.И. Даля как «доля целого, дробь, не все или не целое, отдел, отрез; пай, доля соби в чем». Прилагательное «частный» рассматривается как «к части относящийся». Частный случай противопоставляется общему, общественному или государственному, как дело «лично чье-либо»⁵. Содержит словарь и определение понятия «приватный» (от латинского *privatus* – частный, производное от латинского же *privare* – освобождать). Оно харак-

¹ Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000.

² Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени). М., 2000; В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала Нового времени. М., 2003.

³ Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. X – начало XIX в. М., 1997.

⁴ Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения. С. 158.

⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1956. С. 583.

теризуется как «частный, особенный, личный, домашний» и противопоставляется понятиям «общий, общественный, гласный, народный, казенный, служебный»¹. Приватный человек рассматривается как человек, живущий сам по себе, т.е. неофициально, без государственной должности, партикулярно, неформально.

Современные российские исследователи, как и их зарубежные коллеги, дают различные определения частной жизни. Многие связывают ее с реализацией индивидуальных, личных потребностей человека. Н.Л. Пушкарёва так определяет «сверхзадачу» историка частной жизни: «поиск ответа на вопрос, как индивидуальные интенции вписываются в систему коллективного принуждения». Она рассматривает в качестве частной ту сферу «жизни и быта людей, которая зависит от индивидуальных, частных решений»². Е.Ю. Зубкова считает, что частная сфера – это «территория индивида, его личное жизненное пространство. Это его “убежище”, независимо от того, материализовалось оно в виде дома, семьи или существовало только виртуально, в сознании человека»³.

При этом традиционное понимание частной жизни, основанное на ее противопоставлении общественной, публичной сфере, уже не считается продуктивным. Действительно, многие элементы частной и публичной сфер тесно пересекаются и переплетаются, и разграничить их оказывается не всегда возможно. Например, основные права и обязанности членов семьи регламентируются установленными государством правовыми нормами, а возникновение и прекращение брачных отношений регистрируется органами власти или церковью. Поэтому вопрос о полном обособлении частной и публичной сфер в современной историографии не ставится: «Частное и публичное рассматриваются либо как перемещающиеся в едином континууме сферы, либо как обращенные друг к другу (взаимно ориентированные) стороны социальной жизни»⁴. Эта «прозрачность» границ между частной и общественно-государственными сферами, между приватным и публичным в жизни человека становится особенно очевидной на материалах советской истории военного времени.

Вызывает дискуссии и вопрос о взаимосвязи частной и личной жизни. Если частная сфера как совокупность эмоциональных отношений и связей, основанных на личных пристрастиях, существовала всегда, то понятие личной жизни появилось лишь в Новое время, до этого человек воспринимался как представитель определенного сословия, социoproфессиональной, этнокультурной или кланово-корпоративной группы, а не как личность. В советскую эпоху данные понятия противопоставлялись: «частный» имело отрицательную коннотацию (как противопоставленный общественному, а «личный» было нейтральным. «Личная собственность» в советском обществе допускалась, а «частная» если не вовсе за-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. С. 401.

² Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий. С. 98.

³ Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения. С. 160.

⁴ Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема. С. 27.

прещалась, то ограничивалась»¹. В настоящее время данные понятия нередко рассматриваются как синонимы, обозначающие индивидуальное развитие человека, не связанное с его работой. Другие авторы настаивают на их разделении: «Конечно, обе дефиниции во многом пересекаются, однако личная жизнь является лишь *аспектом* жизни частной. Частная жизнь охватывает не только внутреннюю жизнь человека, но и сферу межличностных отношений. Личная жизнь – это вообще самое потаенное, это любые формы крайнего уединения, ухода в свой собственный внутренний мир»².

Не существует единства мнений и по содержательной наполняемости частной жизни. Большинство историков сходятся в том, что ее основу составляют семья и брак, интимность в широком смысле слова и сексуальность как ее более узкое проявление³. Л.П. Репина отмечает: «Если ставится задача очертить поле исследования, которое можно с большой степенью определенности назвать *пространством* частной жизни, то в первую очередь, естественно, предлагается ограничить его домашним / семейным кругом, что наиболее соответствует реалиям античной эпохи с ее противопоставлением “ойкоса” и “полиса”, но и здесь этим пространством личные, частные отношения, естественно, не исчерпываются». Для Средних веков и раннего Нового времени Л.П. Репина предполагает возможным дополнительно включить в пространство частной жизни межличностные отношения вне дома и домохозяйства, родственные, дружеские и соседские связи⁴.

Ю.Л. Бессмертный включал в состав «не-публичной – частной (или квази-частной) сферы в Европе до начала нового времени» следующие элементы: «а) прямую связь с отношениями по поводу рождения детей; б) непосредственно личные связи между любовниками, родичами, побратимами, а также между соратниками по частному военному союзу или участниками религиозного братства; в) индивидуальное или групповое пристрастие к какой-либо игре или спорту или любой иной форме непроизводственной или не-политической деятельности; г) погруженность индивида в мир эмоций и сокровенного, например, в связи с религиозным обетом или переживаниями, вызванными изменениями в собственном физическом (или душевном) состоянии». В то же время он подчеркивал, что «недостаточно уяснить структуру элементов частной жизни». По его мнению, задача заключается «еще и в том, чтобы исследовать, насколько отдельный индивид был в состоянии действовать “по-своему”, отклоняясь от предписанных обычаев. Иначе говоря, важно представлять пределы самостоятельности индивида в разные эпохи и механизм формирования его решений, особенно тех, которые расходились с нормой»⁵.

¹ См.: Утехин И. Особенности неуклонного роста в условиях зрелости // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54).

² Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий. С. 106.

³ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 261.

⁴ Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема. С. 27–28.

⁵ Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений. С. 12.

В последнее время исследователи обратились и к частной жизни советского человека, что обусловило появление первых историографических обзоров¹. Разработка данной проблемы свидетельствует о преодолении историографических стереотипов, согласно которым советский человек находился под тотальным государственным контролем и не имел внутренней свободы, без которой, считается, невозможна реализация частной жизни.

В ряде работ, охватывающих широкий хронологический отрезок советской и российской истории, частная жизнь характеризуется в контексте развития брачно-семейных и интимных, сексуальных отношений². Следует упомянуть о работах демографов, не затрагивавших частной жизни, но проанализировавших на материалах переписей населения и текущей статистики тесно связанные с ней вопросы динамики брачности и рождаемости, детской и материнской смертности, разводов и изменения типа семьи³. Представляет интерес и работы, сопоставляющие решение репродуктивных и половых проблем в СССР и нацистской Германии в контексте осуществлявшейся семейной политики в обоих государствах⁴.

Внимание исследователей привлекают условия, в которых протекала частная жизнь советского человека. Появляются интересные работы, где новый быт вписывается в контекст породившей его эпохи и идеологических баталий советского времени⁵. Предметом осмысления становятся и такие его символы как коммунальная квартира. И.В. Утехин увидел в ней специфическое пространство с присущим ему особым внутренним миром, ставшим для советского человека не только суровой школой выживания, но и опытом единичного существования в коллективе⁶. Продолжением обозначенной им темы стали работы, посвященные вопросам организации и освоения жилого пространства, практикам совладения с жилищными трудностями⁷. В последние годы пересматривается и сама жилищная

¹ *Зубкова Е.Ю.* Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения. С. 157–167; *Krinko E.F.* Private Life of Soviet Man during Wartime: Historiography and Problem Origin // *European Researcher*. 2012. Vol. (33). № 11–1. P. 1858–1863 и др.

² *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997; *Чуйкина С.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х гг. // В поисках сексуальности. СПб., 2002. С. 99–128; *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России // *Социологические исследования*. 2004. № 6. С. 89–97; Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. В 2 кн. М., 2004 и др.

³ Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992; Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; *Вербицкая О.М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009 и др.

⁴ *Хоффман Д.Л., Тимм А.Ф.* Биополитическая утопия. Репродуктивная политика, гендер и сексуальность в нацистской Германии и Советском Союзе // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011. С. 109–165.

⁵ *Корна Л.Л.* Архитектура и утопия: упущенная встреча. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3559> (дата обращения: 14.09.2013); *Посадская Л.А.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). М., 2013.

⁶ *Утехин И.* Очерки коммунального быта. М., 2001.

⁷ *Герасимова Е.Ю.* Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда-Ленинграда, 1917–1991): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Жилище

политика советского государства¹, ставшая, по мнению М.Г. Мееровича, «мощным и эффективным средством управления людьми»².

Попытку охарактеризовать историю советской России как совокупность окружающих человека житейских мелочей предприняла Н.Б. Лебина. Жизнь советских людей предстает в ее изображении множеством вещей, понятий, знаков и символов, образующих единую систему со своей внутренней логикой. Она включает и материальное измерение (жилье, одежда, предметы обихода, средства передвижения), и церемонии (браки, похороны, праздники, досуг), и государственные решения (алкогольная монополия, запрет на аборты)³. В.Э. Багдасарян и И.Б. Орлов исследовали распространение алкоголизма и «пьяную культуру» в советской России⁴. О.Ю. Гурова рассматривает советский социум сквозь призму его отношения к нижнему белью. Как максимально близкая человеку вещь, нижнее белье стало примером адаптации и переписывания идеологических постулатов, символическим жестом, заменившим советскому человеку другие проявления гражданской свободы, превратившись в арену баталий между государством и человеком⁵.

Работ, посвященных частной жизни советского человека непосредственно в условиях военного времени как самостоятельному предмету исследований, пока еще вышло немного. В них отмечается сужение пространства частной жизни как сферы, в которой реализовывались индивидуальные потребности советского человека, поскольку власть стремилась расширить пределы своего влияния и прямым вмешательством, административно-правовым регулированием, и при помощи косвенных приемов, использования мобилизационных, агитационно-пропагандистских средств⁶.

В данной связи необходимо отметить работы Е.С. Сенявской, первой в современной историографии с новых позиций осмыслившей духовный облик фронтовика как комбатанта («человека воюющего»). Хотя она не ставила специальных задач изучения частной жизни фронтовиков, но в ее публикациях приводится немало сведений об особенностях военного быта представителей различных воинских специальностей, роли религии и атеизма на войне, солдатских суевериях и других

в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001; *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002; *Хлынина Т.П.* Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. (Статья первая) // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2013. № 1 (27). С. 61–70; *Ее же.* Living Space and Its Arrangement in Wartime (The second article) // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2013. № 29 (3). С. 62–68 и др.

¹ *Хлынина Т.П.* Жизнь в эпоху перемен, или О том, как в 1920-е – 1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос // *Современные проблемы сервиса и туризма.* 2013. № 3. С. 54–62.

² *Меерович М.* Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. С. 5.

³ *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.

⁴ *Багдасарян В.Э., Орлов И.Б.* Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005.

⁵ *Гурова О.Ю.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

⁶ *Кринко Е.Ф.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство и границы // *Народы юга России в отечественных войнах: мат-лы Междунар. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону).* Ростов н/Д, 2012. С. 264–270.

аспектах, которые могут быть в полной мере отнесены к рассматриваемой проблеме¹. Именно по инициативе Е.С. Сенявской был проведен ряд круглых столов по военно-исторической антропологии, призванных способствовать ее институционализации как комплексного междисциплинарного направления о поведении человека на войне. Изданные по итогам их работы материалы стали важнейшими историографическими фактами в изучении военной истории в рамках антропологического подхода².

В ряде других специальных публикаций рассматриваются особенности проявлений любви, дружбы и других чувств, самоидентификации и самореализации личности, ценности вещей в военное время³. Самостоятельным исследовательским сюжетом становится осмысление переписки как важнейшего неформального коммуникационного канала и практически единственно возможного средства удовлетворения потребностей в общении для многих советских граждан в условиях военного времени. Особенно показательной в данном отношении является переписка фронтовиков с заочно знакомыми девушками в 1941–1945 гг.⁴ В то же время своеобразное табу все еще сохраняется над изучением ряда других вопросов, например, гомосексуализма, подвергавшегося в СССР уголовным преследованиям.

Исследование участия женщин в Великой Отечественной войне в советской историографии фактически сводилось к описаниям боевого пути наиболее успешных женских воинских частей, а также совершенных женщинами боевых и трудовых подвигов⁵. Пожалуй, первой среди отечественных авторов специфически женский взгляд на войну представила белорусская писательница С.А. Алексиевич в книге, написанной на основе собранных ею лично интервью. Автор отмечала: «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война захватывала, как действие,

¹ Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М., 1995; *Ее же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997 и др.

² Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005; Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения. Ежегодник. 2005/2006. М., 2006.

³ Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. Магнитогорск, 2010. С. 497–514; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011 и др.

⁴ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. «Сердце выслать не могу», или О повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д, 2009. С. 168–187; Тажидинова И.Г. «А писать им надо обязательно о любви...» // Родина. 2012. № 3. С. 149–153 и др.

⁵ Николаева К.И., Карасева Л.М. Великая Отечественная война и советская женщина. М., 1941; Мишакова О.П. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1943; Девушки-воины. Очерки о девушках – героинях Великой Отечественной войны. М., 1944; Героини войны (Очерки о женщинах – Героинях Советского Союза). М., 1963; Саркисов А. Героические дочери Кавказа. Баку, 1965; Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974; Галаган В.Я. Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1986 и др.

то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила “мужской” быт войны»¹. Впервые С.А. Алексиевич указала и на трудности службы женщин в рядах РККА, в том числе вследствие проблем взаимоотношений полов, а также на проблемы, возникавшие при их последующем возвращении с фронта домой.

В 1990-е гг. разработка «женской темы» на материалах Второй мировой войны получила новое звучание прежде всего в англоязычной историографии в связи с использованием гендерных и феминистических подходов. Их сторонники акцентируют внимание на трагизме женского военного опыта, связанного с сексуальным и другими видами насилия. Несмотря на всю неоднозначность выводов авторов данных исследований, они ставят ряд важных вопросов о проблеме интерпретации и интериоризации травмы, дискурсивной природы и идеологической детерминации исторической памяти. Исследователи раскрывают непростые судьбы женщин в концлагерях, гетто и партизанских отрядах². В последние годы появились работы, посвященные трудностям воинской службы женщин в рядах Красной армии, проблемам взаимоотношений полов в ее рядах, включая и существование так называемых ППЖ («походно-полевых жен»)³. Среди них выделяется монография австралийских историков Р. Марквика и Э. Шарон Кардоне⁴. В то же время ряд работ российских исследователей на данную тему, включая диссертационные исследования, выполненные на материалах отдельных регионов, даже если и содержит упоминание о гендере, написаны, скорее, в духе традиционного подхода: их авторы по-прежнему высчитывают количество женщин, сражавшихся на фронте и работавших в тылу, приводят примеры их героизма, анализируют женский вклад в дело Победы. С другой стороны, в условиях отсутствия цензуры и снижения издательской культуры вышли публикации, содержащие откровенные домыслы по указанному вопросу⁵.

¹ Алексиевич С. У войны не женское лицо... М., 1988. С. 10–11.

² Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002; Женщины на краю Европы. Минск, 2003 и др.

³ Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; Кринко Е.Ф., Реброва И.Г., Тажидинова И.Г. Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в годы Великой Отечественной войны // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2008. С. 257–265; Тажидинова И.Г. Женщины в армии: свидетельства мужчин-комбатантов // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2013. С. 259–266 и др.

⁴ Markwick R.D. and Charon Cardona E. Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke, 2012. На рус. языке опубликована статья указанных авторов, посвященная судьбе 1-й запасной женской стрелковой бригады в годы Великой Отечественной войны. См.: Кардоне Э.Ш., Марвик Р.Д. «Нашу бригаду не пошлют на фронт»: советские женщины в Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 144–167.

⁵ См.: Грейг Олег, Грейг Ольга. Походно-полевые жены. М., 2005. Это настоящий порнографический роман, в котором для «достоверности» используются имена реальных участников войны, в том числе, личного состава знаменитого 588-го (45-го гвардейского) ночного бомбардировочного авиационного полка. Его ветеранам пришлось обращаться в суд для восста-

В советской историографии не раз указывалось, что в период нацистской оккупации части территории СССР захватчики совершали массовые убийства и истязания советских граждан, включая и изнасилования женщин. Однако сексуальному насилию оккупантов уделялось значительно меньше внимания, чем другим видам воинских преступлений, вследствие сложившихся представлений о морали в советском обществе. Например, подготовленные еще в 1943 г. Комиссией по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области документы об организации гитлеровцами публичных домов так и не были опубликованы – ни отдельным сборником, как первоначально планировалось¹, ни в составе других документальных изданий². Обращает на себя внимание то, что практически не использовался образ подвергавшейся насилию оккупантов молодой девушки или женщины и в советских плакатах военного времени, в отличие от нацистской пропаганды, нередко подчеркивавшей сексуальную похотливость большевиков. Ничего не говорилось в советской историографии о дальнейшей судьбе советских женщин, подвергшихся такому сексуальному насилию. Данная тема оставалась практически неизученной.

Эти «белые пятна» отчасти устраняет монография швейцарской исследовательницы Б. Бек, раскрывающая масштаб сексуальных преступлений в вермахте в годы Второй мировой войны и уголовной ответственности за них в различных оккупированных странах. Она также указывает на значительное количество интимных контактов немецких военнослужащих с русскими и украинскими женщинами без применения насилия, распространение так называемых «незарегистрированных супружеских пар»³. Появились и в России первые работы, рассказывающие о прежде табуированных вопросах вступления советских женщин в добровольные интимные отношения с военнослужащими вермахта и других стран – союзниц Третьего рейха в период оккупации и позже, когда они находились в советском плену⁴.

Широкую дискуссию в последнее время вызвал вопрос о массовых изнасилованиях, совершенных бойцами и командирами Красной армии в Германии и других европейских странах. В значительной степени она была вызвана книгой английского историка Э. Бивора, который полагает, что только в Берлине советские военнослужащие совершили 100 тыс. изнасилований, а всего были

новления своей репутации. В мемуарах непосредственных участников событий разоблачались «лживые обвинения», «глупые некомпетентные утверждения» и «чудовищная чушь» авторов, направленные «на оскорбление нашего народа, его полководцев, славных героев-партизан, всех наших женщин – тружениц тыла». См.: *Дрягина И.В.* Записки летчицы У-2. Женщины-авиаторы в годы Великой Отечественной войны. 1942–1945. М., 2007. С. 6.

¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 16, 16а.

² Отомстим! О зверствах фашистов в Ростовской области. Ростов н/Д, 1944 и др.

³ *Beck B.* Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–1945 (Krieg in der Geschichte. Band 18). Schöningh, 2004.

⁴ *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2. С. 114–119; *Васильченко А.* Секс в Третьем рейхе. М., 2005; *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. В. Новгород, 2009 и др.

изнасилованы 2 млн немецких женщин, многие по несколько раз¹. Эти цифры вызвали резкую критику его оппонентов, справедливо указывающих на необоснованность использования для данных выводов статистики аборт в отдельных госпиталях, тем более ее экстраполяции на остальную Германию. В современной российской историографии признаются факты мародерства и насилия со стороны отдельных военнослужащих РККА, но отмечается, что советское командование стремилось строго пресечь данные действия, во многом вызванные местью и ненавистью к врагу, а подавляющее большинство советских солдат и офицеров сумело преодолеть эти чувства и проявить гуманность к гражданскому населению Германии².

Религиозная жизнь советского человека также относилась к числу наименее исследованных проблем истории Великой Отечественной войны. Специальных работ на данную тему практически не публиковалось, лишь фрагментарно она была представлена в обобщающих работах о роли религии и церкви в советском обществе. При этом апологетизировалась политика советского государства, ничего не говорилось о гонениях на церковь и верующих. Только в последние два десятилетия в ее изучении наметился существенный перелом, выразившийся в появлении целого ряда обобщающих и специальных исследований. В подавляющем большинстве своем они посвящены институциональным взаимоотношениям власти и церкви в условиях военного времени, а также развитию религиозной жизни на оккупированных советских территориях. Немало внимания уделяется вкладу церкви в победу над врагом³. Значительно меньше изучены вопросы о том, какую роль играла религия в жизни миллионов светских граждан, что представляли собой вера и суеверия на фронте и в тылу⁴.

Междисциплинарный характер изучения частной жизни обуславливает целесообразность обращения к исследованиям представителей «смежных» областей научного знания. Так, фольклорист и литературовед А.В. Гончарова проанализировала жанровую специфику рассказов о Великой Отечественной войне и их

¹ *Veavor A. Berlin. The Downfall 1945. L., 2002.*

² *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 270–275.*

³ *Одинцов М.И. Государство и церковь в России в XX веке. М., 1994; Шимон И.Я. Отношение Советского государства к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; Гущина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001; Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани. Краснодар, 2009; Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009 и др.*

⁴ *Сенявская Е.С. Солдатские суеверия на войне как пример стратегии выживания // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): мат-лы Междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 236–240 и др.*

взаимосвязь с художественной прозой 1940–1980-х гг.¹ Современные литературные критики, филологи и культурологи, анализируя поэзию и прозу периода Великой Отечественной войны, выделяют специфику формирования лирического героя в условиях военного времени².

Разумеется, указанными исследованиями не ограничивается круг работ, рассматривающих частную жизнь советского человека в условиях военного времени, ее отдельные аспекты, а также взаимосвязанные исторические сюжеты. Постепенно в современной историографии складывается понимание того, что она представляла собой сложное и многообразное историческое явление, изучение которого в значительной степени определяется возможностями существующего корпуса исторических источников.

1.2. Свидетельства эпохи: комплекс исторических источников

В отечественной историографии утвердилась иерархия исторических источников, в которой приоритетное положение традиционно занимали документы официального происхождения, считавшиеся наиболее достоверными. Напротив, источникам личного происхождения отводилось в ней место в самом конце вследствие присущей им по определению субъективности, обязательными проявлениями которой считались неточность и предвзятость содержащейся информации. В исторических трудах их использование, как правило, сводилось к дополнению или иллюстрации на конкретных примерах выводов, сформулированных на основе изучения нормативно-правовых актов и других документов. В последние годы благодаря появлению новых направлений научного поиска все чаще говорится о переменах в иерархии источников, определяемых конкретной исследовательской проблематикой. Например, в рамках исторической антропологии признается, что «для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения»³.

В изучении частной жизни советского человека в условиях военного времени главное значение также играют источники личного происхождения. Необходимость их сбора и сохранения осознавалась еще во время войны. На Всесоюзной конференции историков-архивистов, состоявшейся в Москве 1–3 июня 1943 г., была намечена широкая программа комплектования архивов документами по истории Великой Отечественной войны и их публикации⁴. Известный советский писатель

¹ Гончарова А.В. Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40–80-х годов. Тверь, 2005.

² Соцреалистический канон: сб. ст. 2000; Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 и др.

³ Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 377.

⁴ Цаплин В.В. Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Советские архивы. 1993. № 5. С. 54.

А.Н. Толстой призывал архивистов: «Нужно собирать письма, идущие с фронта, нужно собирать дневники, нужно собирать по возможности рассказы очевидцев, записывать, отдавать в архив»¹. Непосредственно в годы войны и послевоенное время, действительно, было собрано немало писем, воспоминаний, дневников участников военных событий, многие из которых затем поступили на хранение в архивы и музеи².

Однако в целом советские архивы всегда формировались как хранилища исторических свидетельств о государстве и его институтах, но не о человеке во всем многообразии его жизненных проявлений. Личные фонды в государственных архивах в большинстве случаев создавались на основе материалов, передававшихся людьми с высокими общественно-политическими или профессиональными статусами – руководителями партии и государства, наиболее известными деятелями науки и культуры. К тому же содержание данных фондов не всегда представляло интерес для исследователей частной жизни, поскольку в них преобладали личные документы – удостоверения, трудовые книжки, производственные характеристики, почетные грамоты, благодарственные письма и др.³ Например, в личных фондах артистов или режиссеров основную часть материалов нередко составляли малоинформативные для исследователей афиши или программы концертов. Одним из немногих исключений в данном отношении является Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ), основу материалов которого, помимо фондов органов центрального управления в области культуры, театров, киностудий, специализированных учебных заведений, издательств, общественных организаций, составляют именно личные фонды писателей, критиков, художников, композиторов, деятелей театра и кино. А в самих личных фондах содержится немало материалов, рассказывающих об их частной жизни.

Во многих архивах были созданы специальные коллекции документов о Великой Отечественной войне, что отражало особую значимость военной темы для советского общества. Их основу составляли материалы, переданные самими фронтовиками. Упор делался на тех, кто имел высокие государственные награды (Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы), публичную известность (руководителей и активистов ветеранских организаций), принимал участие в наиболее значимых сражениях (Московской, Сталинградской, Курской битвах, обороне Ленинграда, штурме Берлина) и других событиях войны (Параде Победы и др.) – в этих случаях инициатива о передаче документов могла исходить от самих архивистов. На хранение принимались воспоминания, письма, дневники, фотографии, личные документы и других участников войны и народного сопротивления, а также тружеников тыла. Но документы от остальных «рядовых» граждан, например, свидетелей немецкой

¹ Цит. по: *Мамонов В.М.* О собирании документов личного происхождения государственными архивами СССР // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980. С. 4.

² См.: Государственные архивы СССР. В 2 ч. М., 1989; Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. М., 1997 и др.

³ *Хлынина Т.П., Гонежук Ф.З.* Личные фонды Национального архива Республики Адыгея: практика комплектования и перспективы использования // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 36.

окупации и эвакуации или «детей войны» в архивы практически не поступали.

В настоящее время одна из самых крупных коллекций источников личного происхождения, посвященных непосредственно Великой Отечественной войне, содержится в Хранилище документов молодежных организаций Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ). В ее основе лежат письма, собранные в результате специальной акции, предпринятой в 1980 г. ЦК ВЛКСМ совместно с журналом «Юность», переданные журналом «Огонек» и поступившие непосредственно от бывших фронтовиков и их родственников. Помимо писем, в делах содержатся фотографии, воспоминания, извещения о гибели и другие документы, представляющие дополнительную информацию об участниках войны.

В 1988 г. в Москве по инициативе группы преподавателей и студентов Московского государственного историко-архивного института (в настоящее время – в составе Российского государственного гуманитарного университета) был создан Народный архив. Его сотрудники во главе с Б.С. Илизаровым собрали около 200 фондов и коллекций личного характера, рассказывающих о жизни рядовых советских граждан, их семейных историях. На данных материалах был подготовлен ряд исследований, близких по своей тематике рассматриваемой проблеме¹. Но, не имея постоянного источника финансирования, архив в 2006 г. был перевезен в помещение Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ). В результате его фонды сейчас недоступны исследователям: РГАНИ просто не имеет возможностей даже для их обработки.

В 1992 г. руководство московских архивов также решило сконцентрировать в одном хранилище уже имеющиеся и поступающие на государственное хранение документальные комплексы личного происхождения. Таким хранилищем стал Центральный архив документальных коллекций, в 2003 г. преобразованный в Центральный московский архив-музей личных собраний, а в 2013 г. – в Центр хранения документов личных собраний Центрального государственного архива города Москвы (далее – ЦХДЛС ЦГА Москвы). В настоящее время это, вероятно, единственное специализированное хранилище указанной группы источников в системе государственных архивов Российской Федерации. Особый интерес представляет его коллекция документов по истории Великой Отечественной войны². Она начала формироваться после публикации в «Красной звезде» статьи сотрудников Архивного управления Московского горисполкома с целью привлечь в архив документы ветеранов Великой Отечественной войны, которые предполагалось объединить в коллекцию «Письма с фронта и на фронт»³. Позже в коллекцию вошли крупные документальные комплексы В.И. Алексашина,

¹ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996; Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Илизаров Б.С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М.; СПб., 2007 и др.

² ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1–5. Д. 1–287.

³ Трусова Е.А., Кашкина Э.Л. Сохранить для потомков // Красная звезда. 1985. 4 октября.

Б.П. Баянова, А.И. Ёлкина, В.М. Штерна, другие воспоминания, рассказы, дневники, фотографии¹.

Отношение к источникам личного происхождения изменилось и во многих других архивах. Широко включились в сбор данных материалов, наряду с государственными, негосударственные архивы. Активную деятельность по сбору писем и дневников военного времени в последние 7–8 лет осуществляет созданный в 1992 г. Архив Научно-просветительного центра «Холокост» (далее – НПЦ «Холокост»)². Несмотря на небольшой штат сотрудников, при содействии еврейских общин и отдельных активистов, историков, краеведов удалось собрать крупный комплекс источников личного происхождения по Великой Отечественной войне и Холокосту. Он включает 1,7 тыс. писем предвоенных, военных лет и первого послевоенного года, а также дневники, воспоминания и другие материалы, поступившие из различных регионов России, стран СНГ, США, Израиля и других государств. Важно отметить, что наряду со сбором и обработкой документов, осуществляется их оцифровка и публикация, способствующая быстрому вводу данных источников в научный оборот³. В государственных архивах на эти задачи крайне редко находятся силы и средства⁴.

Наряду с архивами значительными коллекциями источников личного происхождения военного времени располагают Государственный центральный музей современной истории России, Центральный музей Вооруженных сил (далее – ЦМВС), Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., другие федеральные, региональные и ведомственные музеи. Только коллекция фронтовых писем Омского государственного историко-краеведческого музея насчитывает свыше 600 единиц хранения⁵. А в Днепропетровском историческом музее им. Д.И. Яворницкого хранится более 1000 эпистолярных источников военного времени. При этом их основная масса поступила в течение последних 10 лет, чему в немалой степени способствовало проведение выставки, посвященной освобождению Днепропетровской области от немецко-фашистских захватчиков, публикации в местных СМИ⁶. С инициативой сбора указанных источников выступает и ряд отдельных специалистов и исследовательских структур⁷.

¹ Центральный московский архив-музей личных собраний: Путеводитель. М., 2008. С. 283.

² *Терушкин Л.А.* Архиву НПЦ «Холокост» в Москве – 15 лет // Отечественные архивы. 2007. № 4. С. 138–139.

³ «Сохрани мои письма...»: сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007; Там же. Вып. 2. М., 2010; Там же. Вып. 3. М., 2013.

⁴ Одним из немногих исключений являются великолепно изданные письма и другие документы Героя Советского Союза Бориса Николаевича Дмитриевского, а также воспоминания о нем, в основном, по фондам ЦХДЛС ЦГА Москвы. См.: Борис Дмитриевский – герой-танкист: письма, воспоминания, документы. М., 2008.

⁵ См.: *Ермолина Л.Г.* Фронтовые письма в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия ОГИК музея. 2002. № 9.

⁶ Листи з фронту. Каталог з фондів Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького. Дніпропетровськ, 2007. С. 3.

⁷ Среди зарубежных исследователей сбором фронтовых писем занимается, например, Л. Смиловицкий (Центр диаспоры при Тель-Авивском университете). См.: *Смиловицкий Л.* Невостребованная память // Мост. Независимый еженедельник. 2012. 18 апреля. № 622. С. 28 и др.

В 1990–2000-е гг. существенно расширилась публикация писем¹, дневников² и воспоминаний³ о Великой Отечественной войне. Среди их авторов не только фронтовики, но и обыватели, а также «восточные рабочие», военнопленные, представители депортированных народов, коллаборационисты и другие очевидцы событий военного времени, судьба которых прежде замалчивалась⁴. При этом указанные публикации содержат более полные тексты, чем прежде, в которых гораздо меньше купюр, с разнообразной тематикой и содержанием. Впервые осуществлена и публикация писем, не пропущенных в годы войны цензурой⁵. В результате создается более разноликая и многообразная картина событий военного времени. Все чаще находят отражение в публикациях не только патриотический порыв советских граждан, но и вопросы их личной, семейной жизни в годы Великой Отечественной войны.

Источники личного происхождения также широко представлены в электронных изданиях и на специальных сайтах⁶. Широкую популярность приобрел, в частности, интернет-проект «Я помню» («I remember») А. Драбкина, собравшего, записавшего и опубликовавшего на сайте несколько десятков воспоминаний участников войны⁷. Основной материал структурирован по родам войск и издан в специальной серии.

¹ «Я пишу последнее быть может...» Омск, 1994; Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): сб. документов. Тамбов, 2005; Письма с фронта (письма нерехтчан с фронтов Великой Отечественной войны). Нерехта, 2008; «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М., 2009; Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения. Краснодар, 2010; Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010; Письма с фронта. 1941–1945 гг. Казань, 2010; «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). Н. Новгород, 2010 и др.

² Шумелицкий М.Г. Дневник солдата. М., 2000; Иноземцев Н.Н. Фронтовой дневник. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005; Калуга в период немецкой оккупации. Дневник врача Михаила Устрялова // Российская история. 2011. № 3. С. 32–47; Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. М., 2012 и др.

³ Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. М., 2004; Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М., 2006; Гурвиц Л.А. Воспоминания фронтового радиста. От КВ-радиостанции – до морских крылатых ракет. СПб., 2008; Голубева-Торес О.Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. 1941–1945. М., 2009; Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008; Рабичев Л. «Война все спешет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М., 2008; Скороходов А.В. Такой долгий, долгий путь: воспоминания, раздумья, размышления. М., 2010; Миркин М. От Черей до Чикаго. Иерусалим, 2013 и др.

⁴ Черненко М. Чужие и свои. Документальная повесть. М., 2001; Орстоу Р. Дети униженного детства. Маленькие истории моей жизни в большой истории жизни моего народа. Нальчик, 2009; Чиров Д.Т. Среди без вести пропавших: воспоминания советского военнопленного о Шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф, 1941–1945 гг. М., 2010; Осипова Л. Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 63–188 и др.

⁵ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.

⁶ Письма времен Второй мировой войны // Центр изучения истории и культуры восточноевропейского еврейства. URL: <http://ru.judaicacenter.kiev.ua/category/pisma-vremen-vtoroj-mirovoj-vojny> (дата обращения: 02.09.2013) и др.

⁷ Я помню. I remember. Воспоминания ветеранов ВОВ. URL: <http://iremember.ru> (дата обращения: 02.09.2013) и др.

Наряду с записанными мемуарами, на сайте опубликованы фрагменты аудиозаписей с ветеранами войны, а также фронтовые письма – при содействии ЦМВС.

Федеральное агентство по делам молодежи совместно с Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, Министерством образования и науки Российской Федерации, Российским государственным историко-культурным центром при Правительстве Российской Федерации, Российской академией наук, Российским комитетом ветеранов войны и военной службы, рядом других органов государственной власти и общественных организаций реализует с 2010 г. проект «Наша общая Победа». Его цель заключается в формировании видеоархива воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, который впоследствии предполагается передать в ГАРФ¹. В помощь начинающим интервьюерам были разработаны специальные анкеты и подробные инструкции. К настоящему времени удалось записать свыше 15 тыс. видеофайлов с воспоминаниями о войне – это позволило создателям проекта утверждать, что «подобного масштаба архив создан в нашей стране впервые». Однако воспитательный потенциал проделанной работы нередко перевешивает ее научную значимость: в большинстве своем видеоролики по объему невелики и содержат достаточно краткие рассказы ветеранов.

Среди всего комплекса источников личного происхождения особое место занимает частная переписка – как наиболее массовый и репрезентативный источник, отражающий эмоциональные переживания советского человека в годы войны. В отличие от воспоминаний, письма фиксировали информацию, не предназначенную для опубликования, с целью ее передачи от автора (корреспондента) адресату непосредственно в военные годы. Поэтому отдельные исследователи считают письма «едва ли не наиболее информативным и достоверным источником по проблемам духовной жизни советского общества в годы войны»². Впрочем, не следует забывать и о влиянии советского режима на переписку граждан, «всегда осознававших тот внутренний порог, далее которого отступать нельзя»³, а также о жесткой цензуре военного времени.

Несмотря на все ограничения, многие фронтовики писали домой очень искренние и эмоциональные письма, отражающие гамму настроений советских комбатантов. Конечно, таковыми являются далеко не все сохранившиеся эпистолярные источники, немало текстов в содержательном отношении сводятся к риторическим формулам («Жив, здоров, воюю») и неизменным приветам родным и близким. Тем не менее нельзя согласиться с утверждением о том, что из-за цензуры советские военнослужащие «вынуждены были писать пустые, ни о чем не говорившие письма, взывая сообщать им любые новости из дома. Отсутствие полноценной переписки пагубно сказывалось на моральном состоянии бойцов и командиров»⁴. Много зависело от специфики духовного облика, образования,

¹ Наша общая Победа. URL: <http://41-45.su/about> (дата обращения: 02.09.2013)

² Кожурин В.С. Народ и власть (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995. С. 8 и др.

³ Там же. С. 8.

⁴ Смилловицкий Л. Память без срока давности // Мост. Независимый еженедельник. 2012. 12 декабря. № 654. С. 29, 46

способности к рефлексии, в конце концов, от навыков письменного изложения своих взглядов, практик ведения переписки у конкретного человека. Этим и ценны письма военного времени, позволяющие представить себе широкое разнообразие мыслей и чувств советских граждан в 1941–1945 гг., а также бытовые подробности их жизни. Именно данные сюжеты всегда занимали главенствующее место в частной переписке, что подтверждают и данные военной цензуры. Так, итоги перлюстрации писем, направленных на Сталинградский фронт с 15 по 31 июля 1942 г., показали, что из 190 367 обработанных документов 105 372 письма (55,3 %) носили семейно-бытовой характер, 82 395 (43,3 %) содержали положительные сообщения, а 2600 (1,4 %) – отрицательные¹.

В настоящее время в научный оборот введено значительное количество писем военного времени, но еще большая часть их только ожидает исследователей. В любом случае, это лишь малая доля от общего массива писем периода Великой Отечественной войны, исчислявшегося десятками и сотнями миллионов экземпляров. Основная масса писем просто не пережила военного времени, значительная часть была уничтожена в последующие годы. Во многом это объясняется тем, что, в отличие от большинства других видов исторических источников, личные письма находились в основном у самих адресатов, а условия их хранения далеко не всегда были благоприятными.

Работу с эпистолярными источниками затрудняет ряд обстоятельств, включая фрагментарность и разрозненность архивных коллекций, рассеянность их по разным фондам, плохую сохранность писем, отсутствие необходимого научно-справочного аппарата. Наиболее перспективны для изучения целостные комплексы писем, позволяющие проследить эволюцию взглядов и межличностных взаимоотношений авторов писем с их родными, близкими, друзьями и знакомыми на протяжении значительного периода времени. Так, в РГАСПИ в деле В.Д. Раскина, без вести пропавшего в 1944 г., хранится 123 письма знакомой девушке, написанные в 1942–1944 гг.², а в деле политработника Д.А. Абаева содержится 117 писем жене и дочери³. Однако такие комплексы встречаются нечасто.

В общем массиве эпистолярных источников преобладают письма фронтовиков, посланные в тыл, поскольку хранить письма в боевых условиях советские военнослужащие часто не имели возможности. Например, комплекс документов Б.Н. Дмитриевского в ЦХДЛС ЦГА Москвы содержит более 300 писем и телеграмм матери и невесте и лишь одно сохранившееся письмо невесты к нему⁴. Уникальным в данном отношении является документальный комплекс Бориса Павловича Баянова – профессионального журналиста, служившего в годы войны начальником штаба автотранспортного батальона, а затем секретарем военного трибунала. Он включает 96 писем самого Баянова жене Асе Исааковне, 4 письма дочерям Шаганэ и Норе, 133 ответных письма жены мужу и 11 писем дочерей отцу, не считая

¹ Сталинградская эпопея. С. 161.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400.

³ Там же. Д. 1454.

⁴ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 289. Оп. 1. Д. 1–20.

воспоминаний, фотографий и других документов. Через эпистолярное наследие Баяновых проступает история семьи, члены которой, несмотря на разделявшие их расстояния и происходившие вокруг трагические события, проявляют неизменную трогательную заботу друг о друге¹.

Преломление межличностных отношений военного времени в исторической памяти советского социума позволяют осмыслить также мемуары и дневники. Немало воспоминаний участников войны было опубликовано еще в советское время, но содержащаяся в них информация, темы и сюжеты, способы отбора фактов и их интерпретации достаточно типичны. В основном они описывают историю создания и боевой путь воинских частей, боевые эпизоды, сохранившиеся в памяти фронтовиков, а не их личные переживания, считавшиеся менее значимыми для потомков. В воспоминаниях жителей тыла нередко рассказывалось о деятельности партийных и комсомольских организаций региона, перестройке их работы на военный лад, эвакуации, восстановлении народного хозяйства после освобождения от оккупации. Многие публикации подвергались существенной переработке, что привело к появлению особого жанра литературной записи воспоминаний, при которой профессиональные писатели и журналисты придавали связность мемуарам участников войны. В результате опубликованный текст мог в значительной степени отличаться от первоначального варианта, отражая официальную точку зрения на то, какой должна быть правда о войне. Поэтому они мало что дают для понимания особенностей частной жизни в условиях военного времени. Лишь в последние годы стали выходить воспоминания, более свободные в своих оценках, что повышает их информативную значимость для исследователей.

Если воспоминания, излагающие авторские впечатления об уже завершившихся событиях, обычно рассчитаны на публикацию, то дневники являются записями более интимного характера и поэтому считаются источниками с более высокой степенью достоверности. В то же время жанровую принадлежность отдельных произведений порой трудно однозначно определить, грань между ними достаточно подвижна. К тому же дневников военного времени сохранилось не так много, по сравнению с теми же письмами или воспоминаниями, а дошедшие до нас нередко имеют большие «лакуны». Как правило, у фронтовиков они связаны с периодом активных наступательных или оборонительных операций. Так, впервые опубликованные в полном объеме по инициативе дочери полководца дневниковые записи Маршала Советского Союза А.И. Ерёменко, прерываются на июне 1941 г. и вновь продолжаются уже в феврале 1942 г. Еще один перерыв в записях сделан с февраля по ноябрь 1944 г. Сами записи рисуют его человеком сложным, имеющим собственный взгляд на происходившие события и нередко критически оценивавшего окружающих. В частности, автор приводит немало сведений о злоупотреблениях и морально-половой распущенности среди командно-начальствующего состава РККА².

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 2. Д. 26–46.

² Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М., 2013.

В изучении частной жизни советских граждан в годы Великой Отечественной войны целесообразно использовать и другие источники, в том числе официального происхождения. Источниковедческим особенностям советских официальных документов посвящено немало основательных работ¹. Неоднократно подвергались анализу и вопросы отражения в них событий Великой Отечественной войны². Все это позволяет не повторять высказанные прежде общие положения и сосредоточиться непосредственно на документах, регламентировавших вопросы семейно-бытовых отношений и реализацию других направлений частной жизни в годы Великой Отечественной войны. Их использование позволяет ответить на вопросы о степени государственного воздействия на частную сферу в условиях военного времени.

В соответствии с принятой классификацией, все советские официальные документы военного времени подразделяются на две основные группы: 1) законы и другие нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственная документация. Самый общий, декларативный характер носили нормы принятой в 1936 г. Конституции СССР – основного закона страны³. Главными нормативными актами, регламентировавшими семейно-брачные отношения в начале войны, являлись Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г.⁴ и соответствующие кодексы других союзных республик фактически представляли собой законы и отдельные указы Президиума Верховного Совета СССР. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и утверждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» от 8 июля 1944 г.⁵ существенно трансформировал советскую семейную политику, изменив прежде действовавшие нормы указанных кодексов.

Призванные конкретизировать положения законов и порядок их реализации подзаконные акты на практике порой играли не менее значимую роль. Особое значение приобретали постановления, принимавшиеся совместно высшими органами власти страны совместно с партийным руководством – ЦИК СССР (Президиумом Верховного Совета СССР), СНК СССР и ЦК ВКП(б). В развитии предвоенной семейной политики особенно важную роль играло Постановление ЦИК и СНК

¹ См.: Источниковедение. М., 2000. С. 528–582; Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 79–152 и др.

² См. подробнее: *Кринко Е. Ф.* Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004; *Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П.* Архивные источники по истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизованный феномен российской государственности. Исследования и документы. М., 2012. С. 140–157 и др.

³ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1926. № 82.

⁵ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1944. № 11. Ст. 162.

СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г.¹ Фактически оно закрепило новый курс советского руководства на укрепление семьи.

В большинстве своем эти и другие нормативно-правовые акты, регламентировавшие реализацию частной жизни в условиях предвоенного и военного времени, опубликованы и находятся в свободном доступе. Однако они не раскрывают самих механизмов принятия и реализации данных решений, их результатов, реакции общества на деятельность власти. Определенные возможности для решения указанных задач предоставляет делопроизводственная документация.

В содержательном отношении можно выделить несколько комплексов делопроизводственных документов, использованных в настоящем исследовании. Первый из них составляют документы Управления родовспоможения Наркомата здравоохранения СССР (стенограммы, протоколы и резолюции заседаний и совещаний, докладные и аналитические записки, справки и другие материалы), содержащиеся в ГАРФ. Они характеризуют меры по оказанию акушерско-гинекологической помощи, направленные на снижение детской и женской смертности и борьбу с абортами в период Великой Отечественной войны². Действовавшие санитарные нормы в отношении жилых помещений, состояние общежитий и детских домов раскрывают документы Всесоюзной государственной санитарной инспекции Наркомата здравоохранения СССР³.

Сложные перипетии взаимоотношений государства и церкви, религиозную ситуацию и положение религиозных общин в отдельных республиках, краях и областях представлены в циркулярах, докладных записках, отчетах уполномоченных и других документах Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР⁴. Не менее значимыми источниками являются ходатайства самих верующих об открытии храмов и по другим религиозным вопросам. Ряд материалов на данную тему опубликован⁵.

Различные аспекты реализации государственной политики в частной сфере отражают и документы региональных архивов. В первую очередь, это протоколы заседаний пленумов и партийных бюро обкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) и материалы к ним, сессий областных, городских и районных советов депутатов трудящихся, а также их структурных подразделений (управлений, отделов,

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических республик. М., 1936. № 34.

² ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 1–47.

³ ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 507, 647–650.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 8 и др.

⁵ Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.). Т. 2. М., 1994; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. документов. М., 2009 и др.

комиссий)¹. Так, решение жилищного вопроса в Москве в условиях военного времени характеризуют документы архитектурно-планировочного управления и Управления жилищного строительства, жилищного отдела Московского горисполкома, районных жилищных управлений².

Отдельную группу составляют военные документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Это приказы и директивы военного командования, регламентировавшие порядок несения службы бойцами и командирами Красной армии, а также политические донесения, сообщавшие о морально-политическом состоянии личного состава, различных злоупотреблениях, включая факты сожительства, пьянства и др. Переписка по данным вопросам отложилась в фондах Главного политического управления РККА, а также отдельных соединений и частей.

Статистические источники рассматриваемой проблемы представлены переписями населения и материалами текущей статистики из фондов Центрального статистического управления Госплана СССР в Российском государственном архиве экономики (далее – РГАЭ), краевых и областных статистических управлений в региональных архивах. Следует отметить, что советская статистика стремилась учесть самые различные показатели развития советского общества, но ее данные нередко сознательно искажались³. В документах статистических управлений также встречаются упоминания о недостатках при составлении тех или иных форм отчетности⁴. Тем не менее доступные исследователям сведения позволяют сделать определенные выводы об основных тенденциях в развитии частной жизни советского человека в 1941–1945 гг. В опубликованных материалах всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. содержатся сведения о семейном положении населения СССР, а в первой из них еще и об его отношении к религии⁵. Сведения текущей статистики позволили проследить динамику брачности, рождаемости, детской и материнской смертности, статистику разводов в 1941–1945 гг. Эти данные выступают формализованными показателями развития частной сферы в условиях военного времени.

¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 2, 9, 13, 20, 24, 27, 29, 60, 61. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 326, 339, 342, 351, 404, 442, 471, 476. Оп. 3. Д. 1, 6, 18, 43. Оп. 5. Д. 32, 34, 37, 39, 40, 46, 48, 49, 53, 54, 55; Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1, 9, 10; Хранилище документации новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 94–101. Оп. 3. Д. 1–11, 87–97, 159–165; Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 309, 310, 314, 316, 318, 324, 328, 332; Центр хранения документов общественно-политической истории Москвы (далее – ЦХДОПИМ). Ф. 63. Оп. 1. Д. 1215, 1217, 1281, 1342. Ф. 80. Оп. 1. Д. 833 и др.

² Центр хранения документов после 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (далее – ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы). Ф. 490. Оп. 1. Д. 11, 34. Оп. 2. Д. 23. Ф. 534. Оп. 1. Д. 38–40, 59–62. Ф. 831. Оп. 1. Д. 19, 36–38, 45–47, 54, 55, 71, 73, 74, 79, 89–95, 102. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Ф. 2852. Оп. 5. Д. 16 и др.

³ См., например: *Жиромская В.Б.* Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета // Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сб. ст. СПб., 1995. С. 29.

⁴ НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12. Л. 11 и др.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.

Еще одним ценным источником являются фольклорные материалы, публикации которых нечасты¹. Поэтому ценным собранием таких материалов является Фрейбургская коллекция. Она включает более чем 1300 карточек, составленных неизвестным немецким цензором, читавшим письма остарбайтеров на русском, украинском и белорусском языках в 1942–1944 гг. Оказавшийся профессиональным фольклористом, цензор выписывал из писем почтовые стереотипы, песни и стихи, пословицы и поговорки, частушки, молитвы, пересказы снов и пророчества, эффемизмы, неологизмы и другие свои лексические наблюдения. По мере поступления карточки подвергались обработке и систематизации, переписывались и снабжались переводом и различного рода пометами – жанровыми, тематическими, географическими, а также оценкой степени распространенности. Карточки коллекции были расположены по рубрикам: «Лексика», «Речевые обороты», «Фольклор», «Сновидения», «Пророчества», «Круговые письма», «Народная медицина». Работа над коллекцией была прервана или прекращена в конце 1944 г., когда она была послана основателю и директору Немецкого архива народной песни во Фрейбурге, одному из крупнейших немецких фольклористов XX в. профессору Дж. Майеру. Это позволило ее спасти в хаосе последних месяцев войны. Но после смерти Майера в 1952 г. о коллекции надолго забыли и обнаружили только в 1991 г. при ремонте здания фольклорного центра «Немецкий архив народной песни» во Фрейбурге².

Большинство материалов по-прежнему ожидает своих исследователей, и лишь небольшая часть опубликована в сборнике, подготовленном известным фольклористом К.В. Чистовым совместно с Е.Б. Чистовой, вышедшем одновременно на русском и немецком языках. Для данного исследования наибольший интерес представляли такие разделы, как «Круговые письма», «Сновидения» и «Пророчества». По мнению К.В. Чистова, именно данные разделы, имеющие очевидную религиозно-магическую направленность, с наибольшей отчетливостью и силой отразили «эмоциональное напряжение, в котором постоянно находились остарбайтеры»³.

Материалы, опубликованные в периодической печати, характеризуют представления и модели поведения, навязывавшиеся советской пропагандой в частной сфере. Например, с принятием указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. был опубликован целый ряд статей, прославлявших женщину уже не как участницу войны или труженицу тыла, заменившую мужа, брата и отца, ушедших на фронт, а как мать. Пропаганда срочно создавала новый образ женщины, имевшей много детей, приравнивая деторождение к подвигу⁴.

Еще одну группу источников составляют произведения литературы и искусства, отражающие в художественной форме основные лирические образы и идеалы

¹ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1947; Партизанские пословицы и поговорки. Курск, 1958; Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курган, 1994 и др.

² См.: Чистов К. Фольклор и язык остарбайтеров // Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. М., 1998. С. 9–51.

³ Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. М., 1998. С. 18–19.

⁴ См.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 годы. СПб., 1999.

эпохи. В исследовании использовались произведения различных авторов – как хорошо известных «мэтров» советской литературы, с которыми в первую очередь связывается отражение в ней лирической темы в годы войны – К. Симонова, А. Твардовского, А. Суркова, так и совсем молодых поэтов, погибших в годы войны – Дж. Алтаузена, В. Багрицкого, Н. Майорова, Н. Овсянникова, И. Уткина, Е. Ширман¹.

Таким образом, в распоряжении исследователей находится немало разнообразных по форме и содержанию источников, раскрывающих различные аспекты рассматриваемой проблемы. В тоже время они свидетельствуют о тесной взаимосвязи частного и публичного начал в жизни советского человека в условиях военного времени, что неизбежно влечет за собой сложности их разграничения. Как замечает Е.Ю. Зубкова: «Авторы исследований по различным сюжетам частной жизни обращают внимание главным образом на регламентирующую составляющую, тогда как неподконтрольный сегмент частной жизни, реальные практики выстраивания личного, интимного пространства остаются в тени»². Во многом это объясняется самой спецификой отражения указанных практик в исторических источниках, трудностей их вычленения и анализа. Поэтому перспективы в изучении частной жизни тесно связаны с вопросами уже крайне немногочисленных непосредственных участников и очевидцев событий военного времени.

1.3. История и память: опросы очевидцев

Устная история представляет собой самостоятельное научное направление, включающее самых разных исследователей. Объединяют их лишь самые общие исследовательские принципы, выражающиеся в обращении к личному опыту опрашиваемого, фиксации его рассказов при помощи специальных средств и использовании полученной информации в качестве исторического источника. В то же время тематика и методика проведения опросов могут существенно различаться³.

¹ Стихи остаются в строю: сб. М., 1958; Сквозь время: стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965; Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1975; Венки славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. М., 1983–1987; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005; *Твардовский А.Т.* Василий Теркин. Теркин на том свете. М., 2010 и др.

² *Зубкова Е.Ю.* Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения. С. 163.

³ См.: *Урсу Д.П.* Методологические проблемы устной истории // *Источниковедение отечественной истории.* М., 1989. С. 3–32; *Кринко Е.Ф.* Устная история, ее проблемы и возможности // *Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. трудов.* Майкоп, 2001. Вып. 3. С. 37–48; *Томсон П.* Голос прошлого. Устная история. М., 2003; *Хрестоматия по устной истории.* СПб., 2003; *Орлов И.Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // *Отечественная история.* 2006. № 2. С. 136–148; *Хлынина Т.П.* Устная история между теорией и методом // *Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: мат-лы науч.-практ. конф.* Краснодар, 2009. С. 33–40; *Реброва И.* Устная история: от всеобщего увлечения и критики к профессионализации // *Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет.* М., 2011. С. 1362–1379 и др.

Первые записи устных свидетельств о Великой Отечественной войне были сделаны в СССР непосредственно в военное время. В январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с задачей сбора и публикации материалов о действующих боевых частях, партизанских соединениях, героическом труде советских людей на фронте и в тылу. Ее сотрудники выезжали на фронт, в госпитали, приглашали к себе участников войны, собрав в итоге несколько десятков тысяч свидетельств. Комиссии и отделы, собиравшие материалы периода Великой Отечественной войны, были также созданы при ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, различных наркоматах и ведомствах, музеях и архивах. Записи очевидцев проводились, прежде всего, с пропагандистской целью и были призваны крепить боевой дух и веру в победу советских граждан, разжигать ненависть к врагу.

После войны рассказы ее участников продолжали записывать писатели и фольклористы, краеведческие и школьные музеи, ветеранские организации¹. Но в профессиональной историографии устные источники приобрели маргинальный статус – не только из-за отсутствия необходимой аппаратуры для записи и специалистов, но и потому что любые трактовки событий Великой Отечественной войны, отличавшиеся от ее официальной версии, оказывались в то время неприемлемыми. В большинстве случаев советские исследователи «старались по возможности не афишировать обращение к практике устной истории»². Устные свидетельства о Великой Отечественной войне практически не откладывались в специализированных архивохранилищах, а содержание зафиксированных рассказов нередко сводилось к стереотипным оценкам и пропагандистским штампам³.

Только с 1990-х гг. начался настоящий бум устно-исторических исследований по теме Великой Отечественной войны. За миновавшие два с лишним десятилетия сложились целые комплексы устных источников, посвященных военному времени, многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, печатных и электронных СМИ. Рассказы участников и очевидцев военных событий систематически записывают, наряду с отдельными исследователями и рабочими группами, созданными на временной основе, центры устной истории Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», Европейского университета в Санкт-Петербурге, Воронежского педагогического, Петрозаводского, Ставропольского (в настоящее время – Северо-Кавказского федерального) и Южно-Уральского государственных университетов и других учреждений⁴. Немалых успехов в сборе устных свидетельств по военной

¹ Войны кровавые цветы: устные рассказы о Великой Отечественной войне. М., 1979; Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982 и др.

² Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // *Его же*. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 107.

³ См. подробнее: Кринко Е.Ф. Устная история: рассказы о войне // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия: Исторические, социально-экономические и политические науки. Майкоп, 2000. № 4. С. 49–54.

⁴ Блокада глазами очевидцев. Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. СПб., 2003; Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Мат-лы и исследования. М., 2006; Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007; Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь

теме достигли историки Беларуси и Украины. Главными направлениями их устно-исторических исследований выступают оккупация, Холокост, принудительный труд «восточных рабочих» в Третьем рейхе¹.

Стремительное развитие устной истории во многом объясняется методологическим обновлением знания о прошлом, появлением новых подходов, потребовавших новых источников, отражающих поведение человека в годы войны, его переживания и восприятие событий в контексте определенного времени. Происшедшие изменения в самих представлениях об источнике и его роли в системе исторического знания, широкомасштабное рассекречивание документов и их активная публикация в 1990–2000-е гг. стали настоящей источниковедческой революцией, которая буквально взорвала единое пространство официальной памяти о войне, сделав достоянием гласности множество иных памятей о ней. Тематически и сюжетно расширяя исследовательский нарратив о войне, источники личного происхождения демонстрируют не только новые познавательные возможности, но и разнообразные коллизии своей жизни в потоке времени. Сосредоточенные по преимуществу на передаче личных ощущений переживаемого момента, они с большим трудом встраивались в панорамные полотна беспримерного боевого и трудового подвига советского народа. Но со смещением исследовательского интереса к частной и повседневной жизни советского человека фактически обрели второе рождение.

Традиционно возможности устной истории как направления исследовательского поиска сводятся к трем основным ипостасям: дополнению данных архивных документов и, тем самым, расширению представлений о прошлом; выявлению особенностей человеческой памяти и определению ее места в потоке «большой» истории; поиску обновленной стратегии постижения исторической реальности и выработке принципиально иных нарративных практик. Наличие живых свидетелей воссоздаваемых событий прошлого придает устной истории большую уверенность и оправданность существования в пространстве методологически неустойчивой и теоретически всеядной историографической ситуации.

Займствуя аналитический инструментарий и теоретический багаж у близких предметных областей, устная история привносит в них новые смысловые коннотации. При этом в теоретическом отношении отчетливо тяготеет к интерпретативной теории и так называемой теореме Томаса. Свое широкое признание в исследовательской практике интерпретативная теория получила благодаря «плотному описанию» культуры К. Гирца, исходящему из признания того факта, что современная культура открыта человеку как множество конкурирующих между собой интерпретаций². Интерпретация в данном случае выступает формой познания

Равенсбрюк в жизни и судьбе бывших заключенных: сб. статей, воспоминаний и интервью. М.; Воронеж, 2008; Аристов С.В. Люди доброй воли. Нацистский концентрационный лагерь Равенсбрюк в судьбах бывших узниц из Советского Союза. Подольск, 2012 и др.

¹ Невымышленное: Устные истории остарбайтеров. Харьков, 2004; Война и украденные годы: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси. Минск, 2010; Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы. Донецк, 2013 и др.

² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Самосознание мировой культуры. СПб., 1999. С. 279–280.

мира, особым механизмом корреляции сознания и действительности, нацеленным на поиск оптимального способа позиционирования личного или коллективного опыта. Интерпретативная теория, таким образом, мыслится в качестве «построения объяснения с учетом смыслов, приписываемых событиям их участниками»¹. В ее пространстве устная история обретает так недостающую ей с точки зрения традиционного историописания опору на «конкретику исторических фактов», которая замещается значимостью воспроизводимых человеческой памятью событий. Степень градации этой значимости колеблется в зависимости от масштабности того или иного события, его местоположения в реестре национальной истории, уровня включенности очевидца и современника в орбиту ее влияния. Именно поэтому сторонники устной истории так ценят разнообразие личного опыта, а ее противники находят в нем бесспорное подтверждение непрочности такого рода свидетельств.

Американский социолог У.А. Томас сформулировал теорему, согласно которой «если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям»². Оценивая ее возможности для понимания принципов функционирования общества, другой не менее известный американский социолог Р. Мертон отмечал: «И хотя ей недостает охвата и точности ньютоновской теоремы, она остается не менее значимой вследствие своей применимости ко многим, если не к большинству, социальных процессов... Первая часть теоремы непрестанно напоминает о том, что люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также – и иногда преимущественно – на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением»³. Согласно теореме Томаса, вымысла в воспоминаниях о прошлом не существует по определению: размытость внешних контуров воспроизводимого памятью события не имеет для ее носителя определяющего значения. Реальность, давно замещенная значимостью, переориентировала ретроспективу когда-то произошедшего события на его онтологическую ценность в жизни конкретного человека. Он восстанавливает не его детали, к которым так настойчиво стремится исследователь, пытаясь запечатлеть полноту и непредсказуемость отдельного случая, а передает гамму ощущений и эмоций им вызванных.

Историки, занимающиеся сбором устных воспоминаний, в большинстве своем исходят из того обстоятельства, что в процессе беседы «исследователь, ведущий опрос, имеет реальную возможность спросить свой “источник”, проверить уже в процессе интервью свою гипотезу по тому или иному моменту рассказа. Этап “повторного интервью” (С. Квале) позволяет расширить знания о человеке и событиях, с ним связанных»⁴. При этом изначально задается ситуация, при которой

¹ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С. 75.

² Теорема Томаса. URL: http://msk.treko.ru/show_dict_1146 (дата обращения: 12.05.2011).

³ Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество. URL: <http://socioline.ru/node/828> (дата обращения: 12.05.2011).

⁴ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: мат-лы и исследования. СПб., 2008. С. 18–19.

источнику отводится второстепенная, дополняющая позиция, способствующая прояснению либо расширению уже известных сведений. Исследователь, ангажированный общим знанием того, о чем он собирается спрашивать, как бы снижает самостоятельную ценность индивидуального воспоминания, пытаясь придать ему внешние признаки достоверности. Отсюда и стремление устных историков к максимальной детализации рассказа, к нацеливанию собеседника на припоминание бытовых подробностей излагаемого им события, а также соотнесение его с течением прошедшего времени.

Зачастую такие настойчивые просьбы со стороны слушателя сопровождаются эффектом аберрации памяти рассказчика. Под воздействием возрастающего интереса интервьюера к его личной судьбе происходит «присвоение» не принадлежащего повествователю опыта, в пространстве которого рассказчик переключается с собственно процесса припоминания на достижение повествовательной идентичности. Социологи, неоднократно обращавшие внимание на особенности речевого поведения опрашиваемых, в данной связи подчеркивают: «Рассказы информантов – это не просто отчеты о том, что произошло. Например, если матери конструируют свои нарративы так, что показывают в них себя в качестве единственного источника заботы о ребенке, то они хотят, чтобы другие воспринимали их именно таким образом. Однако, речь не только о самопрезентации, самоописании субъекта. Нарратив является частью жизни человека, которая конструируется в процессе рассказывания о себе. Получается, что в ситуации рассказывания человек создает свою идентичность»¹.

Работа с нарративами (текстами бесед, интервью) имеет давние традиции и вполне устоявшиеся технологии получения и обработки данных. Тем не менее их выбор историком и предопределенность этого выбора обуславливаются «отношением к нарративам – как источнику более или менее истинной (и ценной) информации, к отражению реальности или же как к реальности как таковой. Некоторые исследователи считают, что респондентам свойственно лгать, приукрашивать историю, чтобы быть более убедительными, привносить в нее свои интересы и ценности. Другие полагают, что рассказ заслуживает внимания сам по себе, как окошко в жизненный мир другого человека с его уникальным опытом и переживаниями»². Решение в пользу выбора того или иного метода принимается исследователем под воздействием факторов самого разнообразного порядка – от его общепрофессиональной подготовки и масштабов стоящей перед ним задачи до случайного стечения обстоятельств в жизни потенциального информанта. Однако вне зависимости от принятого решения метод воспринимается как способ извлечения из повествования реального события либо связанных с ним происшествий. Увлекаясь собственными интересами, исследователь нередко забывает об интересах собеседника, менее всего склонного к удовлетворению профессионального любопытства противоположной стороны.

Нарратив, создаваемый рассказчиком, условно распадается на три части: «со-

¹ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. С. 93–94.

² Там же. С. 11.

стояние – событие – состояние», каждая из которых по своим интенциональным возможностям и предназначению различна, как для самого повествователя, так и для его слушателя. В то время как слушатель заинтересован в более подробном описании средней и с его точки зрения более активной части повествования, рассказчик сосредотачивает свои усилия на «входе» и «выходе» из события. В результате несовпадения первоначальных намерений исследователя и информанта многие нарративы отбраковываются, так и не приобретая статуса источника. Те же из них, что попадают на страницы исследовательских сочинений, в большинстве своем утрачивают очарование избранности, встраиваясь в общий поток «большой» истории, конкретизируя, тем самым, его основные направления и редкие ответвления.

В рамках исследовательского проекта в 2012–2013 гг. было проведено глубинное интервьюирование 40 участников и очевидцев Великой Отечественной войны, выступающих в качестве ее прямых свидетелей, обладающих собственным опытом переживания событий военного времени. Продолжительность каждого интервью составляла от 43 до 247 мин., в среднем – 105 мин. 3 интервью продолжались менее 1 часа, 17 – от 1 до 2 часов, 9 – более 2 часов и 1 – более 4 часов. Выбор места и времени интервью предлагался самим респондентам, с учетом их возраста и состояния здоровья. Больше половины – 26 интервью – проводились по месту жительства респондентов – в их квартирах и домах, 11 – в здании ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2 – в здании Краснодарского краевого совета ветеранов, 1 – дистанционно с использованием скайпа. 31 интервью проводилось в Ростове-на-Дону (в том числе по скайпу с А.Л. Крюковой из хутора Сетраки Чертковского района Ростовской области), 7 – в Краснодаре, 1 – в Майкопе и 1 – в станице Динской Краснодарского края.

Подбор респондентов происходил через ветеранские организации Ростова-на-Дону и Краснодара, коллег и знакомых. Широко использовался также метод «снежного кома», при котором опрашиваемые сообщали координаты следующих возможных респондентов. В ходе предварительного разговора с респондентами обсуждались тема и цель проведения встречи, ее место и время. Необходимость использования «посредников» и рекомендаций для проведения интервью в значительной степени объяснялась соображениями личной безопасности в связи с получившими огласку случаями применения актов насилия по отношению к пожилым людям, краж и грабежей их квартир. Еще в 1993 г. в возрасте 75 лет в Ростове-на-Дону скончалась Герой Советского Союза Е.А. Никулина – командир эскадрильи знаменитого «женского» 46-го гвардейского ночного бомбардировочного полка – после того, как в ее квартиру проник неизвестный, назвавшийся другом фронтового товарища. Он избил хозяйку и трехлетнюю внучку, забрал боевые награды и исчез¹. Многие пожилые люди, особенно одиноко проживающие, обоснованно опасаются пускать к себе в квартиру посторонних людей, а состоя-

¹ Ракобольская И., Крайцова Н. Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 149.

ние здоровья не позволяет некоторым самостоятельно выходить из нее. Один из наших респондентов лишился сразу двух своих орденов – один из квартиры вынес человек, назвавшийся журналистом и в ходе беседы подменивший боевую награду заранее изготовленным муляжом, второй просто сняли с пиджака на одной из встреч ветеранов. Поэтому встретиться с ветераном войны, полностью утратившим к тому времени возможность самостоятельного передвижения, после ряда неудачных предварительных телефонных разговоров удалось только благодаря протекции хорошо знакомого ему руководителя одной из ветеранских организаций.

Тем не менее в ряде случаев все равно произошли коммуникативные неудачи¹, основной причиной которых являлось плохое состояние здоровья респондентов, прохождение ими медицинского обследования и лечения. Еще в двух случаях интервью завершились вскоре после начала, когда выяснились серьезные расстройства памяти респондентов вследствие перенесенных заболеваний. Дополнительные сложности в организации встреч с участниками Великой Отечественной войны возникали в преддверии очередных годовщин Дня Победы: многие из них, особенно руководители и активисты ветеранских организаций, оказались включены в программы праздничных мероприятий.

Отказ от встречи мог быть продиктован и опасениями, связанными с неуверенностью респондента в «правильном» использовании сообщенных им сведений. Одна из наших телефонных собеседниц, чьи координаты мы получили от ее ближайшей приятельницы, после неоднократного перенесения интервью, в конечном итоге, отказалась от него. Свой отказ мотивировала тем, что сейчас трудно понять события того времени, да и жизнь ее «не для парадного рассказа». Еще одним имплицитно сопутствовавшим отказу обстоятельством оказалась ее этническая принадлежность. Будучи еврейкой, она не видела необходимости «все это мусолить заново» (имея в виду гонения против евреев), хотя из общего перечня предлагавшихся к обсуждению вопросов ни национальной темы, ни ее конкретных ответвлений не вытекало.

Следует отметить, что опасения подобного рода присутствовали и в рассказах тех, кто согласился поговорить о «жизни на войне». Л.В. Ямщикова, щедро поделившаяся с нами своими детскими и семейными воспоминаниями, в завершении встречи обеспокоенно спросила, ничего ли ей и ее мужу не будет за то, что «наговорила здесь»². У многих респондентов вызывали обоснованное сомнение содержание и характер задаваемых вопросов. Настроившись на серьезный разговор

¹ Сбой в общении, разрушение коммуникативного замысла сторон. Возникает вследствие разных причин: недостаточного знания предмета речи или кода общения (как собственно языкового – вербального, так и культурного), помех при передаче и приеме информации, неправильной интерпретации информационных и ситуативных компонентов общения. См.: Коммуникативная неудача. URL: http://www.ling-expert.ru/library/slovar/commun_failur.html (дата обращения: 17.09.2013).

² Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна, 1932 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 67 минут. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

о войне, не предполагавший «каких-то сантиментов», они искренне недоумевали, зачем так подробно их спрашивают о семье, жилье, друзьях. А.К. Агарков, охотно откликаясь на все задаваемые ему вопросы, углубившись в историю своей семьи, спросил, интересуется ли нас все это. И, получив утвердительный ответ, не очень уверенно отреагировал: *«Нет, а зачем это? Я понимаю, если бы вызывали такие-то органы, но я еще ничего не совершил. Мне как-то неловко...»*¹.

Еще одна потенциальная респондентка потребовала предварительно передать ей список вопросов. Получив его с соответствующей просьбой, учитывавшей ее возраст на момент начала войны, сосредоточиться на вопросах семейных взаимоотношений, она написала в ответ небольшую записку, в которой подчеркнула, что *«из вопросов, очевидно, что Вас интересует жизнь и быт фронтовиков и людей, служивших в прифронтовой полосе, и в формированиях, связанных с военной, главным образом, фронтовой жизнью (напр., ж/д медицинские эшелоны и им подобные). Вероятно... Вы не обратили внимание на то, что я подчеркнула в начале свой возраст. Я была ребенком 9–14 лет в годы войны, то есть на Ваши вопросы, как конкретный участник событий, предполагаемых Вашими вопросами, ответить не могу. Я могу рассказать о жизни беженцев в тылу – школьников, их семей, их быте»*. Коммуникативная неудача оказалась следствием конфликта интерпретаций, когда внешнее видение проблемы не совпало с ее внутренним восприятием. Женщина искренне не понимала *такого* подхода к «очень важной в воспитательном отношении» теме войны, его «мелкости», заинтересованно предлагая свою помощь².

Возраст и состояние здоровья респондентов приходилось учитывать и в ходе проведения интервью, поскольку отдельные вопросы приводили их в состоянии душевного расстройства, вызывали волнение и слезы. Несколько респондентов являлись инвалидами 1-й и 2-й групп, с ограниченными физическими возможностями. Валентина Мефодьевна Мухортова, Василий Иванович Перетяtko и Михаил Дмитриевич Шибанов скончались через несколько месяцев после записи интервью, не дожив до выхода книги, созданию которой они также способствовали своими рассказами.

На момент проведения интервью возраст опрашиваемых составлял от 78 (1934 г.р.) до 99 лет (1913 г.р.). Начало войны они встретили в возрасте 7–28 лет, а ее окончание – 11–32 лет. Исходя из возраста и соответствующих ему социальных статусов, опрашиваемых можно разделить на несколько групп. Первую, самую небольшую, составляют респонденты 1913–1918 гг. рождения, встретившие войну взрослыми людьми. А.Ф. Акимов (1913 г.р.) и Н.П. Жуган (1917 г.р.) имели к началу войны семьи, получили профессиональное образование, один работал, отслужив срочную службу, второй был военным летчиком. Работала и Г.Ф. Токарева (1918 г.р.), проживавшая совместно с родителями (вследствие чего ее можно отнести к следующей группе).

¹ Респондент: Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 127 минут. Запись 14 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Вторую группу составляют 11 респондентов 1921–1923 гг. рождения, у которых начало войны совпало с окончанием учебы, а также с военной службой и получением профессионального образования. В 1941 г. окончили училища: А.З. Карпенко (1921 г.р.) – военное, А.Г. Малхасян (1921 г.р.) – педагогическое, В.М. Мухортова (1922 г.р.) – медицинское; продолжали учебу в педагогическом институте Н.Ф. Резникова (1921 г.р.) и В.И. Бирюков (1922 г.р.), в летном училище – С.Ю. Ясанис (1922 г.р.); служили срочную службу на флоте Д.И. Бакай (1921 г.р.) и Н.М. Боровик (1921 г.р.), окончили 10 классов Л.М. Карпеева, В.И. Перетятко и М.Д. Шибанов (все – 1923 г.р.). Вся группа служила в рядах действующей армии и относится к той возрастной когорте, которая понесла самые большие потери в годы Великой Отечественной войны.

Третья группа – 15 респондентов 1925–1927 гг. рождения, окончивших школу уже в годы войны. Были призваны в ряды действующей армии О.В. Бредихин, В.Г. Гречко (оба 1925 г.р.) и Г.К. Черчемболиев (1926 г.р.), окончили военное училище и продолжили службу в действующей армии А.Ф. Гнётов и Э.И. Речестер (1925 г.р.), добровольно ушли на фронт Е.С. Тюкина (1925 г.р.), З.Г. Коваленко (1926 г.р.), А.Г. Малюк и А.П. Обозьянский (оба 1927 г.р.), стали работать А.И. Баляшина, В.А. Тихомирова (обе 1925 г.р.) и С.Я. Кремянская (1926 г.р.), начала учебу в вузе М.Ф. Гольдфарб (1926 г.р.). Н.Ф. Петрушенко (1925 г.р.) и В.И. Мартынов (1926 г.р.) были вынуждены пойти работать, не закончив школы (первый после детдома, а второй происходил из многодетной семьи), позже их призвали в ряды действующей армии.

Наконец, четвертую группу составили «дети войны» – 11 респондентов 1929–1934 гг. Они принадлежат к поколению, о котором было сказано так: «*Война остановилась на нас, мальчишках 1928 года рождения*»¹. Потому что его представители не призывались на фронт. Тем не менее война наложила свой отпечаток на всю их судьбу. Закончили школу и продолжили обучение в училище или университете Е.В. Прибыльская (1928 г.р.), В.Н. Сёмина, А.Д. Исаев (оба 1930 г.р.), Л.В. Ямщикова (1932 г.р.), А.К. Агарков, И.Н. Калабухова, Э.Е. Розенбит (все 1933 г.р.) и В.М. Линник (1934 г.р.). Пришлось пойти работать, не завершив обучения, А.Л. Крюковой (1928 г.р.), М.И. Емельянову (1929 г.р.), Н.П. Шепеленко (1930 г.р.).

Приводимые демографические и социальные характеристики респондентов важны при осмыслении их опыта переживания событий военного времени. Например, их необходимо учитывать при обращении к религиозным представлениям советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Согласно данным переписи населения 1937 г., возрастная когорта 1917–1920 гг. рождения, а тем более, младшие когорты, к которым относится большинство опрошенных, являлась гораздо менее религиозной, чем представители более старших возрастных групп, провести опросы среди которых уже нет возможности².

¹ Иоффе Г. Городок наш ничего... // Российская история. 2013. № 2. С. 171.

² Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги.

Больше половины опрошенных – 22 чел. – являются уроженцами территорий, в настоящее время входящих в состав Ростовской области, еще 6 чел. – Краснодарского края, 3 чел. – Украины. По 1 чел. родилось в Москве, Ленинграде, на Урале, а также на территориях, входящих в состав Нижегородской, Ярославской, Пензенской областей, Республики Башкортостан, Чеченской Республики и Казахстана.

Исходя из содержания интервью, отражающего личный опыт участия респондента в событиях Великой Отечественной войны, всех опрошенных можно также разделить на несколько групп. Самую большую группу составили фронтовики – 25 чел., в том числе 14 представителей сухопутных войск – пехотинцы, артиллеристы, связисты, сапер и шофер, а также 4 медицинских работника, 3 летчика и 1 авиамеханик, 2 военных моряка. 11 чел. являлись свидетелями нацистской оккупации, а 6 чел. находились в эвакуации (в том числе, 2 чел. находились на оккупированной территории после эвакуации). Фронт и тыл, оккупация и эвакуация создавали различные возможности для реализации тех или иных индивидуальных желаний человека, а представления о том, как они реализовались, пропущенные сквозь призму последующего личного опыта, формируют разные воспоминания о частной жизни в условиях военного времени.

В этой связи весьма показательны отношения, складывающиеся у респондентов с войной как историческим событием, непосредственными участниками которого они оказались. С одной стороны, часть из них осознает свою сопричастность большой истории, представления о которой меняются с течением времени: *«Вот, прошло 70 лет, а она [война], как говорится, незаживающая рана, боль. Поколение уже фактически вымерло, мне уже самому в этом году 80 лет исполнится, и моих ровесников поумирало уже очень много. Это, понимаете, наша героическая страница нашей истории. И я уже чувствую, что сопричастен этой истории, я уже как бы носитель какой-то этой истории. Раньше, 20–30 лет назад, Вы бы мною совершенно не заинтересовались, потому что были участники, герои, которые шли в атаку, ранения получали, гибли там, убивали немцев, защищали Родину. А о таких, как я, Господи, что о них писать? Ну, прятались там где-то по подвалам, выглядывали, что-то видели, что-то помнили. Ну, и кому это надо?»*¹.

Не всех устраивают перемены, происходящие в облике войны под воздействием кинематографа и профессиональной литературы: *«Нет, я, когда смотрю фильмы, я говорю: “Какие брехуны! Вот этого же не было. Почему не пишете того, что было на самом деле? Почему не возвращаетесь с ветеранами, их осталась “могучая кучка” чуть-чуть, вот этот золотой фонд России!»*². Этот облик зачастую противоречит их собственным воспоминаниям, вызывая естественное раздражение: *«Вы знаете, если б я бродила по улицам бы и видела все это, может быть и совпадало. Вот, как я видела то, что запечатлелось на всю мою жизнь. Это я сидела вот там, где на Книжной, вот там упала бомба. Глубокая-глубокая яма была посреди дороги, и вот*

¹ Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

² Респондент: Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

как стоял немец и кидал дитя в эту яму, в пожар там, вот, это я запомнила и, наверно, и умру с этим, никогда не забуду. Вот, это я видела в окошко, я сидела тоже под замком, замкнутая. Куда-то эта женщина ушла, а меня замкнула. И вот это я сидела на подоконнике, и это я увидела.... Раздражает [то, что пишется об оккупации], это не так»¹. И не только потому, что в нем «нет правды». Новое знание о войне меняет отношение к ее участникам, переводя их из категории победителей в разряд обыкновенных стариков: «Но меня поразило другое: 70 лет Сталинградской битвы – принесли мне поздравление от Путина. Ворошиловский район и Ворошиловский военкомат – хотя бы цветочек принесли бы вот этот, гвоздичку. Понимаете? Ничего, ни сувенира! Ничего, понимаете? И Сталинград, вот это слово у них вот здесь [показывает] стоит! Поэтому они сказали, что шесть раз в году будет Сталинград, а остальное Волгоград. Сейчас нужен Сталин нам и не один, а два... Что меня еще обижает, и я вот это недовольна. Я же прошла такой путь ... И в результате мне пенсию участника войны не дали»².

Они борются с «вопиющей несправедливостью» своего положения, отстаивая правду о войне газетными статьями и интервью; выступлениями перед школьниками и молодежью; участием в создании школьных музеев: «Вот, я тут писала недавно статью, попросили меня, я и написала. Но и не только это. Я написала и вот в этот [показывает]. Я очень часто бываю в Таможенной академии, провожу там занятия День Победы, 23 февраля. В этот раз они нас не пригласили»³. «Да, да, вот меня приглашали в школы с подачи Гришина Виктора Владимировича, а потом сам. Приглашали на завод, где я работал...»⁴. «Писем нет, а фотографии еще есть. У меня же в музей берут и берут»⁵.

Иногда эта борьба с неудобными представлениями о войне принимает не совсем привычную форму. Анатолий Константинович Агарков пишет стихи «из военного времени», свидетелем которого он оказался. В подаренной нам подборке «Стихов о войне», состоящей из 18 страниц формата А4, набранных на компьютере, украшенных специально подобранными фотографиями и скрепленных пластиковой папкой для файлов⁶, стихи представлены двумя основными темами: «Кадрами из

¹ Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

² Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

³ Она же.

⁴ Респондент: Речестер Эмиль Исаевич, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 146 минут. Запись 12 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁵ Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁶ Анатолий Константинович рассказал и о технологии оформления стихотворных сборников, прошедших тернистый путь от компьютерных салонов до домашних заготовок: «Вот я сам избрал такую форму оформления стихов. Это делается просто. Теперь у меня есть компьютер и я сам, с прошлого года. А раньше я шел в мастерскую, где эти ксероксы, мне это набирали, набор текстов делали, и я потом размножал сколько [надо]. И под моим руководством, я все подбирал, как оформить, дотошно смотрел, чтобы это было таким шрифтом, например, номер 18. Особенно я придирчиво относился к правописанию, иногда сам в тупик ставился, не знал: вот, надо черточку или не надо, надо запятую или не надо. Но если пропускал, то потом корректив

военного детства» и размышлениями над когда-то запомнившимися мыслями, «передуманными фразами». В своих стихах он не просто пытается прожить давно ушедшую и опаленную войною жизнь, а привести ее в соответствие со сложившимися собственными представлениями о том времени: *«Началось, я скажу так. Вот я любитель поэзии. Отчасти все, конечно, с натяжкой. Иногда бывает, надоедает, бросаешь. Любитель всяких песен, особенно вот таких, которые мне нравятся. Трудно сказать. “Черные ресницы, черные глаза” была во время войны – мне нравится. А когда “На позицию девушка провожала бойца” – мне абсолютно не нравится. Как-то мне кажется она слишком слащавая, не правдоподобная, понимаете? Там “Темной ночью простились...” Вроде боец самостоятельно пошел на фронт, сам по себе. Не так же было. Вызывал военкомат, собирали в команды, и там прощаться не давали, да и некогда было».*

Обнаруживавшиеся несоответствия им переписываются силой воображения, которое черпает вдохновение и правдоподобные сюжеты из памяти: *«Я начинал вот так вспоминать. Многие я помнил в молодости, и не мог вспомнить какие-то строчки, слова. И я тогда думаю: да подожди, а давай я сам сочиню. Вот так, например, была история с песней, она у меня, кстати, здесь. Она у меня идет под рубрикой “Народные песни”. Была такая песня “Коля-тракторист”. Я тогда служил в Новгороде Великом, в армии, офицером... И там ходили на концерты: знаете, какие-то местные, а, может, приезжали из Питера, из Москвы “варяги” с концертами... И вот там была [песня] “Коля-тракторист”. Я мотив запомнил и слова. Только я запомнил, что вот: “Только он под горочку спустился, немцы показались впереди”, а к чему это и чего? Потом “полоса несжатая стояла, Колю-тракториста все ждала”. И я потом задался целью и сам, или, может быть, у меня было вдохновение какое-то, как я говорил, “муза пришла в это время”, и я за день, за два эту песню сочинил в собственной редакции. Но я оставил там эти слова, которые я запомнил...»¹.*

Свои стихи он отчетливо делит на те, в которых отразилась реальная история (они проходят под рубрикой «Кадры из военного детства») и те, которые представляют собой его вымысел. Так, стихотворение с говорящим названием «Августин и Манька» получило следующую его оценку: *«Это художественный свист чисто. Это же уже не идет под рубрикой “Кадры из военного детства”. Ну, то просто, то, что некоторые женщины имели какие-то сношения с немцами, это не секрет. Но в массовом количестве этого, конечно, не было. А потом, что я могу об этом сказать на моем уровне? Хотя так, конечно, общаться приходилось, вот, то, что я описал про бомбежку, вот к нам нагрянули».* Тем самым, он превращает свои свидетельства о войне в живую память, в пространстве которой соседствуют не только

ровал и заново распечатывал. У меня получалась вот такая чистая заготовка в нескольких экземплярах. Потом я вот эти вот картиночки, какие-то фотографии или из каких-то книг, я шел туда, где этот ксерокс...». Картинки подбирал «сам, по теме, чтобы как-то совпадало. С уменьшением получались вот такие маленькие, на ксероксе их размножали. Я потом вырезал, наклеивал, получалась заготовка. Потом опять шел на тот же ксерокс и оттуда в любом количестве, хоть десять экземпляров, хоть пять, хоть два мне делали. Иногда удачно, иногда нет».

¹ Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

реальные события военной поры, но и их современные коннотации, находящие свое отражение в форме художественного вымысла, помогающего примириться с тем, чего он не видел, но о чем приходится думать и говорить.

Еще одной нетипичной для поколения победителей формой обретения правды о войне стал поиск книг, где личный пережитый опыт совпадает с оценкой происходившего в тот период времени: *«И что трагично было в этой самой Керчи – все же три армии [погибли]! <...> Ведь Сталина Жуков предупредил: “Да, готовьте десант на Керченский полуостров, готовьте срочно, надо помочь Севастополю”.* И вот, стали. 44-ю армию с иранской границы переправили к нам, в Россию, и она оказалась в Керчи. На время этой операции. А он сказал нет, Сталин: *“Готовьте срочно десантную операцию”.* И загубили 300 000, вот тут написано [показывает книгу о Керченско-Феодосийской операции], солдат, офицеров. 170 000 [чел.] попали в плен. А сколько в каменоломнях [осталось]! 17 000 [чел.] ушло в каменоломни – без воды, без лекарств, без всего. Они там погибли. Страшное дело. Кто виноват в этой операции? Сталин виноват. Не нужно было ее делать, а он приказал»¹. Для другой части наших респондентов война уже давно стала страницей прошлого, напоминая им о совсем другой жизни и ушедшем детстве: *«Ну, как вспоминаю? Иногда разговор зайдет, когда-нибудь. В основном, ну, что с молодежью? Им это не нужно. Ну, вот так встретишь кого-нибудь и за войну там начнешь говорить, вот и весь разговор»*². *«Ну, не то, что вот [вспоминаю о войне]... Ну, все это перед глазами. Я могу даже это все воспроизвести. И как папа на качелях катал, и какая маленькая была, и я даже помню фотографии свои маленькие, и братьев помню фотографии. У меня, например, старший стоит на корабле в белом костюме, в капитанке, и еще ему и сигарету [дали] – вот он, сфотографированный такой стоит. Стоит гордый у папы на корабле – это я хорошо помню. Вот, и у меня где-то есть фотографии»*³.

Тем не менее все они пытаются не забыть того, что произошло с ними в прошлом и сохранить именно ту память. В ряде случаев она обретает письменный канон, по которому респонденты сверяют свои нынешние воспоминания о войне. Двое из них на момент встречи оказались авторами нескольких художественно-документальных повестей⁴. Один – обладателем дневника, переданного в ГАРО, а еще двое – начинающими мемуаристами. Написанные и начатые писаться по разным поводам (*«Я в прошлом году начал писать автобиографический очерк. Я его назвал так. Это приезжала племянница из Башкирии, я родом из Башкирии, ну*

¹ Респондент: Акимов Алексей Федорович, 1913 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 17 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Респондент: Емельянов Михаил Иванович, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 43 минуты. Запись 14 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

⁴ Резникова Н.Ф. Ветка сирени. Сыновьям о войне. Майкоп, 1990; Калабухова И.Н. «Где мои тринадцать лет?...». Повести. Ростов н/Д., 2006; Ее же. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008 и др.

и попросила, я ж всю войну на фронте был, а они сейчас молодые, ничего не знают, побольше узнать. И другая родня по жене – остались племянники и племянницы, тоже просят описать военное время, послевоенное время. Вот, и я начал писать»¹; «Очень хочу расплатиться со всеми, кто обогатил мою жизнь»²) эти тексты имеют общую природу происхождения и подчинены одной цели – созданию рамок памяти, за пределами которых начинается другая, неизвестная им война. Наличие этой особой памяти наиболее отчетливо проявилось в ходе интервью, когда несколько респондентов не только апеллировали к тексту, тем самым, придавая рассказываемому беспорядочный статус достоверности, но и сверяли с ним время, события и последовательность их свершения: «Власова, знаменитая [об армии, в которой служила]. И когда говорят, я до сих пор, как следует, не знаю, было одно время – что предатель, другой раз – что не предатель. Вроде бы она сдавалась немцам. И наши – те, кто остались в армии, [говорили, что] эта 37-я армия – сохранившая знамя армия, только это позволило ей легализоваться. Часть, которая теряла знамя, расформировывалась. Вот, а мы остались. Там есть [имеет в виду книгу]»³. «Давайте, я прочитаю Вам первую страницу [читает]. Автобиографический очерк 1925–1941 гг. Сейчас я прочитаю, и Вам будет все понятно»⁴.

Все интервью проводились в свободной форме, с использованием заранее подготовленного опросника, от которого, впрочем, допускались различные отступления, связанные с психологическими особенностями личности респондента и самим ходом беседы с ним. Большинство интервью, наряду с рассказами респондентов, включали и ответы на вопросы о разнообразных проявлениях частной жизни в 1941–1945 гг.: пространстве дома, отношениях внутри семьи и с соседями; чувственного мира и его эмоционального накала; индивидуальных стратегий выживания; веры и суеверий; организации досуга и его осуществления.

Как правило, в конце интервью предлагалось ответить на вопросы о том, была ли частная жизнь у человека во время Великой Отечественной войны, и если да, то в чем конкретно она заключалась. Многие респонденты дали отрицательный ответ на указанные вопросы. Так, фронтовой шофер Галина Федосеевна Токарева категорически заявила: «Нет» на вопрос о том, была ли частная жизнь на войне, а затем прояснила свой ответ так: «Нет, все вместе. Коллектив был, и дружные были такие вот, не было, чтоб там кто-то отделялся, все время вместе и вместе»⁵.

¹ Респондент: Гнётов Александр Федорович, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 247 минут. Запись 3 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Калабухова И.Н. «Где мои тринадцать лет?...» С. 4.

³ Респондент: Резникова Надежда Федоровна, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Майкоп, квартира респондента. Продолжительность 120 минут. Запись 10 января 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁴ Респондент: Гнётов Александр Федорович.

⁵ Респондент: Токарева Галина Федосеевна, 1918 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 157 минут. Запись от 15 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Похоже ответил и Александр Григорьевич Малюк: *«Конечно, все, как говорится, удачи, невзгоды – все было коллективное»*¹. Ему вторит Андрей Георгиевич Малхасян: *«...на фронте же секретов нет от друзей! Сегодня жив, а завтра нет»*². Частное воспринимается ими как противопоставление общему, общественному, коллективному, служению которому должен был всецело посвящать себя советский человек – на фронте и в тылу, в военное и в мирное время. Поэтому само существование частного – неправильно, невозможно в условиях войны.

Однако те же самые респонденты, категорически отвергая возможность существования собственной частной жизни во время войны, рассказывают, например, о том, как их друзья влюблялись и женились на фронте³. Не идентифицируя, впрочем, данные случаи, несомненно, имевшие самый массовый характер, как проявления частной жизни. Отдельные респонденты признают существование частной жизни у сослуживцев, но не у себя: *«У меня не было, но у девчат была»*⁴.

Валерия Александровна Тихомирова также ответила отрицательно на вопрос о том, была ли у нее собственная частная жизнь на войне: *«Нет, совершенно»*. Однако ее мотивация при этом отличается от высказанных другими коллективистских принципов и носит сугубо нравственный оттенок. Она связывает частную жизнь с наличием интимных отношений с молодыми людьми, к чему в тот момент не считала себя готовой. Когда она решила уйти добровольно на фронт, *«один солдат или офицер позвал меня и провел со мной такую беседу: “Ты хочешь сейчас уйти в армию? – Хочу! – Но учти, ты должна за одного из нас выйти замуж. – Какой замуж? – А как же. У нас только так, по-другому нельзя. Ты готова на это? – На это я не готова. Тогда иди и будь около матери, иначе у нас есть девочки такие, которые что? Ты уже взрослая, должна понимать, по рукам пойдут”*». По словам В.А. Тихомировой: *«Он меня так напугал, больше чем немцы. И думала, что буду с мамой, потому что я была главной для нее опорой»*. Респондент признается: *«Я бы ушла на фронт, но вот, то, что замуж, для меня это все равно, чтобы сказали, мы выстегаем Вас плетью. Это было для меня что-то такое ужасное, даже сумасшедшее, хотя я уже была взрослая»*⁵. Несомненно, что в приводимых высказываниях отражаются не только усвоенные с детства этические нормы, но и выработывавшиеся десятилетиями практики коммеморации в отношении военной темы.

¹ Респондент: Малюк Александр Георгиевич, 1927 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 135 минут. Запись от 29 сентября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Респондент: Малхасян Андрей Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 117 минут. Запись от 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Респондент: Токарева Галина Федосеевна.

⁴ Респондент: Карпеева Лидия Михайловна.

⁵ Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись от 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

У других очевидцев наличие у них частной жизни в годы войны не вызывает никаких сомнений. Но вот ее сущность и содержание определяются совершенно по-разному. Для медицинского работника Евгении Степановны Тюкиной частная жизнь на фронте реализовывалась «через любовь, через дружбу, через товарищеские отношения»¹. По словам телережиссера Эвелины Евгеньевны Розенблит, пережившей и эвакуацию, и оккупацию Ростова-на-Дону, ее частная жизнь девочки-подростка заключалась в личных переживаниях: «Частная жизнь моя, я вот, Вам ее рассказала, она все-таки была детская. Вот мое восприятие войны и все страхи, которые были, и все трудности, я считаю, что в принципе от этих трудностей какая-то закалка идет...»².

В свою очередь, для хореографа и поэтессы Елены Валентиновны Прибыльской ее частная жизнь в годы войны, также пришедшейся на период юности, – это творчество: оказавшись в эвакуации в Перми, она смогла услышать знаменитых театральных исполнителей, и этот духовный багаж лег в основу ее будущей специальности. Понимая несоответствие индивидуального опыта коллективной трагедии, она стремится «вписать» его в общий смысл происходивших событий: «Она, конечно, была частная жизнь, но все было внутри подчинено самому главному, понимаете, это невольно получалось. То есть мы были едины, мы болели всей душой за то, что на фронте, хотя мы жили в глубоком тылу, в Перми... я помню, привезли из Ленинграда детишек. Ой, это вот такие ручки, вот такие ножки, вздутые животы, лица как у скелетов, это страшно было. Их по детским домам, и начали потихоньку откармливать. А, в общем, обязательно была частная жизнь, и не только частная жизнь была. Самое главное, что творчество было, и было искусство, и оно было нужно, искусство»³. Очевидно, что различия в оценках частного отражают разницу не только в пережитых событиях, но и в последующей судьбе самих респондентов, их профессиональном, социальном статусе.

В ходе исследования выявились и гендерные особенности восприятия частной жизни, форм ее проявления и возможностей осуществления в условиях военного времени. Среди опрошенных 23 чел. являлись мужчинами, а 17 – женщинами. Как правило, вопросы, относящиеся к частной жизни, традиционно считаются «женскими», женщин быстрее можно «разговорить» на данную тему, причем легче сделать это было женщинам-интервьюерам. Это определялось несколькими обстоятельствами. Во-первых, «неудобностью» самой темы, по большей части, воспринимаемой попыткой вторжения совершенно постороннего человека в личное пространство респондента. Причиной тому нередко становится смешение частного и личного, отсутствие границ между которыми придает сфере приватного далеко не исчерпывающий ее интимный характер. Только в одном рассказе женщины из

¹ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

² Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись от 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Респондент: Прибыльская Елена Валентиновна, 1928 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись от 30 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

«интеллигентной еврейской семьи» прозвучало четкое разграничение этих сфер: «Ну, во-первых, частная жизнь, как я понимаю, она свойственна и должна быть у любого человека. Например, я никогда не скучаю, даже если мне, например, нечего читать, я сижу и думаю, что-то вспоминаю. Я ходила в школу, я училась, я общалась с теми, кто жил в нашей комнате»¹. Свою личную жизнь она связала с замужеством. Именно нежелание говорить о сугубо личном, «несовместимом» с жизнью на войне, привело к тому, что у большинства опрошенных женщин «частной жизни просто не было». Во-вторых, возрастом и условиями довоенной жизни респондентов. В своих суждениях о возможностях существования частной жизни и зримых очертаниях ее проявления они демонстрировали скорее более поздние представления, нежели непосредственные впечатления тех лет. Во многом такая ситуация обуславливалась отсутствием хотя бы какого-то подобия уединения в перенаселенных и малометражных комнатах, занимаемых семьями респондентов. За некоторым исключением все они делили жилое пространство с родными и близкими им людьми, что полностью исключало, по их мнению, малейшую возможность вести самостоятельную и неконтролируемую жизнь. Тем не менее даже в этом, казалось бы, полностью лишенном приватности пространстве «людской скученности» находились возможности «подышать воздухом полей, побегать за домом, нарвать луговых цветов». В-третьих, большей склонностью женщин к рефлексии, находившей выражение в переписке и более поздней записи собственных воспоминаний о том времени, в которых наиболее отчетливо проявились гендерные особенности женской памяти о войне. В них больше довоенной атмосферы, биографических зарисовок, склонности к детализации быта, эмоциональной окрашенности запечатлеваемых событий. При этом в женских воспоминаниях о войне много и мужского, вернее, негендерного: цепкость взгляда, ровность оценок и беспристрастность суждений. Однако есть и нечто разительно от них отличное: пристальное внимание к интерьеру эпохи с его цветистыми перегородками комнат и милыми безделушками, передававшими особенности уклада жизни их владельцев; частным и личным проявлениям времени. Приводимые фрагменты интервью, записанные в ходе исследования и на самом деле отражающие не только непосредственное восприятие очевидцами событий военного времени, но и рефлексию всей прожитой жизни, представляют, разумеется, далеко не весь спектр оценок частной жизни.

Одной из главных трудностей проведения опроса оказалась внутренняя неготовность респондентов к восприятию войны в предложенном ракурсе. С одной стороны, частная жизнь рассматривалась ими как нечто глубоко личное, в силу чего она не могла быть предметом публичного обсуждения. С другой – недоумение вызывало ее сопряжение с войной, требовавшей концентрации всех жизненных сил и не оставлявшей времени для уединения. Ситуация существенно осложнялась

¹ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 50 минут. Запись 4 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

и укоренившимися представлениями о частном как о чем-то мало существенном, а зачастую и немного постыдном. Как сказал Эмиль Исаевич Речестер, интервью с которым оказалось одним из самых информативных по рассматриваемой проблеме: «Я Вам, как анекдоты, все рассказываю...»¹.

Однако когда в процессе разговора выяснялось, что частная жизнь все-таки была, и тому обнаружилось множество подтверждений, респонденты, как правило, занимали позицию стороннего наблюдателя, вспоминая эпизоды из чужой, мельком увиденной жизни. Рассказывая о каких-то моментах своей частной жизни, они представляли их как случаи, примеры того «как бывает»: «Если, в общем, то у каждого человека сложилось по-разному. У одних это было очень плохо, у других более или менее ничего. Я не знаю почему, но у меня отношения сложились хорошие, начиная с эвакуации, нет, начиная с соседей, с которыми мы эвакуировались всем двором»². Многие из опрошенных, отрицая «взятые из кино и книг фривольные факты жизни на фронте», после завершения официальной части беседы «под запись» вспоминали, что «было и такое». В ряде случаев перезванивали и под воздействием состоявшегося разговора вспоминали «упущенное».

* * *

Традиционное восприятие частной жизни как «потайной», закрытой от глаз посторонних, сферы жизни ставит исследователя в положение человека, «подглядывающего» за другими «в замочную скважину»³. Показательно, что в электронных поисковых системах значительная часть ответов на запрос понятия «частная жизнь» связана со сферой интимных услуг, публичное упоминание о которых в «хорошем» обществе считается неприличным. В результате сам сбор необходимой информации сопровождается значительными трудностями, ее выявление в архивах или при опросах может создать впечатление о поисках компрометирующего материала, более присущих представителям «желтой» прессы, чем профессиональным историкам с их стремлением к академизму и представлением о высокой общественной значимости собственной деятельности. Требуется учитывать и ответственность исследователя перед респондентом, необходимость сохранения конфиденциальности полученных сведений, чтобы не навредить людям, оказавшимся в центре исследовательского внимания.

Уже поэтому рассматриваемая проблема, в отличие от других широко разрабатываемых в последние годы исторических сюжетов, все еще остается полна тайн и загадок. Следует также помнить о разнице в представлениях, присущих советскому обществу периода Великой Отечественной войны и современной эпохе. То,

¹ Респондент: Речестер Эмиль Исаевич.

² Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Стоит ли копаться в «грязном белье»... С. 80–85.

что сегодня воспринимается как незыблемая основа частной жизни и осуждается как вторжение в ее пределы, не всегда именно так оценивалось в прошлом. Очевидно, что осмысление методологических предпосылок проблемы, ее отражения в историографии и доступных исследователям исторических источниках позволяет снять ряд существующих противоречий между различными проявлениями частной жизни советского человека и сохраняющимися «лакунами» в их описаниях.

Глава 2

«ЕСЛИ БЫ СОБРАТЬ ВСЕ ПЕРЕЖИТОЕ НАМИ – ВЫШЛА БЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА ЖИЗНЕННОЙ БОРЬБЫ»: ПИСЬМЕННЫЕ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИВАТНОГО

Великая Отечественная война стала для советского человека не только временем тяжелых испытаний. Она привнесла в его жизнь ранее несвойственную ей непрочность, до предела обострив ощущение невосполнимости утраты и горечи потерь еще вчера бесконечно близкого и родного. На ее фоне предвоенные репрессии и ужасы колхозного строительства *«уходили куда-то вглубь, на периферию сознания, перед которым во весь рост вырисовывалась куда большая и грозная беда – война. Война, поравнявшая всех перед лицом смерти, и стершая из памяти все предыдущие обиды»*¹. Осознание *«чего-то непоправимого»* происходило *«медленно, как бы исподволь»*, цепко держась за газетные штампы и победные реляции времени, *«да и день не верил этому, он продолжался, распевая птичьим гомоном»*: *«Возвращались под вечер. Поезд был переполнен. Мы стояли в тамбуре, прижатые друг к другу, радуясь этому. Кругом говорили про войну, бомбардировки. Война с кем – с немцами? Я удивлялся, не верил, но уже понимал, что это правда. Что означает эта правда, я не представлял, но порывы общей тревоги наконец достигли нас»*². Однако и тогда, когда война уже стала осознанной реальностью, нормой повседневной жизни, мало кто из ее непосредственных участников и очевидцев понимал, через какие страдания и муки им придется пройти и с чем, прежде всего в себе, столкнуться. Крайним проявлением этого столкновения для советского человека стала трагедия Ленинграда, когда *«массовость смерти, блокадная обыденность ее, порождали чувство ничтожности жизни, разрушая смысл любого желания. Человек открывался в своем несовершенстве, он был унижен физически, он нравственно оказался уязвим – бредущий труп. Сколько людей не выдерживали испытаний, зверели»*. Война *«открывала человеку, каков он, что он способен выдержать и не расчеловечиться»*³.

Меняя привычные представления о незыблемости казавшегося твердым, *«как гранитная стена Мавзолея»*, мира, она вызывала в человеке *«какие-то совсем другие, ранее чужие»* чувства: *«Читал в газетах об Истре, о взорванном Иерусалиме, о сожженном Наро-Фоминске <...> всех тех мест, где я часто бывал и близких мне. Я наполнился такой ненавистью, что не знаю даже, может быть, и стал бы пытаться пленных и добывать немецких раненых. Я не верю даже, что Германия – страна классической электротехники, это ложь, что они культурны. <...> и я стыжусь, что я знаю их язык, хотя это сейчас очень нужно»*⁴. *«Никогда не*

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 1. Л. 4.

² Гранин Д.А. Мой лейтенант. М., 2013. С. 20.

³ Там же. С. 159.

⁴ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 4. Д. 6. Л. 6.

думал, что страдания другого человека, моего сослуживца, товарища, с которым делил мытарства окружения, думы о судьбе оставшихся далеко позади родных, оставят меня равнодушным»¹. Эти чувства нередко противоречили официальному, как-то быстротечно отлакированному патриотическим порывом облику войны, согласно которому советский человек жил единым смыслом трудной, но неотвратимой и приближаемой с каждым днем победы. По этому поводу хочется привести одно интервью, когда на наивный, как сейчас представляется, вопрос о том, была ли на войне у человека частная жизнь, респондент с вызовом ответила: «А мы, представьте себе, Родину защищали!». И только потом, уже в завершении нашей встречи, подумав, сказала: «Конечно, не только этим жили... Как мы поженимся, только об этом было, кого мы найдем себе, чтобы был такой, как ты или кто-то, кто нравился. Ну, конечно, ухаживало много ребят, у меня даже муж летчик»².

Об этих чувствах и переживаниях мы узнаем из писем и дневников военного времени, многие из которых были опубликованы отдельными изданиями или специализированными тематическими подборками, ставшими добротным подспорьем для изучения жизни советского человека в условиях военного времени³. При этом немалое их количество все еще остается архивными «реликвиями», степень востребованности которых возрастает по мере расширения территории и границ профессиональных исследований истории Великой Отечественной войны. Одной из таких предметных областей ее изучения как раз и выступают практики реализации приватного. Рассмотрение в качестве таковых написание писем и ведение дневников при всей их подцензурности и бытовавших запретах обуславливается двумя, по крайней мере, наиболее очевидными причинами. Во-первых, самим характером их составления: они писались и велись в свободное от коллективных действий время, когда человек оставался наедине с собою и мог доверить бумаге волнующие его мысли. Во-вторых, содержанием записей, адресованных близким людям и призванных ответить на вопросы из их и своей жизни. Жизни, которая требовала своего настоящего продолжения и какого-то встраивания в не всегда понятную логику происходивших событий и временную перспективу их завершения. В этой ситуации письменные практики оказывались едва ли не единственным способом связи с прежним довоенным миром и осмысления претерпеваемых им изменений, позволяющим оставаться и чувствовать себя человеком.

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф.172. Оп. 4. Д. 6. Л. 6.

² Респондент: Карпеева Лидия Михайловна.

³ Однако при всей своей добротности они зачастую грешат неполнотой и фрагментарностью представляемого материала. Так, комментируя необходимость повторной публикации ряда писем, современный исследователь отмечает: «В настоящем сборнике представлена наиболее полная версия переписки П.Л. Печерицы (8 писем из 20 опубликованы впервые, а в остальных произведено восстановление исключенных в рамках предыдущей публикации фрагментов), так как по идеологическим соображениям отдельные сюжеты его писем в первой половине 1980-х гг., вероятно, рассматривались как нежелательные» // Герои-терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения. С. 9.

2.1. «Хочется наладить с тобой связь, только этим сейчас и живу»: семейные истории в письмах

Если попытаться одним словом обобщить все полученные от наших респондентов ответы на вопрос о том, почему они писали письма в обстановке, к тому явно не располагавшей, то им окажется на первый взгляд странное и лишнее рефлексии словосочетание «а как же иначе»: «Обязательно. Мы ему писали»¹. «Он писал мне так, вот, я помню несколько строчек, а почему? У нас была женщина, вот в этом 51 номере жила, у нее тоже трое детей и муж на фронте был, и мы как бы дружили. И вот она мне диктовала письма, что писать, я писала»². «Да, она получала от него письма и писала ему очень добрые, хорошие письма»³. Вбирая в себя широкий разброс значений – от единственного источника информации до необходимости оказания поддержки близким людям, – оно как нельзя лучше отражало назначение писем военного времени и связанных с ним особенностей их написания. Особенностей, передающих не только содержание, но и привычность, умение писать «много и обо всем, что волнует». Отсутствие этой привычности на практике зачастую оборачивалось «письмами-приветами», которые по убеждению ряда их собирателей едва ли будут интересны профессиональному исследователю. Между тем это далеко не так: информационная «пустота» текста компенсируется его морфологией, позволяя прочесть больше, чем предусматривалось его отправителем.

Так, в деле Героя Советского Союза И. Чучваги находятся копии писем родным, стилистика и содержание которых указывают на его глубокую привязанность к семье и в тоже время крайнюю эмоциональную скупость ее выражения: «Добрый день, дорогие родители! Письмо от Вашего сына Ивана. Дорогие родители, пишу первое письмо после 8-месячного перерыва, когда Вы были на оккупированной территории. Да и теперь не знаю, получите ли Вы его и кто из Вас в живых. Привет и крепко целую папу, маму, Шуру с детьми, Марусю, Раю, дорогого сыночка Валерия, бабушку, тетю Ганю, родных Раю и всех, всех знакомых». «Добрый день, дорогие многоуважаемые родные папа, мама, жена Рая с сыном Валерием, сестры: Шура с детьми и Любочка. Прежде всего, я Вам сообщаю, что я жив, здоров, чего и Вам желаю. Дорогие, пишу Вам второе письмо в надежде, что за 8 месяцев разлуки мы все же восстановим связь, а главное мне хочется узнать, кто из Вас находится в живых и кто где находится. Ваш сын Ваня»⁴. Незатейливость их содержания, ритуальный и четко ранжированный характер обращения к каждому члену семьи, находящийся в воплощении в коллективной форме приветствия, свидетельствуют, прежде всего, об отсутствии опыта уединенной жизни в условиях большой крестьянской семьи,

¹ Респондент: Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 53 минуты. Запись 20 февраля 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

³ Респондент: Баляшина Анна Исааковна. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 83 минуты. Запись 19 июня 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁴ НАРА. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 237. Л. 15, 17.

а также привычки к саморефлексии. В свою очередь, настойчивое стремление к восстановлению прерванной связи с родными, их тщательное перечисление с указанием степени близости передают его внутреннее состояние и глубокую потребность в сопричастности к их судьбам.

Показательно, что ни один из респондентов, опрошенных непосредственно в ходе исследования, писем тех лет не сохранил. Многие были утеряны еще в годы войны, какие-то оказались «на свалке истории» по небрежности родственников, кто-то избавился от них уже в послевоенное время: «Обязательно, он и мне писал письма [об отце]. Ну, разве я знала, что мне надо их сохранить»¹. «Вот он [брат отца] нам присылал открытки, присылал там пару фотографий, как он там в этой бескозырке, значит, но потом не знаю, куда-то эти фотографии исчезли. Я подозреваю, что родственники утащили. По пьянке там, на празднике начинали показывать фотографии, потом все шло к столу, а потом через несколько дней смотрели, какой-то фотографии не стало, потому что не у всех же были. Вот он нам присылал...»². «Вот, у меня долго хранилась эта вещевая книжка, но как-то у меня внук недавно много-много выбросил. Он думал, что это вот такой мусор, взял пакет и выбросил, а там у меня было много военных, всевозможных [писем]... Нет, письма нет. Ну, мы же много переезжали, знаете, как. У нас жизнь какая была? Он же был все-таки офицером, военным человеком. После Ленинграда мы приехали в Советскую гавань, потом Владивосток, потом Архангельск, а потом только Ростов. Здесь уже 50 лет живем, лет-то мне уже много»³. С большим трудом вспоминалось и содержание писем, сводившееся, как правило, к стандартным формулировкам или характеристике их авторов: «Ну, писали, как мы живем, это когда немцев не было, а при немцах никакой переписки не было»⁴. «И мне, и я [писали]. Они же за мной не могли ходить! Но писала, в основном, моя бабушка. Она неграмотная, печатными большими буквами пишет: “Лидя!””. Но они же не понимают, что такое фронт, что такое действия»⁵.

Тем не менее все наши собеседники были единодушны в том, что именно письма оставались единственной связью человека с домом, близкими и родными ему людьми. Николай Филиппович Петрушенко, оказавшийся с шестилетнего возраста в детдоме, именно с помощью письма отыскал после войны мать и сестру, которых потерял в 1931 г., отстав от поезда: «А кто мне будет писать – никого нет. Где-то в 1948 г. я нашел родителей. Когда служил в Москве, замкомандира части по политчасти тоже посоветовал мне, поговорил и говорит: “Давай поищем!”. Да, и вот запросили в некоторые организации местные – там, колхоз, сельсовет, еще там военкомат. И пришло одно письмо. Да, перед войной тоже я пытался разыскивать,

¹ Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

² Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

³ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

⁴ Респондент: Респондент: Крюкова Анастасия Леонтьевна, 1928 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира И.В. Пащенко (внучка респондента, беседа осуществлялась по Skype). Продолжительность 73 минуты. Запись 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁵ Респондент: Карпеева Лидия Михайловна.

но прислали письмо, что неточный адрес. И тут началась война.... Ну, где-то там! То место было ж занято немцами. А вот после этого, службе в Москве, вот тут пришло одно письмо. Ну, мне сразу дали отпуск, поехал, нашел мать и сестру, младшая у меня сестра. А старшая, еще была старшая сестра, она еще до войны работала уже в Луганской области и после войны была жива, потом уже поздно умерла»¹. Обретение респондента, человека, которому можно было бы писать письма, считалось большой удачей и счастьем. Так, Анна Васильевна Гленбоцкая после одного из приездов на фронт стала для сослуживцев своего сына коллективным респондентом, письма от которого «ждали с огромным нетерпением»: «Привет с фронта Отечественной войны, многоуважаемая мать – Анна Васильевна! Здравствуйте, получивши от Вас письмо я очень обрадовался и не могу передать в письме той радости, которую я имею после прочитанного Вашего письма. И весь наш коллектив очень благодарен Вам за Ваше чуткое материнское отношение к нам всем. После Вашего отъезда мы все очень скучаем и часто вспоминаем о Вас. В отношении моей семьи: жену нашел. Несколько слов хочу сказать о семье: 25 июня 1941 г. я ее с ребенком в три часа отправил – эвакуировал на Украину. Оказалась в Житомирской области под “немецким игом” 2 года и 9 месяцев. Не могли бы Вы и ей написать письмо. Все же помощь... На этом заканчиваю, дорогая мать – Анна Васильевна, считаю, что и дальше мы с Вами будем иметь связь»². Л. Прокофьева, начав переписку с давним знакомым, так увлеклась своей новой ролью, что не заметила как через письма к ней пришла любовь: «Как я была рада твоим письмам! Мне казалось, что я теперь счастливее всех. Да, это и действительно так. Оказывается, так приятно любить и быть любимой. Ведь я еще никогда не испытывала этого по-настоящему, и это у меня впервые»³. И если ранее писала по настроению, то теперь очень скучала по отсутствию писем от него⁴.

К сожалению, большая часть писем, как опубликованных, так и находящихся в архивах, имеет односторонний характер: исследователь обладает возможностью ознакомиться только с отправлением, предугадывая возможный ответ на него. Полноценные комплекты переписки – большая редкость. Однако исключения все-таки встречаются и о двух из них, собственно, и пойдет речь далее. Валентин Иванович Алексашин родился в Москве, в 1907 г. в семье типографского рабочего. В 1919 г. остался сиротой и начал работать курьером. Учился на курсах торговых администраторов, имевших статус общеобразовательного учебного заведения, по окончании которых был призван в армию. В 1927 г. женился на Клавдии Васильевне Муравской, а в 1931 г. у них родился сын Лева. Через три года он стал студентом педагогического института им. К. Либкнехта, который ему так и не удалось закончить. 18 июля 1941 г. В.И. Алексашин был мобилизован на фронт, оказался

¹ Респондент: Петрушенко Николай Филиппович, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 102 минуты. Запись 27 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 2. Д. 103. Л. 3, 3об.

³ Там же. Д. 120. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 4.

в батальоне связи 32-й армии. В октябре 1941 г. под Вязьмой попал в окружение, затем в плен. После побега из плена участвовал в создании партизанского отряда «Белый медведь» майора Крылова, влившегося весной 1942 г. в состав 33-й армии. При переходе вместе с ее частями линии фронта попал в засаду и в течение двух месяцев скитался в лесах Брянщины. Затем был схвачен полицией, отправлен в лагерь для военнопленных и в 1943 г. этапирован в Польшу. В апреле 1945 г. во время очередного этапирования бежал, попал в распоряжение контрразведки 47-й армии. Пройдя соответствующую проверку, в мае получил оружие и принял участие в операции на Одере, во время которой был ранен и отправлен в госпиталь Берлина. Долечившись, остался в госпитале, где и работал электриком, энергетиком, радистом. Домой вернулся осенью 1948 г. Все это время с перерывами в три года писал письма жене и сыну, который и передал их в ЦХДЛС ЦГА Москвы в 1996 г. В личном фонде В.И. Алексашина хранится 80 написанных им писем и 73 ответных. Практически все его письма, за несколькими исключениями, представлены почтовыми карточками, написаны чернильной ручкой хорошо читаемым каллиграфическим почерком.

Первое письмо сыну, датированное 24 февраля 1942 г., написано им после полугодового перерыва, в течение которого В.И. Алексашин «не имел никакой возможности писать»: «Не забывай того, чему тебя учили в школе, читай больше хороших книг»¹. Образование сына, прежде всего, круг его чтения и успеваемость в школе, а также свободное времяпрепровождение стали лейтмотивом всей их переписки. В апреле 1945 г. он написал сыну первое после плена и лагерей письмо, в котором все также выражал крайнюю обеспокоенность тем, что в свободное от школы время сын «будет без дела гулять по улице». В связи с чем дал ему совет-напутствие: «Только высшая школа даст тебе возможность найти настоящее место в жизни», – и тут же добавил, – «Если нам не придется увидаться, то помни, что я жил только для Вас и ради Вас»². Буквально через два дня он с сожалением указывал, что письма сына так коротки, представляют сплошной «перечень о том, как...» и лишены «только им присущей легкости»³. Именно через эту «легкую подробность» он пытался вернуться к мирной жизни, отмечая: «Знай, что мне будет интересно читать все, все, что случается в твоей жизни: как ты не успел как следует подготовиться к экзамену по ботанике, как ты чуть было не упал с крыши, когда проводил телефонную проводку»⁴. В этом же письме он просил сына написать ему о том, как тот «ладит с мамой», часто ли она его бранила, и во всем ли он ее слушался. При этом, не взирая ни на что, заключал, что «ты должен жалеть маму. Кроме нас с тобою этого некому делать»⁵.

Письмо сына от 16 мая его очень обрадовало «хорошим синтаксисом» и прочтенным романом Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». В то же время напоминал о существовании русской классической литературы и спрашивал, как ему по-

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

² Там же. Л. 2

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6, 6об.

нравились «Полтава» Пушкина и «Мцыри» Лермонтова, а также просил назвать прочитанные произведения «у Твена, Верна, Купера, Киплинг». Пытаясь научить сына написанию интересных писем, просил его: «*Описывай мне их [события], как умеешь, тогда я буду все знать и чувствовать, как если бы жил с Вами вместе. Напиши мне, сколько в неделю ты прочитываешь книг. Постарайся выучить к моему приезду сказку Ершова “Конек-Горбунок”*»¹. И далее обращал его внимание на наличие особого таланта к такому виду деятельности: «*Ты сам видишь, что написать письмо не так просто. Нужно прежде подумать: что бы написать такое хорошее и не написать, что уже писал раньше. У нас с тобою нет такого таланта как у мамы: сесть и сразу написать длинное письмо. Я, например, несколько лет подряд записываю интересные мысли, которые приходят в голову, а потом уже оформляю их в голове*»². С отсутствием необходимого материала В.И. Алексахин связывал и частоту написания писем домой: «*Я пишу Вам не реже одного раза в 5–7 дней. Чаще не позволяет работа и жизнь, бедная интересными событиями. Это вовсе не значит, что я не думаю о Вас, моих самых дорогих и близких, каждый день. Если бы эти мысли сами превращались в письма, то Вы бы не успевали их читать*»³.

Первое ответное письмо сына В.А. Алексахин получил только 5 мая 1945 г. Объясняя свое долгое молчание, тот сообщал: «*Прости, что так долго не писал, сам не знаю, почему... Получили повестку на получение радиоприемника. Ты мне почаще пиши свои, так как я с трудом подбираю материал для писем. Рекомендованные книги взял в библиотеке, понравилась*»⁴. Четырнадцатилетний подросток, не видевший отца с начала войны, старательно следовал его указаниям описывать свою жизнь, «как может»: «*У нас под окном растут разные разности: укроп, шпинат, салат, редиска, пастернак и свекла, но совершенно не знаем, что с ними делать*»⁵. Тем не менее мальчик постоянно испытывал трудности с частой и насыщенной перепиской: «*Не знаю, как описать тебе нашу жизнь: она протекает почти все время однообразно: утром уходим на работу, предварительно позавтракав, вечером приходим, поужинаем, читаем, я иногда захожу к Кате, посмотреть журналы, и ложимся спать. В выходной сходили в парк им. Горького и посмотрели (не всегда) кино*»⁶.

Переписка отца с сыном носила в целом неровный и в эмоциональном отношении несколько натянутый характер. Вероятнее всего, сказывалась разлука, привитое в семье уважительно дистанцированное отношение к старшим, какая-то скованность в передаче мыслей и чувств. Эта неловкость нашла свое отражение даже в их обращении друг к другу. В.И. Алексахин называл сына «*Лева, дорогой мой мальчик*» и спрашивал, не обижало ли его такое «детское» обращение. В свою очередь, мальчик писал ему «*здравствуй, папа*». В этой переписке нет внутреннего

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 3. Л. 8об.

² Там же. Л. 9.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 6. Л. 1об.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 8.

накала, она лишена обоюдного желания как можно больше узнать друг о друге. Для В.И. Алексашина письма к сыну – это, прежде всего, выражение своего отцовского долга, стремление наверстать упущенное в его воспитании и образовании за время вынужденного расставания. Он писал письма сыну очень часто, обращаясь в них к своему личному опыту решения каких-то домашних или общественных проблем, стараясь таким образом наладить свою семейную жизнь. Для его сына написание писем – это и долг, и желание быть «дорогим мальчиком», соответствовать тому идеальному образу, которого от него ждал отец. Совершенно другую тональность имеет переписка В.И. Алексашина с женой – «хорошей, дорогой Клавдюшей».

Со времени призыва по август месяц включительно он писал письма каждый день. В них слышится тоска по оставленному дому, жгучее желание знать все, что происходило с близкими ему людьми, и стремление «хоть на миг вырваться в Москву»: «Здравствуй моя хорошая, родная Клава. Со времени отъезда посылал тебе каждый день по открытке. Сегодня пишу письмо. Очень тянет побывать в Москве»¹. «Здравствуй родная Клава. Хотелось бы получить от тебя весточку. Пиши коротко, в каждом письме, как дела. Я тебе писал ежедневно кроме 30 / VII. Не беспокойся, если будут перерывы, они неизбежны»². «Клавдюша, родная! Как хочется побывать хотя бы один день вместе с тобой»³. О себе писал мало и крайне неохотно, объясняя эту скупость тем, что «о себе ведь много писать нельзя»⁴. Однако, начиная с сентября, их тональность меняется: он все чаще жалуется на нехватку времени, накопившийся ворох армейских дел и какую-то «душевную усталость»: «Совсем нет времени засесть за хорошее и обстоятельное письмо. Еле успеваю писать открытки. Теперь быстро темнеет и вечера холоднее, а днем засесть за письмо совсем невозможно»⁵. Ближе к концу сентября ему удалось осуществить свою заветную мечту – побывать дома. К воспоминаниям об этой поездке он часто обращался потом в своих письмах к жене. Она стала для него поворотной: из писем исчезла надрывная тоска, притупилось чувство одиночества, произошло примирение с непривычным фронтовым бытом: «Как отрадное воспоминание остались дни, проведенные вместе с тобой. Скверная погода, грязь, холод – все эти вещи становятся привычными, как теплая постель и многие другие удобства домашней жизни. Большая и дружная кампания спасает от грустных мыслей и тоски. Мне, кроме того, помогает привычка обобщать явления и события, и сравнивать свое положение с другими более худшими условиями»⁶.

Окружение под Вязьмой осенью 1941 г. и последовавшие за ним плен, побег и четырехмесячное скитание в лесах не прошли бесследно для его писем, возобновившихся только 15 июля 1942 г. В них появились нотки выстраданной гражданственности, осознание своей принадлежности Родине: «Слушаю московское радио!

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 6. Л. 4.

² Там же. Д. 2. Л. 3.

³ Там же. Л. 5об.

⁴ Там же. Л. 4об.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 14–14об.

Ты можешь представить себе, что это такое для меня, не видевшего 4 месяца газет, не слышавшего живого слова. С улыбкой я сейчас подхожу к сомнительному вопросу, стоит ли сообщать тебе, что я жив. Если ты сама цела, то знай – пока жив, пусть это известие порадует тебя, но не слишком. Ведь наша жизнь сейчас принадлежит стране, Родине. Я с большой ответственностью пишу эти слова, потому что больше 4-х месяцев нахожусь в немецком тылу. Возможно, ты получала письма, которые я оставлял для отсылки тебе в некоторых местах. В этих письмах много тоски и отчаяния. Они оправдываются несколько полным отрывом от страны и ужасом пережитого... Действую в составе партизанского отряда¹. Вместе с тем мечтал о «регулярной связи» (переписке): «...это для меня очень далекая мечта и в то же самое время мое большое желание – получить известие о твоей и Левиной судьбе». Он страшно жалел, что не предложил жене «попытаться послать пару строк в редакцию писем на фронт по радио»². 3 апреля в очередном «безответном» письме В.И. Алексашин подсчитал, что ровно полгода не получал от нее писем, и выражал надежду, что с обретением им постоянного места и адреса все наладится³. Однако этому горячему стремлению не суждено было осуществиться еще в течении долгих трех лет.

Свое первое письмо после освобождения из плена он написал жене 9 февраля 1945 г. Из него следовало, что освободили его 18 января, и он с нетерпением ждал «получения весточки» от самых близких ему людей – жены и сына⁴. При этом о себе В.И. Алексашин практически ничего не сообщал, так как «особо писать нечего. Здоров, немного постройнел. Вообще сильно изменился. Постарел. Ребята зовут меня “старичком”»⁵. 10 марта, после получения сразу четырех писем – трех от жены и одного от Кати (предположительно сестры) долго сидел и плакал от мало объяснимых чувств («радости, горя, обиды и многих других»): «Слезы хотя и долго не давали возможности дочитать хотя бы одно письмо до конца, но начисто смыли с души тревоги, сомнения и тяжесть, которые так долго были спутниками моих воспоминаний о доме и тебе. Очень трудно собраться с мыслями, чтобы что-либо писать о себе. Здоров вполне, от небольшой раны, полученной в 1944 г., почти не осталось и следа. Наружных увечий пока не имею»⁶. При этом он чувствовал себя настоящим счастливцем, вызывавшим зависть сослуживцев: «такое обилие писем за один день редко кого радует»⁷. Но уже 12 марта эта радость уступила место новой тревоги: у него вновь поменялся адрес полевой почты, и ему было больно осознавать, что «опять становится источником тревоги» для жены⁸.

15 марта В.И. Алексашин участвовал в большом наступлении, о чем через два дня сообщал жене и сыну: «Клавдюша! Левочка! В бою участвовал с большим

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 2. Л. 15.

² Там же. Л. 18–18об.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 10об.

⁸ Там же. Л. 11.

интересом, т.к. операций подобного масштаба я еще не видел. Действительно, война есть очень большое и очень сложное искусство, и даже наука»¹. В ходе этой операции он был ранен и оказался на излечении в одном из берлинских госпиталей. Появление свободного от решения армейских задач времени сказалось и на тональности переписки госпитального периода. Он пытался объяснить жене, что остался «ее прежним Валюшей»: «... и из писем моих, из отсутствия их ты должна видеть, что я остался тем же самым человеком, которым и был, лишь несколько более умудренным горьким опытом и тяжелыми страданиями, которые пришлось пережить»². В доказательство тому он с головой уходил в обсуждение читательских пристрастий жены и сына, необходимости выработки привычки к систематическому чтению: «Очень рад, что ты преодолела свое прежнее предубеждение к систематическому чтению книг, и завидую тебе, т.к. здесь абсолютно никаких книг нет. Достал себе немецкий учебник физики и бываю рад, когда сумею прочитать и понять 1–2 страницу. Однако это быстро наскучивает. Выбор книг для Левы мне не понравился... Пусть читает Ч. Диккенса, М. Твена, Ж. Верна, Ф. Купера, Р. Киплинга. Но удерживай его от запойного чтения. Оно ничего не дает. Вообще приучай его к чтению русских поэтов-классиков»³. Здесь же сообщал, что написал три письма («тебе[,] Леве и Тане»), которые стоили ему «труда почти сверхчеловеческого». Возвращение к привычной жизни шло медленно, чему не способствовала и редкость получения писем из дома. 14 мая В.И. Алексахин написал жене, что ее «письмо шло в лучшем случае 7 дней. Это очень быстро, т.к. обычно я получаю твои письма на 10-й и 12-й день. Ник. Евг. говорит мне, что его жена тоже жалуется на то, что письма получает через две недели. У нас почтальон бывает не каждый день»⁴. По мере налаживания переписки становится более спокойным и ее содержание. Он описывал свои будни, делился впечатлениями об увиденном в Германии, сравнивал изучение немецкого языка с ездой на велосипеде. Постепенно из писем уходила тревожность, они обретали уверенность, в них звучали уже не советы, а настойчивость в необходимости выполнения его наказов.

Для его жены жизнь, проведенная в письмах, оказалась более тревожной и эмоционально насыщенной. Она острее ощущала одиночество и воспринимала его письма как разговор с реальным человеком: «Сегодня с работы пришла рано, и как-то тоскливо стало, от тебя пока писем нет. Ведь совсем одна. Когда я получаю твоё письмо, даже весело становится. Как будто поговорила с тобой. Пиши почаще»⁵. С октября по июль 1942 г. К.В. Муравьева «не находила себе места и много чего передумала». Об этом она писала мужу 18 июля 1942 г.: «Вот опять перерыв в письмах почти два месяца. В одном из своих многочисленных писем я писала, что все же, что не случилось с тобой, я предпочитаю ждать. Страстное, большое

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 3. Л. 12.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 22об.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Там же. Д. 7. Л. 1.

желание встретиться с тобой во чтобы то ни стало и не хочется даже мысли иной допускать и за версту. Стараюсь представить тебя в твоей обстановке настоящей. Не улыбаться ты не можешь. Ведь бывают и после туч солнечные дни. Ну а ты жив, и это большое счастье. Так я и о себе думаю. Пока мы с Левиком целы, здоровы, а остальное будет, и радостное впереди». Но держалась она бодро за счет хлопот и работы, полагая, что у него тоже хорошее настроение, несмотря на окружавшие невзгоды¹.

Однако дожидаться очередного, «такого выстраданного» письма ей нескоро удалось. Почти на три долгих года их разлучила неизвестность, полная всевозможных, самых худших предчувствий и неистребимой веры в то, что «суждено будет встретиться». Известие о том, что муж жив, вызвало такую радость, которую она «еле вместила в пять писем»: «Получила, наконец, и я такое замечательное письмо! Словами трудно передать то чувство, какое овладевает мной. Мало назвать радость. Со мной вместе радуется и весь наш коллектив. Весть, что после трех лет неизвестности, ты жив, взволновала МНОГИХ. Целую бесчисленно раз и крепко обнимаю. Пиши, дорогой, как можно, чаще. Я буду ежедневно писать»². «Пишу уже пятое письмо [за два дня] и только теперь вспомнила, что не справилась о твоём здоровье»³. В этом же письме К.В. Муравьева подробно сообщала ему, как она жила все эти годы: «1942–43 – зимовала в новом доме, в комнате эвакуированной семьи. В отношении удобств тепло, как у Христа за пазухой, но с питанием слишком туго. 1943–44 – немного подремонтировали комнату и перебрались в свою, так как вернулись хозяева; сдача донорской крови; огород; работа; ночные дежурства; поездки за дровами и грибами. И вот только в этом году (45) начали отвлекаться почаще в кино, театр. Отмечали праздники, хоть бедновато, но сытно. Надежда на чудо не покидала. Одно время (не так давно) каждый стук в дверь заставлял меня настораживаться: “А не Валя ли?”. Когда на дороге встречали машину с военными или поезд, то ищем среди серых шинелей своего любимого родного Ваю. С Левиком я всегда, растёт румяным крепышом, хватает времени на работу, учебу и чтение! Если не трудно и не больно, напиши подробно о себе. Твоя и только твоя Клава»⁴.

Его письма и последняя фотография с фронта служили ей все эти годы «утешением», которого хватало дня на три. У нее – неиссякаемая потребность писать «много и часто», поэтому он удивляет ее тем, что «при наличии уймы времени не пишет ничего о себе». За годы, проведенные без его писем, К.В. Муравьева сильно похудела, о чем ей «бесконечно говорят окружающие», но и «в таком виде хотела бы сохраниться» до приезда мужа⁵. Через день она опять написала о своем самом сильном желании получить ответ на свои письма и «хотя бы краем глаза» увидеть его. Наряду с радостью в письме скользило легкое чувство досады, что не ей первой

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 7. Л. 2–2об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 5.

он сообщил о своем чудесном спасении: «Обоим нам пришлось познать жизнь во всех ее причудах, но неизмерно больше досталось тебе. На меня сейчас смотрят как на самую счастливую и это так, но просто боюсь радоваться. 23 февраля 1945 г. войдет в нашу семейную историю как “возвращение к жизни” главы семьи. Катя получила первая, а я вслед за ней 24 февраля. До своего получения очень досадовала, почему не вместе». По этому случаю она вместе с сыном была в театре на «Ярмарке невест», в своих впечатлениях о котором передала очень верное и сугубо женское настроение того времени: «В театре, конечно, преобладающее большинство женского пола [,] и соскучилась каждая из нас по своему дорогому. Так что всюду трудно забыть о войне, ее последствиях. Мечта о возвращении пусть радуется настоящему и поскорее превратится в реальную действительность»¹.

Все ее последующие письма пронизаны «неожиданной радостью», омраченной сомнениями мужа сообщать ли ей о том, что он жив. Его сомнения, вполне естественные для человека, «запятнавшего свою репутацию пленом», ей казались несущественными и надуманными: «Ведь одно то, что ты вновь советский гражданин советскими людьми уже умолчать невозможно. Я своей радостью в тот же день поделилась со всеми окружающими [,] и меня поняли, передавали другим и приходили они поздравлять. Как же может быть иначе? <...> Во всяком случае, все невзгоды, недоедания пошли на пользу. Окрепи, удивляемся, что иногда жизнь сама делает загадку из этих событий. При встрече – разберемся»². Она писала каждый день с надеждой, что хоть одно из писем «поймает» его. Мучительно ждала ответа, считая, сколько долгих дней в пути проводили его «весточки». Понимала, что приносила ему мучения своими упреками за редкие письма, объясняя это «сильным желанием быть с тобой, рассказать о нашей жизни все, что еще до тебя не дошло, передать мою любовь к жизни с неиссякаемым оптимизмом». Она делилась с В.И. Алексашиным планами относительно воспитания сына, полагая, что они «дадут родине хорошего советского человека», и искренне сожалела, что пока только одного. Обязывалась приложить все силы, чтобы сделать его образованным и не теряла надежды, что «в этом процессе будет и твое участие». В сентябре 1943 г., видя, как некоторых ребят портила улица, устроила сына к себе на комбинат³. Вместе с ним они осваивали «хорошую литературу», которую муж настойчиво рекомендовал своему «дорогому мальчику». Прочли «Войну и мир», «Мертвые души», «Педагогическую поэму», очень понравились рассказы О. Генри⁴. Отвечая на его «бесконечные расспросы» об их жизни, она писала, что «особенного как бы и нет ничего», жили дружно, «можно было бы в питании пожелать лучшего, но главное – режим и воздух». С «воскресением» мужа она стала более подвижной и крепко задумалась о ремонте комнаты, чтобы получше его встретить⁵. Его особое беспокойство о сыне одновременно и радова-

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 7. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 12.

ло, и огорчало ее: «... мне как мамаше приятно, но отчасти и думается – может у тебя возникает какое-то другое чувство – смогла ли справиться с воспитанием именно человека?»¹.

Между тем ей все время казалось, что муж не представлял, насколько он был ей бесконечно дорог: «Пишу и все не подберу таких слов, чтобы передать то горячее чувство к тебе, моему любимому Валюсе. После всего пережитого в тысячу раз дороже. Об этом запомни твердо, все [,] чтобы не случилось с тобой, я всегда твоя»². Она внимательно вчитывалась в его письма, ощущала в последних из них «какой-то холодок», и «мысли-сомнения» все чаще овладевали ею: такая же она для него, как прежде? Его молчание в «преддверии скорой развязки» ощущалось особенно тяжело: «Нелегко мне было эти годы и когда слабая надежда похожа стала на действительность, когда остались считанные дни до Победы, твое молчание я по неволе воспринимаю незаслуженным наказанием»³. Ей, «как верной жене, было бы крайне нерадостно одной встречать победу», и она ждет «вознаграждения не на том свете, а здесь»⁴. Своего вознаграждения она дождалась только через три года по окончании войны: в 1948 г. В.И. Алексашин вернулся домой из Германии, где после излечения в госпитале остался работать «по электрической части». Все это время его отсутствие чувствовалась ею «более, чем надо», как примета войны. Но она ко многому («ведь советская женщина») приспособилась⁵. Разлуку помогали пережить его «хорошие и интересные письма», а также не покидавшая ее мысль о том, что у него «много имеется положительного», которым она дорожила⁶.

Семейная история Владимира Максимовича Штерна оказалась менее счастливой и продолжительной. Он родился 12 октября 1912 г. в литовском г. Поневеже (сейчас – Паневежис). Вскоре после еврейского погрома семья переехала в подмосковный г. Дедовск, где он окончил школу, энерготехникум, а в 1934 г. поступил в Московский энергетический институт им. В.М. Молотова. В 1940 г., уже будучи дипломированным специалистом, был призван на службу в РККА в гаубичный артиллерийский полк. Затем переведен в Нахабинский научно-исследовательский военно-инженерный институт Красной армии на должность заместителя политрука по личной работе. Свое «вынужденное нахождение в армии» воспринимал очень болезненно и тяжело, полагал, что теряет время и полученные в институте знания: «Служба в армии очень и очень суровая, и тяжелая. Я всю свою жизнь занимался только умственным трудом, кругом меня молодежь, пришедшая из деревни»⁷. Об этом он много и часто писал жене – Софии Владимировне Горбуновой (впоследствии Шиловой), ругая за плохо сданные экзамены по электротехнике и приемникам. Ее же, напротив, огорчало, что он мало занимался физическими упражнениями и забросил немецкий язык. Их довоенные письма, охватывавшие всего три месяца,

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 3. Д. 7. Л. 14.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 14 об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 1об.

полны множества сиюминутных желаний и передают готовность потерпеть «эти полтора года, когда начнется нормальная жизнь». Она скучала по телефонным звонкам и совершенно отвыкла писать письма, с нетерпением ждала его приезда в Москву: «Вока! Роденький! Если будешь в воскресенье вечером в Москве, то за билетом в театр (Эрмитаж) лучше бы зайти по дороге с вокзала». Он, напротив, писал, как «выдается свободное время и все про важность того, что делает»¹. Война для них началась «совершенно неожиданно и некстати».

Свои первые 9 писем от матери и ее двух сестер он получил только 9 декабря 1941 г. и сразу же откликнулся на них «передачей волнующего ощущения момента»: «Сейчас мы живем в такое время, которое будет, наверное, основной страницей в истории нашей страны. За это стоит и пострадать и умереть <...> Принимал участие в ряде боевых операций различного характера, много работаю как переводчик, так с людьми и документами. За меня не беспокойтесь, будьте здоровы и бодры!»². Отсутствие писем от близких заставляло его «очень волноваться» и писать «как можно чаще»: «Мои дорогие! Я жду с нетерпением весточки от Вас, а ее все нет и нет. Пишите мне чаще и подробней, если Вы будете это делать, то больше шансов, что у нас с Вами будет связь!»³. «Я все еще не имею весточки от Вас, что случилось?»⁴. 14 февраля 1942 г., когда он, наконец, стал получать от них письма, выяснилось, что семья эвакуировалась сначала в г. Молотов (в настоящее время – Пермь), затем в село Армизоны Омской области (в настоящее время – село Армизонское Тюменской области). Он «страшно рад», что они живы и в относительном порядке. В его жизни за это время произошли большие изменения: он стал корреспондентом полковой газеты и все время проводил на передовой: «Я послал одну из многочисленных наших листовок и одну из своих заметок. У меня их несколько, но все куда-то подевались, есть и хорошие... Редакции очень искажают. Я чувствую себя хорошо, что завтра будет, не знаю»⁵. «Посылаю Вам некоторые из моих статей, которые мне удалось сохранить. Я все время на передовой и меня охотно печатают. Когда у Вас будет связь с Соней, после назначения ее на работу, перешлите ей вырезки, ей они нравятся»⁶.

Март и апрель прошли для него в мучительных переживаниях «от неизвестности и скудости получаемых писем», он опять потерял связь с домом: «От Вас я давно уже не имею писем. Пишите же мне, неужели это так трудно?»⁷. «Получил от Вас, вернее от мутки, весточки и очень им рад. Почему мне не пишут ни Аncia, ни Ривця [сестры матери. – Авт.], разве я их чем-нибудь обидел? Желаю счастья, удачи, дружбы и здоровья»⁸. «Пишите мне чаще. Через сколько дней доходят мои

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 4. Д. 8. Л. 6.

² Там же. Л. 2, 2об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 16.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 10.

письма к Вам? Ваши (вернее мамины) на 20–25 день»¹. Тем не менее домой старался писать «почти каждый день», сообщая близким, что жив и здоров. Он делился с ними своими профессиональными неудачами, с горечью описывая «засвеченный на передовой материал»²; наблюдениями о фронтовом быте противника: «Немцы – это сплошной разврат, у пленных на стенах наших школ, где они устраивали свои “Halle”, такая порнография, что даже кавалеристы блюют»³; с горечью сообщал о полной оторванности от мира: «Мы сейчас форменным образом оторваны от мира. Началась весенняя распутица, которая сопровождается такой жуткой грязью, что трудно представить, как в кошмарном сне. Почту получаем из-за этого 1–2 раза в неделю»⁴. В апреле письма из дома стали приходиться «более или менее регулярно». Он живо реагировал на желание родных вернуться сейчас в Москву и на их жизненные трудности в эвакуации: «В Москву пока ехать не советую, не потому что опасно, а потому, что здесь, где Вы сейчас, от Вас будет больше пользы, а там видно будет. Поднимите ли мобилизацию на сельскохозяйственные работы? Это мероприятие умное и принесет пользу и людям, и государству»⁵. «Ехать в Москву и Гучково не советую, это рано и никому не нужно. Возьмите себя в руки и потерпите немного»⁶. «Ничего, потерпите. А трудности у всех большие. Врага не так легко разбить»⁷. Не забывал он и о родителях жены, о жизни которых «хочет все-все знать». Он сообщал им о тяжелых боях «не на жизнь, а на смерть за честь родины»; переписке с их дочерью, решившей окончить институт в такое трудное время; выражал удивление по поводу вторичного замужества ее сестры⁸.

Переписка с женой, ласково называемой Сокой, в основном велась через его родителей. По их очень редким письмам он знал о ее перемещениях, жизни в эвакуации, тяжелой работе и стремлении «добить институт». Ее единственное сохранившееся письмо к мужу от 21 мая 1942 г. пронизано тоской, горячей любовью и стремлением «хоть чем-то помочь»: «Дорогой, любимый мой супруг! Эти дни наступления на Харьковском направлении и горда, и рада, и страшно волнуюсь. Как-то Вы там, как-то ты там мое счастье! Горько так мало знать о тебе, но делать нечего, нечего мне было удаляться в такой глубокий тыл. Надо было ехать с тобой! От твоей мамы получила письмо со вложенными твоими газетными статейками <...> От тебя получила 2 письма, писанные 20 и 21 апреля, это после месячного перерыва. Кока, глаза мои, плечико, родненький мой муженечек! Все время думаю и мечтаю о тебе, все время волнуюсь. Если бы могла молиться, было бы легче, но я знаю, что все дело ума и случая. Знай только, чтобы с тобой не

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 4. Д. 8. Л. 12.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 15. Его возмущение немецкими нравами рельефно оттеняют его собственные представления о взаимоотношениях полов. В одном из писем родным, комментируя отсылаемый снимок, он пишет: «Девушка сзади меня – шутка моего сослуживца, старшего политрука. Не смущайтесь» // ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 4. Д. 8. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 3.

случилось, ты не должен от меня скрывать, чтобы с тобой не случилось, возвращайся к Соке! Слишком много слов хочется сказать тебе, супруг мой ненаглядный. Я в мыслях обнимаю тебя, у меня закружится голова, когда увижу тебя, вероятно, обалдею от потери сознания, от радости». Будучи вдали от фронта, она тем не менее понимала, что «немцы начали нас бить и бить главным образом из-за нашей растяпости, разболтанности и какого-то врожденного ротозейства». Страшно переживая о его судьбе, она писала проникновенные строки, пытаясь вложить в них все свои чувства к нему: «Кругом тебя титаны разрушения, чудовища без сознания, а ты всего-навсего мой Вока, слабенькое существо! Кусочек свинца – и нет Воки, и Сока останется одна, но нет! Но нет, комочек жизни, называемый Вокой, восторжествует над всеми стальными, свинцовыми чудовищами, потому что Вока умный, потому что Воку любят и ждут, потому что у Воки еще нет сына, потому что Вока еще не окончил аспирантуру, как же Вока может не победить! Ох, крошечка моя, замполит весь такой близкий, родной со всеми своими статейками, письмами! Помоги тебе провидение выдержать все ужасы войны, помоги сделать тебя сильным и бодрым! Жинка ждет тебя! Мама ждет тебя! Сына хочу родить тебе!»¹.

Его последнее письмо родителям написано 18 мая 1942 г. В этот день цвела черемуха, которую ему было страшно видеть «среди трупов лошадей, крови, страданий и взрывов»². Письмо оказалось последним, в боях под Харьковом В.М. Штерн пропал без вести. В мае 2002 г. его вдова С.В. Шилова передала в ЦХДЛС ЦГА Москвы 20 написанных им писем и 10 ответных.

2.2. «Я вот здесь пишу сейчас все, что придет в голову»: три дневника Великой Отечественной о времени, жизни, людях и о себе

Настоящей отдушиной для многих участников Великой Отечественной войны стало ведение дневников. Ими обзаводились в тылу, писались они и на фронте, несмотря на бытующее в профессиональной литературе мнение об их строжайшем запрете. Велись они с разной степенью регулярности и предназначения. С.В. Яров, пытаясь определить, какую роль играли дневники в упрочении стойкости ленинградцев в годы блокады, отмечал: «Люди вели дневники – в силу привычки, усвоения чужих традиций, настойчивых советов, наконец, как средство заглушить тоску и чувство голода»³. Вместе с тем, их «заполнение» нередко помогало отвлечься от тяжелых мыслей или поддерживать над собою постоянный контроль⁴. Их авторы не разделяли описываемые ими события на важные и незначительные, что при изучении дневников делает их незаменимыми в ис-

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 4. Д. 7. Л. 10, 10об.

² Там же. Л. 27.

³ Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1945 гг. М., 2012. С. 533.

⁴ Там же. С. 534.

следовании ряда плохо формализуемых вопросов частной жизни (семья, забота о детях, любовные и дружеские отношения, впечатления от прочитанных книг, увиденных кинофильмов).

Дневники и письма Героя Советского Союза Е.М. Рудневой публиковались трижды¹. Как отмечает в предисловии к последнему изданию И.В. Ракобольская, усилиями которой они стали достоянием памяти о войне, «объем книги, да и собственный взгляд редактора предыдущих изданий привели к тому, что было сделано много купюр в тексте, особенно ограничены материалы, охватывающие годы учебы в университете». Ряд «тоненьких тетрадок» с воспоминаниями Е.М. Рудневой осел по окончании войны в школах и пионерских дружинах, носивших ее имя, а дневники 1940–1941 гг. оказались и вовсе утерянными². Накануне 50-летия Победы бывший начальник штаба 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка И.В. Ракобольская, штурманом которого была Е.М. Руднева, попыталась вновь собрать все сохранившиеся о ней материалы. Предыдущие издания пополнились письмами подруги, архивными документами и комментариями, «чтобы понятнее стала обстановка, в которой они [дневники и письма. – Авт.] писались». В книге появились «небольшие фрагменты из того, что написано было о Жене ее однополчанами и полнее раскрывает ее образ»³. Итогом этих усилий стало появление полноформатного метадокумента, выходящего далеко за пределы собственно биографического повествования.

Необходимость переиздания «этого поразительного человеческого документа» для И.В. Ракобольской была вызвана не только желанием «снова оглянуться назад, пока еще живы свидетели тех трудных лет и подвигов наших дорогих подруг, пока не растеряны их свидетельства», сколько стремлением прояснить нынешнему поколению «много странного и непонятного» из событий того времени. В частности, сквозь призму живого свидетельства помочь ему приблизиться к пониманию того, «откуда у молодой студентки-астронома могло появиться желание быть в комсомоле, партии, готовить себя к обороне Родины, а когда грянула война – добровольно уйти на фронт»⁴. Представляется, что опыт подобного понимания полезен и профессиональному исследователю, для которого человеческое измерение войны остается плохо освоенной и в ряде случаев все еще непроходимой территорией.

Показательно, что в последние годы в профессиональных изданиях появляются нотки скепсиса в оценках природы патриотического порыва и искренней веры многих советских людей в защищаемое ими правое дело. Сегодняшнее знание о большой войне, выигранной чрезмерным напряжением жизненных сил и воли миллионов советских граждан, зачастую переносится на реалии совершенно ино-

¹ Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1954; 1958; 1995.

² Ракобольская И.В. Предисловие к третьему изданию // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С. 7. Как отмечала сама Е.М. Руднева 2 декабря 1942 г., «потом приезжал этот идиотский писатель Купер, утащивший у меня дневник» // Там же. С. 128.

³ Пока стучит сердце... С. 8.

⁴ Там же.

го времени, когда *«кругом столько ужаса и крови, а у меня, наверное, сейчас самое счастливое время. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется. И вот у меня двойная жизнь: в мыслях о будущем все рисуется туманно, но очень светло. Ведь главное – кончится война»* (2 декабря 1942 г.)¹. Время, очевидцы и творцы которого запомнили его не столько тяжелым испытанием на прочность первого в мире государства победившего социализма, сколько проверкой на крепость своих чувств, привычек, отношений с родными и близкими им людьми. Их «наивное» повествование о войне, порой лишенное высокого устремления к мести «за поруганную честь родины», в качестве исторического источника не менее ценно, чем статистически выверенные сводки боевых действий отдельных подразделений Красной армии или партизанских соединений. Именно благодаря этой наивности мы понимаем, что жизнь не остановилась, а находила все новые формы своих проявлений, для которых война оставалась всего лишь временным фоном.

Евгения Максимовна Руднева родилась в 1920 г. в Бердянске. В 1929 г. семья переехала в Подмосковье. По окончании школы она поступала на механико-математический факультет МГУ, а в октябре 1941 г. наряду со многими сверстницами ушла на фронт. Ее фронтовая жизнь оказалась тесно связанной с авиацией: школьное увлечение астрономией переросло в сознательный выбор штурманской школы, откуда она попала в легендарный полк «ночных ведьм». Как впоследствии писала И.В. Ракобольская: *«В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк – 46-й гвардейский, Таманский, дважды орденосный полк ночных бомбардировщиков, летавший на самолетах По-2. В этом полку мужчин не было. От техника до командира полка – одни только женщины. В основном девочки от 17 до 22 лет... Штурманами ... стали в основном студентки вузов – математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине. Они быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи...»*. Е.М. Руднева стала для полка «звездочетом и сказочником», «милой, нежной, любимой подругой»², которой совершенно не шла военная форма, а на «маленьких ногах болтались сапоги 41-го размера с задранными вверх носами»³.

Дневники Е.М. Рудневой охватывают 1934–1944 гг., письма датируются октябрем 1941 – апрелем 1944 гг. Дневниковые записи, которые она стала вести с 14-летнего возраста, вплоть до 1941 г., носили регулярный и в тематическом отношении очень разносторонний характер. В годы войны они стали менее регулярными, более подробными и в содержательном отношении очень цельными. Обращает на себя внимание их временная выверенность и точность: помимо привычной даты записи,

¹ Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С. 123.

² Ракобольская И. Ночные ведьмы. URL: <http://tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.html> (дата обращения: 10.05.2012).

³ Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце... С. 15.

всегда присутствует время, выражаемое либо часами, либо определенной частью суток: «Вчера утром я летела на разведку с Надей. Туда – почти до Сергеевского – 32 минуты, а обратно 8 минут... С Мартой мы два раза взлетали и садились, а на третий раз набрали 200 м и полетели в Красное. Знала я малую путевую скорость, но такой! 60 км летели 1 час 50 минут! А всего в воздухе были 2.08» (25 января 1943 г.)¹. «3 часа дня. Вчера вечером мы, наконец-то, убрались оттуда. Пытались заблудиться и даже сбили с пути истинного братиков, но скоро опомнились. Прибыли в Варваринское поздно вечером, помылись, поужинали всухомятку и уснули – крепко-крепко. Ночью кто-то стянул с меня шинель... В 5 часов утра тронулись в Абинскую. Там была трехминутная остановка...» (30 августа 1943 г.)².

В письмах отчет времени велся от момента получения или отправки предыдущего письма: «Милые мои, золотые! Мамуленька! Папист! Я на верху блаженства – сегодня получила, наконец, вашу открытку от 13.11.41 г. Я знаю ее почти наизусть, столько уже раз читала всем вслух...» (1 декабря 1941 г.)³. «Мамочка, получила вчера вечером твое письмо от 17 декабря, а два дня перед этим – за 18 и 21 декабря» (17 января 1943 г.)⁴. Однако под воздействием происходивших событий, время из меры и количественной характеристики нередко превращалось в индикатор эмоционального состояния: «Но злая я сейчас такая, какой ты меня еще ни разу не видела, – они, проклятые гады, разбомбили мой университет, мой любимый университет. Мне хочется выучиться и как можно злее им отомстить за университет, за сожженное Пулково, за разгромленный Екатерининский дворец, за все, может и за вас, мои родимые, потому что я ничего о вас не знаю» (14 ноября 1941 г.)⁵. «Сегодня у нас хорошее настроение – Совинфобюро сообщило о прорыве на Северо-Западном фронте...» (24 января 1942 г.)⁶. «У меня сейчас очень хорошее настроение: получила от Лени письмо на английском языке. Довольна, потому что все поняла, а то уж я боялась, что совсем английский язык забыла» (21 февраля 1942 г.)⁷.

Плотность, разреженность и направленность времени всецело зависели от местонахождения «человека воюющего», выполнявших им задач и возможностей располагать собою. Оказавшись осенью 1941 г. в Энгельсской военной авиационной школе пилотов, курсанты столкнулись с жесткой дисциплиной и распорядком дня. В письмах к родителям Е.М. Руднева, привыкшая к покорению любых научных вершин, с огорчением отмечала, что ей очень плохо дается освоение азбуки Морзе, и она тратит на нее все свое свободное время: «Я готовлюсь к празднику 7 ноября и усиленно изучаю азбуку Морзе. Папист, мне осталось выучить всего лишь шесть букв. Остальные принимаю на слух, но еще плоховато, вот вчера пропустила Л и Ц, сегодня их путала» (5 ноября 1941 г.). «Папист, завтра пишу контрольную»

¹ Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце... С. 147.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 91.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С. 97.

работу по приему цифр. Буквы я принимаю все, но плохо» (14 ноября 1941 г.)¹. Немного пугали холода и боязнь с их наступлением потерять хорошую физическую форму: ежедневную зарядку на свежем воздухе заменили 15-минутной пробежкой. Однако больших изменений, резко менявших привычное течение жизни, она в тот момент времени еще не ощущала. Из небольшой подборки опубликованных за 1941 г. писем мы узнаем о капризах погоды («погоды у нас стоят чудные – тепло, солнышко совсем летнее, ходим раздетыми»); выданной теплой форме («особенно хороши шапки с ушанками» и «чудные ватные варежки»); хорошей еде («селедка, масло, сахар, хлеб, был даже сыр»). Е.М. Руднева отмечала, что война поменяла статус денег, которые как-то вдруг утратили свое прежнее материальное обаяние: «Пишешь о деньгах – мне их девать некуда, интересное у нас к ним отношение теперь – деньги абсолютно не представляют ценности, потому что нам из еды или одежды ничего не нужно. Я трачу их на карандаши, духи, большие отдала в фонд обороны. Теперь, как только Гитлера отгонят от Москвы, я буду присылать их вам – вам-то они, наверно, не помешают» (1 декабря 1941 г.)².

Практически для всех девушек, соприкоснувшихся с армейской жизнью, куда большим потрясением, чем еще не виденные ими ужасы войны, оказалось их внешнее преобразование. По этому поводу И.В. Ракобольская вспоминала: «Нам выдали военное обмундирование. Но как мы неловко чувствовали себя в форме, когда надели ее в первый раз! Большие гимнастерки и брюки, длинные мешковатые шинели и – самое мучительное – сапоги от 40-го до 43-го размера... Нарочно нельзя было придумать одежды, так сильно лишаящей девушек привлекательности! Если еще добавить противозащитный флягу на боку». Первый приказ, который выслушали на перроне г. Энгельса 23 октября курсанты летной школы, касался всеобщей стрижки «под мальчика», где дозволительной длиной волос «спереди» выступало пол-уха³. Расставание с косами шло со слезами, а уже через месяц Е.М. Руднева писала домой: «Интересно – узнали бы вы меня теперь – ведь я совсем мальчишка. Похожа на папу в молодости. Интересно, вчера я подумала о том, что как ко всему привыкаешь – я вполне легко прыгаю по лестницам на четвертый этаж в сапогах 41 размера. Когда их нам в Москве выдали, мы не умели в них ходить, а теперь я наворачиваю портянки и прекрасно себя целый день чувствую. Из юбки я сделала четыре портянки, а остальные вещи сдала здесь на хранение» (1 декабря 1941 г.)⁴.

С переходом в действующую армию и получением определенных обязанностей война из дела, к которому готовили («я занимаюсь, но не в университете, как ты, мамуля, думаешь, а готовлюсь для ухода на фронт. Мы сидим в тылу для того, чтобы овладеть грозным оружием»), стала реальностью повседневной жизни. Тональность писем и дневниковых записей меняется в сторону оценок людей, повышается требовательность к себе. Е.М. Руднева много размышляла о прочитанных книгах, просмотренных кинокартинах, делилась новыми бытовыми открытиями.

¹ Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце... С. 89, 91.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 14, 15.

⁴ Там же. С. 91.

Так, 24 октября 1942 г. на день рождения «одной из многих, одинаково дорогих» она получила «своего рода боевое крещение»: впервые в своей жизни выпила шампанского. «А сегодня мы с перерывами выпили по два стакана этого шипучего, но вовсе не такого вкусного, как я думала, вина»¹.

Дневники и письма Е.М. Рудневой как источник по истории далекого и теперь уже малопонятного нам времени рисуют не совсем привычный образ войны. Она предстает перед читателем временем, в котором не только воевали, но и жили люди с твердой верой в то, что жизнь вопреки всему продолжается. Привыкание к этому образу для профессионального сообщества пока еще сродни «умению носить сапоги 41-го размера». Однако путь к освоению истории войны никогда еще не был столь извилистым и одновременно многообещающим. Едва ли ее дневники и письма расскажут нам больше о боевом пути полка, чем сухая отчетность его командного состава. Однако она не может заменить собою ни остроты впечатлений, ни апатии усталости тех, кто вопреки инстинкту самосохранения и приказам начальства жертвовал собою во имя оставленной мирной жизни. Жизни, наперекор войне, бравшей свое и властно требовавшей обустройства быта, элементарной гигиены и досуга. В этом отношении эпистолярное наследие Е.М. Рудневой, равно как и многие другие опубликованные дневники, письма и воспоминания участников войны, может оказать историку неоценимую услугу, став для него проводником в мир военного повседневья, пространство которого удивительным образом напоминало о непрерывавшейся связи с довоенным временем, проясняло его течение и наполненность.

В НАРА, в семейном фонде Н.М. Киселевой (Давыдовой), кандидата философских наук, преподавателя Адыгейского государственного педагогического института, хранятся два дневника периода Великой Отечественной войны – ее отца М.П. Давыдова и мужа А.В. Киселева². Переданные в архив в 2002 г. они пока не нашли своего исследователя. Между тем написанные людьми разных поколений эти документальные свидетельства времени воплотили в себе разнообразные проявления частной жизни советского человека.

Михаил Прокопьевич Давыдов родился в 1901 г. в с. Кораблино Рязанской области. Как следует из его автобиографии, написанной в 1938 г., происходил из многодетной семьи. Отец до империалистической войны работал швейцаром в 1-й московской гимназии, затем рабочим-каменщиком, потом «подался в колхозники». Мать – потомственная крестьянка, до революции «ряд лет работала в Москве, Рязани в качестве няни, кухарки, прачки». Учился М.П. Давыдов в сельской церковно-приходской школе, «куда ходил три зимы». В начале 1914 г. отдан «мальчиком» в галантерейный магазин братьев Гавриловых, годы войны провел чернорабочим в аптекарско-парфюмерном предприятии Лебедева. За участие в забастовках был уволен и «вернулся в родное село, где начал свою общественную деятельность»³. В 1920 г. стал членом партии. С этого времени вплоть до 1933 г.

¹ Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 119.

² НАРА. Ф. Р-855. Семейный фонд Киселевой (Давыдовой). Оп. 1. Д. 23, 52.

³ НАРА. Ф. Р-855. Д. 23. Л. 1.

служил в Красной армии, прошел путь от красноармейца до дивизионного партийного работника. До начала Великой Отечественной войны находился на руководящей работе в Краснодарском крае, в годы войны – комиссар кавалерийского казачьего полка. С 1944 г. по 1949 г. возглавлял Адыгейский обком ВКП(б), затем был переведен в Латвийскую ССР, где и умер в 1967 г.

Его дневник, озаглавленный «В Кубанском казачьем полку» (это 136 страниц машинописного текста формата А4), охватывает события июня 1941 г. – августа 1942 г. Когда и при каких обстоятельствах рукопись была перепечатана, и насколько машинопись соответствует оригиналу, выяснить не удалось. По свидетельству Н.М. Киселевой, в доме дневник всегда хранился в своем нынешнем виде. В тексте встречаются чернильные правки, вымаранные фамилии.

Практически все повествование сосредоточено на событиях, происходивших на фронте и так или иначе связанных с боевыми действиями казачьего полка, в котором служил М.П. Давыдов и которые он описал в качестве беспристрастного свидетеля, что подтверждают последние строчки самого документа: *«В этом дневнике я, конечно, не в состоянии охватить весь славный боевой путь, который прошел наш Краснознаменный гвардейский полк в трудный 1942 г. Но основные боевые действия описаны так, как я мог, не претендуя на художественное изложение. Эти строки писались в походах, на отдыхе, в госпитале»*¹. Бытовые зарисовки, однозначные, но при этом емкие характеристики однополчан, сухие, напоминающие официальные отчеты строки о приезде жены и дочерей встречаются в дневнике лишь изредка. Так, о доме М.П. Давыдов пишет пять раз, о встречах с семьей – семь, о взаимоотношениях с сослуживцами – десять раз. Их нечастое упоминание, вероятнее всего, объясняется доминированием для него фронтовых событий и отсутствием привычки к саморефлексии по поводу «житейских мелочей». Информационная и эмоциональная скупость записей как бы очерчивает пространство приватного, жестко регламентированного фронтовой обстановкой и распространенным среди лиц начальствующего состава правилом не говорить о подобных вещах.

Записи, за редким исключением, практически ежедневные. Пропуски обусловлены отсутствием М.П. Давыдова в полку или элементарной нехваткой времени. Первая запись, датируемая 26 июня 1941 г., сообщает, что в Новороссийске, где тогда жил М.П. Давыдов с семьей, *«продолжалась народная жизнь – работали фабрики, заводы, шла торговля»*². Здесь же дано описание *«одного из больших домов города (новый пятый коммунальный)»*, где они обитали. Правда, оно встроено в повествование об организованной его женой обороне дома. Сюжетная линия, связанная с пространством дома, дальнейшего развития в дневнике не получила. Скорее всего, в силу служебной деятельности и частных переездов «домами» для М.П. Давыдова становились предоставляемые ему помещения. Да и присущий автору лаконичный стиль изложения не предполагал лирических отступлений.

¹ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 23. Л. 136.

² Там же. Л. 7.

Начавшееся формирование добровольческого казачьего корпуса привело М.П. Давыдова в Усть-Лабинск, где он встретился с командиром эскадрона Шейкиным, в прошлом красным партизаном, кузнецом колхоза «Ростсельмаш». Встреча произошла на квартире последнего, поразившей М.П. Давыдова скромностью, простотой, но в то же время своей «культурностью»: «С первого взгляда складывалось такое впечатление, что семья живет дружно... Жена и дочери были заняты делом. Все они готовили необходимое главе семьи для ухода на фронт. В этой семье меня встретили тепло, запросто и даже радушно»¹.

Семейная тема нашла продолжение в кратких описаниях приезда на фронт жены и дочек М.П. Давыдова. Впервые он упоминает об этом 25 апреля 1942 г.: «Ко мне приезжала семья – Галя, Надя и Майя. За это время я побывал в Новороссийске и 17 апреля попал там под сильную бомбежку. Положение в городе было крайне тяжелое. Большие трудности переживает и моя семья. Коммунистам Новороссийска было запрещено эвакуироваться. Моя жена член партии с 1920 г. Значит, моя семья не могла покинуть город»². Однако через три дня он сообщает, что дети пока останутся в ст. Тбилисской. 8 мая к нему снова приезжала жена, состояние здоровья которой сильно обеспокоило М.П. Давыдова. Тем не менее он пригласил на ужин своих друзей, где «на прощание Галина спела нам свою любимую песню “Бабуся”. Мне казалось, что так хорошо она еще никогда не пела. Пистин, Сагонов и все друзья были восхищены пением. Своей красотой, скромностью и ясностью ума Галина заслужила у моих друзей большое уважение»³.

На страницах дневника нашли отражение и внебрачные отношения сослуживцев М.П. Давыдова. Характеризуя командира полка как хорошего начальника, любящего и знающего свое дело, автор отмечает у него серьезный порок: увлечение женщинами. Недопустимость такого поведения приводит его к мысли «переговорить об этом». Спустя несколько месяцев он опять возвращается к этой теме, отмечая, что при уходе из одной из станиц там остался только комполка, «видимо для того, чтобы “попрощаться”»⁴.

Крайне сложная задача в изучении частной жизни в условиях военного времени – выявление отношения человека к происходившему на фронте. Именно эта сюжетная линия во многом определяла душевное состояние и способность людей воюющих к самоанализу и глубокой рефлексии. На фоне искреннего патриотического порыва и стремления одержать победу над врагом у них нередко возникали сомнения в оправданности предпринимаемых действий и их трагических последствий. Это, в свою очередь, обуславливало подчас публичные срывы, невольно выдававшие «самые потаенные и не раз передуманные мысли». Находясь на отдыхе в ст. Келермесской, М.П. Давыдов стал свидетелем «неприятного случая», когда «один из начсостава, подполковник, плакал от поражения: “Я не пораженец, я большой патриот. Я устал, я измучался, я с 29 июля почти не спал [запись датируется

¹ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

² Там же. Л. 40.

³ Там же. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 39, 40.

9 августа 1942 г. – Авт.]. Я не могу пережить всего этого, что случилось с нами»¹. В то же самое время командир полка, лежа на траве и глядя в небо², говорил ему: «Миша, знал бы ты, как у меня сейчас ноет сердце, никогда так не было. Тоска невыносимая... Тоска»³.

Совершенно в другой тональности выдержан дневник А.В. Киселева, встретившего войну девятнадцатилетним юношей. Уроженец Майкопа, он 15 июня 1940 г. окончил школу, обнаружив при этом отличное знание всех предметов и примерное поведение. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г.⁴ он получал право на поступление в вуз без экзаменов. Однако реализовать его смог только после войны, которую прошел «в звании» старшего писаря, затем чертежника («стал крысой») в инженерно-саперных батальонах 24-й саперной бригады 8-й саперной армии и 10-й штабной инженерно-саперной Витебской Краснознаменной бригады⁵. В 1945–1947 гг. А.В. Киселев окончил Майкопский государственный учительский институт по специальности «Русский язык и литература», а затем Краснодарский государственный педагогический институт, работал учителем истории в школах Майкопа; в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию. А.В. Киселев многое сделал для изучения Великой Отечественной войны в Адыгейской автономной области, вел обширную переписку с фронтовиками, призывавшимися из области, и их родственниками⁶.

Его дневник представляет собою общую тетрадь на 40 листах в красном матерчатом переплете. Записи выполнены простым карандашом и чернилами и относятся к 1941 – сентябрю 1944 гг. Первый год они велись регулярно (четыре-пять раз в неделю), затем стали реже (одна запись охватывает события недельной, а то и двухнедельной давности). Последний, 1944 г., сведен к нескольким страницам, на которых зафиксированы события одного-полутора месяцев. Текст примерно трети записей угас и практически не читается. Первые три листа абсолютно «слепые», и только с записи, помеченной 22 ноября 1941 г., можно узнать о переменах в его жизни: *«Ровно месяц похода – месяц новой жизни, полный разных приключений, мук, проклятий и воспоминаний. Этот день навсегда останется в памяти как день расставания на период, неизвестный никому, – будешь жив, вернешься, а нет – значит, нет. Жаль одно – последний день и не видел отца. Из Кужорской просил позвонить – передать привет, не знаю, что из этого вышло. Ну, все. Сейчас как будто на месте. У хозяйки, имеющей детей 6 [так в документе. – Авт.], одна комната, грязь, вонь, есть нечего. Познакомился с Тимкой, стоим в х. Калинине. Там нас реформировали, затем оказались в Романовке, потом*

¹ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 23. Л. 60.

² Несмотря на заверения в отсутствии литературности, это описание очень похоже на «небо Аустерлица» Андрея Болконского.

³ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 23. Л. 61.

⁴ Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе // Собрание законодательства СССР. 1935. № 47. Ст. 391.

⁵ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 46, 47.

⁶ Переписка А.В. Киселева с фронтовиками и их родственниками хранится в личном фонде П.У. Аулева, продолжившего его деятельность по сохранению документальных свидетельств о войне. (НАРА. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 267).

на х. Потапов. На третий день утром хозяйка сварила баранину. В 9 утра въехали на Калинин. 19 – приехали, поставили на квартиру. Едим плохо, даже очень. Купили три гуся, пока что есть. Затирка – и больше ничего. Сегодня искупались в бане – землянка, сменили белье. Стирка – мыла дали на смех. Не хватило на стирку. Ну что же трудности – говорят это временные, пока первые дни»¹.

В отличие от дневника П.М. Давыдова, у А.В. Киселева практически не упоминаются боевые действия, за исключением оставленных и освобожденных городов и населенных пунктов: «Первые крупные победы» (20 января 1943 г.). «Вчера наши взяли Ворошиловск [с 1943 г. – Ставрополь], сегодня Сальск, Микоян-Шахер» (23 января 1943 г.). «Вчера большая радость – освободили Майкоп, был так рад, что даже выпустил слезы» (30 января 1943 г.)². Все его мысли и впечатления сконцентрированы на условиях предоставляемых квартир (упоминания о них встречаются 25 раз), питания (30 раз), отношениях между людьми (18 раз), прочитанных книгах (10 раз), воспоминаниях о довоенном времени и судьбах родных (32 раза). Ведя кочевую жизнь («Надоела вся эта кочевая жизнь. Пересиливать себя в моменты такие, когда готов кричать, ругаться на все и за все»³), он на протяжении наиболее тяжелых 1941–1942 гг. детально описывает «сменяемые с калейдоскопической быстротой» постоянные дома. «На квартире трое нас – Толик, Тимка и я» (26 ноября 1941 г.)⁴. «Оказались в станции Николаевской. Втроем у хозяйки-казачки (я, Толик, Тимка). Одна маленькая комнатка, земляной пол, две семьи – теснота – всего вместе с нами 5 взрослых, 6 малышей, с гигиеной так же, как и на х. Калинин» (6 апреля 1942 г.)⁵. Иногда получалось обрести настоящий «кусочек» того дома, который не давал ему покоя: «Мои вещи завезли в Ростов. Пришлось ехать. Пошел в баню, встретил там Ивана Ивановича – начальника мастерских 1511. Пригласил к себе на ночевку, и с этого дня началась дружба с ним и хозяйкой его квартиры, дородной женщиной, малограмотной, приветливой, Ириной Ивановной Раденко. Приезжаю каждую десятидневку в баню и обязательно ночую у ней. Чай, патефон, “шотландская застольная”» (24–25 февраля 1942 г.)⁶.

Работа в штабе оставляла ему время («Вчера не писал, живу как на даче. Работой не перегружен»⁷) на размышления о резко изменившейся жизни, раскрепостившей на войне всех – и мужчин, и женщин. Характеризуя состав инженерного отдела, он останавливался на женской его части, нередко давал нелицеприятные характеристики⁸. Вместе с тем он понимал, что «природа брала свое», а обстоятельства требовали приноравливаться: «Все мы попали в хорошее место, а особенно с питанием. Ведь не секрет, что питались в Миллерово плохо, а сейчас вот эти дни хлебом, молоком, мясом, маслом насыщаемся вовсю... Утром – яйца, чай, сыр, молоко. Обед

¹ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

² Там же. Л. 19об., 27.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. 4об.–5.

⁶ Там же. Л. 6об.

⁷ Там же. Л. 8об.

⁸ Там же. Л. 6об.

(в столовой) пошли, сама хозяйкина невестка работает там. Пригласила домой, говорит, принесу второе – принесла... Да, она говорит, мы приглашаем Вас с компанией на вечеринку завтра (тоже политика – треба). Посмотрим, что выйдет, настойчиво просит. Все же как устроена жизнь (особенно сейчас). Наблюдал в разных местах. Все толкает на отвратительную непозволительную для общества животную любовь». «Дело с вечером отложилось на несколько дней... Невестка, ее пошлые намеки, так противно! Но оскорблять нельзя – надо молчать. Пока живем у нее, она ведь угощает, а с питанием не всегда одинаково» (3–5 июля 1942 г.)¹.

Испытывая физическое отвращение к подобного рода отношениям, А.В. Киселев с нетерпением ждал письма от любимой девушки. Правда, воспоминания о ней уже успела затмить другая встреча: «Первые из дома письма и письмо от Вальки, такое долгожданное. Часто вспоминал ее, сравнивал с Н. – разницу находил, но сейчас, когда уже нет тех чувств, хотя и вспыхивают иногда, редко, прошедшее время. Больше от нее писем нет – есть на ее месте другие!» (6 апреля 1942 г.)². Воспоминания о девушках вызвали в памяти очертания оставленного дома, о котором в течение восьми месяцев не было никаких известий: «Вечером взбредли думы о проведенных днях с Н.С., где она сейчас? В Хабаровске была, так меня информировали, когда я был дома. Дом? Нет его у меня теперь. Не мило ничто. О женщинах, девушках думаешь вскользь, хотя и тянет иногда»³.

Тягу к женскому полу и тоску по дому он скрашивал чтением. Судя по дневниковым записям, А.В. Киселев читал много и бессистемно: «Сейчас вроде эпидемия. Больных много – грипп или малярия. Я немного сегодня приболел. Читал все, что попадется» (24 августа 1942 г.)⁴. О каждой из книг он оставлял краткий комментарий, передавший либо ее суть, либо впечатления о прочитанном: «Читал Косту Хетагурова. Призыв к свободе звучит в каждом стихе, но в то же время пишет о том, что устал жить, старость – пессимистичен. Читается легко» (1 сентября 1942 г.)⁵. «Сижу один, читаю рассказы Евгения Чирикова. Пространно описывает про интеллигенцию со всеми ее стремлениями, жизнью» (1 октября 1942 г.)⁶. «Жизнь проходит своим чередом. Работает, кушает, спишь, круговорот. Один раз было в субботу кино “Любимая девушка”. Читаю Генриха Манна “Юность Генриха 4”. Борьба протестантов и католиков» (5 октября 1942 г.)⁷. «Ночью опять бомбили Грозный. На душе тяжело, но почему, и сам не знаю. Книгу прочел Генриха Манна. Впечатление хорошее. Выписал некоторые афоризмы» (11 октября 1942 г.)⁸. «Прочел книгу Ванды Василевской “Радуга” – писать умеет, оказывается, даже хорошо» (23 января 1943 г.)⁹.

¹ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 8–8об.

² Там же. Л. 5об.

³ Там же. Л. 5об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 15об.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же. Л. 19об.

⁹ Там же. Л. 19об.

Однако основным лейтмотивом его переживаний оставались дом и семья. Страстное желание, чтобы «ничего этого не было, а было как прежде», не покидало его на протяжении всего того времени, пока «*пребывал в мучительной неизвестности: живы ли?*». Уже 27 ноября 1941 г., когда появилась призрачная надежда «*быть отбракованным*», он писал в дневнике: «*Вызывали всех к врачу. Записали меня на консультацию, на комиссию – порок сердца. Ах, если бы домой*»¹. Его желание не имело ничего общего с пораженческими настроениями, охватившими определенную часть общества. Призыв в армию оказался для А.В. Киселева первым выездом за пределы родного города, который он до этого никогда не покидал. Столь неожиданный разрыв с прежним укладом жизни, «*всем тем, что было близко, любимо*», не мог не сказаться на его душевном состоянии. В первые месяцы вне дома он все время писал письма и пребывал в «*отчаянии от неизвестности*»: «*Вечером получил письмо от Петра Лукьянова. Был рад неописуемо – один хоть не у немцев, служит на государственной границе Армянской ССР*»². С освобождением Майкопа у него «*теперь одно узнать – живы ли? Вчера же написал несколько строк и передал проезжавшему товарищу – он бросит в Армавире. Сегодня написал 9 писем – семь из них в Майкоп на разные адреса, чтобы узнать о родных. Написал в Кисловодск и Курганную*» (30 января 1943 г.)³. И только через два месяца А.В. Киселев получил долгожданное известие: «*Сколько радости! Как далеко [так в документе. – Авт.], стало легче на сердце, за 8 месяцев – вчера получил письма из дому (2 открытки от 4/III, из Курганной от Милы, матери Rogоза), а сегодня от дяди Феди, тети Шуры и от Василия. Дома все живы, но переезжали в город. Как там были они? Были многие в партизанах*» (26 марта 1943 г.)⁴.

Сопоставительный анализ двух дневников, двух пространств частной жизни людей разных поколений свидетельствует об эмоциональной скупости представителей одного и большей душевной раскрепощенности другого. Между тем дневник оставался для каждого из них практически единственной возможностью проявления приватного, глубоко личного в условиях фронтовой жизни. Казавшаяся изначально неподконтрольной воздействию извне частная жизнь и комиссара М.П. Давыдова, и штабного писаря А.В. Киселева несла на себе отпечатки нормативных представлений, формируемых идеологией власти и коллективной моралью. Разница заключалась лишь в источниках этого воздействия (семейное положение, полученное образование, привычки к уединению, отношения с представительницами женского пола, круг чтения, опыт социализации), а также занимаемого ими положения во фронтовой иерархии. Дневник П.М. Давыдова – отражение жизни «на виду» партийного руководителя. Его пространство приватного ограничивалось встречами с семьей, происходившими на фоне решаемых боевых задач, и краткими неодобрительными замечаниями в адрес сослуживцев при нарушении ими моральных устоев. Младший современник Давыдова и будущий муж

¹ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 28.

одной из его дочерей жил насыщенной внутренней жизнью, зачастую автономной по отношению к происходившему. Эти, на первый взгляд, разнящиеся проявления приватного, по сути, и составляют разные регистры единого пространства частной жизни советского человека, выявлению которых во многом способствуют дневники военного времени.

* * *

Написание писем и ведение дневников в годы войны для многих советских людей стали привычными жизненными практиками. Им поверяли свои мысли, чувства, к ним обращались в самые тяжелые моменты жизни, перечитывая по нескольку раз и делаясь их содержанием с соседями. Именно эти обстоятельства послужили основанием для исследователя блокадной этики С.В. Ярова отнести их к средствам поддержания этических норм. Регулярность написания писем и ведения дневников зависела от довольно широкого и зачастую непредсказуемого круга причин – от настоящей потребности поделиться увиденным или передуманным до *«обыкновенной привычки писать»*. Однако последняя была присуща далеко не всем авторам писем и дневников того времени, что во многом обуславливало их литературную и содержательную *«неинтересность»* с точки зрения большой науки. Отражаемая в них многогранная жизненная реальность являлась индикатором индивидуального восприятия и встроенности человека в большой мир. Душевный разлад с ним преодолевался посредством записи своих размышлений или переписки, призванных найти ответы на волнующие жизненно важные вопросы, облакаемые порой в довольно неприятные суждения о жизни, времени и себе. В условиях войны с ее неизбежной коллективностью письма и дневники становились одной из немногих относительно *«невидимых»* постороннему глазу отдушин, где можно было бы *«немножко побыть самим собою и поговорить с близкими людьми»*.

Глава 3

СЕМЬЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Семья – самый ранний по происхождению и один из главных по выполняемым функциям и месту в жизни человека социальный институт. Советская эпоха оказала значительное воздействие на развитие брачно-семейных отношений. Это было обусловлено как общими модернизационными процессами XX в., проявлявшимися в индустриализации, урбанизации, секуляризации сознания, эмансипации женщин и детей, так и социальными катаклизмами, которыми были насыщены первые советские десятилетия¹. Существенную роль в трансформации брачно-семейных отношений сыграла и политика руководства страны. Она прошла в своем развитии ряд этапов: от либерализации брачно-семейных отношений в первые годы советской власти – к их стабилизации в последующие десятилетия. С 1930-х гг. укрепление семьи как важнейшей ячейки общества превратилось в одно из ведущих направлений советской социальной политики. Эти тенденции продолжались и в годы Великой Отечественной войны, ставшей новым серьезным испытанием для советской семьи.

Под влиянием политических, экономических и социокультурных процессов эволюционировали формы и практики семейной жизни, ее материальные и духовные основы. Но государственная регламентация задавала лишь внешние условия для реализации потребностей и интересов советского человека в данной сфере. Особенно это касается вопросов заключения и расторжения брака, наделения личными и имущественными правами и обязанностями членов семьи. Само их осуществление, а также специфика внутрисемейных взаимоотношений, их стиль и содержание во многом определялись обстоятельствами индивидуального порядка, зависели от личностного выбора. Несмотря на активное вмешательство в дела семьи со стороны государственных структур и находившихся в значительной степени под их контролем общественных организаций, она оставалась тем пространством, в рамках которого человек имел наибольшие возможности для реализации своих индивидуальных предпочтений. Именно это и позволяет рассматривать семью как важнейшую сферу частной жизни.

3.1. Государственное регулирование семейно-брачных отношений и их динамика накануне и в годы Великой Отечественной войны

Стремясь расстаться как можно скорее с ненавистным царским прошлым, советское правительство повело решительную борьбу за разрушение основ старого общества, к которому первоначально была отнесена и семья. При этом оно

¹ Эволюция семьи и семейная политика в СССР. С. 6.

опиралось на марксистскую доктрину, связывавшую появление семьи и ее место в обществе с уровнем развития производительных сил, частной собственностью и эксплуатацией человека человеком. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что женщина и дети выступают предметом собственности мужчины-рабовладельца, а буржуазная семья основана на капитале и частной наживе: «В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции». Поэтому они выступали за исчезновение такой семьи вместе с капиталом, призывая ликвидировать «эксплуатацию детей их родителями»¹.

После революции 1917 г. в России были отменены все социальные, религиозные, национальные, расовые ограничения, связанные с заключением брака, установлена моногамия, провозглашено полное равенство личных и имущественных прав мужа и жены. Вступление в брак разрешалось для мужчин с 18, для женщин – с 16 лет (в Закавказье, в соответствии с традицией – для мужчин с 16, для женщин – с 13 лет). Церковь полностью вытеснялась из данной сферы: церковный брак не запрещался, но юридические последствия признавались только за гражданским браком, регистрировавшимся в загсе. Была также введена свобода разводов, осуществлявшихся по совместному согласию супругов в органах загса (при наличии споров они рассматривались в суде, а затем развод регистрировался в загсе). Суд при расторжении брака определял, кому из родителей передавались дети для воспитания, на кого из родителей и в каком размере возлагалась обязанность по содержанию детей, должен ли муж и в каком размере выделять денежное содержание жене после развода. Дети, рожденные в браке и вне его, уравнивались в правах, предусматривалась возможность установления отцовства в судебном порядке².

В 1918 г. был принят специальный Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. В основном он закрепил нормы первых декретов советской власти, конкретизировав и уточнив ряд положений. В частности, супруги были полностью уравнены в правах по решению вопросов семейной жизни и выбору места жительства. Супруги также получили возможность выбрать в качестве общей фамилии фамилию мужа или жены или соединить их и именоваться двойной фамилией. Закреплялся общий брачный возраст (для мужчин – с 18 лет, для женщин – с 16, без снижения возраста для коренных жителей Закавказья). Отменялся принцип общности имущества супругов, устанавливалась раздельность имущества родителей и детей. Однако это дало совсем не те результаты, которые ожидались. Прежде данные нормы закрепляли имущественные права женщин и детей как представителей обеспеченных слоев общества. Но в советской стране в рассматриваемый период подавляющее большинство женщин, особенно имевших детей, не работало и не имело собственности. Поэтому вместо дополнительной защиты интересов женщин и детей произошло, напротив, их ущемление:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 443.

² Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака. 16 (29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 237; Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. 18 (31) декабря 1917 г. // Там же. С. 247.

при разводе они, не имея собственного дохода и имущества, лишались и права на семейное имущество мужа и отца. Кодекс запретил усыновление, а воспитание детей провозгласил общественной обязанностью родителей, а не их частным делом. Вводилась процедура признания отцом по заявлению матери в отношении внебрачных детей, чей отец не был известен. Появились также алиментные обязательства перед нетрудоспособными и нуждавшимися дедушками, бабушками, внуками, братьями и сестрами трудоспособных родственников¹.

В русле либеральных тенденций лежало и принятое в 1920 г. специальное постановление наркоматов здравоохранения и юстиции РСФСР, разрешавшее искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях – первое в мире официальное решение, легализовавшее аборт. Оно позволило российским женщинам впервые «самим контролировать собственную сексуальность и фертильность». По мнению М.В. Рабжаевой, «введение бесплатного аборта в медицинском учреждении с обеспечением “максимальной безвредности” для здоровья было благом для большинства российских женщин, живших в нужде, страдавших от сложностей быта и отсутствия постоянного и надежного партнера»².

Новый Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР в 1926 г. официально приравнивал фактическое сожительство к зарегистрированному браку, а внебрачных детей к брачным. Основой брака считалась взаимная склонность супругов, а сама регистрация перестала быть обязательной. Доказательствами брачных отношений в случае, если брак не был зарегистрирован, для суда являлись *«факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей»* и другие обстоятельства. К зарегистрированным бракам также приравнивались браки, заключенные по религиозным обрядам до 20 декабря 1917 г., *«а в местностях, которые были заняты неприятелем [в период Гражданской войны и иностранной интервенции. – Авт.] – до образования органов записи актов гражданского состояния»*. Наряду с судебным был предусмотрен регистрационный порядок установления отцовства в загсе по заявлению матери с последующим извещением лица, записанного отцом. Если в течение года он не оспаривал своего отцовства в суде, то в дальнейшем утрачивал на это право. Допускалось только единобрачие, запрещались калым и многоженство, ранние и принудительные браки. Вводился единый брачный возраст для мужчин и женщин – 18 лет (в 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК местным исполкомам было предоставлено право в исключительных случаях снижать брачный возраст женщины, но не более чем на один год). Вместо отдельного супружеского имущества устанавливалась его общность. Супруги, не имевшие самостоятельного дохода, получали права на часть имущества семьи. По кодексу упростилась про-

¹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a690x330.htm (дата обращения: 19.08.2013).

² Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России. С. 91.

цедура развода: судья единолично расторгал брак при наличии желания одного из супругов (второму супругу лишь сообщалось о факте развода, его присутствие при разводе было необязательным), а при обоюдном согласии брак можно было расторгнуть в загсе. Восстанавливалось также усыновление детей¹.

Исследователи связывают завершение «политики сексуальных свобод и социального экспериментаторства в сфере семьи» со стремлением руководства страны в конце 1920-х гг. подавить разгул насилия и сексуальной разнузданности в советском обществе, наиболее ярким проявлением которого считается Чубаровское дело². Борьба за ужесточение моральных и правовых норм сказалась и на отношении к абортам. В 1926 г. были полностью запрещены аборты женщинам, забеременевшим впервые или перенесшим эту операцию менее полугода назад. Следующим шагом на пути ограничения абортотворчества стало введение платы за них³.

Кардинальным поворотом к укреплению семьи в советском законодательстве стало принятое 27 июня 1936 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». По данному постановлению были увеличены размеры государственного пособия на обзаведение необходимыми предметами ухода за новорожденным и пособия матери на кормление ребенка. Многодетным матерям, имевшим 6 детей, при рождении каждого следующего ребенка выплачивалось государственное пособие в размере 2 тыс. руб. ежегодно в течение пяти лет. Матерям, имевшим 10 детей, выплачивалось единовременное государственное пособие при рождении каждого следующего ребенка в 5 тыс. руб. и со второго года ежегодное пособие в 3 тыс. руб. в течение четырех лет.

В целях «борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям» усложнялась процедура развода: требовалось личное присутствие обоих супругов, в паспортах ставилась специальная отметка, взималась пошлина (первый развод – 50 руб., второй – 150 руб., третий и последующие – 300 руб.). На содержание детей после развода взыскивались алименты в размере: $\frac{1}{4}$ заработка – на одного ребенка, $\frac{1}{3}$ – двоих, $\frac{1}{2}$ – троих и более детей. За уклонение от уплаты алиментов было увеличено уголовное наказание до двух лет лишения свободы.

Еще более значимым нововведением, отражавшим ужесточение государственного контроля над семейной жизнью, стал фактический запрет абортов. Они допускались только в больницах и родильных домах по медицинским показаниям в случаях, когда продолжение беременности представляло угрозу для жизни и здоровья женщины, а также при наличии тяжелых наследственных заболеваний родителей. Разрешение на них давала специальная комиссия из трех врачей.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1926. № 82.

² Групповое изнасилование в 1926 г. рабочими приехавшей учиться на рабфаке молодой крестьянки (произошло в Чубаровском переулке в Ленинграде).

³ Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России. С. 92.

За незаконные аборты как уголовное преступление вводилось наказание в виде тюремного заключения (от 1 до 2 лет – врачу при совершении аборта в больницах, не менее 3 лет – при совершении его в антисанитарных условиях или лицом, не имевшим специального медицинского образования). Наказанием для самой беременной женщины в первый раз служило общественное порицание, при повторном нарушении – штраф до 300 руб.¹

Соответствующие изменения были приняты в законодательстве союзных республик². В ноябре 1936 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) перечень медицинских показаний при аборте был ограничен наследственными заболеваниями или случаями, когда беременность для женщины представляла смертельную угрозу. В постановлении говорилось, что аборт не только вредит здоровью женщины, но и является серьезным социальным злом, бороться с которым должен каждый сознательный гражданин и прежде всего – медицинский персонал³.

К дополнительным мерам правовой защиты материнства можно отнести принятое 5 октября 1936 г. Постановление СНК СССР «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности»⁴. Конституция СССР 1936 г. юридически закрепила равноправие женщины с мужчиной и социальные гарантии его реализации. В ст. 122 декларировалось равенство прав женщины и мужчины *«во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни»*. Возможности осуществления этих прав обеспечивались *«предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов»*⁵.

Поворот в советской семейной политике хорошо «вписывался» в общую стратегию сталинской модернизации страны, сочетавшей ломку патриархальных устоев и создание новой социально-экономической системы путем ускоренной индустриализации с отказом от ценностей пореволюционной эпохи. Свою роль играли и внешнеполитические обстоятельства: в условиях нарастания угрозы новой мировой войны советское руководство, как и ряд других авторитарных

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936. № 34.

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 года «Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». URL: <http://bestpravo.ru/sss/eh-akty/x1r.htm> (дата обращения: 28.08.2013).

³ Хоффман Д.Л., Тимм А.Ф. Биополитическая утопия. Репродуктивная политика, гендер и сексуальность в нацистской Германии и Советском Союзе. С. 143.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. № 51. Ст. 419.

⁵ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. С. 30.

режимов, сделало ставку на крепкую семью с большим количеством детей, как на основную ячейку общества, а вместе с ней и на гетерогенные сексуальные отношения. Еще в марте 1934 г. в стране был запрещен гомосексуализм. Партийные лидеры рассматривали его как «продукт разложения эксплуататорских классов», как проявление буржуазных нравов и контрреволюции, которым не место в социалистическом обществе. Гомосексуализм ассоциировался с фашизмом, а победа над ним приравнивалась к победе над фашизмом¹.

Курс на стабильность в семейных отношениях, нашедший отражение не только в нормативно-правовых актах и социальных предпочтениях, но и в средствах пропаганды, встретил поддержку у значительной части советского социума. В начале 1940-х гг. семейные ценности оставались значимыми для большинства советских граждан, хотя первые советские десятилетия внесли свой вклад в их разрушение. Всего в СССР к 1941 г. насчитывалось 42,7 млн семей, в которых проживало 89,4 % населения страны. В РСФСР по переписи населения 1939 г. с семьями проживали 83,2 % горожан и 91,9 % жителей сел².

В то же время тип и форма семьи, ее состав и структура существенно менялись вследствие глубоких социально-экономических и политических трансформаций в стране. Широкое распространение в предвоенный период в СССР получил нуклеарный тип семьи. К началу Великой Отечественной войны в стране преобладали простые (двухпоколенные) семьи из супругов и детей, состоявшие из 2–4 чел. в городах, 3–5 чел. в селах. Сократились количество совместно проживавших родственников и детей, вследствие постепенного снижения рождаемости и все еще остававшейся достаточно высокой, хоть и постепенно снижавшейся на протяжении всего предвоенного периода детской смертности. В 1939 г. семья состояла в среднем из 4,1 чел. Постепенно сокращалось количество крупных семей, в которых насчитывалось 5 чел. и более, в 1939 г. они составляли 35 %. Многодетные семьи сохранялись в основном в сельской местности³.

Постепенно уходили в прошлое прежние брачно-семейные традиции, однако темпы этих перемен в разных местах различались. Молодые люди отказывались от сватовства, торжественной свадьбы и других обрядов, или они приобретали новый смысл (например, вместо крестин в 1920-е гг. появились октябрины, вместо венчания – «красные» или комсомольские свадьбы). Значительные изменения произошли в семейной иерархии, распределении статусов и ролей внутри семьи. Развитие женского образования и вовлечение женщин в производство способствовали повышению их самостоятельности, росту потребностей, изменению положения в семье, что вело к внутрисемейному регулированию рождаемости, распространению аборт, особенно в крупных населенных пунктах. Именно работавшие женщины, приобретавшие собственные источники дохода, профессиональные и общественно-политические статусы, нередко становились ини-

¹ Хоффман Д.Л., Тимм А.Ф. Биополитическая утопия. Репродуктивная политика, гендер и сексуальность в нацистской Германии и Советском Союзе. С. 141.

² Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. С. 67–68.

³ Там же. С. 72–77.

циаторами разводов¹. Однако в большинстве случаев за женщинами сохранились и домашние обязанности, вследствие чего на них «легло двойное бремя: полная рабочая неделя и безвозмездная домашняя работа»². В большей степени влияние религиозных и этнических традиций продолжало сказываться на селе, особенно у народов Средней Азии, Кавказа и Сибири.

Зигзаги советской семейной политики 1920–1930-х гг. отразились в динамике разводов. До революции 1917 г. разводов в России было крайне немного. В 1897 г. на 1000 браков среди православного населения Российской империи приходилось всего 0,06 разводов, а в 1913 г. – 0,15 разводов. После революции количество разводов стало быстро расти. В 1926–1927 гг. расторглось уже 11 из 1000 браков в европейской части СССР. Однако под влиянием новой семейной политики в 1938–1939 гг. количество разводов сократилось более чем в два раза – до 4,8 на 1 000 браков³.

К началу Великой Отечественной войны в СССР уделялось немало внимания вопросам социальной защиты материнства и детства. Была создана широкая сеть женских консультаций, родильных домов, детских домов, интернатов и других детских учреждений. К середине 1930-х гг. было объявлено о том, что в стране ликвидирована массовая детская беспризорность. Принятые еще в 1920-е гг. решения ограничивали использование женщин на тяжелых работах в целях сохранения их репродуктивного здоровья. Важным достижением советского государства в социальной сфере стало создание бесплатной системы медицинского обслуживания населения. Ее возможности позволяли, в частности, оказывать медицинскую помощь женщинам при родах в городах на 100 %, в селах – на 75–80 %⁴.

В то же время государство стремилось взять под свой контроль прокреативную деятельность, фактически лишая человека самостоятельности в данных вопросах. Однако запрет аборт лишь на короткое время способствовал подъему рождаемости, и с 1938 г. она вновь стала снижаться. Поскольку не было создано надежных форм контрацепции и системы сексуального просвещения населения, стало расти количество нелегальных аборт, а также самоаборт, совершавшихся в антисанитарных условиях и приводивших к росту женской и детской смертности. В 1939 г. в СССР было проведено 723 тыс., а в 1940 г. – 807 тыс. аборт⁵. В РСФСР в 1939 г. – 450 тыс., а в 1940 г. – 500 тыс. аборт⁶. Доля аборт в РСФСР в 1939 г. составила 10,8 % от всех беременностей, в том числе 22 % в городах и 3 % в сельской местности. В городах РСФСР проводилось 36,5 аборт на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет⁷.

¹ Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. С. 79, 100.

² Хоффман Д.Л., Тимм А.Ф. Указ. соч. С. 161.

³ Эволюция семьи и семейная политика в СССР. С. 10.

⁴ ГАРФ. Р-8009. Оп. 22. Д. 9. Л. 64.

⁵ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 132.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 15. Л. 31.

⁷ Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969. С. 30.

В годы Великой Отечественной войны в условиях крайней ограниченности материальных ресурсов и снижения общего уровня потребления важнейшим направлением социальной политики в СССР стала поддержка семей фронтовиков. 26 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Семьи военнослужащих получали ежемесячные пособия при наличии одного нетрудоспособного в размере 100 руб., двух – 150 руб., трех и более – 200 руб. Если в семье имелись три и более нетрудоспособных при одном трудоспособном, пособия выдавались в размере 180 руб. в месяц в городе, 50 руб. – в сельской местности. При наличии в семье двух детей, не достигших 6-летнего возраста, при одном трудоспособном, пособия выплачивались в размере 100 руб. в месяц в городе и 50 руб. – в сельской местности¹. Были повышены размеры пенсий семьям, потерявшим кормильца, дополнительные денежные выплаты производились семьям лиц, награжденных орденами и работавших до призыва рабочими и служащими.

Семьям военнослужащих действующей армии были предоставлены также различные льготы: по налогам, обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции, жилищные и др. Постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. дети рядового и младшего начальствующего состава Красной армии и Военно-морского флота освобождались от платы за обучение в 8–10 классах средней школы, техникумах и вузах². 5 августа 1941 г. СНК СССР принял Постановление «О сохранении жилой площади за военнослужащими и о порядке оплаты жилой площади семьям военнослужащих в военное время». Военнослужащие не оплачивали занимаемую площадь, а члены их семей вносили квартплату и коммунальные платежи по льготным ставкам. Все иски к лицам, призванным в Вооруженные силы и членам их семей по жилищным делам, а также исполнение судебных решений приостанавливались до конца войны. В случаях, когда жилищная площадь военнослужащего оставалась незаселенной, квартирная плата не взималась. За семьями призванных в Вооруженные силы СССР педагогов, медицинского и ветеринарного персонала, работавших в сельских районах, сохранялось на время войны право на бесплатное пользование не только квартирами, но и отоплением, освещением. Временные жильцы были обязаны по возвращении военнослужащего немедленно освободить жилплощадь³. Постановление СНК СССР от 4 июня 1943 г. утвердило дополнительные льготы для семей военнослужащих, погибших и без вести пропавших на фронтах. В декабре 1944 г. от оплаты за обучение в вузе были освобождены дети офицеров-инвалидов войны и офицеров, погибших, пропавших без вести, умерших от ран и заболеваний, полученных на фронте, иждивенцы рядового и младшего командного состава. В случае гибели военнослужащего на фронте за его семьей сохранялись все предоставленные льготы.

¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 66–68.

² Там же. С. 62–64.

³ Там же. С. 69.

Напротив, семьи «неблагонадежных» граждан лишались права на дополнительное социальное обеспечение. В первую очередь, к ним относились семьи военнопленных, лишившиеся льгот на основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. По приказу наркома обороны СССР № 227 («Ни шагу назад!») от 28 июля 1942 г., объявлявшего изменниками командиров и политработников, отступивших с боевых позиций без приказа, их семьи подверглись репрессиям. По Постановлению ГКО № 1926сс от 24 июня 1942 г. аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на пять лет подвергались семьи лиц, перешедших на сторону противника, служивших в его карательных или административных органах, оказывавших содействие немецким оккупантам или добровольно ушедших с ними при освобождении захваченной территории. К членам семей изменников Родины относились отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно или находились на их иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. От ареста и ссылки спасало наличие в таких семьях военнослужащих Красной армии, партизан и лиц, награжденных орденами и медалями СССР¹.

На бездетных холостяков, одиноких и малосемейных граждан был введен специальный налог. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. не имевшие детей мужчины 20–50 лет и замужние женщины 20–45 лет должны были отчислять государству 6 % с зарплаты более 91 руб. в месяц (с заработка менее 70 руб. налог не взимался). Освобождались от налога лица, не имевшие возможности завести ребенка по состоянию здоровья, родители, дети которых погибли, умерли или пропали без вести на фронте. Льготы существовали для учащихся средних специальных и высших заведений (до 25 лет), для Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, военнослужащих и членов их семей и т.д.

Острой проблемой советского общества в годы войны стала детская беспризорность. 23 января 1943 г. было принято Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», возлагавшее на местные власти решение указанных вопросов. 8 сентября 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении», упорядочивавший данную процедуру. На усыновление дети передавались только в случае, если гибель их родителей была установлена, при этом по желанию усыновителей они могли быть записаны в качестве родных родителей усыновленного. Усыновление детей, оставшихся без родителей, в годы войны приняло широкий характер, многие семьи приняли на воспитание сразу по несколько детей.

Регулирование брачно-семейных отношений на оккупированной советской территории имело свою специфику. Заинтересованное в сокращении численности советского населения, нацистское руководство изначально выступало за поощрение аборт и применение противозачаточных средств, запрещение прививок и других

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 93–94.

профилактических мер в захваченных районах СССР¹. Однако события здесь не всегда развивались в соответствии с нацистскими планами. Ни противозачаточные средства, ни механические методы контрацепции не получили массового распространения, за исключением публичных домов для немецких военнослужащих, персонал которых в основном набирался из местных жительниц². Поэтому ограничение рождаемости в большинстве случаев по-прежнему осуществлялось естественными методами. Несмотря на крайнюю ограниченность в средствах, местные власти стремились осуществлять меры поддержки по отношению к беременным женщинам и детям³. В то же время приоритеты социальной политики изменились: жены красноармейцев лишались прежних льгот и облагались обязательными поставками⁴. Разводиться в условиях оккупации стало еще сложнее. Например, в Абинском районе Краснодарского края регистрация любого развода осенью 1942 г. стоила 300 руб.⁵ А в Смоленске весной 1943 г. расторжение брака было вообще запрещено, видимо, в целях контроля оккупантов над населением⁶.

Немецким военнослужащим строго запрещались сексуальные, тем более брачные отношения с женщинами неарийского происхождения, а «восточным рабочим» такие отношения с немками грозили смертью. Но командование частей вермахта на захваченных землях нередко достаточно снисходительно относилось к сексуальным контактам своих солдат с местными жительницами. Наряду с многочисленными фактами сексуального насилия захватчиков по отношению к советским женщинам и девушкам, встречались и случаи их вступления в добровольные сексуальные контакты с оккупантами. В Орле местный военный комендант даже объявил о выплате алиментов на детей советским женщинам, если те могли доказать, что их отцами являлись немецкие военнослужащие. Регистрация брака между ними и в этом случае не предусматривалась⁷.

В то же время браки заключались и даже сопровождалась венчанием в церкви между советскими женщинами и отдельными военнослужащими 250-й испанской (Голубой) дивизии⁸. Впрочем, их количество было крайне невелико. Допускались и браки между финнами-оккупантами и «родственными» им жителями захваченной Карелии. Командующий Военного управления О. Палохеймо считал это явление «позитивным веянием, так как все это укрепляло чувство единства между финнами и восточными карелами». Напротив, браки с представителями «неродственных» народов (русскими и другими) считались «непристойными». Церемонию бракосочетания проводил начальник округа, а расторгал браки командующий Военного

¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 385.

² См.: ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 16, 16а, 24.

³ См.: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000.

⁴ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.Р-498. Оп. 1. Д. 3. Л. 87.

⁵ Там же. Р-493. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁶ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. С. 354.

⁷ В постели с врагом. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24590186.html> (дата обращения: 03.09.2013).

⁸ Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 358.

управления. Всего в 1942 г. было заключено 47 браков и 8 расторгнуто, прошение об одном отклонено, в 1943 – 238 заключено, 76 расторгнуто и 6 отклонено, в 1944 г. количество браков неизвестно, зарегистрировано 39 разводов, 16 отклонено¹.

Серьезным изменением в советской семейной политике стал принятый на завершающем этапе войны – 8 июля 1944 г. – Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и утверждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Указ значительно расширил круг матерей, получавших государственные пособия по многодетности, повысил его размеры, ввел дополнительные льготы для беременных женщин и женщин, имевших детей, установил пособие одиноким матерям на содержание и воспитание детей. Единовременное пособие по многодетности составляло от 400 руб. на третьего, до 5 тыс. руб. на одиннадцатого и каждого следующего ребенка. Ежемесячное пособие от 80 до 300 руб. в зависимости от количества детей, устанавливалось матерям при рождении четвертого и следующих детей и выплачивалось со второго года жизни ребенка до пяти лет. Дети, рожденные многодетной матерью, учитывались независимо от регистрации брака, их возраста и совместного проживания с матерью или содержания в детских учреждениях. Одиноким матерям выплачивалось государственное пособие от 100 до 200 руб. до достижения ребенком восьми лет. Предусматривалось увеличение количества домов матери и ребенка, специальных домов отдыха для беременных женщин и кормящих матерей, детских садов, яслей и других учреждений².

В то же время указ закрепил права и обязанности супругов только в зарегистрированном браке, отменив прежнее равенство фактического и юридического брака. Не состоявшей в зарегистрированном браке женщине теперь запрещалось устанавливать отцовство и отыскивать алименты с фактического отца. В паспорте появилась специальная отметка о семейном положении, одновременно усложнялась процедура развода. Она стала многоступенчатой – через суды различного уровня, дорогостоящей – пошлина составляла от 500 до 2000 руб., и публичной – объявления о разводе печатались в местных газетах³.

Последним решением военного времени, касавшимся вопросов материнства и детства, стал принятый 18 января 1945 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей дошкольного возраста». От дальнейшего отбывания наказания освобождались осужденные беременные женщины и женщины, имевшие при себе детей дошкольного возраста в местах заключения, а также осужденные женщины, имевшие в семье детей дошкольного возраста, при условии отбытия половины срока наказания. Указ не распространялся на женщин, осужденных за

¹ Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). С. 17–22.

² Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. № 11. Ст. 162.

³ Там же.

контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства, по закону от 7 августа 1932 г. и рецидивисток¹.

В развитии брачно-семейных отношений с началом Великой Отечественной войны проявились новые тенденции. Вследствие массовых мобилизаций и добровольного ухода на фронт мужчин сократилось общее количество заключавшихся браков, особенно в сельской местности. В предвоенном 1940 г. органами загса было зарегистрировано 538 тыс. браков в городах (49,7 %) и 544 тыс. браков в сельской местности (50,3 %), всего – 1 082 тыс. браков. В 1941 г. было зарегистрировано 609 тыс. браков, большая часть которых пришлась на первую половину года. Это составило 56,3 % от количества браков в 1940 г. Однако эти данные не учитывают западные территории СССР, оккупированные противником. Соотношение количества браков на 1000 чел. учтенного населения по сопоставимым территориям в 1940–1941 гг. не изменилось.

Резкое снижение брачности пришлось на 1942 г., когда было зарегистрировано 297 тыс. браков. С 1943 г. статистика фиксирует постепенный подъем брачности: зарегистрировано 347 тыс. браков, в том числе 175 тыс. в городах (50,4 %) и 172 тыс. в сельской местности (49,6 %). Однако надо учитывать, что именно в 1942 г. была оккупирована наиболее значительная часть территории СССР, а в 1943 г. началось ее освобождение. Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. учтенного населения в 1942 г. по сравнению с 1941 г. сократилось в два раза и сохранилось на данном уровне по сопоставимым территориям в 1943 г. В 1944 г. органы загса регистрировали 582 тыс. браков, в том числе 325 тыс. в городах (55,8 %), 257 тыс. в селе (44,2 %). При этом в первом полугодии было заключено 265 тыс., во втором – 317 тыс. браков. Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. выросло до 4. А в 1945 г. произошел резкий подъем брачности вследствие демобилизации: было зарегистрировано 1106 тыс. браков – на 24 тыс. больше, чем в 1940 г., в том числе 637 тыс. в городах (57,6 %) и 469 тыс. в селах (42,4 %). Количество зарегистрированных браков на 1000 чел. учтенного населения составило 7, а в городах – 12 (см. табл. 1–2). В значительной степени это объясняется принятием указа от 8 июля 1944 г., вводившего обязательную регистрацию брачных отношений, в том числе уже фактически существовавших.

Таблица 1

Общее количество браков, зарегистрированных в СССР в 1940–1945 гг. (тыс.)²

Год	Город	Село	Всего
1940	538 (49,7 %)	544 (50,3 %)	1082
1941	нет сведений	нет сведений	609
1942	нет сведений	нет сведений	297
1943	175 (50,4 %)	172 (49,6 %)	347
1944	325 (55,8 %)	257 (44,2 %)	582
1945	637 (57,6 %)	469 (42,4 %)	1106

¹ Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 426.

² Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 89. Л. 128.

Таблица 2

Количество зарегистрированных браков на 1000 чел.¹

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1940	9	4	6
1941	9	4	6
1942	4	2	3
1943	4	2	3
1944	6	3	4
1945	12	4	7

Изменения в численности браков были обусловлены резкими деформациями половозрастной структуры населения в связи с мобилизацией значительной части мужчин, особенно в сельской местности (в городе чаще предоставлялась бронь – отсрочка от призыва). Накануне войны в сельской местности РСФСР на 100 женщин приходилось 88 мужчин². В 1943 г. доля мужчин в возрасте до 50 лет в составе сельского населения сократилась более чем в два раза. Среди возрастной когорты 18–24 лет мужчины составляли 21,9 %, женщины – 78,1 % среди когорты 25–49 лет мужчины – 23,6 %, женщины – 76,5 %, среди когорты 50–54 лет мужчины – 37,7 %, женщины – 62,3 %³. На каждого мужчину брачного возраста, таким образом, приходилось в среднем по 2–3 женщины, а то и больше. В результате снизилось количество женщин, состоявших в браке, выросло количество незамужних и вдов. Эти тенденции вели к изменениям в мотивации брака. Среди женщин чаще, чем среди мужчин, усиливался страх возможного одиночества из-за ограниченности возможностей выбора супруга, снижалась ценность самого брака, что не способствовало продолжительности брачной жизни и стабильности семьи⁴.

Изменился и возрастной состав вступающих в брак мужчин и женщин. В городах выросло количество мужчин, вступающих в брак в средних возрастах – в 30–34 года. Однако в этой возрастной группе сократилось количество первых браков и выросло количество повторных. В возрастной когорте старше 35 лет численно преобладали повторные браки. Женщины, как и до войны, чаще вступали в ранние браки. В первый брак активнее других вступали женщины в возрасте 20–22 лет. В то же время в средних возрастных группах женщины значительно реже мужчин вступали в брак. В меньшей степени у женщин были распространены и повторные браки⁵.

В селах преобладающее количество мужчин женилось в молодом возрасте – в 20–26 лет, на их долю приходилось около половины всех браков. Лишь в самом тяжелом 1942 г. доля 20–26-летних сократилась до 39,6 % за счет возрастания доли 18-летних: «многие сельские парни, едва достигнув совершеннолетия, перед отправкой на фронт торопились жениться и завести семью». Более половины всех

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1871. Л. 109.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Т. 1. С. 23.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 18.

⁴ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 221.

⁵ Там же. С. 220.

женщин на селе вступало в брак в возрасте 18–24 лет, но в 1941–1942 гг. среди невест выросла до 20 % доля 18-летних¹.

В годы войны значительно сократилась рождаемость, хотя и не сразу. Первоначально сказывались демографические тенденции предвоенного времени, так как с июня 1941 г. по февраль 1942 г. рождались дети, зачатые между октябрём 1940 г. и июнем 1941 г. Только с марта 1942 г. последовало резкое снижение рождаемости, продолжавшееся до 1943 г. В 1941 г. в РСФСР родилось 33,3, в 1942 г. – 20,2, в 1943 г. – 9,9 детей на 1000 жителей. Всего в СССР без учета оккупированных районов в 1941 г. родилось 4,6 млн, в 1942 г. – 2,1 млн, в 1943 г. – 1,4 млн детей. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, в целом за 1942–1943 гг. родилось почти вдвое меньше детей, чем в 1938–1940 гг.²

С 1944 г. рождаемость постепенно возрастала в городах и в целом по стране, составив в РСФСР 10,5, а в 1945 г. – 10,8 ребенка на 1000 чел.³ В сельской местности рождаемость начала расти только с 1945 г. Наряду со структурными факторами на динамику рождаемости оказывало влияние и ее регулирование: семьи откладывали рождение детей до окончания войны. Увеличение рождаемости было обусловлено общим переломом в войне, наметившимися положительными тенденциями в питании, медицинском обслуживании, мерами государственной поддержки по отношению к многодетным и одиноким матерям⁴. В то же время вырос средний возраст рожавших женщин. Если в 1940–1941 гг. наиболее высокий процент родивших приходился на женщин 26–39 лет, то в 1942–1944 гг. – на женщин 31–39 лет⁵.

Детская смертность в годы Великой Отечественной войны возросла, особенно в самом тяжелом 1942 г. За первые шесть месяцев 1942 г. коэффициент детской смертности вырос более чем в 3 раза, и к августу достиг 61,1 %: из каждых 10 родившихся младенцев 6 детей умирало, не дожив до 1 года. Самое значительное увеличение детской смертности было зафиксировано в районах массового размещения эвакуированных – в Кировской, Архангельской, Свердловской, Омской областях, Татарской и Чувашской АССР⁶. Если в 1940 г. детская смертность составляла 16,9 детей, то в 1942 г. – 19,5, в 1943–16,2, а за 8 месяцев 1944 г. – 14,9 детей на 1000 чел.⁷

Повышению детской смертности способствовало возрастание количества преждевременных родов, обусловленное ухудшением качества жизни и, прежде всего, системы питания для значительной части населения СССР, а также повышением нервной нагрузки. Если до войны в РСФСР рождалось 7 % недоношенных детей, то в 1942 г. – 13,2 %, а в Москве – 16 %⁸. Для улучшения питания беременных женщин в 1942 г. были введены дополнительные пайки, призванные повысить калорийность их рациона⁹.

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 245–246.

² Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 30.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 100–101.

⁴ Там же. С. 104, 223.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1873. Л. 78.

⁶ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. С. 88–89.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 53. Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 14. Л. 66.

⁹ Там же. Л. 34.

В условиях войны многие медицинские учреждения были перепрофилированы под военные нужды, превращены в госпитали. В результате количество родильных коек, составлявшее 15 000 в 1940 г., сократилось в 1941 г. до 11 524. В 1942 г. их количество сократилось в городах по сравнению с 1940 г. на 22 %, а в сельской местности – на 9,9 %. Впрочем, вследствие снижения рождаемости этим количеством вполне можно было обеспечить необходимую медицинскую помощь беременным женщинам и роженицам¹. Однако часть из них предпочитала не пользоваться услугами медицинских учреждений. В 1942 г. доля внебольничных родов в СССР составила 8,6 %, а в Москве 11,7 %. Одной из причин этого являлось плохое питание в медицинских учреждениях: *«обремененная семьей женщина получает карточку дома на 600 г, а в роддоме на 400 г, поэтому предпочитает рожать дома»*². Однако еще большее значение имели опасения нежелательных последствий: *«2/3 беременных женщин минуют консультации потому, что знают, что те сообщат о беременности и боятся этого»*³.

Причины этих опасений были связаны с запретами на аборт, остававшиеся основным средством ограничения рождаемости. В 1941 г. в СССР было совершено 370 тыс., в 1942 г. – 200 тыс. абортов, в РСФСР, соответственно, 300 тыс. и 151 тыс. абортов⁴. Таким образом, по сравнению с 1940 г., в РСФСР произошло более чем трехкратное, а в СССР четырехкратное сокращение количества абортов в абсолютных цифрах. Приводимые сведения не учитывают оккупированные территории. Тем не менее данные о количестве внебольничных абортов в пересчете на 100 рождений также свидетельствуют об их сокращении в первый год войны в городах практически всех союзных республик, кроме Средней Азии (см. табл. 3). В сельской местности количество внебольничных абортов в 1942 г. по сравнению с 1939 г. сократилось в РСФСР с 4,4 до 2, в Грузинской ССР – с 3,6 до 2,7, и только в Казахской ССР, Туркменской ССР и Узбекской ССР выросло, вероятно, благодаря эвакуированным гражданам⁵.

Таблица 3

Количество внебольничных абортов на 100 рождений в городах⁶

Союзные республики	1939	1941	1942
РСФСР	28,6	15,2	15,3
Киргизская ССР	32,8	22,3	22,4
Казахская ССР	11,0	12,8	12,0
Таджикская ССР	23,7	26,5	22,9
Туркменская ССР	18,7	20,1	22,0
Грузинская ССР	65,9	нет сведений	46,3

¹ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 14. Л. 59.

² Там же. Л. 66–70.

³ Там же. Д. 15. Л. 4об.

⁴ Там же. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 1.

Но 1943 г. принес увеличение количества аборт, и руководители органов здравоохранения забили тревогу. Начальник отдела родовспоможения Наркомата здравоохранения РСФСР Е.К. Исаева на специальном совещании по вопросам борьбы с абортами 25 октября 1943 г., признавая всю недостаточность и неполноту имевшихся сведений («при всей некачественности имеющегося материала»), утверждала, что в Московской области «каждая вторая abortирует. Это катастрофа... Речь идет, конечно, о городе... По предварительным данным, мы имеем значительное увеличение аборт по Ярославской, Рязанской областям, Хабаровскому, Красноярскому краю и ряду других. Надо прямо сказать, что из 10 областей 9 дают рост по сравнению с 1942 г.». Согласно приводимым данным, в городе Шуе Ивановской области в 1942 г. было проведено 66, а за полгода 1943 г. – 128 аборт. «В Москве мы имеем 32 % аборт, следовательно, каждая третья abortирует»¹. Чаще других аборт совершали женщины, не имевшие детей или имевшие 1 ребенка, значительно реже – многодетные матери².

В борьбе с абортами предполагалось не только активизировать профилактическую работу женских консультаций, но и усилить общественный контроль, шире использовать ресурсы различных общественных организаций: профсоюзов, комсомола, фабрично-заводских и цеховых комитетов: «надо добиться, чтобы беременная женщина на предприятии была окружена вниманием»³.

Руководители органов здравоохранения указывали на недостатки в работе абортных комиссий на местах: «Отмечаются случаи разрешения аборт по социально-бытовым условиям». Критика звучала и в адрес правоохранительных органов, реже применявших меры уголовной ответственности за нелегальные аборт: «чрезвычайно скупо и только при явных признаках вмешательства дела направляются на расследование... со стороны судебно-следственных органов не проявляется достаточно внимания и энергии в отношении уже переданных им дел... Судебно-следственные органы и органы прокуратуры не обращают внимания на те случаи, когда лечебные учреждения сигнализируют о поступлении ряда женщин с прерванной беременностью из одного и того же места...». Так, в Алма-Ате в 1943 г. в один день было рассмотрено 75 дел, окончившихся «осуждением только нескольких женщин, которым был сделан аборт, в то время как в большинстве случаев имело место участие третьих лиц. Были обнаружены факты введения катетера, йодного раствора». В 1942 г. в Кировской области было передано в правоохранительные органы 104 дела, в 1943 г. – 46 дел, а «обвинение было вынесено только в одном случае». В Ташкенте «было передано в прокуратуру 326 дел по криминальным абортам и ни по одному из этих дел не было дано соответствующего хода»⁴.

Действительно, в начале войны сократилось количество возбужденных уголовных дел по криминальным абортам. Если за первое полугодие 1941 г. суды РСФСР осудили «в связи с преступными абортами» 11 000 чел., то за второе полугодие –

¹ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 15. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 3об.

⁴ Там же. Л. 2–2об.

4100 чел. (37 %). Количество осужденных в 1942 г. составило $\frac{2}{3}$, а в первом полугодии 1943 г. – 6 % от осужденных в первом полугодии 1941 г. – при увеличении количества самих абортотворцев. Заместитель наркома юстиции РСФСР И.Д. Перлов признавал: «Такого резкого падения мы не имеем ни по одной категории уголовных дел»¹. В то же время он стремился переложить ответственность на самих врачей, полагая, что те передавали недостаточно материалов в правоохранительные органы – примерно 10 %, а то и меньше от числа выявленных абортов (см. табл. 4).

Таблица 4

Уголовная ответственность за нелегальные аборты в РСФСР в 1940–1942 гг.²

	1940	1941	1942
Совершено абортов	452 859	268 765	130 500
Передано в прокуратуру	43 239	33 452	10 186
Осуждено (чел.)	6732	15 000	2115

По словам Перлова, в этом в значительной степени отражалось «сочувствие» медицинских работников к «женщинам, которые производят аборты, некоторый либеральный подход, когда врачи не всегда решаются ставить вопрос об уголовной ответственности»³. Он также отмечал, что и в практике «наших судов мы часто встречаемся с сочувственным отношением к абортотворцам». Имеются случаи «совершенно неправильного оправдания судом женщин на том основании, что у нее материальные условия трудные, время военное, да и состояние здоровья у нее неважное. Хотя судья не медик, и судить об этом ему трудно»⁴.

В целом за годы войны добиться серьезных перемен в борьбе с абортами так и не удалось. Заместитель наркома здравоохранения СССР М.Д. Ковригина уже в августе 1945 г. отмечала их «значительный рост из года в год». В 1944 г. в городах РСФСР совершалось 46,2 абортотворства – почти на 10 больше, чем в 1940 г. В Армянской ССР – 39, в Грузинской ССР – 38, в Таджикской ССР – 34,3 абортотворства на 100 беременных женщин. Наименьшее количество абортотворств совершалось в Азербайджанской ССР – 16,1, в Казахской ССР – 16,4 на 100 беременных женщин. В среднем в СССР, без учета Белорусской ССР, Украинской ССР и республик Прибалтики, сведения по которым отсутствовали – 30,5 абортотворств на 100 беременных женщин. Наибольшее количество абортотворств совершалось в крупных городах. В Москве в отдельные месяцы их количество доходило до 73, в Свердловске, Саратове и Горьком совершалось более 40 абортотворств на 100 беременных женщин⁵. Всего в 1944 г. в РСФСР было произведено 186 тыс. искусственных прерываний беременности, в том числе свыше 90 % – вне лечебных учреждений. Прокуратура возбудила по данному поводу 17 тыс. уголовных дел⁶.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 15. Л. 60б.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 53. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 1913. Л. 83, 85.

Нелегальные абортс нередко приводили к неблагоприятным последствиям для здоровья женщин и даже к их смерти. Именно абортс являлись доминирующей причиной материнской смертности на протяжении всего периода 1940–1945 гг., за исключением 1942 г., когда возросло количество женщин, умерших от послеродового сепсиса и других болезней (см. табл. 5).

Таблица 5

**Материнская смертность по 45 городам РСФСР
в расчете на 10 000 чел. населения¹**

Причины смерти	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Послеродовой сепсис	4	5	8	7	4	3
Прочие болезни родов и послеродовые	9	11	12	10	10	нет сведений
Все виды абортс	14	20	15	24	26	нет сведений
Всего	27	36	35	41	40	нет сведений

Под влиянием различных обстоятельств военного времени менялись форма и структура семьи. В условиях расставания на длительный срок с близкими и родными многие семьи фактически распались, сократилась их численность. В 1943 г. средняя колхозная семья в РСФСР составляла 3,8 чел., а в 1945 г. – 3,5 чел., семья рабочего совхоза или МТС – соответственно, 3,4 и 3,1 чел.² Большинство семей с уходом мужчин на фронт лишились своих глав и кормильцев, эти роли приходилось выполнять женщинам или старшим детям. Существенно возросла доля неполных семей, состоявших в основном из матерей с детьми, пожилых родителей, потерявших детей, и оставшихся без родителей и проживавших с другими родственниками детей. Сократилась и средняя продолжительность брачной жизни.

Часть старших офицеров, правда, стремилась продолжать службу вместе со своими семьями в действующей армии, но начальство, как правило, стремилось пресекать данные практики. В конце июня 1943 г. генерал А.И. Ерёмченко отмечал в своем дневнике: «Много семей комсостава приехало к мужьям – народ начал перестраиваться на мирный лад. Это очень плохо влияло на поднятие боеспособности войск, пришлось принимать меры по удалению непрошенных гостей»³. В свою очередь, семейные неурядицы могли серьезно мешать воинской службе. По словам военного техника Э.И. Речестера, командир его эскадрильи – «замечательный летчик – здоровый, высокий» – очень переживал, когда ему изменила жена. На самолете УТ-2 они вместе полетели в Тростянку, где жила семья командира, и тот отправился выяснять отношения с женой, пообещав вернуться через час или два: «Ждал я его, по-моему, 5 часов, и он пришел. Только он пришел не прямо, а зигзагами, был

¹ ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 245. Л. 313.

² Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). С. 251.

³ Маршал Советского Союза А.И. Ерёмченко. С. 155.

пьяный «в дым». У Речестера сразу возникли обоснованные сомнения по поводу возвращения, и он предложил перенести полет, но командир не согласился. Предчувствия не обманули техника, в ходе полета между ними состоялся следующий разговор: «Как ты, как ты? – Да хорошо я, но надо долететь домой, домой надо долететь. – А что, полетим домой? Тебе жизнь не надоела? – Пока нет. – А мне надоела!». Спасло то, что на Ут-2 был второй штурвал в задней кабине, где сидел Речестер, уже имевший небольшой опыт полетов. Ему удалось добраться до аэродрома и посадить самолет¹.

Об изменении в эволюции брачно-семейных отношений в 1941–1945 гг. отчетливо свидетельствует и динамика разводов. В последний предвоенный год развелись почти 400 тыс. чел. – около 200 тыс. семейных пар. В 1941 г. в СССР было зарегистрировано 92 515, в 1942 г. – 71 440, в 1943 г. – 75 314, в 1944 г. – 66 555 разводов. Однако приводимые сведения не учитывают данных по оккупированным территориям СССР. В цитируемых документах ЦСУ СССР за 1942 г. учитывались данные только по 35 областям, а в 1943 г. – по 47 областям РСФСР.

В данной связи целесообразно сопоставить данные по отдельным республикам Закавказья и Средней Азии, которые имеются в полном объеме за весь период войны. Например, в Таджикской ССР в предвоенный 1940 г. было зарегистрировано 5582 развода, что сделало ее лидером по количеству разводов на 1000 жителей (3,8). В 1941 г. здесь было расторгнуто 5062, в 1942 г. – 5299, в 1943 г. – 4488, в 1944 г. – 3210 браков. В Азербайджанской АССР в предвоенном 1940 г. было зафиксировано 10 083 развода (3,2 на 1000 жителей). В 1941 г. их количество уменьшилось на четверть, составив 7528, в 1942 г. еще на четверть с лишним – 4810, в 1943 г.росло до 5644, а в 1944 г. сократилось до 4174. Примерно такая же динамика характерна и для Армянской ССР, в которой в 1940 г. было расторгнуто 1055 браков, что составляло 0,8 разводов на 1000 жителей – один из самых низких показателей в предвоенном СССР. В 1941 г. количество разводов сократилось до 685, в 1942 г. – до 323, в 1943 г. выросло до 446, а в 1944 г. вновь сократилось до 336. Представляется, что более высокие показатели разводов в 1941–1942 гг. в республиках Средней Азии обеспечили не только мусульманские традиции, упрощавшие их процедуры, но и эвакуированное население.

Резкое сокращение разводов произошло после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., превратившего их в сложную, длительную и дорогую процедуру. Практически по всем союзным республикам их количество за год сократилось более чем в 10 раз. В отдельных республиках разводы превратились в настоящую редкость. Так, в Киргизской ССР в 1945 г. развелось всего 22, в Карело-Финской ССР – 33, а в Армянской ССР – 40 семейных пар. Обращает на себя внимание и возникшая в 1945 г. диспропорция в численности разводов между городом и селом. Если в городе количество разводов сократилось примерно в 5,5 раз по сравнению с 1944 г., то в селе – в 56,2 раза, а по сравнению с 1940 г. – в 154,2 раза (см. табл. 6).

¹ Респондент: Речестер Эмиль Исаевич.

Динамика численности разводов в СССР в 1940–1945 гг.¹

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
РСФСР	104848	53637 ¹	28490 ²	42389 ³	41742 ⁴	3840 ⁵
Азербайджанская ССР	10083	7528	4810	5644	4174	310
Армянская ССР	1055	685	323	446	336	40
Грузинская ССР	3644	2663	1982	2482	1638	116
Туркменская ССР	3536	3294	3613	2392	1725	94
Узбекская ССР	18780	16382	17494	10912	7883	233
Таджикская ССР	5582	5062	5299	4488	3210	225
Казахская ССР	6792	5796	4023	4434	3515	151
Киргизская ССР	3029	3001	2586	1956	1570	22
Всего в городах	103479	39463	27526	35695	31888	5820
Всего в сельской местности	95122	53052	43914	39619	34667	617
Всего в СССР	198601	92515	71440	75314	66555 ⁶	6437

Примечание: 1 – учтены данные по 43 областям; 2 – учтены данные по 35 областям; 3 – учтены данные по 47 областям; 4 – не учтены данные по Пензенской и Костромской областям; 5 – учтены данные по 74 областям; 6 – учтены не все республики и области.

Тем не менее принудительное ограничение разводов административными мерами не могло коренным образом изменить развитие событий. Начавшаяся демобилизация и возвращение с фронта миллионов советских мужчин неизбежно создавало новую ситуацию в развитии советской семьи. Уже с 1947 г. количество разводов вновь начинает расти, несмотря все запретительные меры советского руководства.

Вызывают определенный интерес возраст разводящихся и продолжительность у них брачных отношений. В течение всей Великой Отечественной войны у несовершеннолетних мужчин количество разводов, как и браков было крайне малым, а в 1945 г. органами загса не было зарегистрировано ни одного развода с их участием. Не велика была и доля разведенных мужчин в возрасте 18–19 лет. В совокупности представители двух этих когорт составляли менее 1 % от общей численности разведенных. Больше всего разводов в 1940–1945 гг. приходилось на возрастную группу мужчин 30–39 лет, при этом ее доля в общей численности разведенных неуклонно возрастала, достигнув в 1945 г. 51,6 %. Второе место по численности разводов в течение 1940–1944 гг. принадлежала группе мужчин в возрасте 24–29 лет. В 1945 г. на второе место вышли мужчины в возрасте 40–49 лет, до войны находившиеся только на четвертом месте. Доля разводов в группе мужчин 20–24 лет, занимавшей до войны по данному показателю третье место, постоянно сокращалась вследствие мобилизации на фронт ее представителей. Уже в 1941 г. она перешла на третье место, а в 1945 г. практически сравнялась с группой мужчин в возрасте 50–59 лет, хотя до войны превосходила ее по данному показателю более, чем в три раза. Возрастала и доля разводов у мужчин в возрасте 60 лет и старше, с 2,1 % в 1940 г. до 3,6 % в 1943 г., но в 1945 г. она упала ниже довоенной, составив 1,7 % (см. табл. 7).

¹ Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222, 283, 365, 442, 523, 597. Здесь и далее при подсчете процентов цифры округлены до десятых долей.

Таблица 7

Распределение разведенных мужчин по возрасту¹

Возраст	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 18	34	0,0	20	–	25	–	41	–	38	–	–	–
18–19	1972	1,0	786	0,8	595	0,8	450	0,6	512	0,8	13	0,2
20–24	24946	12,6	10547	11,4	7201	10,1	7820	10,4	6644	10,0	350	5,4
25–29	65939	33,2	27913	30,2	17650	24,7	18526	24,6	14877	22,3	1089	16,9
30–39	68621	34,5	33732	36,5	26855	37,6	29980	39,8	27039	40,6	3321	51,6
40–49	23408	11,8	12031	13,0	11171	15,6	10529	14,0	10184	15,3	1168	18,2
50–59	7885	4,0	4145	4,5	4457	6,3	4382	5,8	4109	6,2	349	5,4
60 и старше	4208	2,1	2379	2,6	2611	3,7	2730	3,6	2111	3,2	109	1,7
неизвестен	1588	0,8	962	1,0	875	1,2	856	1,2	1041	1,6	38	0,6
итого	198601	100	92515	100	71440	100	75314	100	66555	100	6437	100

У женщин динамика разводов в зависимости от возраста имела свою специфику. Делившие первые места когорты в возрасте 20–24 лет и 25–29 лет к концу войны также уступили его. Как и у мужчин, в 1945 г. на первое место по разводам вышла когорта в возрасте 30–39 лет, доля которой составила 39,7 %. Доля разведенных в возрасте до 18 лет на протяжении всего предвоенного и военного времени была крайне мала – менее 1 %, а доля разведенных в возрасте 18–19 лет в 1940–1943 гг. составляла не менее 7 %. В значительной степени это объясняется более ранним вступлением женщин в брак, чем мужчин, особенно в республиках Средней Азии. Только к концу войны ее доля стала сокращаться (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение разведенных женщин по возрасту²

Возраст	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 18	1363	0,7	621	0,7	252	0,4	243	0,3	150	0,2	5	0,1
18–19	13975	7	7658	7	5346	7,5	4128	5,5	2986	4,5	115	1,8
20–24	55366	27,9	26595	27,9	20360	28,5	20411	27,1	16634	25,0	1127	17,5
25–29	55499	27,9	24313	27,9	16861	23,6	18855	25,0	16743	25,2	1564	24,3
30–39	49327	24,9	21999	24,9	17664	24,7	20091	26,7	18967	28,5	2555	39,7
40–49	15248	7,7	7167	7,7	6653	9,3	6990	9,3	6639	10,0	770	12,0
50–59	4427	2,2	2228	2,2	2305	3,2	2480	3,3	2333	3,5	187	2,9
60 и старше	1212	0,6	684	0,6	712	1	786	1,0	749	1,1	34	0,5
неизвестен	2184	1,1	1250	1,1	1287	1,8	1330	1,8	1354	2	80	1,2
итого	198601	100	92515	100	71440	100	75314	100	66555	100	6437	100

¹ Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222. Л. 1–1об. Д. 283. Л. 1–1об. Д. 365. Л. 1–3об. Д. 442. Л. 1–1об. Д. 523. Л. 1–1об. Д. 597. Л. 1–1об.

² Составлено по: Указ. ист.

Определенные изменения характеризуют и среднюю продолжительность брака в годы Великой Отечественной войны. До войны наибольшее количество разводов совершалось молодыми семьями, состоявшими в браке 1–2 года и не пережившими кризиса первого года супружества. Их доля в 1940 г. составляла 24,3 %, но в 1944 г. снизилась до 15,6 %, а в 1945 г. – до 15 %. В 1940 г. далее следовали в порядке убывания семьи, состоявшие в браке 5–9 лет – их доля составляла 17,3 %, 3–4 года – 16,7 %, 10–19 лет – 12,8 % от общего количества разводов. К концу войны на первое место по количеству разводов вышли семьи, состоявшие в браке в течение 5–9 лет. В 1944 г. их доля выросла до 23,4 %, а 1945 г. – до 31,9 %. На втором месте оказались семьи, прожившие наиболее длительный срок в браке и традиционно считавшиеся наиболее прочными. Это свидетельствовало о кризисных тенденциях в развитии брачно-семейных отношений. Доля разводов у семей, состоявших в браке 10–19 лет, выросла в 1944 г. до 15,7 %, а в 1945 г. – до 22,3 %. Напротив, доля разводов среди молодоженов, проживших менее 1 года, сократилась с 19,7 % в 1940 г. до 15,9 % в 1944 г. и 8,5 % в 1945 г. (см. табл. 9).

Таблица 9

Распределение разводов по времени продолжительности брака¹

продолжительность	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	разводов	%										
до 1 месяца	5825	2,9	2862	3,1	2603	3,7	2407	3,2	1997	3,0	64	1,0
1–5 месяцев	17044	8,6	7991	8,6	4914	6,9	5300	7,0	4717	7,1	206	3,2
6–11 месяцев	16187	8,2	7066	7,6	4674	6,5	4229	5,6	3872	5,8	278	4,3
1–2 года	48308	24,3	20697	22,4	15590	21,8	14151	18,8	10358	15,6	968	15,0
3–4 года	33170	16,7	14468	15,7	10718	15,0	11219	14,9	9632	14,5	984	15,3
5–9 лет	34271	17,3	17492	18,9	13868	19,4	16864	22,4	15594	23,4	2052	31,9
10–19 лет	25408	12,8	11778	12,7	9268	13,0	10781	14,3	10436	15,7	1434	22,3
20 и выше	6057	3,0	3037	3,3	2847	4,0	3243	4,3	3457	5,2	309	4,8
неизвестно	12321	6,2	7124	7,7	6958	9,7	7120	9,5	6492	9,7	142	2,2
Итого	198601	100	92515	100	71440	100	75314	100	66555	100	6437	100

Таким образом, война оказала существенное воздействие на развитие брачно-семейных отношений в советском обществе. Главную роль в этом сыграли мобилизация, призыв и добровольный уход на фронт, эвакуация, депортация и угон на работу в Третий рейх миллионов советских граждан, а также их гибель в ходе боевых действий, бомбардировок, от голода и болезней. В результате многие семьи

¹ Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 222. Л. 1–106. Д. 283. Л. 1–106. Д. 365. Л. 1–306. Д. 442. Л. 1–106. Д. 523. Л. 1–106. Д. 597. Л. 1–106.

фактически распались, существенно возросло количество неполных семей и незарегистрированных браков. Вследствие возникших диспропорций в демографической структуре значительно увеличилась численность одиноких женщин – незамужних и вдов, что вело к изменениям самой мотивации вступления в брак и его сохранения. Увеличилось и количество детей, оставшихся без родителей, а также пожилых родителей, потерявших своих детей.

Несмотря на все трудности военного времени, семья сохранилась как социальный институт и продолжала выполнять свои главные функции в данном качестве. Однако половозрастные деформации неизбежно формировали новые тенденции в сексуальном, матримониальном и репродуктивном поведении как мужчин, так и женщин, создавая для них новые возможности выбора своего поведения.

3.2. Специфика внутрисемейных отношений в условиях военного времени

Влияние войны на быт, жизнеустройство и жизнедеятельность семей советских граждан прослеживается во многих аспектах, но, пожалуй, наиболее сильно отразилось на базисных: материальном благосостоянии и внутрисемейных коммуникациях. Разумеется, 22 июня 1941 г. масштаб грядущих перемен предположить было невозможно, тем более что задолго до этого момента усилиями советской пропаганды в сознании советских людей был создан образ войны как быстрой, практически бескровной и победной. Однако опыт предыдущих, не так давно пережитых войн напоминал об их печальных, не всегда предсказуемых последствиях, круто меняющих течение повседневной жизни, безжалостно изламывающих людские судьбы. *«Распространилась [весь о войне] очень быстро. Где-то примерно после обеда, где-то после часа узнал, – рассказывает Александр Павлович Обозьянский, которому в 1941 г. исполнилось 14 лет. – Ну, и потом... ревел по станции. Знаете, как женщины [могут]... Не плач, а ревел. Очень страшно как-то. Не видишь ничего, а... как стон [идет] по всей станции. <...> Тогда те войны [были в памяти], люди понимали, что такое война. Поэтому – просто плач, плач, плач женщин»¹.*

Что касается уровня жизни советских семей, который и в предвоенные годы был, мягко говоря, невысоким, то оккупация значительной части территории СССР, эвакуация мирного населения и сосредоточение всех имеющихся в стране ресурсов для перелома ситуации на фронте и скорейшей победы над врагом губительно сказались на нем и повлекли самые трагические последствия. В то же время на переживание тягот и лишений, которые принесла война, наложили отпечаток стандарты материального благополучия семей и практики решения бытовых проблем, закрепившиеся еще в довоенный период. Такого рода стандарты можно охарактеризовать как универсальные, непритязательные, скромные, что верно

¹ Респондент: Обозьянский Александр Павлович, 1927 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажиудинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 75 минут // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

для большинства населения. Для него же оставались актуальными и важными традиции взаимопомощи (родственной, соседской) в решении разнообразных семейных проблем.

Накануне войны безбедность, зажиточность существования была свойственна для крайне небольшого числа советских семей. В этом смысле показательны письма красноармейцам от членов их семей, написанные в период советско-финской войны (декабрь 1939 г. – март 1940 г.), которые были найдены и проанализированы В.М. Зензиновым. Согласно заключению Зензинова, в этой «как бы зачерпнутой ложкой пробе из огромного котла народной жизни» преобладали свидетельства о трудностях повседневной жизни. О многом говорит тот факт, что из 542 писем, прошедших через руки исследователя, о благополучии свидетельствуют не более десятка, причем, вследствие обязательных оговорок авторов, и они оставляют впечатление об относительности такой безбедной жизни. Даже в этих письмах речь идет, главным образом, о недостатке в питании и наличии скота, который есть чем прокормить «взиму», т.е. ресурсах, позволяющих удовлетворить физиологические нужды («мы живем хорошо хлеб есть да даже мясо едим [здесь и далее орфография и пунктуация сохранены. – Авт.]» – из Воронежской области; «у нас хлеба на 2 года хватит, нам сейчас живетса ничего» – из Пензенской области). Остальные письма повествуют об откровенной нужде: «Я все время на работе с шести до десяти сказали что и мужскую работу работат... Степушка теперь и обуви нет все разорвалось» (место не указано); «Братец ты пишеши приходи денег дениг у меня нет итак необижайся наменя ходим мы абносилося и все твое поносила осталася только твой пинжак дорогой братец ты сам знаеши как живут в колхозе из твоих иттонов пошыла Ваньке иттоны а рубашку я изнасила» (из Сталинградской области); «Коля моя жизнь неважная и сказать савсем плохая Коля живешь так от горя некуда деца и вопче унас жизнь очен плохая и хужай быт некуда» (из Воронежской области). Выручала неприязательность, о чем свидетельствует письмо В. Меламеду, служившему в 273-м горнострелковом полку, от жены из Ленинграда: «... все есть всего достаточно и если ты слышал, что плохо с продуктами и что мол ничего не достать, так это нет и не хватает для тех, кому нужны запасы до самой смерти, а нам запасы не нужны, а продукты нужны на пятидневку». Спустя неделю женщина писала: «Если б только не надежда что скоро все кончится так есть от чего с ума сойти ты дорогой мой бодришь ты не один а миллионы нас таких же как мы»¹.

Интервью также подтверждают, что материальные трудности имели хронический характер. Особенно остро они ощущались в многодетных семьях, которых было немало, и преимущественно в сельской местности. А.С. Гончаров (1927 г.р.), уроженец села Шведино (в настоящее время – Ставропольского края), был младшим в семье, где, кроме него, росло еще девять детей. Детство вспоминает так: «Была полная, можно сказать, нищета. Я вам скажу, до войны... хорошего, вообще, нечего сказать. В селе все время была бедность. Чтобы жили мы в достатке, этого не было, вот...».

¹ Зензинов В.А. Встреча с Россией: как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию, 1939–1940. Н.-Й., 1944. С. 5, 103, 105, 128, 179, 181–185, 257, 403, 527, 529.

Самым тяжелым считает 1933 г., когда при изъятиях «даже в печках забирали еду», односельчане пухли от голода, а мать обменяла свое приданное на продукты в «чуть лучшие» живущей казачьей станице. Даже признавая, что спустя несколько лет ситуация с основными продуктами питания стабилизировалась, Гончаров констатирует: «Бедность была такая... хорошего лично я, за свои 16 лет, которые прожил в селе, непосредственно, хорошего ничего не видел, ни конфеток, ни еды, ничего такого не было... Была бедность, облагали все ведь, буквально...» Примечательно, что свое добровольчество в войну Гончаров объясняет именно безысходными условиями жизни семьи в колхозе¹. «Жили бедно, прямо скажем», – лаконичен в описании материальных условий своей семьи перед войной сверстник Гончарова, А.П. Обозьянский. Из детства вспоминает хату в станице Черноморской, где за расстеленным рядом у одной на всех чашки рассаживалась кругом семья – родители и четверо детей. Впоследствии Обозьянских постигла «трагедия», так как мать оставила семью, а отец привел в дом мачеху, отношения с которой у детей не сложились. С началом войны и мобилизацией отца условия жизни в семье, естественно, не улучшились, и данные обстоятельства прежде времени привели Сашу Обозьянского на фронт².

Дети в многодетных семьях выросли быстро, к чему располагал сам жизненный уклад и стесненные материальные обстоятельства. К примеру, Валентин Мартынов (уроженец г. Павлово-на-Оке Горьковской области) был седьмым ребенком в семье, где, кроме него, подрастало еще девять детей. «Вот, я родился, а передо мной – Колька, а перед Колькой – Мишка. Мишке 4 года, Кольке 2 года. Я только родился. После меня – Женька... Мать была завалена детьми. У ней кровать была... Во всем доме было две кровати. Отец спал. И мать, вот, с детьми постоянно. Наверное, все эти годы она родила, да и кормила. Родила да кормила» – вспоминает Мартынов. К началу войны он уже год как трудился слесарем на заводе, а в первую военную зиму, необыкновенно холодную и голодную, перешел в рыболовецкую бригаду, снабжавшую заводских рабочих. «Я, было, отказался, – рассказывает Мартынов. – А начальником отдела кадров был мой дядя. Дядя Федя. Он меня вызвал. Говорит: “Ты видишь своего отца?” Я говорю: “Как же я его не вижу...” Дядя говорит: “Он опух. Он крупный мужчина. И ему 400 грамм хлеба недостаточно. Твой отец скоро с голоду помрет. А ты пойдешь в рыбаки, и ты отдашь ему свою карточку. Потому что в деревне карточка не нужна. Ты дашь ему карточку – он останется живой. Ну, и потом, будешь ловить рыбу, и у вас там будет кое-что. И спасешь отца”. Вот я и пошел». Так Валентин Мартынов попал в деревню, находившуюся в 12 км от его родного города, в течение полутора лет жил то в одной деревенской семье, то в другой, вплоть до призыва в армию. По собственным словам, он тогда очень помог своей семье, фактически «спас» ее, но за годы войны его родственные связи ослабли; никому из членов семьи он практически не писал. Вспомнить о родственниках молодого человека заставил следующий эпизод, происшедший летом 1945 г. «Как-то вызвал меня мой началь-

¹ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 100, 102.

² Респондент: Обозьянский Александр Павлович.

ник, полковник. И “промывал” меня, что-то я там промахнулся где-то. А у него на столе лежит газета “Правда”. И на этой газете написано – “Указ Верховного Совета СССР о присвоения звания «Мать-героиня»”. И там третья – Мартынова Римма Васильевна! И вот меня он положет-положет, а я улыбаюсь. “Чего улыбаешься?!” Говорю: “Товарищ полковник, посмотрите, моя мама” ...Я написал письмо: “Мама, поздравляю...”¹.

Семейные проблемы являлись одним из мотивов к добровольному уходу на фронт, на что, в частности, обращает внимание Е.Н. Боле, проанализировавшая письменные заявления добровольцев, поступавшие в военкоматы Коми АССР². Основываясь на устных свидетельствах, можем подтвердить, что отсутствие крепких родственных связей, семейного уюта, действительно, подталкивало молодых людей к такому решению. Р.Я. Дворцова, воспитывавшаяся в детдоме (семья была раскулачена, родители в 1933 г. «с голоду поухли»), вспоминала, как после освобождения родного ей Ставрополя «ходили с военкомата, кто желает добровольно, [обращайтесь] в сельсовет». «Я с радостью, тетка не возражала. Это был 1943 год»³. Николай Павлович Жуган – выходец из многодетной крестьянской семьи, проживавшей в селе Николаевка Одесской области, рано потерял родителей, умерших от тифа. «Нас было 8 человек детей, я – самый младший. <...> Остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыши против них. А потом в 1925 г. советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали». Через несколько лет Жуган вернулся в Николаевку («тянуло в родное гнездо»), где закончил семилетку, работал в совхозе. Затем устроился токарем на одесский завод, а в 1937 г. получил путевку в летную школу Осоавиахима, располагавшуюся в г. Харькове. Всю войну, с первого дня до последнего, Жуган прошел летчиком, получил звание Героя Советского Союза⁴.

Как видим, политикой советской власти, с одной стороны, «создавались» проблемы для нормального существования семей (речь, прежде всего, о последствиях коллективизации и массовых репрессий, отсутствии достаточных жизненных ресурсов), но, с другой – власть предпринимала серьезные попытки совладать с возникавшими в данной сфере проблемами. Некоторые респонденты указывают на специальную помощь, которая оказывалась их семьям со стороны государства. Вышеупомянутый В.И. Мартынов вспоминает предвоенные годы: «Тогда многодетным помогали. Очень

¹ Респондент: Мартынов Валентин Иванович, 1926 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 60 минут. Запись 2 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² См.: Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 246.

³ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 140, 142.

⁴ Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

хорошо помогали. Вот у нас было 12 человек [семья]. Конечно, хорошего тут мало. Но голодными мы не были. И одеты были. Вот я помню, приносили сразу... я не знаю, на какой срок, маме сразу 2 000 рублей». Впрочем, он же отмечает, что в школу пошел в 1932 г. раньше времени, шестилетним, именно из-за того, что семья голодала¹.

Война кардинально изменила положение многих семей, и сразу пролегла пропасть между теми из них, которые лишились основного кормильца и других членов семьи, ушедших на фронт по мобилизации или добровольно, и теми, чей состав остался прежним. Такого рода разрыв ощущался на протяжении всей войны, поскольку армия регулярно пополнялась новыми человеческими ресурсами, военнослужащие в массовом порядке погибали в боях, а тяготы мирного населения имели тенденцию к накоплению (вещи ветшали и снашивались, дети выросли и требовали дополнительных вложений в питание и образование, подорванное здоровье нуждалось в поддержке, и т.д.). Не случайно письма некоторых женщин, адресованные на фронт, содержат сетования на несправедливость судьбы, сравнения положения собственной семьи с тем, как живут другие, оставшиеся «при мужьях» соседки или коллеги по работе.

Согласно представлениям рассматриваемого времени, ситуация мужчины была ясной: если позволяли возраст и здоровье, он должен был служить, выполнять свой моральный долг перед Родиной. Проблема долга перед семьей рассматривалась в этом контексте, т.е. отступала на второй план. О решении в пользу ухода на фронт (а для многих это было именно собственное, выстраданное решение) женам писали, случалось, уже «с дороги». Иногда называли его «преступлением перед семьей»². Особенно винулись перед беременными женами и теми, которые оставались с несколькими детьми на руках. И.Д. Гольдфедер, в первые дни войны ушедший добровольцем в народное ополчение, обращался к жене: «Прости меня, милая деточка, что в такую тяжелую минуту оставил тебя одну, но я иначе не мог. Я хочу свой долг выполнить до конца. Я тешу себя мыслью, что ты родишь здорового ребенка»³. Артиллерист Г.О. Литяйкин писал жене и родственникам: «Сильно не плачьте, что будет. Детей не бросайте, их надо растить, хотя их и много, но ничего не поделаешь»⁴.

Перекладывая груз ответственности за дом и детей на жен, мужчины звали к их самостоятельности. Рядовые и офицеры предлагали женам «до конца войны вычеркнуть [их] из актива своего жизненного баланса»⁵, не теряться, быть решительными. «Действуй и поступай так, как требует жизнь. Мое мнение в настоящих условиях не должно быть решающим, т.к. я все-таки такая личность, которая сегодня живет, а завтра ее может не быть» (из письма жене политрука роты Д.А. Абаева)⁶.

¹ Респондент: Мартынов Валентин Иванович.

² Герои терпения. С. 82.

³ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 56.

⁴ Письма из войны. С. 229.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 7об.

⁶ Там же. Л. 100.

Материнские стратегии выживания были одновременно стратегиями выживания детей. Подавляющее большинство тех, чье детство пришлось на войну, полагают, что пережили ее благодаря своим матерям. Н.В. Нагорнова из Некрасовского района Ярославской области утверждает: «Если бы не наша мама, мы бы погибли». Об этом же рассказывает Е.А. Метелькова из Солигаличского района Костромской области: «Нас у матери было 8 человек детей, отца и старшего брата взяли на фронт. Только благодаря огромному трудолюбию нашей мамы Ворониной Марии Геннадьевны, мастерице на все руки [,] мы все выжили. Наша мама работала в колхозе, не покладая рук, ее даже звали “трактором”, она только вручную засекала в день по 10–11 га»¹. Размышляя над тем, сколько трудностей выпало женам, мужчины обещали в послевоенном будущем компенсировать их усилия. Мотив «свидимся, отплачу сторицей» присутствует во множестве писем с фронта, адресованных женам: «Если вернусь жив и здоров – отдохнешь» (из письма А.И. Тыкина); «После войны тогда я создам для тебя хорошие условия» (из письма В.И. Болотина)².

С учетом того, насколько минимальны были ресурсы большинства семей в Советском Союзе, уход на фронт фактически означал, что самые близкие люди оставлялись на произвол судьбы. Не все мужчины отдавали себе в этом отчет, так как не могли предвидеть сроки войны, тяготы оккупации или эвакуации, которые выпали в будущем на долю их семей. Многие гнали от себя подобные мысли по той простой причине, что в сложившихся обстоятельствах бессильны были что-либо изменить. И, пожалуй, самое важное: советские люди надеялись на заботу государства, которое с началом войны представило себя основным защитником семей фронтовиков, отвечающим за решение их материальных и бытовых нужд.

Помощь военнослужащих семьям заключалась, прежде всего, в высылке денег (аттестаты, единовременные переводы), а также справок, которые должны были обеспечить членам их семей льготы, пособия и пр. Пересылка домой справок о том, что военнослужащий находится в рядах Красной армии, была распространена повсеместно. 1 августа 1941 г. А.И. Тыкин писал жене: «Высылаю удостоверение на льготы [,] ты с ним можешь приходить везде и требовать льготы как-то страховка дома, Юру в садике. И вообще льготы все по кодексу закона. Только береги, смотри, не потеряй...»³.

Кроме того, военнослужащие пытались привести в действие формальные и неформальные механизмы помощи, т.е. исходя из конкретных нужд семьи (дрова, питание в заводской столовой, ремонт в квартире и др.) обращались к друзьям, руководству своего предприятия или колхоза, в партийные организации разного уровня. Исследователи обращают внимание на то, что письма с фронта в адрес партийных и советских органов власти, массово распространенные и затрагивавшие

¹ Волкова Е.Ю. «Очень хотелось жить, не замерзнуть, не умереть с голоду» (что помогло выжить детям в годы Великой Отечественной войны) // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): мат-лы Междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011, г. Ростов-на-Дону). 2011. С. 241.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 56; РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 18; Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 292. Л. 30б.

самый широкий спектр вопросов, были характерным явлением изучаемого периода. Практика прямого обращения к органам власти для решения личных проблем превратилась в обычную для советских людей еще в 1930-е гг. В войну же первоочередное внимание стало уделяться письмам и просьбам воинов РККА. Многочисленность таких обращений об оказании материально-бытовой помощи семьям военнослужащих В.А. Сомов предлагает считать не только указанием на то, что проблемы имелись в массовом количестве, но и на то, что «власть реально, насколько это было возможно, помогала гражданам их решать». Проанализировав документы из нижегородских архивов, он нашел немало подтверждений в пользу того, что власть имела возможности и политическую волю, всеми способами пыталась максимально защитить интересы красноармейцев-фронтовиков. «Доказательством этому служит как раз массовость обращений к ее представителям: нет смысла просить о помощи, слабо надеясь на результат»¹. Резолюции, пометы, штампы, оставленные на письмах «во власть» («*Взято на контроль*»; «*Проверить положение семьи...*»; «*Дано указание...*»), свидетельствуют о том, что зависимость между боевыми качествами красноармейцев и их удовлетворенностью положением дел в семьях была вполне осознана.

Военнослужащие, оставившие свои семьи для защиты Родины, не считавшиеся с лишениями и непосредственной угрозой жизни, недоумевали, если помощи от власти приходилось добиваться с трудом. Поэтому в переписке с женами наблевшие проблемы обсуждались зачастую без особого стеснения в выражениях. «*Сволочи эти чинуши... Побил бы в кровь морды этим проституткам*», – выходил из себя Абаев². Женам предлагалось быть настойчивее. И.С. Атт, в 1941 г. ушедший на фронт добровольцем, в 1944 г. инструктировал жену, находившуюся с детьми в эвакуации в г. Ташкенте: «*Ты не стесняйся, хладнокровно заходи в Райвоенкомат и проси помочь тебе, пусть выдадут жмыху или что-либо другое. Не нервничай, скажи, что если не дадут, то ты снова мне напишешь*»³.

Разумеется, ресурсы помощи, которыми располагали военнослужащие, различались, и зависели они не только от напора и умения составлять грамотные обращения в партийные и советские органы, но и от связей, имевшихся в родных местах. Не стоит сбрасывать со счетов и те привилегии, которые существовали для работников руководящего звена в военный период и, по сути, являлись продолжением их льготного обеспечения в довоенные годы. Именно их имел в виду генерал-майор П.Л. Печерица (до призыва в Красную армию – заместитель председателя Краснодарского крайисполкома), когда 8 мая 1944 г. писал жене о том, что она, как заведующая сектором партийно-комсомольских кадров Краснодарского крайкома ВКП(б), могла бы претендовать на особую помощь по линии крайкома. «*Там ведь для наших семей установлена новая система снабжения пром и продовольствием. Это постановление ЦК и СНК есть в Крайкоме. Пиши, знаешь ли об*

¹ Сомов В.А. Письма фронтовиков о жизни военного времени // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005. С. 918, 920.

² РГАСПИ. Ф. 1774-Р. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 63.

³ «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 222.

этом». Свои привилегии были у представителей отдельных профессий, к примеру, творческих, при условии, конечно, что здесь были достигнуты значительные высоты. Ибрагим Гази, с 1934 г. состоявший в Союзе писателей СССР, объяснял жене, что в ее интересах не только получить его гонорары («на хлеб»), но и прикрепиться к закрытому магазину и к кафетерии Союза в Казани¹.

Что касается финансовой помощи, то наблюдалась поляризация военнослужащих по возможностям ее оказывать. В наилучшем положении находился командный состав, получавший приличное денежное содержание, а также те, кому удавалось проворачивать коммерческие операции. Аттестат на получение денег пересылался жене по почте или передавался с оказией, и с этих пор он становился средством ежемесячного финансового поддержания семьи. Здесь следует иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, немало военнослужащих, помимо жены и детей, помогали деньгами и другим родственникам (родителям, братьям, сестрам, племянникам), т.е. их денежные ресурсы делились между несколькими получателями. Во-вторых, доход военнослужащего менялся в зависимости от продвижения по службе и ее условий (тем, кто находился непосредственно на фронте, выплачивались «полевые»), что соответственно отражалось на сумме аттестата. В-третьих, ввиду перемещений, как военнослужащего, так и его семьи, а также других чрезвычайных обстоятельств, случались заминки в переводе денежных средств. «Я не знаю, куда высылать аттестат и деньги, я даже не могу себе представить, как они сейчас живут, не имея на руках ни копейки денег?..» – обращался в Краснодарский крайком партии потерявший связь с семьей П.А. Беспалов², и такие ситуации в войну редкостью не были.

Военнослужащий не имел права высылать аттестат на полную сумму своего оклада. В мае 1943 г. старший лейтенант Н.Я. Дверес сообщал жене, что выписал ей новый аттестат сроком на год на сумму 480 руб., поскольку «больше нельзя было (60 %) от оклада»³. В апреле 1944 г. лейтенант А.Ф. Колосов предупреждал жену, что аттестат выписывают только на 65 % основного оклада⁴. В 1944 г. генерал-майор П.Л. Печерица поддерживал жену аттестатом на 1000 руб., и на такую же сумму высылал аттестат сыну, находившемуся в военном училище в Средней Азии⁵. Однако столь значительные цифры фигурируют в источниках личного происхождения нечасто; согласно упоминаниям в частной переписке, средняя сумма отправляемых в адрес семьи денег колебалась в районе 300 руб. в месяц. Крупные суммы («тысячи») встречаются преимущественно тогда, когда речь идет о посылке средств сразу за несколько месяцев. Сравнительно с командным составом, у рядовых возможности помощи были мизерны, и, очевидно, что родные, как бы ни нуждались, опереться на нее не могли. В 1943 г. М.Б. Ваил писал жене: «Я получаю жалованье

¹ Герои терпения. С. 148, 179.

² Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1186. Л. 20.

³ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 150.

⁴ «Я пока жив...» С. 121.

⁵ Герои терпения. С. 143, 148.

не как кадровый, а как приписной состав и мой оклад равен 73 руб. в месяц и то с января месяца, а до этого получал 20 руб. Может быть, я в дальнейшем буду получать больше, то я тебе вышлю...»¹.

От трагического восприятия материально-бытовых проблем советских людей «хранили» непритязательность и высокая сознательность. Образец последней – письмо А.А. Шипикина, адресованное жене и матери двоих его детей в деревню в Горьковской области: «Дуся, я вам сообщаю, что мне сейчас присвоили звание старшего сержанта и за май месяц получу уже зарплату 125 руб. Дуся, я подписался на заем на 100 руб., и вы пишете, что подписались с отцом на 300 руб. Это очень хорошо вы сделали. Этот заем нам поможет быстрее победить гитлеровских оккупантов. Дуся, я узнал из ваших писем, что забрали всех и бракованных, ну ничего не поделаешь, необходимо всем выполнять приказ товарища Сталина. Дуся, передай привет нашему правлению, чтобы крепили дисциплину в колхозе, а вы, Дуся, будьте активной колхозницей, стахановкой, чтобы, когда я пришел домой, то бы вам было чем гордиться, а я буду добиваться, чтобы оправдать звание члена партии»².

Уплата налогов, подписка на займы, партвзносы – участие в этих предприятиях, как правило, супругами не обсуждалось даже при самом скудном бюджете. «Я тебе выписал аттестат на 850 руб., ты должна получать, а налоги, которые положено тебе платить, плати в первую очередь и не затягивай. Ведь я тоже государству помогаю, потому что это необходимо в данный момент» (из письма старшего лейтенанта С.И. Страхова); «Таня, Вы, может, осерчали, что я Вам денег уже давно не присылал, так я денег внес на строительство танковой колон[ны] 700 руб. и послал Вам аттестат» (из письма Г.А. Ковшарева)³. Редко можно встретить робкое сетование по поводу того, что семья недополучает помощи от своего главы из-за постоянных «побочных» расходов. Так, Ф.С. Ременник сухо предупреждал родных, находившихся в эвакуации: «Вам будет труднее, тем более что сумма аттестата уменьшена на сумму займа»⁴.

Изредка в письмах встречаются советы женам насчет того, как не потерять имеющиеся в семье денежные сбережения или сохранить самое ценное имущество. Правда, касаются они столь обыкновенных вещей и столь незначительных сумм (особенно на фоне обесценивания денег в военное время), что становится очевидным: все это никак не могло спасти семью или существенно изменить ее материальное положение. На наш взгляд, эти поистине «уникальные» (по частоте, с которой они возникают в переписке) сюжеты определенно говорят только об одном – низком материальном уровне основной массы семей в Советском Союзе.

В целом источники личного происхождения свидетельствуют, что большинство военнослужащих, независимо от условий несения службы и конкретной ситуации в семье, не могли привлечь дополнительные (тем более, незаконные) источники ее поддержки, да и не стремились к этому. Чаще всего дело сводилось к тому, что глава

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 360. Л. 17об.

² «Я пока жив...» С. 274.

³ Там же. С. 96, 227.

⁴ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 177. Л. 14.

семьи брал вину за ее тяжелое положение на себя, и, безусловно, терзался этим. В октябре 1941 г. в преддверии возможной смерти сержант И.Н. Исаев вину перед «дорогим семейством» (жена и четверо детей, проживавшие в Горьковской области) в том, что оставил их «ни с чем». Горевал: «Как вы будете жить, не знай, без хлеба, без топки, ни одежды с обувкой, а скоро зима будет». Поэтому и от посылок с сухарями отказывался: «Вы сами голодные»¹.

Семья лейтенанта В.В. Крылова, находившаяся в Московской области, в это же время испытывала сходные проблемы. И хотя информация преподносилась женой в щадящем режиме, но повода для оптимизма не оставляла: «Папусенька!!! Прихожу домой и вижу твое письмо с карточками, так мы все обрадовались. Мы пока что имеем возможность видеть тебя хоть на карточке целого и невредимого, а многие уж этого лишены навеки. Сколько было бы радости, если бы ты возвратился домой, с меня свалилась бы целая гора забот. Ведь мне не с чем встречать зиму, картошки только 1 мешок, дров нет, а также и обуви, можно сказать, разуты все. Хорошо, что пока держится хоть летняя погода, хотя уже и октябрь наступил. Я вчера опять была в Синькове, принесли два кочна капусты (кило 4–5) и кило 3 картошки, опять набрала на кашу пшеничных колосков. Мне бы оч[ень] хотелось сэкономить немного рису для детей и манной, но ничего пока не получается»². Видимо, под впечатлением от таких же писем из дома рядовой Л.П. Рыбаков написал: «Валя, я лишь сейчас молю одного, как бы скорее бой, погибнуть за родину или же поранят. Если погибну, страна вас не забудет»³. «Последняя просьба» к родителям состояла в том, чтобы не выгоняли из дому жену и дочь, отдали им его носильные вещи.

В то же время фронтовики ожидали от своих жен оптимистичного настроения насчет собственной судьбы и будущего семьи. Об этом свидетельствуют пространенные напутствия: «Обо мне не беспокойся, но не забывай» (из письма рядового А.В. Жужгина); «Тосковать не надо, питай надежду...» (из письма лейтенанта А.Ф. Колосова)⁴. Немногие решались напрямую поднять вопрос о том, как устроит свою жизнь жена, если муж погибнет на фронте. Были те, кто великодушно предоставлял женщине право распорядиться своей судьбой. Так поступил, в частности, В.В. Сырцылин, написав в первом же письме из ополчения: «Я даю тебе полную волю в случае моей гибели устроить свою судьбу, жизнь так, как тебе захочется, только люби и береги Ольгу, а обо мне можешь и не вспоминать, чтобы не омрачать»⁵. Можно предположить, что на такое письмо мужчина ожидал получить заверения в верности и преданности, что обычно и происходило. В то же время встречаются послания, в которых «вечная верность» предписывается женам, независимо от их соображений на этот счет. Так, К.И. Храмов, озабоченный тем, что маленький сын в случае его гибели даже не сможет вспомнить отца, писал жене:

¹ «Я пока жив...» С. 86.

² Там же. С. 155.

³ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 110. Л. 1–2.

⁴ «Я пока жив...» С. 71, 113.

⁵ Герои терпения. С. 83.

«Я бы не желал, моя милая Танечка, чтобы наш сын имел другого папу при всяком случае. Ты меня, друг, понимаешь. Думаю, ты мою просьбу исполнишь»¹.

Некоторые женщины, сильно тоскуя, задумывали поездки к мужьям. Такие идеи воспринимались фронтовиками без энтузиазма, так как они реально представляли себе трудности пути и встречи. Когда ленинградец М.Н. Митрохин, в июле 1941 г. призванный служить на финскую границу, узнал, что жена наметила их свидание в Выборге, то выразил ей свое удивление, а в конечном итоге предложил выбросить эту идею из головы. *«Сашенька, что с тобой. <...> Что ты думаешь сделать этим положением не исправишь, а только будет хуже, я, во-первых, тебя все равно не увижу и ты меня тоже, и не будем знать [,] где ты [,] где я, а это еще хуже будет...»².* Лейтенант А.Ф. Колосов, находившийся на учебе в Боровичах, высказывался в том же духе: *«Поверь, Зина, что очень желал бы повидаться с тобой, но мне просто жалко тебя, что тебе вот именно приходится рваться на все стороны и что ты измучаешь себя до последнего, а еще ты нужна для детей. Вот из этих соображений и пишу, Зина, что ездить не следует»³.*

Мужчины обычно оперировали весомыми аргументами, что заставляло женщин отказываться от рискованных идей, по большому счету, не лишенных романтики и многое говоривших об их чувствах. Хотя, по словам генерал-майора П.Л. Печерицы, жены военнослужащих нередко добивались до переднего края на свидания с мужьями, все-таки во множестве случаев удавалось отговорить их от опасного предприятия, либо пробившихся на передовую женщин перехватывали и под конвоем отправляли в тыл⁴.

Мечты об отпусках бередили обе стороны, но реальностью становились редко. С отпусками, что называется, «*мариновали*» (не отказывали в просьбе, но и не удовлетворяли ее в течение длительного времени), так что фронтовики склонялись сами отказаться от этой идеи: *«А если нет, то черт с ним, будем тогда биться до Победы. Будем живы – встретимся, а нет – так нет»⁵.* Большинству было присуще высокое чувство долга и желание всеми силами приблизить окончательный разгром врага, а значит, отъезд из действующей армии даже на короткий срок представлялся им проблематичным (например, из-за того, что сам путь домой и обратно грозил занять основную часть отпускного времени).

Для женщин же тема отпусков была крайне болезненной. Вооруженные информацией о том, что тот или иной родственник (сосед, знакомый) прибыл в отпуск, они начинали давить на мужей, но получали твердый отпор. *«Зина, ты в каждом письме пишешь мне, чтобы я приезжал домой хоть на два дня. Эх, Зина, неужели я против этого, мне-то, думаешь, не хочется повидаться с вами, с великим бы удовольствием посмотрел на детей, побыл бы с тобой, но кто же отпустит меня, конечно, не отпустят, ты пишешь, что много знаешь случаев, что отпускали*

¹ Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. С. 946.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 150. Л. 5.

³ «Я пока жив...» С. 117.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1773. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1393. Л. 9об.

кого-то. Это, Зина, исключение, а сколько случаев я знаю, что не отпускали, так очень много» (из письма А.Ф. Колосова)¹. На ту же тему беседовал с женой политрук Абаев, развенчивая ее историю о подруге, уже несколько раз встречавшейся с мужем в Москве и трижды – дома. «Такие вещи возможны только при службе в тылах, да и то незаконно, а нам в действующих частях мечтать об этих вещах не приходится. В нашей среде есть командиры, а в особенности бойцы, у коих дома 20–25 км от передовой, а попасть туда не имеют возможности». Однажды, уже в 1944 г., Абаев поддался на уговоры супруги, о чем пожалел, так как получил упрек от начальства, «не решил ли я, что война уже закончилась»².

Кроме проблем выживания, война ставила перед семейными парами этические дилеммы. Темы супружеской верности или отношения жены к возможной инвалидности мужа время от времени, в профилактических целях, поднимали советские газеты. Присутствуют они и в письмах с фронта. Что касается ранений и инвалидности, то женщины, в большинстве своем, заверяли мужей в готовности принять их «любыми». Жена П.Н. Грошева выразила распространенное среди женского населения настроение: «Как я завидую возвратившимся с фронта. Хоть с одной рукой, с одной ногой, но с головой на плечах и с лицом, с которым можно и поговорить, и женам что-то подсказать. Усадьбы свои раньше всех вспахали, посадили, дома выглядят хорошо, сами ходят нарядные, потому что сердца у них спокойные. Хоть бы и ты пришел, хоть раненый, но живой»³. «Свою душу, свое тело, хоть израненное, ты должен принести мне. Это все, чего я хочу», – писала жена А.П. Поповиченко⁴.

Тема супружеской верности фигурировала в переживаниях обеих сторон. Те, кто не решался затронуть ее напрямую, использовали уловки. Капитан Горохов, к примеру, пытал жену: «Сообщи мне, кто из солдаток крутит хвостом, пользуясь отсутствием мужа. Я хоть про себя их поругаю, сукиных дочерей»⁵. Примечательно, что в среде фронтовиков сильны были представления о том, что «все жены изменницы», и отголоски этих разговоров проникали в письма домой, обижали женщин, вынуждали их оправдываться. Жена Поповиченко, к примеру, устало объясняла мужу, что постоянная борьба за жизнь (свою и детей) никак не совместима с изменами⁶. Со своей стороны, женщины, в основном, высказывали доверие. «Никакие разговоры о фронтовой неразборчивости не могут поколебать во мне веру в тебя, в то, что плохого ты не сделаешь...» (из письма жительницы Тамбова Н.В. Осиновской)⁷.

Война, несомненно, испытывала на прочность отношения многих семейных пар. Длительный разрыв семейных уз, связанный с ней, в отдельных случаях провоцировал пересмотр мужчиной или женщиной своего семейного положения. С другой стороны, немало случаев, когда война, напротив, помогла разобраться

¹ «Я пока жив...» С. 114.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 61об., 98.

³ Письма из войны. С. 394.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 125об.

⁵ ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 7.

⁶ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 124, 125об.

⁷ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 271.

в чувствах. Пример снайпера Ю.И. Шабельского – из этого числа. «Я, Маруся, только вот здесь, находясь на фронте, понял, как вы мне дороги, как много думаю о вас, беспокоюсь, как это раньше я не замечал в себе. Ну, ничего, родная, буду жив, вернусь домой, постараюсь доказать тебе на факте свою преданность и любовь к тебе и дочке, и надеюсь, что ты не упрекнешь меня в плохих моих к тебе отношениях и постараюсь так нашу жизнь сделать, чтобы она была радостна и счастлива»¹. Как проявление нежности в письма вкладывали цветы, копировали стихи. Фотографии жен брали с собой в бой, так как существовало поверье, что «любовь хранит».

Семейная переписка выполняла, прежде всего, функцию моральной, эмоциональной поддержки. Со своей стороны жены проявляли сочувствие и старались ободрить воюющих. Вероятно, в ответ на одно из таких сострадающих писем, лейтенант П.Н. Грошев писал: «Леличка, я тебе очень верю, что, если бы ты могла, ты бы меня спасла, но вам меня не спасти». Даже не крик, а стон души – это письмо жены Грошева, которое адресата в живых уже не застало: «Да, милоч, пока я считаю себя и свою семью счастливыми тем, что как ни трудно, как ни мучаешься, а все же жив. Спасибо за то, что за короткий промежуток времени вы убили столько много фашистов... Но, а если еще жив и получишь мое письмо, то поверь, что очень жаль мне тебя не только как мужа, как дочь отца и мать сына, т.к. я уже с тобой прожила много и к характеру неплохо привыкла. Во-вторых, Петя, я жалею себя. Без тебя я с этой семьей тоже пропащая. Когда задумаешься глубоко о минувшей жизни и о дальнейшей, то честное слово, терпенья не хватает, спрашивается, а будет ли для меня жизнь? Нет... И, в-третьих, думаю в отношении моих детей. Зачем я столько народила, зачем несчастных на свет пустила? Они меня впредь будут проклинать лишь потому, что я их обеспечивать всем необходимым не в состоянии»².

Здесь стоит специально остановиться на теме отцовства и материнства, поскольку выполнять родительские обязанности в неблагоприятных, а порой экстремальных условиях военного времени было непросто. Для семей, оказавшихся на оккупированных территориях или в эвакуации, жизненно важные проблемы (питания, одежды, жилья, отопления) решались особенно сложно. Сочинец А.З. Дьяков, находившийся в эвакуации в Грузинской ССР, зафиксировал в дневниковой записи от 31 августа 1942 г. ситуацию на тбилисском вокзале, которая была типичной. «На перронах, на тротуарах и всюду, где можно расположиться с вещами, сидят женщины с детьми – истомленные, нервные до злости, обессиленные в ожидании поезда или назначения. Хлеб по эвакуодостоверениям дают с большими трудностями, до драки. Не хватает кипятку, недостаточно горячей пищи в буфете»³. Вынужденные эвакуироваться семьи искали пристанища у родных, если же такой возможности не было – полагались на помощь местных властей и сочувствие местного населения. О том, что адаптация проходила болезненно, свидетельствует дневниковая запись Дьякова: на исходе 1941 г. соседки ежедневно обменивались

¹ «Я пока жив...» С. 258.

² Письма из войны. С. 396, 399.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 83.

«анекдотическими рассказами об эвакуированных» в г. Сочи, многие из которых «жили в привилегированных условиях, а теперь не переносят условия скученности в бараках, в квартирах с земляными полами, грязные станции без тротуаров, питание в основном кукурузными лепешками и т.п.»¹. Самые серьезные проблемы испытывали именно семьи с детьми, но в большинстве случаев переносили трудности стойчески. Рая Клейман, в июле 1941 г. эвакуированная из Подмосковья, опасалась потерять шестимесячную дочь еще в поезде. «Жанночка изнемогла от жары и духоты, ее все время рвало, она лежала почти без сил, и мне казалось, что она умирает. Я чуть с ума не сошла, а помочь нечем и некому было». Позднее, обосновавшись в одном из башкирских сел, женщина обрела уверенность в будущем. Писала: «Здесь совсем неплохо, где я сейчас нахожусь»².

Безусловно, наиболее сложно было проявить себя в родительской ипостаси фронтовикам, долгие месяцы или даже годы отсутствовавшим в своих семьях. Тем не менее обращаясь к источникам личного происхождения, можно убедиться, что роль отцов-фронтовиков в жизни собственных детей была отнюдь не призрачной. Тяга к взаимодействию наблюдалась с обеих сторон, а стили и формы его осуществления отличались известным разнообразием.

Красноармейцы обращались к детям, как правило, в первых и последних строках своих писем, адресованных семьям. Им предназначались характерные подписи: «Любящий вас отец», «С отцовским приветом», «Ваш папка». Однако многие из военнотружущих вообще не были знакомы со своими детьми, родившимися уже после их ухода на фронт. Ввиду непредсказуемости жизненных обстоятельств потребность в обращении к детям была настолько сильной, что письма писались даже в адрес младенцев (чаще так поступали те, кто становился отцом впервые). Дочь старшего сержанта Д.И. Березенцева сохранила письмо от отца следующего содержания: «Ну здравствуй [,] незнакомец. Как ваше здоровье? Кто, во-первых, сын ты мне или дочь. Пиши ответ. Ну, ничего, расти и ты. Приеду и тебе привезу гостинец. Ну пока. Твой папа Д. Березенцев»³. Военврач, начальник санитарного поезда С.Г. Менделевич адресовал свое письмо месячной дочери: «Любимая, я тебя не видел, не знаю какая ты есть. <...> Но знай, что я всегда помню тебя, мечтаю о том, какая ты и как тебе живется»⁴.

Пытаясь синхронизировать события своей жизни и жизни своих маленьких детей, фронтовики стремились быть в курсе их первых успехов, представлять себе возрастные изменения в их внешнем виде и поведении. Сюжеты из детской повседневности были для комбатантов ничем незаменимым источником положительных эмоций. Командир минометного взвода старший лейтенант Л.И. Ривкин писал жене: «После твоего сообщения о зубике я себе начал представлять Нинушку с одиноко торчащим большим зубом. Картина смешная!». Письмо лейтенанта М.Л. Биневиича несет тот же мотив: «Я очень рад тому, что сынулька маленький

¹ Герои терпения. С. 34.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 40, 42.

³ Письма из войны. С. 70.

⁴ «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 234–235.

уже сознательно подает руку здороваться и уже похож на человека. Хотел бы я взглянуть на эту картинку, да уж придется после войны»¹.

Общение с детьми выстраивалось сообразно их возрасту. Младшим детям рисовали картинки, писали стихи и сказки. Показательны творческие опыты рядового А.М. Сидлина, адресованные пятилетней дочке. Их особенность – грамотная адаптация «фронтového материала» к детскому восприятию. В результате появлялись оригинальные сюжеты, призванные удовлетворить любопытство ребенка, жившего в суровую пору войны. Отвечая на конкретные вопросы девочки, записанные ее матерью, Сидлин описывал пушку как «самое большое ружье на колесах», а каску – как «большую железную шляпу». Особенно интересен его рассказ о блиндаже: «Теперь Лидочка послушай, как живу я. Ты ведь знаешь, что я уехал на фронт воевать с фашистами. Значит, пишу тебе с фронта. Живем мы в большом лесу. Наш дом называется блиндаж. Это прямо такая большая яма в земле и накрыта бревнами. Дом так нарочно делается в земле, чтобы фашисты его не видели. Между бревен имеется большая щель взамен двери – туда мы входим и выходим, окон у нас нет. Но, чтобы было светло, мы делаем еще маленькую щель, а вместо печки мы поставили железную бочку и сделали в ней две дверки. В одну вкладываем дрова, а в другую выходит дым. Вот у нас и тепло. А чтобы было мягко спать, мы настелили на землю много веток. Нравится тебе такой наш дом или нет? Когда пойдешь с мамой в выходной день гулять – попробуй из песочка и палочек сделать такой маленький домик-блиндаж...»². Вообще, сравнение реалий тыловой и фронтовой жизни, призванное приблизить к пониманию ребенка ту ситуацию, в которой находился отец, присутствует в письмах военнослужащих довольно часто. Хотя не все примеры столь тщательно подобраны, как у Сидлина, зато почти всегда эффектны. «В огороде посади на меня огурчиков и помидор и посея просо, – просил младшего сына старший лейтенант В.Г. Лугинин. – Я здесь посылаю фрицам тоже огурчики, только стальные, от которых их рвет на части»³.

В большинстве случаев для детей дошкольного возраста сочинялись коротенькие письма-записки, в двух словах объясняющие временность отсутствия отца, напоминающие об общих делах, направляющие поведение ребенка в нужное русло. Как пример – еще одно письмо Лугинина, адресованное младшему сыну: «Письмо Жене от папы с фронта. Женя, мы там бьем немцев. А ты слушайся мамы. Целую тебя крепко. Поцелуй за папу маму»⁴. Редко, но все-таки встречаются послания маленьким детям, носящие официальный оттенок, налет риторики советского времени. В письме лейтенанта А.Е. Матвеева, адресованном сыну Борису, воспитаннику детского сада им. Крупской при стеклозаводе в городе Горьком, такие черты своеобразно сплавлены с юмористическими нотками, что, в результате, придало тексту бодрости. «Здравствуй, Борис! – говорится в письме. – Передавай привет

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 2.С. 35, 88.

² Там же. Вып. 1. С. 203, 204, 206.

³ «Я пока жив...» С. 168.

⁴ Там же. 167.

всем твоим товарищам по детскому саду. Желаю всего хорошего, встретить наш великий пролетарский праздник. Напиши мне, Борис! Как ты провел день "Октябрю". Какие стишки декламировал, какие танцы танцевал, ну вообще, ты знаешь, о чем писать, ведь не маленький, скоро, небось, борода и усы будут расти. Напиши, что делает в праздники Валентин, и как он учится? Сегодня много писать нет времени, ну, а через пару дней жди большого, хорошего письма. Целуй маму, Валю и свою воспитательницу крепко-крепко. Жму твою мужинскую руку. Твой папка Александр Матвеев»¹.

Более взрослых детей стремились поддержать советами, заинтересовать историями о фронтовой жизни. С.И. Лурье описывал сыну свой быт ополченца: «Живем мы в лесу в палатках, очень много работаем (копаем землю, рубим лес, строим заграждения и т.д.), когда с тобой снова встретимся, будет, о чем поговорить и рассказать». Из письма мальчик, по сути, мог понять отцовские ожидания: «Не бойся никакой работы, даже если она тебе покажется очень тяжелой или слишком простой. <...> Кушай все, что дают. Я теперь с таким удовольствием съедаю пшеничный суп и пшеничную кашу, да еще с черным хлебом, как будто бы это самое вкусное блюдо. <...> Буду ждать от тебя хороших отметок». Лурье погиб под Смоленском спустя месяц после этого письма (в сентябре 1941 г.), но сын, несмотря на его молчание, продолжал сообщать отцу подробности своей повседневной жизни, оценки, перечислять прочитанные книги. Выучившись на тракториста, писал: «Весной поеду в колхоз, чтобы вам на фронте дать хлеб»².

В отношении подростков действовали мерки военного времени, сокращавшие сроки детства, порой безжалостно уравнивавшие их со взрослыми. Лугинин спрашивал сына, участвует ли он в каких-либо работах «в помощь фронту». Ставил ему в пример тринадцатилетнего сына своего фронтового товарища, оставившего учебу, поступившего на завод и выполнявшего там норму взрослого рабочего. Офицер-связист В.А. Коноплин зимой 1942 г. предполагал, что сыну-подростку тоже не избежать военной службы. Данный вопрос обсуждению не подлежал: «Учись, закаляй себя физически. Это тоже нужно для фронта и для победы. Через год и ты станешь воином»³.

Особой темой для общения была учеба детей. Если семья находилась в эвакуации, то военнотружущих особенно тревожило устройство детей в школы. Школьники обычно мягко призывались к самостоятельности. «Скоро начнется учеба, в этом году помощников – папы и мамы у тебя не будет, я надеюсь, что ты без наблюдений и проверки будешь хорошо делать уроки...» (из письма Лурье сыну). Фронтовики пытались донести до своих детей важнейшую, с их точки зрения, идею о сходстве, совместимости текущих жизненных задач, стоявших в военное время перед разными поколениями советской семьи; по сути, речь шла о преемственности ценностей. «Я очень рад твоим успехам в учебе, продолжай [,] сыночек [,] учиться в обоих школах на отлично, и я тебя вызову на Соцсоревнование: ты

¹ «Я пока жив...» С. 176.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 86–87.

³ Письма с фронта (письма нерехтчан с фронтов Великой Отечественной войны). С. 26.

будешь добиваться быть отличником в школе, а я отличником красноармейцем, пиши, принимаешь ли ты мой вызов» (из письма рядового А. Каца сыну)¹.

Военнослужащие по мере сил старались быть полезными своим детям в решении наболевших проблем. Поскольку дети изнашивали одежду и обувь, вырастали из нее, а в большинстве советских семей такого рода запасов не водилось, то вопрос о детских носильных вещах оставался одним из самых острых на протяжении 1941–1945 гг., да и в послевоенные годы. При таком положении вещей фронтовики предлагали женам перешивать их собственную одежду, либо продавать ее, менять на детскую. Изредка выпадал шанс оказать практическую помощь с фронта. В.А. Коноплин писал сыну-подростку в Нерехту в феврале 1942 г.: *«Дорогой мой, славный сынишка! Я постоянно вспоминаю тебя здесь. Очень беспокоюсь насчет твоей одежды. Наверное, тебе холодно ходить в такие морозы в твоем пальто, из которого ты давно вырос. Я же – в ватной куртке и валенках. Свою кожаную тужурку переслал тебе...»².* В посылки детям старались вкладывать не только жизненно необходимые вещи, но и то, что отвечало их увлечениям (книги, марки). Более широкие возможности материальной поддержки семей открылись для советских военнослужащих на завершающем этапе войны. В посылках, которые они отправляли из Германии, для детей обычно предназначались продукты (сахар, шоколад, масло), одежда, обувь, канцелярские принадлежности.

Переписка фронтовиков с женами – это, во многом, наставления о воспитании детей и уходе за ними. Жен, в частности, просили подыскивать такую работу, чтоб дети не росли *«беспризорниками»*. Им постоянно напоминалось о необходимости беречь детей от инфекционных и простудных болезней, жары, холода, ожогов, падений. Поскольку жалобы на поведение детей, их проступки или плохую учебу были обыденным явлением, то мужчины обязательно на эти сигналы реагировали; ребенку делалось внушение (напрямую или через жену). Женам же предлагалось детей не баловать, но и не кричать на них, не бить. Предлагая женщинам высказаться о проблемах воспитания и терпеливо разбирая их, мужчины, фактически, оказывали им психологическую помощь, снимали стресс от постоянного общения с детьми и от лишений военного времени. На некоторые жалобы, очевидно, крайне измотанных женщин реагировать было непросто. Так, жена А.П. Поповиченко писала мужу в 1942 г.: *«Вчера Вадя потерял хлебные карточки на 8 дней – все три. Как доживем до третьей декады – не знаю. <...> Вадюшка мне отравляет и без того нерадостную жизнь. Он растет страшно беспечный. Это уже не первый раз он теряет карточки. Ты скажешь – не давай – но в таких условиях просто нет выбора, и приходится делать то, чего не хочешь. <...> Еще счастье, что Дину устроила в детский сад все-таки, хоть она будет там немного сыта. Ведь ему, шарлатану, уже скоро 11 лет, я в это время была вполне самостоятельной хозяйкой, а его я не могу даже за хлебом послать. Каждый день я ему даю в школьную столовую деньги на обед, он их чуть ли не каждый день теряет.*

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 86; Там же. Вып. 2. С. 224.

² Письма с фронта (письма нерехтчан с фронтов Великой Отечественной войны). С. 26.

Если не дать – он тоже не унывает, съедет и за столом съест в два раза больше... Не расстраивайся сильно за нас – все равно ничего не сделаешь»¹. Поскольку жена Поповиченко стойкостью не отличалась и имела склонность драматизировать любые жизненные проблемы, то подобные «истории» излагались мужу довольно часто. Иногда он «прорабатывал» детей, а иногда – пытался изменить отношение жены к неурядицам.

Тема будущих детей возникала, преимущественно в письмах тех мужчин, в семьях которых уже имелись дети. Сидлин обещал дочери в июне 1943 г.: «На Сретенке с тобой и мамой сходим быстренько в самый большой магазин и купим тебе маленькую хорошенькую сестренку с черными глазками»². Капитан И.С. Горохов, отец трехлетней дочери, писал жене в мае 1942 г.: «После войны у нас будет сын. Обязательно будет! Он будет у нас художником». А спустя год, вероятно, сильно удивил ее сообщением о том, что собирается после войны вернуться домой с девочкой, мать которой немцы угнали в Германию: «Итак, Наталочка, если я буду жив, то приеду с десятилетней смоляночкой Марусей Гречишниковой. Она будет нашей старшей дочкой. Вот посмотришь, как она умна и хороша»³.

Красноармейцам были свойственны переживания по поводу уходящего времени жизни, и в большой степени они были связаны с тем, что дети выросли в их отсутствие. Также военнослужащие, особенно из числа молодежи, скучали по родителям, были обеспокоены судьбами старшего поколения, на долю которого выпали свои трудности. На первом месяце войны сержант А.М. Хашевский спрашивал отца: «Я не знаю, каким образом отразилась война на тебе лично. Может быть, ради шутки мобилизовала тебя в армию или зачислила в ополчение?»⁴

В силу возраста и состояния здоровья, которое, судя по отзывам в частной переписке и дневниках, во многих случаях оставляло желать лучшего уже после 40-летнего рубежа, старшее поколение оказалось особенно уязвимым в жестких условиях военного времени. Дневник той поры сохранил фрагмент разговора горожанок, случившегося в преддверии эвакуации. «Я никуда не еду, – сообщала собеседница преклонного возраста. – Куда ж нам – убьют всех и нас убьют, а може и останемся – проводила свою невестку с двумя ребятами, дала ей масло и денег, пускай едут...»⁵

Показательны размышления из дневника пятидесятилетнего жителя Сочи А.З. Дьякова, записанные в начале 1942 г.: «Перед уходом на работу взглянул в зеркало и заметил много, чего не видел раньше. Как будто годы я не видел себя: борода седая, брови с проседью, под бровью какая-то белая родинка выросла, на зубах камень пожелтый. <...> Не заметил, как постарел, а жизни не видел. Только было успокоились – война, а до нее – не перечесть страданий и ненормальной жизни. Единственная мысль – отдохнуть последние годы после войны. Старость меня не

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 117.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 205.

³ ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 4; «Я пока жив...» С. 56.

⁴ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 23.

⁵ Герои терпения. С. 52.

беспокоит – даже радуется – не знаю, почему такая радость...»¹. Дневник Дьякова дает представление о материальной стороне жизни так называемых «бедных середняков», к которым причислял свою семью автор. Данный источник проявляет стратегии совладания с жизненными трудностями, практиковавшиеся Дьяковыми и семьями сопоставимого достатка. Что касается величины этого достатка, то скрупулезные расчеты автора дневника в январе 1942 г., спровоцированные выходом Указа Президиума Верховного Совета «О военном налоге», привели его к цифре в «7 руб. 20 коп. в день на питание, одежду и культуру» («правда, для скромной жизни в Сочи необходимо на двоих не менее 12 руб., покупая на базаре»). Чтобы решить, прежде всего, проблему питания, горожане обзаводились огородами, совершали регулярные рейды по магазинам и рынкам, меняли носильные вещи на еду. Женщины, которые в довоенный период позволяли себе быть домохозяйками (а среди них и Прасковья Дьякова), выходили на работу. Характерно, что возможности выживания семьи в годы войны автор дневника связывает со способностями жены, которая «умеет вести “хозяйство” на редкость»². Бережливость и хозяйственность женщин в условиях режима жесткой экономии приобретала особый вес.

Хотя из дневника Дьякова неясно, получала ли его семья какую-либо помощь от сына, служившего в Красной армии и впоследствии погибшего в 1943 г., либо, наоборот, родительская поддержка оказывалась самому молодому человеку, многочисленные источники свидетельствуют о том, что разнообразные практики взаимной помощи, связывавшие фронтовиков и их родителей, имели широкое распространение. Для военнослужащих много значили посылки из дома, куда заботливые матери вкладывали необходимые вещи (варежки, перчатки, носки), продукты (сухари, сладости), махорку. Если у красноармейца уже была своя семья, то он мог обратиться к родителям с просьбой позаботиться о ней. Такую «последнюю» просьбу адресовал в родное село В.П. Казаков (1908 г.р.) в августе 1941 г.: «Трогаемся в путь... я обращаюсь к тятю. Тятю, я прошу тебя об одном: до конца дней своих будь с моими детьми. Люби и расти их, и, если меня в живых не будет, то твоя забота о них будет лучшей памятью обо мне». К родителям обращались и за «информационной поддержкой»; через них узнавали о судьбе друзей и знакомых, получали их новые адреса. Интересовались и конфиденциальными сведениями. «Еще пропишите об Ольге Михайловне, как она живет и где, и как она себя ведет в обществе? Ожидает ли она меня или...» – спрашивал отца младший лейтенант П.А. Аношкин в 1944 г.³

Из интервью с фронтовиками можно сделать вывод, что на помощь родителям были ориентированы, в основном, военнослужащие из числа неженатых. Признавая, что обремененным собственными семьями сослуживцам материально и морально приходилось значительно тяжелее, пулеметчик Д.И. Бакай высказался так: «А кого мне [было] жалко? Маму только»⁴.

¹ Герои терпения. С. 39.

² Герои терпения. С. 38, 40, 66.

³ Письма из войны. С. 143, 36.

⁴ Респондент: Бакай Дмитрий Иванович, 1921 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: ст. Динская Краснодарского края, дом респондента. Присутствовала супруга ре-

Обеспокоенность фронтовиков материальным положением родителей происходила из следующих обстоятельств. Во-первых, следуя через города и деревни родной страны, они могли составить представление о лишениях мирного населения, рыночных ценах на продукты и вещи. Во-вторых, воспоминания о довоенном уровне жизни не вселяли оптимизма. *«В настоящее время жизнь, конечно, гораздо сложнее и тяжелее, а в особенности в наших местностях, где и в довоенное время не так то всего было достаточно и почти во всем ощущались недостатки, – домысливал «ненаписанное» матерью и сестрой фронтовой шофер Н.И. Ершов. – Самый главный конечно в настоящее время это вопрос с питанием и с хлебом, вот что меня больше всего и беспокоит в отношении вашей жизни. А потому прошу в следующем письме об этом чиркануть конкретно как и что, по-моему [,] это не будет преступление [,] если и прочитают при проверке»*¹. Известно, что впоследствии Ершов поддерживал мать деньгами в пределах 200 руб. в месяц.

Родители могли скрывать свои проблемы, не желая волновать военнотружущего, либо такая информация не доходила до него, поскольку вымарывалась цензурой. Полковник А.П. Сироткин сообщал матери, что в последнем ее письме *«все было вырезано, ко мне пришло только “здравствуй” да “до свидания”, вы, очевидно, писали о своей жизни...»*. В связи с этим просил мать четко написать только одно – *«по-могает колхоз или нет»*².

«Посылаю вам справку о своем состоянии для случайной надобности, чтобы предъявить местным властям» – такова типичная формулировка, присутствующая в тысячах писем с фронта, которые шли в адрес родителей. Другой жизненно важной формой помощи фронтовиков родителям были деньги, особенно если они копились не один месяц. Старший лейтенант А.В. Назаренко сообщал матери в 1944 г., за месяц до своей гибели: *«Я вам послал недавно 3100 руб. переводом, снял их с вкладной книжки. Но никогда не думай, что это в ущерб себе, т.к. за все время пребывания на фронте я не истратил ни одной копейки, кроме как на членские взносы»*³.

Востребованным видом моральной поддержки были советы. Наиболее часто родители советовались с детьми по бытовым, хозяйственным вопросам. *«Мама, Вы меня спрашиваете в отношении нашей квартиры. Мое соображение такое, что, конечно, лучше ее продать, а купить корову, все-таки вам с коровой легче будет»* – отвечал матери в Саранск старший лейтенант В. Иванов⁴. *«Поросенка растите потому что он пригодится вам»*, – настаивал в письме родителям в одну из деревень Кировской области С.И. Александров⁵. Он не рекомендовал им переезд в город, и таким образом солидаризировался с мнением большинства военнотружущих, считавших городскую жизнь во время войны более трудной в материальном отношении.

спондента. Продолжительность 65 мин. Запись 17 июня 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1222. Л. 2.

² «Я пока жив...» С. 217.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1003. Л. 37. Д. 501. Л. 163.

⁴ Письма из войны. С. 132.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Л. 1003. Л. 36.

Поддержка фронтовиками родных также выражалась в пересылке им вещей (трофеев). Серьезный масштаб этот вид помощи приобрел на завершающем этапе войны, когда советские военнослужащие оказались за границей и получили возможность отсылать домой одну посылку в месяц. К примеру, с начала 1945 г. В.И. Александров отправил родителям пять таких посылок. В первой, январской, содержалось 4 куска туалетного мыла, 400 г хозяйственного мыла и немного сахара. Февральская была намного солиднее: отцу – рубашка и двое брюк, матери – материал на юбку и меховая шапочка, а шелковые платья – на продажу. Три весенние посылки содержали ткани, платья, брюки; Александров также просил *«приберечь»* для тех времен, когда он возвратится домой, пальто, брюки и полуботинки (*«а то если приеду, то на первый раз и одеть мне нечего»*)¹.

Фронтовики старались держать родных в курсе своих дел, и это особенно касалось переписки с матерями. Последних, как правило, успокаивали: *«Вернусь, безусловно, целым и невредимым. Иначе быть не может»*. Либо отделялись короткими замечаниями: *«Раз пишу – все в порядке»*². Понимая, что именно, в первую очередь, хотят знать матери, им сообщали о здоровье, настроении, одежде и питании. Но иногда, забываясь и теряя контроль, писали о том, что погибли друзья-сослуживцы и сам *«чудом остался жив»*, что за границей живет *«как баронам, только каждую минуту грозит смерть»*³. Поскольку в суровой фронтовой обстановке военнослужащие быстро выросли, грубели, то «нефильтрованные» сюжеты попадали в письма матерям все чаще.

С отцами изъяснялись более откровенно, демонстрируя хладнокровие. *«На предстоящую войну смотрю совершенно спокойно. Убьют – ничего не поделаешь, нет – посмотрю много интересного. Правда, будет очень нелегко и, наверно, на долгое время»*, – писал отцу на первой неделе войны А.М. Хашевский. Во втором письме с передовой восемнадцатилетний пехотинец Юрий Романенко был честен в описании своего положения, хотя и проявлял выдержку: *«Живу ничего. Многие мои товарищи убиты и многие уже ранены. Меня два раза задело осколками, но все обошлось благополучно. Ранения маленькие [,] и я из строя не выбываю. <...> Эх, милый папа, если останусь жив, многое тебе расскажу. Да и навряд ли буду жив»*⁴.

Из переписки ясно, что родители «связывали» своих детей, уходивших в армию, обещанием честно информировать о состоянии здоровья, ранениях: *«Если ранят, то я тебе сообщу все подробно, я помню наш уговор не скрывать, так что можешь надеяться»*. Автор этого письма, радист Р.С. Гражданинов исполнил свое обещание 10 месяцев спустя: *«Тебя, мама, наверно, интересует, какие у меня были мысли, когда меня ранило. Я о себе не думал, а думал о вас. Сначала меня крепко стукнуло, ну думаю все, ждала, ждала меня мама и... дождалась; потом пошевелил ногой – шевелится, значит [,] все в порядке, есть еще шанс вернуться»*⁵. Встреча-

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1171. Л. 18, 19об., 23, 27.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 16, 57.

³ Там же. Вып. 2. С. 264.

⁴ Там же. Вып. 1. С. 22; Герои терпения. С. 165.

⁵ ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 15. Л. 16, 31.

ются и не столь волевые письма домой. Федор Ершов во втором письме с фронта жаловался матери на проблемы с ревматизмом («врачи не освобождают, и лечения никакого»). «В общем, чувствую себя обреченным на смерть», – такими видел он собственные перспективы¹. Ясно, что ни с кем, кроме матери, не мог поделиться своими переживаниями Андрей Аненко, коротко записавший «в окопе»: «...Мама если б вы знали что тут делается. Земля с небом горит. Мамочка [,] пока до свидания может не увидимся»².

В то же время ряд писем свидетельствует, что далеко не всем военнослужащим хватало внимания самых родных людей. Сергей Александров чувствовал себя обделенным таким вниманием: «Когда я уходил в армию, вы все говорили, что пишете нам письма чаще, и ты мама говорила что, уйдешь в армию, так маме и письма не напишешь, вышло все наоборот: я вам пишу все время, а вы мне не пишете...»³. «Пишите и не забываете, – упрашивал родных уроженец г. Новгорода Владимир Александров. – Особенно вы, отец, потому что я твой родной сын, который тебя любит и который тебя не забывает и никогда не забудет, чем могу – всегда помогу...»⁴. Действительно, в письмах с фронта встречаются обещания обязательно отдать сыновний или дочерний долг, и сформулированы они в следующем ключе: «Мужайтесь, крепитесь, не падайте духом, доживем до дней победы, и я осчастливлю Вашу заслуженную старость»⁵.

Судя по частной переписке 1941–1945 гг., проблема взаимопонимания между поколениями, известная как проблема «отцов и детей», отступила в этот период на задний план. Смягчению межпоколенческих противоречий, признаваемых специалистами естественными и даже «вечными», безусловно, способствовало народное единение перед лицом войны. Во многих конкретных случаях сама ситуация способствовала переоценке отношений с родителями, сближению с поколением отцов, – свидетелей и участников иных войн, – в полной мере разделивших со своими детьми тяготы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Обобщая, можно отметить, что во внутрисемейных взаимоотношениях в период Великой Отечественной войны наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, война ослабляла семейные узы, причем ее «печальная работа» заключалась не только в том, что вырывались из жизни намного раньше отпущенного срока отцы и матери, оставались сиротами дети. Хотя об этом до сих пор мало сказано, но был нанесен определенный урон моральным устоям семьи⁶. Очевидно, что неизмеримо выросшая за годы войны самостоятельность женщин (эмансипация военного времени) в послевоенном будущем породила свои проблемы для советской семьи. Также как привнесли свои проблемы в ее жизнеустройство оторванность фронтовиков от мирного быта на протяжении длительного времени,

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1222. Л. 10.

² Герои терпения. С. 169.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1003. Л. 14.

⁴ Там же. Оп. 1171. Л. 6.

⁵ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 202.

⁶ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. С. 243–245, 252–253.

их бивуачный порядок жизни. С другой стороны, нельзя не почувствовать, что экстремальные условия войны многократно усилили тягу к сплочению в рамках семьи. Как заметил по этому поводу летчик Н.П. Жуган: «война сгруппировала»¹. Переписка с родными людьми, воспоминания о родном доме как ничто другое эмоционально поддерживали красноармейцев, добавляло им стойкости. В свою очередь, материальная и моральная помощь, которая поступала со стороны военнослужащих в семье, имела порой первостепенное значение для их нормального существования. В целом родственная взаимопомощь во всех ее разнообразных проявлениях, практиковавшаяся населением страны в 1941–1945 гг., была одним из основных ресурсов его выживания и победы над врагом.

* * *

В СССР всегда пропагандировался приоритет общественных ценностей перед личными и семейными. Первое пореволюционное десятилетие характеризовалось решительной ломкой патриархальных устоев и традиционных институтов, считавшихся «отжившими» в условиях социалистического общества. К числу их первоначально была отнесена и семья. Однако затем политика в отношении семьи серьезно изменилась. Советское руководство взяло курс на обеспечение ее стабильного существования, рассматривая демографические ресурсы как важную составляющую производственного и военно-мобилизационного потенциала страны. Не случайно уже в 1920-е гг. при описании репродукции «использовали лексику промышленного производства, в том числе термин “производительность” для описания женской способности беременеть и рожать здоровых детей»².

Сочетая административные и фискальные меры с социальной поддержкой семьи, материнства и детства, ограничивая разводы, вводя налоги на бездетность, советское государство «подсказывало» правильную, с его точки зрения, модель поведения человека в сфере брачно-семейных отношений. В период Великой Отечественной войны эти тенденции усилились: государство сделало ставку на крепкие, многодетные, официально зарегистрированные семьи как основу социальной стабильности общества. Распространенной практикой еще с довоенного времени стало активное вмешательство в семейную жизнь партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, выступавших «приводными ремнями» в проведении государственной политики.

Социальная поддержка в условиях крайне ограниченных ресурсов приобрела с одной стороны, более широкий и комплексный, а с другой стороны, более адресный характер – в отношении не всех семей, а только семей, члены которых непосредственно участвовали в защите Родины. В результате судьба семьи прямо зависела от того, как проявил себя на фронте муж или отец. Эта укреплявшаяся и поддерживавшаяся государством система взаимоотношений между близкими

¹ Респондент: Жуган Николай Павлович.

² Хоффман Д.Л., Тимм А.Ф. Биополитическая утопия. Репродуктивная политика, гендер и сексуальность в нацистской Германии и Советском Союзе. С. 142.

и родственниками имела и «обратную связь»: фронтовики нередко обращались по поводу решения своих семейно-бытовых проблем в органы власти.

Несмотря на дальнейшую регламентацию брачно-семейных отношений в годы Великой Отечественной войны, у советского человека сохранялось право выбора на свою собственную линию поведения и свой собственный стиль взаимоотношений с родными и близкими. Реагируя на «вызовы» менявшейся семейной политики, советские граждане находили собственные решения, не всегда соответствовавшие тем, которых ждало от них государство. В целом семья осталась для советского человека своеобразной «отдушиной», позволявшей получать поддержку близких в трудных жизненных ситуациях, которыми были наполнены непростые предвоенные и военные годы.

Глава 4

МАРС И ЭРОС: МИР ЧУВСТВ И ЧУВСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1941–1945 гг.

Многие представители среднего и старшего возраста в нашей стране хорошо помнят, как участница одного из первых советско-американских телестовов в 1986 г., организованных В. Познером и Ф. Донахью, в ответ на вопрос о том, есть ли в СССР сексуальная реклама, ответила: «...секса у нас нет, и мы категорически против этого!». Фраза «В СССР секса нет!» быстро приобрела крылатый характер, став символом строгой ханжеской морали советского общества. Действительно, сами понятия секса и сексуальности носили в нем некоторый оттенок непристойности. Однако смех в зале скрыл от слушателей окончание фразы: «У нас есть любовь»¹. Автор слов Л.Н. Иванова впоследствии очень переживала по поводу того, что все запомнили только начало ее фразы: «А что, я не права? У нас же действительно слово “секс” было почти неприличным. Мы всегда занимались не сексом, а любовью»².

В отличие от секса, любовь в советском обществе считалась чувством не просто вполне «приличным», но и возвышенным. Само слово «любовь» имеет в русском языке различные значения и используется применительно не только к отношениям влюбленных, испытывающих глубокое эмоциональное влечение, но и к чувствам, связывающим родителей и детей, к патриотической привязанности человека к своей стране, а также к одной из главных христианских добродетелей. Общего между столь разными чувствами, обозначаемыми одним и тем же понятием, кроме него самого, немного, а их места в системе нравственных ценностей, которые должен был разделять советский человек, различались. Самое высокое место занимала любовь к Родине, и только затем шли чувства матери и отца к детям, а детей к родителям. Но и взаимоотношения влюбленных в советском обществе сохранили право на существование, хотя серьезно эволюционировали. После революции 1917 г. широкое распространение, особенно среди молодежи, получило отрицание любви и сведение отношений между мужчиной и женщиной к инстинктивной сексуальной потребности, которую следовало удовлетворять без всяких «условностей» (согласно «теории стакана воды», половые отношения подобны любому другому физиологическому акту вроде утоления жажды). В 1930-е гг. в связи с курсом на укрепление семьи в советском обществе складываются более строгие моральные представления и осуждается половая распущенность.

В годы войны, неслучайно получившей название «Отечественной», значимость общественных ценностей еще более возросла, а их осознание советскими гражда-

¹ «В СССР секса нет». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/В_СССР_секса_нет (дата обращения: 02.09.2013).

² Был ли секс в СССР? // Комсомольская правда. 2004. 1 ноября.

нами стало одним из главных факторов Победы. Призыв «Все для фронта!» был, действительно, услышан и поддержан широкими массами. Тем не менее в жизни советских людей и в условиях военного времени оставалось место для интимных переживаний и межличностных коммуникаций, выходивших далеко за пределы «высоких» гражданских помыслов. При этом роль официальных средств воздействия на общественную нравственность снизилась, а неформальных «властителей дум» – в первую очередь, поэтов и представителей других творческих профессий – напротив, возросла. В формировании лирического героя военного времени отразился не только определенный социальный заказ, но и чаяния миллионов мужчин и женщин, искавших ответы на волновавшие их сложные нравственные вопросы. Впрочем, круг распространения подобных представлений был неминуемо ограничен образованной частью общества, а практики удовлетворения чувственных потребностей выходили далеко за пределы одобряемых моралью образцов поведения.

4.1. Лирический герой военного времени

Произведения художественной литературы, прежде использовавшиеся историками и социологами в качестве эмпирического материала редко и иллюстративно, в современных исследованиях фигурируют не в пример чаще, анализируются глубже, объемнее. Переоценка их значения связана с поворотом к культурно-антропологическому измерению прошлого и признанием того, что существуют темы, которые не могут быть достаточно полно раскрыты без обращения к художественным текстам. Тема интимных переживаний человека сталинской эпохи тяготеет к такого рода разработке в числе первых, ибо тем самым создаются новые возможности понимания этого сложного периода советской истории и жизни человека внутри него. В частности, историко-социологический анализ лирической поэзии периода Великой Отечественной войны содержит огромный потенциал для исследования эмоциональных переживаний человека военного времени, истории советской повседневности. Один из главных ракурсов, который при этом открывается, – рассмотрение соотношения двух направлений, имевших место в советской лирике военных лет. В самом общем виде предварим, что первое из этих направлений занимало доминантные, в высшей степени прочные позиции, поскольку в соответствии с идеологией советского государства и при его непосредственной поддержке (публикации, премии и пр.) несло в массы однозначные, до миллиметра выверенные стандарты поведения в той сфере, которую мы обычно называем приватной. Второе направление, умеренно полемически отстраняющееся от первого, в общем, не создавало угрозы его лидерству, но нащупывало свой путь к читателю, предпосылки к чему возникли именно под влиянием экстраординарных обстоятельств военного времени. Разумеется, нет оснований говорить о том, что в первой половине 1940-х гг. шла борьба между этими двумя направлениями, однако население делало свой выбор, и он был отнюдь не единодушен.

Собственно, вопросы литературной эволюции обозначились еще на рубеже 1920–1930-х гг., что в полной мере коснулось выражения интимной проблематики в советской поэзии. Предвоенное десятилетие стало временем ее притеснения и вытеснения. Если говорить о лирической поэзии, то самой серьезной потерей этого десятилетия стал отказ от отображения личностной сущности любви. Поскольку внимание к личному пространству противоречило эстетике большого стиля, а поиски любви или устройство личной жизни не являлись двигателями сюжета в культуре соцреализма, постольку подобного рода категории и мотивации «выталкивались» и из поэзии. В 1930-е гг. советская лирика уступила еще не так давно числившееся за ней жанровое первенство прозе и продемонстрировала тенденцию к песенности. Как раз в песенном творчестве ее потери видны наиболее рельефно. По заключению Наума Коржавина, мажорные песни сталинской эпохи положили начало «традиции безличной лирической песни», целому жанру «песен не про свою любовь». В этом смысле интересными представляются размышления Коржавина о сущности знаменитой песни «Сердце», исполненной Леонидом Утесовым в фильме Г. Александрова «Веселые ребята» (1934 г.). Напомним строки припева этой песни:

*Сердце, тебе не хочется покоя!
Сердце, как хорошо на свете жить!
Сердце, как хорошо, что ты такое!..
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!*

Слово «лирическая» в отношении этой песни Н. Коржавин намеренно берет в кавычки. Не относит он к ней и определение «любовная», так как в «Сердце» «...никто никого не любит и даже не тоскует из-за отсутствия любви». Маркировка этой песни как произведения массовой культуры, посредственного по качеству, не входит в задачи Коржавина (и ни в коей мере не удовлетворила бы его). Выявляя «доличностное или внеличностное представление о любви», заложенное в песне «Сердце», Коржавин видит в ней одно из тех «защитных прагматических мероприятий власти, препятствующих пониманию реальности», которые постепенно сложились в «гигантскую кампанию по инфантилизации населения». Глобальная задача такого рода песен определялась ситуацией начала 1930-х гг., когда «ложное положение режима не прекратилось, а только усугубилось с завершением коллективизации и первой пятилетки. Нужда создавать в сознании подданных мир, отличный от реального, не отпадала, а нарастала. И песни из этого фильма не только продолжали выполнять эту задачу, но стали образцом для создания целого безличного вида искусства, безразлично, гражданских или лирических тем оно касалось». Так рождалась традиция безличной лирической песни. Коржавин даже выделяет в ней специфический жанр – «песни не про свою любовь». Но и в целом из лирики изымаются индивидуальное чувство, «откровение», катарсис подменяется имитацией духовной деятельности. Власть же выступает в своей разрешительной ипостаси. Коржавин в горько-ироничной манере восстанавливает извращенную

логику маневра и его печальные последствия: «...любить-то ведь и в самом деле хорошо. Что поделать, если сердце настолько неутомонно – хочет этого. Даже власть уступает, понимает – вон как поют с экрана! Хорошая все-таки власть, своя. Отвлелась от таких важных дел и – поняла: разрешила человеку его маленькое счастье. В благодарность забывалось, что табу на это маленькое счастье накладывала она же. И больше – что оно не маленькое. И не должно быть маленьким, поскольку у каждого оно, как жизнь, – одно. Забывалось. Такова сила казенного искусства»¹.

Другое серьезное изменение состояло в исчезновении из поэзии эротики. Если обстановка в России 1920-х гг. характеризовалась временным ослаблением культурных табу (как последствием сексуальной революции), что стимулировало творческое воображение поэтов и предопределило эротическую насыщенность поэзии, то к началу 1940-х гг. эта линия оскудела и практически сошла на нет. В качестве примера эволюционных изменений можно привести содержательное различие двух специальных антологий на авиационные темы, появившихся в СССР с шестнадцатилетним промежутком – в 1923 г. и 1939 г. Юрий Левинг, исследовавший трансформации так называемого «авиационного текста» в советской поэзии от 1920-х к 1930-м гг., обратил внимание на замену сильнейшего эротического заряда, характерного для первого сборника («Лёт»), доминантой сдержанной асексуальности авиационных текстов второго («Сталинские соколы»).

Дело в том, что тема авиации и полета, связанная с идеей покорения пространства (небесного и земного), и, таким образом, созвучная раннесоветской идее завоевания пролетариатом всего мира, вызывала у советских поэтов 1920-х гг. неизбежные маскулинные коннотации, мотивы завоевания женщины и обладания ею. На исходе 1930-х гг. использование данной парадигмы стало невозможным, как в силу цензурных ограничений, так и в связи со сменой норм художественной эстетики. Как отмечает Левинг, качественные перемены в советской военной авиации, формирование ее концепции нуждались в идеологической поддержке, которая ожидалась, в том числе, и со стороны искусства. Кроме того, в середине предвоенного десятилетия обозначилась важнейшая веха в советской авиационной эмансипации (беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток женского экипажа в составе В.С. Гризодубовой, П.Д. Осипенко и М.М. Расковой в 1938 г.). Итогом стало снятие латентной сексуализированности авиационной темы, когда «пилот с ярко выраженными маскулинными признаками постепенно исчезает из авиационных текстов, в них начинают доминировать сдержанная асексуальность и стремление к равенству полов». В общем, можно констатировать, что в поэзии, где гендерные признаки намеренно сглаживались, нивелировались, была дана установка на «другую» любовь – «любовь, которая превыше всех земных любовей, – к Родине-Матери»².

¹ Коржавин Н. «О том, как веселились ребята в 1934 году, или Как иногда облегчает жизнь высокий этический принцип: «Важно не “что?”, а “как?”» // Вопросы литературы. 1995. Вып. 6. С. 48, 50, 52.

² Левинг Ю. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 76. С. 144, 145, 156, 157.

В ходе дальнейшего анализа советской лирики периода 1941–1945 гг. мы не раз отметим эту «замену», с неизбежностью закрепленную войной, а также рассмотрим ее вариации. Пока же, на пороге войны, наиболее приемлемой формой выражения интимных переживаний для поэтов «средней руки» либо начинающих выступала та, что находилась в границах дозволенного. Попробуем обозначить ее дух как «терпимость к интимному». Суть этой формулы, если и не гарантирующей успех у читателей, то уж, по крайней мере, отвечавшей требованиям советской цензуры, заключалась в неспецифическом преподнесении темы любви, когда она помещалась в ряд других, по определению равнозначных эмоций.

Примером может служить абсолютно невинное стихотворение Всеволода Багрицкого (сына известного поэта Эдуарда Багрицкого) «Ты помнишь дачу и качели...» (1941), в котором чувство к женщине не выделяется в нечто особенное, а приравнивается к иным: упоению природой, привязанности к матери.

*...Не понимая, что влюбился
Не в девушку, а в тишину,
В цветок, который распустился,
Встречая летнюю луну...
Я был влюблен в печальный рокот
Деревьев, скованных луной,
В шум поезда неподалеку
И в девушку, само собой¹.*

Как видим, автор, которому было на тот момент 19 лет, демонстрирует столь свойственную юношескому возрасту тотальную влюбленность во все, в том числе и в девушку. Пожалуй, в этом стихотворении представлена образцовая норма в преподнесении темы любви, так как игривость, фривольность, а тем более, эротика и страсть уже, мягко говоря, не приветствовались. Отсюда – та объяснимая странность, что наивные и осторожные стихи о любви появлялись не только у безусых юношей, но и у взрослых и даже зрелых мужчин-поэтов.

Отказ от изображения личностной сущности любви или эротической ее составляющей, вообще сильных индивидуально окрашенных эмоций имел разные «преломления». Одним поэтам он дался без особого труда, и тема эмоционального самовыражения в любви просто-напросто испарилась из их творчества; точнее, ее заместила гражданская лирика. Другие же предпринимали (сознательно или неосознанно) некоторые маневры, которые должны были расчистить дорогу личному чувству, легитимировать его. Примечательно, что подобные маневры обнаруживаются у неординарных поэтов из числа молодых, чья биография в недалеком будущем трагично оборвется на фронтах Великой Отечественной войны. Здесь обращает на себя внимание то, что активная практика использования местоимения «мы» в советской лирике, между прочим, дающая основание исследователям опо-

¹ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 69–70.

знавать «Мы» как настоящего лирического героя предвоенного десятилетия¹, в подобных случаях могла применяться с необычной целью. А именно: весомое «Мы» буквально вытягивало на себе тему личного, частного, в том числе чувственного.

Наиболее ярким примером представляется стихотворение Николая Майорова (который, кстати, был автором знаменитого стихотворения «Мы») «Предчувствие»², где многократно, на всем его протяжении употребляется исключительно местоимение «мы», и, следуя контексту и логике, это позволяет считать, что автор отождествляет себя с современниками (советскими людьми 1930-х гг.), выступающими обобщенным героем данного произведения. Однако критический пафос стихотворения настолько силен и личностно окрашен, что заставляет усомниться в этой, казалось бы, безусловной принадлежности, а еще – в полной мере прочувствовать горькую авторскую иронию.

«Предчувствие» Майорова отражает глубоко личную позицию автора, хотя, безусловно, специфика коллективизма «по-советски» и наложила на нее неизгладимую печать. В результате употребление «мы» явилось той уловкой, которую подчеркнуто «недипломатичный» поэт (свидетельства такой позиции Майорова можно найти во многих его произведениях) интуитивно или намеренно применил для «выведения в люди» критичного по отношению к официально санкционированной ситуации (унификация лирики, игнорирование в ней эротики, табуирование темы секса) стихотворения. Неприязнь поэта к быту, мещанскому уюту, несомненно, присутствующая в стихотворении, представляет собой лишь фон для основной линии, на которой фокусируется Майоров. Гораздо более выражены его претензии к асексуальности, культивируемой в советском обществе. В этом смысле пафос задается уже первой вопрошающей строкой стихотворения: *«Неужто мы разучимся любить...»* Следующие строки привлекают внимание к телесной составляющей любви: *«И будем принимать за женщину мы шкاف / И обнимать его в бесполом безразличье»*. Ощущение вины перед последующими поколениями заставляет Майорова выдвигать прямые прогнозы-упреки: *«Кастратами потомки назовут / стареющее наше поколенье», «Нами был утрачен / Сан человеческий; что, скопцы...», «Нам это долго не простится, / И не один минует век, / Пока опять не народится / Забытый нами Человек»*. Даже демографическое пророчество *«без жалости нас время истребит»*, видимо, предупреждает об этих предчувствуемых поэтом последствиях *«бесполого безразличья»*. Таким образом, игнорирование значения телесного (телесной стороны отношений между полами), согласно Майорову, ведет к потере истинно человеческого и катастрофе в будущем.

Сходные с майоровскими мотивы находим в стихотворении Николая Овсянникова «Во славу твою»³. Стихотворение начинается сетованиями героя на собствен-

¹ Сухих Н.И. От стиха до пули // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 23–38.

² Датировка 1939 г. находится под вопросом. См.: Сквозь время: стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964. С. 148.

³ Датировка 1938 г. находится под вопросом. См.: Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 326.

ную бесчувственность («*Не кричим, не мечемся, не любим, / Сердце – камнем...*»), которая, на самом деле, есть диагноз уже вполне устойчивой нерасположенности чувствовать, поразившей его современников (вновь замечаем использование «мы»). Однако далее стихотворение превращается в гимн настигнувшей героя страстной любви, которая, даже будучи несчастливой, лучше любви «*вегетарианской*». И здесь герой начинает говорить от своего лица. Им остро ощущается угроза внешнего вмешательства в отношения двоих («*Никогда не перестану славить! / Пусть сомнут, сломают, раздробят...*»). Но ценность отношений с героиней – вне конкуренции с чем бы то ни было, в том числе и с общественным. О такой расстановке приоритетов говорят как конкретные строки («*Если скажешь песню обезглавить, / Песню обезглавлю для тебя*»), так и сам выбор названия для стихотворения¹.

Когда представители поэтической молодежи писали и публично читали подобные стихи на студенческих секциях или литературных вечерах (до печати у большинства из них дело так и не дошло, максимум – случались публикации в университетских многотиражках), то в этом проявлялись юношеский максимализм и сила личных любовных переживаний. В ответ на упреки в излишней натуралистичности и цинизме Майоров отвечал: «*Какой же цинизм? Я так любил... Я чувствую так, как чувствует здоровый человек, со всеми его инстинктами*»².

Так много внимания советскому лирическому мейнстриму предвоенной поры, а также отклонениям от него (своеобразным «декларациям эмоциональной независимости» Н. Майорова, Н. Овсянникова, П. Когана и др.³) уделено по нескольким причинам. Во-первых, многие тенденции, проявившиеся в советской лирической поэзии 1930-х гг., нашли продолжение в первой половине 1940-х гг., и теперь мы можем более подробно остановиться на их трансформации под влиянием особых условий Великой Отечественной войны. Во-вторых, в войну продолжили свое творчество многие советские поэты довоенной поры. Некоторые из них достигли в этот период вершин признания (К.М. Симонов, А.Т. Твардовский, А.А. Сурков и др.), а многие – закончили свой земной путь (у фронтовиков Майорова, Овсянников и Когана один год смерти – 1942).

Экстремальный опыт Великой Отечественной войны наложил свой отпечаток, как на поэтическое самовыражение советских литераторов, так и на потребности читательской аудитории страны (потенциально таковой являлось все ее население). Очевидно, что именно под влиянием шока военного времени некоторым поэтам удалось отойти от канона лирической поэзии, сформированного в предшествующее десятилетие. Впрочем, определенные условия к «реабилитации» лирической темы наметились уже на исходе 1930-х гг., когда официальные круги проявили заинтересованность (свидетельство тому – дискуссия в 1940 г. в газете «Правда») в постижении личной сферы советского общества. К этому подтолкнули сложные

¹ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005. С. 326.

² Куликов Б. Николай Майоров. Ярославль, 1972. С. 41.

³ См. об этом: Тажиудинова И.Г. Поэты 1930-х гг.: декларации эмоциональной независимости // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: мат-лы межрег. науч. конф. (XVI Адлерские чтения). Краснодар, 2009. С. 111–113.

социокультурные процессы предвоенного периода, связанные, в частности, с вхождением в жизнь «первого истинно советского поколения» (рожденных в начале и середине 1920-х гг.), проявлявшего недостаточную устойчивость в нравственном отношении. Эти условия требовали отклика и, как пишет А. Крылова, «будучи не в силах игнорировать появление нового поколения и связав его внутреннюю раздвоенность с областью личного, официальная идеология предвоенных лет признала существование частной сферы и мобилизовалась на ее освоение и подчинение»¹. Литературе отводилась в этом смысле важная роль, и, соответственно, открылись определенные перспективы «раскрепощения» в лирике. Реализовались они в первые годы войны, в тех новых обстоятельствах, в которых человеческие эмоции стремились вырваться из-под внешнего и внутреннего контроля. Феноменом здесь представляется творчество Константина Симонова, которому в его фронтовой лирике удалось акцентировать интимные темы, чрезвычайно важные в условиях войны с точки зрения ее переживания на индивидуальном уровне.

Знакомство с лирической поэзией военных лет позволяет ощутить эмоциональное раскрепощение, особым образом связанное с войной. Поэты, в первую очередь те из них, кто оказался на фронте, остро почувствовали, что то «люблю», которое по разным причинам невозможно было сказать в довоенной жизни, могло остаться невысказанным никогда. Герой лирического цикла Константина Симонова «С тобой и без тебя» делает это открытие на основании собственного опыта войны. Этот опыт дает ему право настойчиво требовать от героини открытого выражения чувств: «Ты повтори мне все на свете / Неповторимые слова»². Признание, полученное перед отправкой на фронт, искупает муки ожидания и сомнений:

*Чтоб с теми, в темноте, в хмелю,
Не спутал с прежними словами,
Ты вдруг сказала мне “люблю”
Почти спокойными губами»³.*

Физическая близость, которая уже существовала к тому времени между героями (и этот момент Симонов не прячет, а намеренно выделяет), ничуть не меняет высокого, самостоятельного, никаким телесным контактом не замещаемого для героев значения слова «люблю». В обнародовании физической стороны отношений героев нет провокационности, эпатажа, а есть логика выстраиваемой сразу в нескольких стихотворениях последовательности взаимоотношений: сначала – близость, а только затем – признание в любви со стороны героини, которое постоянно подвергается сомнению. Кроме того, за героиней признается известная инициативность в развитии отношений, подразумевается ее связь с другим, помимо героя, мужчиной (или способность на подобную связь). За такой логикой стихотворений цикла

¹ Крылова А. Советское личное: «семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе // Соцреалистический канон. С. 805.

² Симонов К.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 1. М., 1979. С. 195.

³ Там же. С. 156.

обнаруживается ломка привычного (во всяком случае, для риторики исследуемого времени) алгоритма женского поведения. Был ли готов советский читатель к такой ломке? В пользу положительного ответа говорит ошеломляющий успех симоновской лирики. Высокой отзывчивости читателей есть объяснение, и оно не только в тех насущных эмоциональных потребностях, которые порождала война.

Одной из тенденций, проявившихся в обыденном сознании после Октябрьской революции 1917 г., стала тенденция к определенной трансформации этических норм. Подкрепленная в ходе сексуальной революции 1920-х гг. тенденция эта воплотилась в весьма пеструю картину нравов, в которой явно присутствовало «стремление к полноте самовыражения». Данные опросов 1920-х гг., приводимые С.И. Голодом, устойчивы и свидетельствуют о широком распространении сексуальных контактов в молодежной среде¹. Открытием для исследователей стало то, что добрачные сексуальные связи перестали быть «привилегией» мужчин, обоими полами стала допускаться возможность и внебрачных контактов. Кроме того, наметилась тенденция к обособлению сексуальности и брачности, в основе партнерских отношений вне брака теперь лежало психофизиологическое влечение, как правило, с обеих сторон. Таким образом, даже с учетом торжества лицемерно-ханжеской линии в вопросах секса и взаимоотношений полов в целом (а именно так развивались события в стране в 1930-е гг.), не стоит приуменьшать готовность советских людей к восприятию избранной Симоновым в своем поэтическом цикле логики показа взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Что касается власть предержащих, то они, хотя и растерявшиеся перед лицом войны, но не утратившие присущего прагматизма, вынужденно поступились довоенным регламентом и выдали любовную лирику «воюющей, вставшей на краю обрыва России как знаменитые сто грамм перед боем»².

Героиня симоновского цикла воплощает непривычный для советской поэзии образ страстной женщины. Обилие эпитетов в адрес такой женщины, рассыпанное в стихотворениях Симонова, трудно собрать воедино. Зачастую они противоположны по значению, и на этом контрасте построена сама попытка объяснить природу страсти. В стихотворении «Я очень тоскую...» героиня «отпетая», «проклятая», «злая», «бесценная». Кару сулит ей стихотворение «Пусть прокляну впоследствии...», где любовь к ней кажется герою «бедствием», «пожарищем», «землетрясением», «наваждением», а она сама зовется «стихию», «грозой». Злость упоминается героем в отношении героини, пожалуй, также часто как любовь. Таким образом, ревность выражается у него именно как злость или как горечь (непонимания, необладания): «Где ты плачешь, где поешь, моя зима? / Кто опять тебе забыть меня помог?»³. В лирике Симонова ревность выступает как абсолютно нормальное, присущее герою чувство. В этом приятии ревности Симонов движется несколько в стороне от того направления, которое избирало большинство лири-

¹ Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. С. 25–29.

² Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 238.

³ Симонов К.М. Собр. соч. Т. 1. С. 167.

ческих поэтов военного времени. Они, в основном, предпочитали затушевывать сомнения подобного рода, вытесняя поводы для них в область нереального¹.

Что характерно, герой предпочитает бороться не столько с собственной ревностью, сколько с внешними влияниями на их с героиней отношения (так подчеркивается приватность самого ощущения ревности). Его позиция – пример безупречного отношения к героине, защиты ее частной жизни и от собственного вмешательства, и от осуждений других. Последние упоминаются неоднократно, и есть определенные основания понимать под ними общественное мнение в целом, существовавшее в отношении женщин, живущих против правил. Кажется не случайным, что стихотворение «Я, верно, был упрямей всех...», которое во многом об этой ситуации общественного порицания страстности и страсти, наполнено соответствующими судебной процедуре понятиями («грехи», «судить», «пожизненно», «приговорил»). В противостоянии такой позиции Симонов утверждает страсть как идеал, к которому стоит стремиться чувствующему человеку.

Стихотворение «Я, верно, был упрямей всех...» заключает в себе мощный эротический контекст, который неотделим от душевных переживаний героев. Незеральность душевного и телесного наблюдаем также в стихотворении «Я очень тоскую...»: «Чтоб, встретясь с ней взглядом / В бессонной тиши, / Любить в ней две рядом / Живущих души»². Такая сопряженность «душ» и «тел» задается не только конкретикой отношений героев, но и той ролью, которая принадлежит душевности в целом российской сексуальной культуры. Связанная с традициями образа жизни и менталитета душевность отношений партнеров в определенном смысле служит «нравственным оправданием сексуальной связи». Раскрывая сущность этого качества, В.Ф. Шаповалов пишет: «Под душевностью понимается сопереживание и сердечность партнеров, независимость от соображений расчета и выгоды, самостоятельность и свобода выбора, совершаемого по велению сердца»³.

Именно поэтому, пытаясь объяснить и реабилитировать ту волну легких, временных связей мужчин и женщин на фронте, которая возникает как реакция на опасность, риск, страх – постоянные составляющие войны, Симонов апеллирует к разным факторам, но вопрос нравственного оправдания не возникает. Неслучайно, самое известное из стихотворений на эту тему «На час запомнив имена...», где физическая связь между мужчиной и женщиной происходит (подчеркнуто) без участия души, наполнено обилием отрицаний: «недобрый час», «неласковое тело», «нехитрый рай», «все не так, не то». И, наконец, утверждаются иные по сути отношения героев: «...Но в эти дни не изменить / Тебе ни телом, ни душою»⁴.

М. Чудакова обращает внимание на выдвинутую Симоновым в его фронтовой лирике «универсальную антитезу мужского-женского, давно идеологически пере-

¹ См. об этом: *Тажидинова И.Г.* Стратегии совладания с ревностью в условиях Великой Отечественной войны (на материале лирической поэзии) // Мужское и мужественное в современной культуре. СПб., 2009. С. 128–131.

² *Симонов К.М.* Собр. соч. Т. 1. С. 152.

³ *Шаповалов В.Ф.* Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 165.

⁴ *Симонов К.М.* Собр. соч. Т. 1. С. 169.

толкованную и затушеванную в советской поэзии»¹. Примечательно, что «женскими» в симоновской лирике военных лет оказываются «душа», «ласки», «слова», «слеза», «сиянье», «виденье», «чистота» и, наконец, «судьба». Все эти определения, так или иначе, прямо или косвенно, соотносятся с образом героини. Так Симонов добивается обобщенности этого образа, что происходит во многих стихотворениях цикла. Например, в стихотворении «Я не помню, сутки или десять...» Симонов намеренно совмещает цвет глаз как неотъемлемую характеристику облика героини и символический голубой цвет глаз, который приписывается всем женщинам. Но максимально приближается к созданию образа женщины «для всех» воюющих мужчин Симонов, конечно, в стихотворении «Хозяйка дома»:

*Быть может, не любимая совсем,
Лишь для меня красавица и чудо,
Перед отъездом ты была им тем,
За что мужчины примут смерть повсюду...²*

И, наконец, мотивация назвать героиню женой также приходит к герою не только из личных соображений: «Прости, что я зову тебя женой / По праву тех, кто может не вернуться»³. В то же время трудно не заметить, что в качестве других мотивов назвать героиню женой фигурируют и те черты ее характера и поведения (ветреность, безжалостность), которые, согласно традиционным устоям, были скорее препятствием к брачному союзу. Как видим, тесно связанные с войной перемены в символике женственности, когда обаяние и даже страстность потеснили такой традиционный мотив как забота о доме, обернулись трансформацией поэтических представлений о женщине в статусе «жены». Те стихотворения Симонова, в которых упоминается «жена», производят впечатление разрушения кропотливо созданного в советской лирической поэзии образа. Теперь, если за ним и скрывается «жена», то в весьма необычной ипостаси, без соответствующих атрибутов (быта, детей). Происходит отрицание таких, казалось бы, незыблемых характеристик любящей женщины как тоскующая, надежная, верная.

Любовная лирика К. Симонова обозначила интерес к любви-страсти, затронув сами устои советской семьи. Близость героини симоновской лирики к «роковым женщинам» несомненна, характер ее взаимоотношений с героем внесемейный, значение семейных добродетелей в отношениях героя и героини не только не просматривается, но даже ставится под вопрос. Такой подход был фактическим отказом от традиции советской поэзии предвоенного десятилетия, причем Симонов оказался отнюдь не единственным автором, пренебрегшим каноном («Последние стихи» Елены Ширман, написанные в 1941 г., безусловно, относятся к подобным прецедентам). Незамедлительно последовали нарекания коллег и критиков. М. Чу-

¹ Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» в литературном процессе советского времени. С. 242.

² Симонов К.М. Собр. соч. Т. 1. С. 178.

³ Там же. С. 172.

дакова, которая анализирует истоки отрицательной реакции А.Т. Твардовского на данный пласт лирики Симонова, доказывает, что это было по сути соперничество двух укладов: городского и крестьянского¹. Для поэзии Твардовского 1930-х гг. была характерна доминанта семейных добродетелей, бытовой реальности, сдержанности любовных отношений, и этим он был близок крестьянскому укладу с его традиционными ценностями. Но в условиях войны на первый план выходит поэзия, отдающая приоритет любви «городской», в которой присутствует такой компонент как страсть, не заглушевывается сексуальная составляющая.

Любовная лирика К. Симонова аккумулировала в себе многие мотивы, характерные для лирической поэзии военных лет. В то же время, в последней присутствовали и иные вариации «на тему», по-иному расставлялись акценты. Не подлежит сомнению общая тенденция усиления темы любви как исконной поэтической темы, более смело-го (говорить о раскованности не представляется возможным) ее раскрытия. Хотя она и не касается всего корпуса советской лирической поэзии, но о ней достаточно хорошо свидетельствуют изданные в послевоенный период сборники стихов советских поэтов, павших на Великой Отечественной войне². Последняя (и самая полная) из подобных антологий появилась несколько лет назад³. Важно упомянуть, что в сборниках оказались преимущественно стихи молодых поэтов, для которых уже в силу возраста тема любви имела особое значение. Самому молодому из авторов любовной лирики было 20 лет. Большинство из них погибли в первые два года войны.

Одним из доминирующих в лирической поэзии является мотив возвращения с войны, встречи с любимым человеком после разлуки. Отчетливо прослеживается тенденция трактовать эту тему «в духе» К. Симонова («Жди меня, и я вернусь...»). Ощущение сходства оставляет сопоставление с симоновскими отдельными строк стихотворений Мирзы Геловани «Жди меня» (1942), Владислава Занадворова «Память» (1942), Мусы Джалиля «Не верь!» (1943) и «Любимой» (1943). Хотя главная близость, конечно, смысловая: ожидание женщины способно победить смерть.

*Солдатский путь извилист и далек,
Но ты надейся и люби меня,
И я приду: твоя любовь – залог
Спасенья от воды и от огня.*

(М. Джалиль)⁴

Попытка выражения женского отношения к теме возвращения принадлежит Елене Ширман. Ее стихотворение носит символическое название «Возвращение» (1942) и предвьяется эпиграфом из «Жди меня» К. Симонова.

¹ Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» в литературном процессе советского времени. С. 257.

² Стихи остаются в строю; Сквозь время: стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965; Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1975.

³ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. СПб., 2005.

⁴ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965. С. 190.

*... Скажешь: «Здравствуй»
Непривычной рукой по щеке проведешь.
Я ослепну от слез,
от ресниц и от счастья.
Это будет нескоро.
Но ты – придешь¹.*

Выверенный стандарт темы возвращения трансформируется редко и в незначительных пределах. Как пример – сюжет стихотворения Бориса Богаткова «Возвращение» (1942), где речь идет о вполне понятных страхах встречи с женщиной человека, который физически изучен войной: «...Хорошо познав на войне, / Как срок разлуки тяжел, / Ты из госпиталя к жене / Все-таки не пришел»². В свете господствовавшей стоически-оптимистической тональности советской поэзии сомнения героя благополучно разрешаются. Такая развязка предreshена в большой степени тем, что речь в стихотворении идет не просто о любимой женщине, а именно о жене. К слову, стоит заметить, что жена – центральный персонаж той главы поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин», которая посвящена любви. Хотя главный герой поэмы находится в холостом статусе, поэт сосредотачивается на семейных ценностях:

*Да, друзья, любовь жены, –
Кто не знал – проверьте, –
На войне сильней войны
И, быть может, смерти³.*

Однако литературное осмысление чувств и эмоций, неразрывно связанное с социальным контекстом войны, порой выводило поэтов за рамки поведенческих схем, утвердившихся в довоенном Советском Союзе. В этом смысле показательно стихотворение Петра Винтмана, в котором ситуация возвращения с фронта, встреча любящих людей конструируется следующим образом:

*...Это будет рано утром
После боя, после счастья.
Я войду и сброшу куртку –
Двери настезь, сердце настезь.
В поцелуе сердце настезь.
Ты с испугом:
– Смотрят люди!
– Ну и пусть. Теперь не страшно:
Победителей не судят⁴.*

¹ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965. С. 625.

² Там же. С. 82.

³ Твардовский А.Т. Василий Теркин. Теркин на том свете. С. 174.

⁴ Стихи остаются в строю. С. 63.

Довольно наивный в прочтении современного читателя диалог героев стихотворения отражает ту новую тенденцию, которую война привнесла в эмоциональный опыт интимных отношений (или, точнее, в опыт их выражения «на людях») советских мужчин и женщин. Осторожное предвкушение ими неких новых возможностей лишней раз демонстрирует глубину личностной «зажатости», инфантильности. О подоплеке данного процесса очень точно выразился Н. Коржавин: «Надо сначала поставить под сомнение элементарные человеческие проявления, чтобы потом ликовать по поводу того, что это “можно”»¹.

Похожую ситуацию, но уже на победном исходе войны, выстраивает фронтовик Ян Сатуновский, в советские годы широко известный детский поэт, чьи «взрослые», в том числе и военные, стихи были опубликованы лишь посмертно, уже в постсоветском 1992 г.

*Здесь, на площади?
При всем салюте?
Слушай,
ты сошел с ума –
кругом
Москва,
люди,
лошади...
А что нам – люди?
Захотим, и будем
сами.
Сам.
Сама².*

В отличие от «подцензурного» Винтмана, «неподцензурный» Сатуновский намеренно обособляет приватное пространство (как пространство отношений двоих), а само преодоление довлеющего над сферой личной жизни нормирования «по-советски» происходит в тени (конечно, «в огнях», но более органично здесь использовать именно метафору тени) салюта Победы. Судя по восклицанию героини, салют потенциально представляется символической преградой для осуществления интимного; личное должно, как обычно, спасовать перед общественным. Однако не пасует. Характерно, что твердость в отстаивании пространства интимности проявляет мужчина.

Нетрудно заметить, что в приведенных выше стихотворениях женщины выступают с более консервативных позиций по сравнению с мужчинами. В силу объективных причин, в числе которых, прежде всего, более сильная приверженность патриархальным стереотипам, раскрепощение давалось им сложнее. Михаил

¹ Коржавин Н. «О том, как веселились ребята в 1934 году, или Как иногда облегчает жизнь высокий этический принцип: «Важно не “что?”, а “как?”». С. 49.

² Сатуновский Я. «Хочу ли я посмертной славы...». М., 1992. С. 9.

Луконин, посвятивший свое стихотворение погибшему поэту Николаю Отраде, выражает запоздалые сожаления не только о непростых, именно в этом смысле отношениях друга и его девушки Поли, но и о тех упущенных возможностях выразить свои чувства любимому человеку, о которых, наверняка, сожалели многие женщины, не дождавшиеся своих мужчин с войны:

*Я жалею девушку Полю.
Жалею
За любовь осторожную:
«Чтоб не в плену б!..»
За: «мы мало знакомы»,
«не знаю»,
«не смею»...
За ладонь, отделившую губы от губ...¹*

Одним из насущных вопросов взаимоотношений мужчин и женщин в годы Великой Отечественной войны было выстраивание письменного общения, продолжение интимных отношений в специфической форме переписки. Внимание к этой проблеме выразилось в поэтизации темы переписки. Стихи, случайно или намеренно написанные в формате писем, не обошли вниманием ни один из тех сюжетов, которые наиболее часто возникали в реальном письменном общении фронтовиков с близкими им женщинами. Круг тем, которые задевают в этой связи поэты, широк: от деликатного вопроса о верности в разлуке до несколько суетной, но чрезвычайно острой в условиях военного времени проблемы нерегулярности в переписке.

Что касается темы доверия (а значит, и недоверия) в отношениях мужчины и женщины, то в предвоенной лирике она не была востребована из-за твердых установок на «моральную чистоту»; А. Крылова подчеркивает, что самый популярный представитель любовной лирики этого периода С. Щипачев ограничил свое вторжение в сферу новых советских чувств темами «истинного целомудрия и верности». Ситуация изменилась только в годы войны, когда в творчество поэтов, преимущественно молодых, стали проникать сильнейшие душевные переживания – «чувства, страхи, эмоции, борьба между преданностью и неверностью, между ревностью и безразличием, между целомудрием и желанием»².

То, что и в этих неординарных условиях освобождение от стереотипов давалось непросто, демонстрирует поэзия Иосифа Уткина, – талантливого, получившего признание еще задолго до войны поэта, который в 1941 г. ушел на фронт добровольцем. В одном из своих ранних военных стихотворений Уткин предлагает якобы «женский» взгляд на проблему доверия любимому мужчине. Героиня его стихотворения «Если будешь ранен, милый, на войне» (1941), в порядке гипотезы,

¹ Сквозь время: стихи поэтов и воспоминания о них. С. 177.

² Крылова А. Советское личное: «семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе. С. 809.

но в полном соответствии с логикой советского времени, демонстрирует жесткую непреклонность к факту измены героя стране, но гораздо более лояльна к его измене с другой женщиной.

*...Если будешь ранен, милый, на войне,
Напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу
В тот же самый вечер.
Это будет теплый, ласковый ответ:
Мол, проходят раны
Поздно или рано,
А любовь, мой милый, не проходит, нет!
Может быть, изменишь, встретишься с другой –
И об этом пишут в письмах, дорогой! –
Напиши... Отвечу...
Ну, не в тот же вечер...
Только будь уверен, что ответ придет:
Мол, и эта рана
Поздно или рано,
Погрущу, поплачу... все-таки пройдет.
Но в письме не думай заикаться мне
О другой измене – клятве на войне.
Ни в какой я вечер
Трусу не отвечу...¹*

Таким образом, в данном стихотворении письма женщины к близкому мужчине несут нагрузку «идеологической дрессуры». Впрочем, такой откровенно пропагандистский пассаж – редкость. Намного чаще в стихах возникает речь об иной, действительно, важной миссии писем на фронт. О том, что письма близких людей способны быть оберегом, пишет все тот же Уткин, но уже в стихотворении, созданном спустя год войны:

*Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это – другая,
Это значит – сырая земля...²*

Стихотворений, прямо говорящих о том, как складывались отношения между мужчинами и женщинами на фронте, немного. Это представляется не случайным, поскольку внесемейный, зачастую незаконный характер таких любовных свя-

¹ Стихи остаются в строю. С. 243.

² Там же. С. 247.

зей табуировал их и для поэтов. Стихотворение «Красный крест на сумке цвета хаки» (1944), принадлежащее Борису Кострову, позволяет не только проникнуть в то, каким образом складывались любовные отношения на войне («*В темной биографии солдата / Светлая страница о любви*»), но и многое добавляет для понимания образа и положения женщины в боевых условиях¹. Еще один момент привлекает в нем внимание с точки зрения возникшей ранее и многократно усилившейся в годы Великой Отечественной войны поэтической традиции. Костров рифмует имя героини своего стихотворения Марии с Россией. Страна и женщина оказываются рядом; такая «связка» встречается у поэтов военного времени довольно часто. Есть она в стихотворениях М. Джалиля, И. Уткина, Дж. Алтаузена, Н. Майорова, М. Кульчицкого. Однако в каждом из стихотворений значение данной «связки» имеет свои нюансы, позволяет реконструировать определенную авторскую позицию. Среди таких позиций особенно располагает к себе та, которая присутствует в стихотворении Н. Майорова «Я не знаю, у какой заставы...». У Майорова мотив «женщина и страна» лишен официоза, напротив, сравнение отношения к женщине и отношения к стране позволяет наполнить последнее крайне личным содержанием. Умирая, герой вспоминает «*ширь России, дали Украины*» и «*опять – женщину, которую у тына так и не посмел поцеловать*»².

Однако гораздо чаще поэтические попытки сравнения отношения к женщине и отношения к Родине оборачиваются серьезными искажениями, затрагивающими пространство интимной жизни. Когда М. Джалиль в стихотворении «Прости, Родина!» (1942) фактически ставит знак равенства между любовью к Родине и любовью к жене, то обращается к последней в мужском роде («*спутник жизни*», «*товарищ*»). Возникающая формулировка «*твоя любовь, товарищ*», безусловно, подкрепляет соотнесение жены и Родины (хотя бы потому, что игнорирует интимность), но, в то же время (и по той же самой причине), придает отношениям между мужчиной и женщиной формальный оттенок, вытесняет всякое представление о физических или романтических отношениях между ними³. В стихотворении Дж. Алтаузена «Я пишу, дорогая, тебе» (1942) интимность отношений между мужем и женой вытесняется из поля зрения сходным образом; например, сравнением «*руки родины, руки твои*». Финальный аккорд стихотворения об уравнивании чувств героя к Родине и жене снова отодвигает в тень естественные предположения о чувственных отношениях между героями:

...Я окреп для борьбы и для жизни,
И сплелось воедино во мне
Чувство родины, верность отчизне
С нежным чувством к любимой жене⁴.

¹ Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965. С. 324–325.

² Там же. С. 429.

³ Там же. С. 429.

⁴ Стихи остаются в строю. С. 29.

В пылу гражданственного пафоса дело могло доходить до прямого противопоставления женщины и Родины. Так произошло, например, в стихотворении Н. Грибачева «Иду» (1943), героиней которого стала «не женщина, не смертная – Россия». Жесткого противопоставления избежать не удалось, избранная линия доведена до своеобразного «совершенства»:

*К ее любви, широкой, доброй, вечной,
Всей жизнью мы своей обращены,
И не найти мне на полях войны
Ни теплоты щедрей и человечней,
Ни преданнее друга и жены¹.*

Вывод о том, что мужчину советской женщине заменило собой государство (и у этой темы есть экономический, правовой, психологический аспекты) прочно утвердился в современных исследованиях по женской и гендерной истории России². Исследователи подчеркивают разрушительные для существования женщин последствия данного процесса. Приведенные выше стихи также наводят на мысль о маргинализации половых различий в советском обществе, но заостряют вопрос об оценке ее последствий для мужской «самости». Сдержанность в интимной жизни вменялась в обязанность советским людям сталинской эпохи в любом случае, без различия, шла ли речь о женском или мужском сценарии. Ученые, исследующие «антропологическое измерение» тоталитарной культуры, формулируют ее кредо как «табуирование человеческого» (И. Смирнов) с обязательством к скрытности в каждом индивидуальном случае³. Такой подход вел к широкому распространению практик «притворенной жизни» (О. Хархордин), создававших разрыв между публичной и приватной жизнью советских людей, позволявших им ускользать от внешнего контроля и надзора, «творить себя независимым ни от кого способом, доступным для огромных масс населения»⁴. Лирическая поэзия, встраивавшаяся в заданные рамки, также была склонна «не договаривать» о чувствах и желаниях и шла, таким образом, на тот «негласный договор между читателем, писателем и властью», который, как пишет И. Кукулин, окончательно сформировался в первой половине 1940-х гг. Согласно принципам этого договора, «требовался не эзопов язык, а система умолчаний, особенности персонажей и расстановка смысловых акцентов, дающие читателю возможность домысливать»⁵.

¹ Венок славы. Т. 5. 1988. С. 74.

² Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993. С. 220; Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 166.

³ Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон: сб. ст. С. 18.

⁴ Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. С. 352.

⁵ Кукулин И. Регулирование боли. С. 324–325.

Общий упадок исповедальной культуры в сталинскую эпоху, избегание литературой интроспективных и исповедальных методов отразилось, в том числе, на состоянии лирической поэзии военного времени. И все же война как тяжелейшее потрясение привела к попыткам поэтов (прежде всего, фронтовиков) освоить уникальность своего личного опыта, уйти от идиллических конструкций взаимоотношений советских мужчин и женщин, сфокусироваться на внутренней логике собственных любовных отношений и зафиксировать ее в характерных для лирики ракурсах. Этот путь оказался наиболее перспективным направлением фронтовой поэзии, которая теперь чаще «говорила» от первого лица или использовала форму интимного диалога, изображала конкретные ситуации и детали повседневной жизни. В исключительных случаях, под воздействием «двойного шока, двойной экстремальности опыта: общественного, пережитого как личный, и сугубо-личного, спроецированного на общественный»¹, терялся смысл скрывать глубокие душевные переживания.

Эти стихи, наверное, последние.

Человек имеет право перед смертью высказаться.

Поэтому мне ничего больше не совестно...²

Так начинается свои «Последние стихи» (1941) Елена Ширман. В них несчастью безответной любви придается статус большего, чем сама война; как определяет эту доминанту стихотворения Д. Давыдов: «Смерть несет не война, а отсутствие ответного чувства»³. Именно реалистичность, биографичность любовной лирики поэтов-фронтовиков позволяла весьма ограниченному в репертуаре чтения и возможностях самовыражения советскому читателю «считывать» из нее свой собственный опыт интимных взаимоотношений: опыт коротких встреч и долгих разлук, мук ревности и счастья признаний, страха смерти и желания жизни.

В целом, обращение к поэтическим текстам, относящимся к военному времени, позволяет уточнить значение этого периода для развития многих сфер жизни советских людей, и прежде всего сферы чувств. Тоталитарный режим, по-прежнему вторгавшийся в личное пространство отдельного человека, продолжал осуществлять «тиранию интимности» (Р. Сеннет)⁴ и, разумеется, полагался на средства искусства для формирования соответствующих моделей и стереотипов поведения. Многим из поэтов, родившимся уже в советскую эпоху, не приходилось ломать себя для исполнения социального заказа, они вполне искренне транслировали в своем творчестве ценности официальной культуры, обходя стороной проблематику личностной независимости (свободы эмоций, самовыражения в чувствах). Однако смысл перемен, совершившихся в Великую Отечественную войну в советской

¹ Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется» (О «Последних стихах» Елены Ширман) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 247.

² Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965. С. 625.

³ Давыдов Д. Указ. соч. С. 247.

⁴ Цит. по: Шрам К. Исповедь в соцреализме // Соцреалистический канон. С. 922.

лирической поэзии, недооценивать нельзя. В военные годы любовь вернулась в лирику практически со всеми своими атрибутами (страсть, ревность, телесная близость), хотя, что понятно, с известными ограничениями «по-советски». Некоторые поэты, особенно из числа фронтовиков, оказались способны адекватно отразить те изменения в интимной сфере, которые внес в жизнь советских людей экстремальный опыт войны. Их творчество отличает уникальная способность «проявлять» как глубинную психологию советского режима, так и границы его воздействия на человеческую психику.

4.2. Любовь на войне: женские истории

Судьба женщины и ее взаимоотношения с мужчинами во время Великой Отечественной войны могли складываться по-разному и иметь различные последствия. До войны добрачные и внебрачные сексуальные связи осуждались в советском обществе, особенно со второй половины 1930-х гг. Но в условиях военного времени явный дисбаланс в численности мужчин и женщин на фронте и в тылу привел к широкому распространению внебрачных отношений, как правило, носивших случайный и временный характер. Уже в первый год войны оккупанты на Украине просто распустили по домам часть советских военнопленных, не в силах их содержать и кормить. Многих таких «примаков» приютили сельские девушки, ставшие затем их женами¹. Городские жительницы в период немецкой оккупации также не раз спасали военнопленных, выдавая их за своих мужей и добиваясь освобождения за взятки немецким охранникам.

Своя специфика проявлялась во взаимоотношениях женщин и мужчин на фронте и в тылу. В годы Великой Отечественной войны в Вооруженных силах СССР служили более 800 тыс. женщин². Однако это количество не учитывает женщин, служивших в войсках НКВД – НКГБ, МПВО и других вспомогательных подразделениях, не говоря уже об истребительных батальонах и партизанских отрядах. Д. Гланц обоснованно предполагает, что на протяжении всей войны служили в военной форме свыше 1 млн чел. советских женщин³.

Как правило, массовое участие женщин в войне объяснялось их патриотическими чувствами. Действительно, большинство женщин и девушек ушли на фронт добровольно, но, наряду с патриотизмом, определенное значение имели и другие факторы: ненависть к противнику, стремление отомстить за погибших родственников, следовать семейной традиции, наконец, поиск новых способов выживания в условиях распада прежней системы социальных связей. Следует учитывать и результат пропагандистских усилий власти, позволяющий современным

¹ См.: *Балан А.А.* Годы войны. URL: <http://rkka.ru/memory/359sd/balan.htm> (дата обращения: 20.08.2013) и др.

² *Великая Отечественная война 1941–1945.* Энциклопедия. М., 1985. С. 269.

³ *Гланц Д.* Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009. С. 297–298, 303–304.

исследователям говорить о «мобилизованном патриотизме»¹. На фронт уходили, в основном, молодые девушки-комсомолки, принадлежавшие к наиболее активной части советской молодежи. Для женщин старших возрастов сдерживающими факторами выступали наличие семьи, детей и другие личные обстоятельства. Впрочем, встречались случаи, когда женщины оставляли детей на попечение близких родственников и даже делали аборт, чтобы попасть на фронт.

Далеко не сразу женщины осознали специфику новых обстоятельств. Собираясь на фронт, фельдшер М.В. Тихомирова взяла с собой чемодан шоколадных конфет, а хирург В.И. Хорева – любимую юбку, две пары носков и туфли. По пути она зашла в магазин и купила еще одни туфли на высоком каблуке: «Как сейчас помню, такие изящные туфельки... И духи еще купила... Трудно было сразу отказаться от обычной своей жизни, которой до этого жила. Война началась, а я же была еще девчонкой»². Понимание того, что представляет собой реальная война, пришло позже, вместе с первыми убитыми и ранеными. Но и тогда женщина нередко стремилась остаться женщиной, порой не только нарушая уставные требования, но и рискуя жизнью, стремясь поддерживать свой внешний вид более чем скромными возможностями. Снайпера А. Шляхову погубил красный шарф, демаскировавший ее на снегу. Возвращаясь весной с учений, Т.И. Давидович привязала к штыку винтовки маленький букет фиалок и получила за это три наряда вне очереди от командира: «Ему было странно, как это в такой обстановке можно о цветах думать»³.

Особенности женской психологии создавали дополнительные сложности для адаптации к боевым условиям. Большинству женщин нелегко давалась солдатская наука: «Потребовалось обуть кирзачи сорокового размера или американские ботинки с длинными обмотками, “гусеницами”, как они их называли, шинель, обрезать косы (об этой потере ни одна не забывала упомянуть, как о самой жестокой, резко разграничившей их девичье прошлое и солдатское настоящее), привыкнуть к форме, научиться различать, кто в каком звании, поражать “цель”, ползать попластунски, наматывать портянки, не спать по несколько суток, в считанные секунды надевать противогаз, копать окопы...»⁴.

«Женщине в войну было очень трудно», – утверждала З.Г. Коваленко. Далее она так проясняла свои слова: «...я говорю очень трудно, потому что у женщины особый уход должен быть, женщиной должна оставаться»⁵. О.Ю. Никонова отмечает: «Мобилизовав патриотически настроенных женщин, власть оказалась совершенно не готова инкорпорировать их в армейский организм. Женщины, как правило, оказывались один на один с фронтовой повседневностью – не слишком удобной военной формой, отсутствием общих и специальных средств гигиены, необходимостью совместного проживания с мужчинами, дефицитом медицин-

¹ Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания». С. 566.

² Алексиевич С. У войны не женское лицо... С. 49–50.

³ Там же. С. 18, 50.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

ского и гинекологического обслуживания»¹. Фронтовой шофер Г.Ф. Токарева свидетельствует: «Я жила в машине в основном. Вот летом, другой раз, сидение вытянешь и около машины [ляжешь], чтоб ноги протянуть, а то скрюченной все время тяжело было. Ну, а так, где были здания, где жильцы пускали, мы ночевали у них, машина рядом. Ну, а так, где разворачивались, школы занимали. А так на ходу отдыхали». Она вспоминает и «тяжелые сапоги» 37–38 размера, и сложности с выполнением необходимых гигиенических процедур: «Не дай Бог, ищешь-ищешь уголок, стесненно как-то»².

Нередко женщинам приходилось с большим трудом доказывать необходимость использования тех или иных особенностей военной формы (сапог с укороченным голенищем, юбок или брюк и т.п.). Только в 1943 г. начальник Главного военно-санитарного управления РККА генерал-полковник медицинской службы Е. Смирнов и главный гинеколог РККА полковник медицинской службы И. Жордания утвердили «Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии». В них отмечалось, что «особенности физиологии женщины требуют серьезного внимания к организации ряда специфических мероприятий лечебного и профилактического порядка»³. Однако и после этого обращения с просьбой о предоставлении самых примитивных удобств и простейших гигиенических средств, назначении в женские части врачей-женщин, а не мужчин, нередко вызывали непонимание или усмешки вышестоящих командиров, многие из которых имели предубеждения против женской службы в армии.

Следует отметить и еще одну проблему, прежде практически не рассматривавшуюся в отечественной историографии – опасность подвергнуться сексуальному насилию. Большинство респондентов-женщин отказываются говорить на тему сексуальности на войне. Тем не менее использование командирами своего служебного положения для сексуального домогательства к подчиненным военнослужащим-женщинам в годы войны подтверждаются отдельными свидетельствами. Когда З.Г. Коваленко сказала своей коллеге по работе, служившей на фронте зенитчицей: «Да ты бы послала этого старшину», она ответила: «Попробуй, мгновенно бросают, кто не слушается, бросают нашим солдатам. Хочешь туда? Не хочешь, тогда делай то, что я тебе сказал». Самым простым наказанием за отказ выполнять прихоти самодура-командира, в том числе сексуального характера, была «ссылка» на передовую: «Зинка вот так рассказывала. Это зенитчицы, это не то, что там где-то в окопах»⁴. Конечно, случались и различные «эксцессы». Э.И. Речестер рассказал, как его командир полка хотел изнасиловать служившую в части девушку, «а она сопротивлялась, не хотела. Вот, а часовой позвал замполита, тот еще взял людей, там разгорелся скандал, он за ним бежал с пистолетом <...> но его,

¹ Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания». С. 570.

² Респондент: Токарева Галина Федосеевна.

³ Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии. М., 1943.

⁴ Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна.

в конце концов, поймали, скрутили, и больше мы этого командира не видели. Он, действительно, дурак был страшный, напивался...». Закончилось для командира эта история штрафным батальоном¹. 11 ноября 1941 г. командир 331-го медсанбата военный врач 3-го ранга Курочкин, «пытался изнасиловать медсестру Мельникову, но это ему не удалось. После этого он выстроил медсестер и дал им по два наряда вне очереди»².

Военное командование стремилось пресекать подобные явления, прежде всего из соображения поддержания в частях порядка и дисциплины. По словам А.Ф. Акимова, когда в их части появилась единственная женщина – военный врач, «комбат всех офицеров предупредил: “Ни, ни!”»³. В то же время запреты мешали реализоваться подлинным чувствам. Когда шофер-сослуживец Г.Ф. Токаревой, уже находясь в тылу, в Сухуми, подошел к начальнику и сказал: «Я хочу зарегистрироваться, но жить мы не будем, я только регистрируюсь с ней», тот ответил: «Боже сохрани, никаких мне семейств, чтоб ничего тут не было»⁴. Настоящим влюбленным приходилось скрывать свои чувства под угрозой как минимум перевода в разные части, а то и служебных взысканий.

Немало фронтовиков как мужчин, так и женщин, рассказывают о благородном отношении между представителями различных полов, приводят примеры того, как мужчины делились с женщинами продуктами, необходимыми боеприпасами, дарили им цветы, помогали, чем могли. По словам очевидца: «К женщине на войне по-разному относились. Смотря, на каком месте она была. У нас на батарее была санинструктор – девушка, одна на сорок человек. Так мы все благоволили к ней, все влюблялись, все ухаживали: Лена, Леночка. Охраняли, специально землянку поглубже выкапывали. Все думали, что она именно тебе предпочтение отдаст. Мы же пацаны, мало еще что понимали. Но возраст говорил, любить же надо было»⁵. Г.Ф. Токарева, оказавшаяся единственной в своей части женщиной, подтверждает: «Ой, у нас строго было! Начальник сказал: “Если кто обидит или что, в стройбат отправлю”. Да и потом мы были настоящие товарищи, друзья. Вот один старший был, я его называла дядя Гриша». Будучи на 7 лет старше девушки и, безусловно, намного опытнее и в профессиональных, и в житейских делах, «дядя Гриша» всегда ей помогал: «Вот зимой особенно. Выйду, не было ж горячей воды, тяжело, не могу [завести]. Он: “Так, садись на стартер”. Я на стартер, крутанул, завели машину. Старался помочь, он старший был, я обращалась, он всегда в первую очередь помогал, так относился хорошо, но не позволял себе ничего». Только перед самым увольнением из армии старший шофер подошел и сказал: «Когда демобилизуюсь, может, заеду». Он, действительно, заехал и стал мужем Г.Ф. Токаревой»⁶.

¹ Респондент: Речестер Эмиль Исаевич.

² ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 710. Д. 212. Л. 10.

³ Респондент: Акимов Алексей Федорович.

⁴ Респондент: Токарева Галина Федосеевна.

⁵ Респондент: Синюгин Петр Васильевич, 1924 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Майкоп, городской совет ветеранов. Продолжительность: 120 мин. Запись 5 ноября 2001 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁶ Респондент: Токарева Галина Федосеевна.

В то же время фронтовики, как правило, старшие офицеры нередко заводили себе среди военнослужащих-женщин полуофициальных любовниц – «походно-полевых жен», порой при наличии оставшихся дома жен. Для женщин-военнослужащих в установлении таких отношений существовали свои резоны: в обмен на предоставлявшиеся услуги эмоционального и сексуального характера они получали возможность выжить и не погибнуть в бою. Им также обеспечивались покровительство и защита от посягательств со стороны других военнослужащих, более калорийная и вкусная пища, лучшие условия службы, специально пошитая форма и обувь, другие предпочтения. Впрочем, положение ППЖ не было стабильным, их могли «отставить» по тем или иным обстоятельствам, «сослать» на передовую или просто лишить всех благ, после того, как они надоедали или приходился новый объект страсти.

Большинство фронтовиков относились к таким ППЖ презрительно. А.Ф. Гнётов немедленно расстался с девушкой, на которой собирался жениться, будучи школьником: *«И вот один раз по улице идет эта самая девушка, Маша Наумова, была одноклассница. А мы с мамой сидим, и окно открыто. Я же вижу, что-то разговорились, и я увидел и говорю: “Мам, а вот это моя, вот, посмотри на девушку, – говорю, – это моя будет будущая жена. Я женюсь на ней” Ну, она посмеялась»*. Первое время они переписывались, *«а потом и ее в армию взяли. Взяли в армию, и она попала в батальон обслуживания шофером»*. А.Ф. Гнётов попытался встретиться с девушкой, когда возникла такая возможность: *«И один раз в Казань мы за самолетами поехали, оттуда перегоняли самолеты и садились в Борисоглебске, и я ее хотел найти. Но они уже перебазировались на другой аэродром с Борисоглебска, где этот батальон обслуживания»*. Но расставание все-таки не выдержало проверки на прочность, кто-то из ее сослуживцев рассказал ему, что девушка *«сошлась, ну, не вышла замуж, а подружилась с офицером, он был... Да, или командир роты, что ли он был, вроде, командиром роты, старший лейтенант, по-моему, или капитан»*. После таких новостей у Гнётова *«охота отпала. Значит, когда я вот это узнал, переписка прекратилась у нас, и все, мы забыли друг о друге»*¹.

Неодобрению подвергались и офицеры, имевшие ППЖ. П.В. Синюгин приводит пример командира батареи – уже немолодого семейного капитана, который *«домогайся молодой девушки Милы, татарки. Она себя строго вела, но он же командир, и его домогания все-таки добились успеха. Мы тогда уже освободили Донбасс, Мелитополь, подошли к Крыму, к Перекопу. Приказ пришел – всех крымских татар убрать с передовой. И Милу с передовой увели. Командир батареи подлецом оказался, Милу соблазнил и бросил, она была беременная от него»*. Напротив, положительную оценку респондента заслужил другой командир: *«...начальник химической службы полка, майор, влюбился в Милу. И он молодец, с достоинством отнесся к ней, отправил ее к себе домой, к родителям, сказал, это моя жена. Вот это был настоящий офицер, мы его очень уважали как человека»*².

¹ Респондент: Гнётов Александр Федорович.

² Респондент: Синюгин Петр Васильевич.

Пожалуй, только К.М. Симонов в уже упоминавшемся стихотворении «На час запомнив имена...» решил реабилитировать временные связи между мужчинами и женщинами на войне: «Спасибо той, что так легко / Не требуя, чтоб звали милой, / Другую, ту, что далеко, / Им торопливо заменила». Хотя поэт сделал это достаточно корректно, но ему пришлось выдержать обвинения от многих коллег в пошлости и оскорблении чувств мужчин и женщин¹.

Согласно приказу Наркомата Военно-морского флота № 0365 от 6 мая 1942 г. из 21 292 женщин, призванных на флот в 1942 г., 1878 чел. или 8,8 % были уволены за «распущенность в поведении» и «по беременности»². Г.Ф. Токарева рассказала о том, как медсестра ее части Зоя попала в больницу с абортom: «Ну, мы подозреваем, когда в Сухуми были, возили раненых автобусами, у нас там шофер Саша был. Такой парень бедовый. Мне кажется, он ее или изнасиловал или что-то такое было, что она так горевала. Переживала. А он в санитарной части где-то, а она везла раненых, ее послали с ранеными, и вот там что-то произошло. Она, правда, плакала, молчала, а потом попала в Сухуми в больницу». После освобождения Кубани и Дона служба Зои в действующей армии прекратилась, ее оставили в Ростове-на-Дону: «У нее здоровье подкосилось, конечно, и все»³.

Разумеется, многое зависело от самого места несения службы и ситуации в самом воинском коллективе. Зоной «свободной любви», как правило, становились госпитали, где находились на излечении бойцы и командиры РККА. очевидцы вспоминали: «Взаимоотношения персонала с ранеными были прекрасные (даже более того, были иногда от них дети). Между сотрудниками дело обстояло похуже, многие открыто стали жить парами, имея в тылу или оккупации семьи. Пары стали нормой у многих: врачи между собой или с сестрами, сестры с начальниками отделов госпиталя... Интересно вели себя легко раненые, ходячие бойцы. Летом они совершенно свободно ходили по улицам села, да и на свидание с девушками, а это было очень в ходу, одеты были... в кальсоны и нижние рубахи и назывались у нас “белоштанники”»⁴.

З.Г. Коваленко утверждала, что в ее госпитале «этого не было принято», поскольку в нем «очень чистые были люди, морально-нравственная сторона, никаких “левых” походов никуда не было, никаких связей с ранеными не было». Во многом это объяснялось уже тем, что она служила во фронтовом передвижном эвакуогоспитале, и значительную часть времени личный состав проводил «на колесах». Тем не менее она признается, что «никогда в офицерские палаты не заходила и не дежурила, потому что особенно эти лейтенантики молодые, где-то ему попало что-то, он из себя строил вообще героя. И требовал, и скандалы были, и неприятности были большие. И если приходили девочки, очень красивые, медсестры...». Единственный

¹ Кринко Е.Ф., Реброва И.Г., Тажидинова И.Г. Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в годы Великой Отечественной войны. С. 262–263.

² Кащенко Е.А. Сексуальная культура военнослужащих: дис. ... канд. филос. наук. М., 1994. С. 124.

³ Респондент: Токарева Галина Федосеевна.

⁴ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. С. 352–353.

пример интимных отношений между медперсоналом и ранеными она связала с изменениями в личном составе, когда в госпиталь, расположившийся в Львове, санитарками приняли женщин-полек. В одно из своих редких ночных дежурств она зашла в большую палату и поразилась мертвой тишине: «Ну, я поняла, что не спят, что замерли, что вот эти язычки прям шатаются, когда люди спят, а все тихо. И мертвая тишина и что-то такое странное, ни шороха ничего. Я прошла один ряд, слышу, кто-то прыснул, я остановилась: “Ребята, вы чего, не спите?”. И вдруг я вижу раненого, у которого корсет до этих пор, ну сердце чуть открыто, здесь все открыто, здесь все полностью закрыто, нога, прямо до пальчиков. Что-то он такой высокий. Короче, у нас была полька – здоровая тетка, лежала на нем, и вот хохот был. Я говорю: “А что с ним, на нем что, корсет поднялся?”. Вот хохот был. Я не могла понять что, и она сползла с него». На следующий день эта женщина уже не работала в госпитале: «Наши этого не разрешали, никаких эксцессов не было на эту тему»¹.

Проявлявших излишнее рвение в половом вопросе или «отличившихся» другими нарушениями воинской дисциплины выздоравливающих бойцов и командиров могли из госпиталя быстрее отправить на фронт: «Один раз у нас был, как сейчас помню Леша Королев. Такого небольшого роста, широкий парень такой, танкист, разбитной, он так красиво честь отдавал! И я ему страшно нравилась, и он мне... И его выписала эта моя Лилия Платоновна, когда увидела, что это он за мной ходит. Я говорю: “Ну не знаю, откуда я знаю?”. Вообще, мы тогда росли – мальчишки, девочки – вообще ничего не знали. Мы понятия ничего этого не имели!»².

В свою очередь, прибывшие в отпуск с фронта мужчины нередко становились объектом пристального внимания со стороны женщин в тылу. Воспоминания и дневники военного времени содержат массу примеров, свидетельствующих о том, что потребности в чувственных отношениях сохранялись как у мужчин, так и у женщин. При возникновении возможностей для удовлетворения таких потребностей, моральные принципы нередко отступали на задний план. Вернее, в условиях военного времени формировалась совершенно другая мораль. Так, после встречи Нового года находившегося в командировке майора В.И. Васильева утром разбудила молодая красивая женщина, которая приготовила ему завтрак и быстро ушла. Необходимые разъяснения он получил от начальника базы: «когда вчера мы вышли с вечера встречи Нового года и пошли домой, она немного погодя оделась и пошла вслед за нами, но пришла к Вам, когда Вы уже уснули. С согласия подруг, она решила хорошо проводить Вас. Она хотела, в постеле [так в тексте. – Авт.]..., в близком общении с Вами вспомнить и в яве пережить реально душевно-телесную радость, что испытала в прошлой жизни с тем, от кого уже ничего не осталось, кроме воспоминаний и похоронки. Но Вы спали. Она всю ночь ждала, когда Вы проснетесь. Разбудить Вас она боялась, не зная, правильно ли Вы поймете и не отринете ее, с ее сильными желаниями, что в таком случае ей, молодой, здоровой и красивой при-

¹ Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна.

² Она же.

чинило бы боль, более жестокую, чем боль от похоронки. Вы не проснулись, а она не разбудила Вас, а так задуманное, так мучившее ее желание осталось в ней горьким, обидным переживанием. Потому-то приготовив нам завтрак, она так быстро ушла»¹. Содержащиеся в описании ситуации детали не позволяют свести ее к тривиальному сюжету – женщина пришла к незнакомому мужчине, чтобы вступить с ним в интимные отношения. Автор позволяет понять, что женщина – молодая вдова погибшего фронтовика, оставшаяся одна после гибели мужа, испытывавшая сильные и глубокие эмоции и, несмотря на обстоятельства, сохранявшая чувство стыда: ушла, посчитав себя отвергнутой. Именно так воспринимали эту ситуацию окружающие, не только не считавшие ее аморальной, но и одобрявшие поступок женщины.

Порой чувства становились сильнее не только моральных норм, но и общественного долга. В письме командира воинской части майора В. Сергиевского первому секретарю Тамбовского горкома ВЛКСМ от 24 июня 1943 г. сообщалось о том, что студентка фармацевтического техникума г. Тамбова М. Скорова «вела регулярную переписку с нашим военнослужащим Каменским Н.И. Последний в письме к ней попросил сочинить мне письмо с содержанием, что якобы она – военврач 2-[го] р[ан]га, работает в военгоспитале г. Тамбова, и у нее на излечении находится отец Каменского, который долгое время находился в партизанском отряде, а потом попал каким-то образом к врагу, его немцы пытали, избивали и пр. Затем он оказывается в военгоспитале г. Тамбова. Вся эта ложь была выдумана гр[ажданко]й Скоровой для того, чтобы я отпустил к ней в отпуск Каменского». Командир считал, «что этот поступок недостойн советской девушки и должен быть осужден общественностью как вредный, излишний вымысел, направленный не на укрепление нашей мощи, а на подрыв»².

Социальной аномалий, подвергавшейся общественному порицанию считались интимные отношения советских девушек и женщин с оккупантами. Одним из первых «озвучил» эту тему писатель А.И. Шиян, воевавший в партизанском соединении А.Н. Сабурова и уже в 1942 г. написавший рассказ «Олеся» об интимных связях украинской девушки с немецким солдатом, вследствие которых она погибла³. После освобождения советских территорий женщин, вступавших в сексуальные отношения с оккупантами, ждала сложная судьба. Хотя обычно только за это их «к уголовной ответственности не привлекали, но жить с клеймом “фашистская подстилка” было нелегко»⁴. Сами женщины порой собственноручно убивали детей, рожденных от солдат и офицеров оккупационных войск.

В то же время война позволила части девушек и женщин обрести настоящее личное и семейное счастье. Евгения Степановна Тюкина ворвалась в жизнь свое-

¹ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. С. 99–101.

² Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 316.

³ Выводы Комиссии Радиокомитета по обследованию радиовещания на украинском языке за сентябрь 1942 г. // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 400.

⁴ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 595.

го будущего мужа «пулькой». Именно так он будет звать ее с момента их первой памятной встречи, о чем напишет несколько месяцев спустя:

*Я помню грозную годину
Войны гулявшей по стране.
Впорхнула юная дивчина
К нам в штаб однажды по весне.
Голубоглазая блондинка –
Стройна, стремительна, легка.
Ну, право ж, дивная картинка,
Хоть и в армейских сапогах.
Мужчины, точно сговорившись,
Вскочили на ноги в момент.
Она ж в карманчике
Своей гимнастерки порывшись,
Мне предъявляет документ.
И сердце трепетно мое забилось...
Я к Вам пришла на службу.
Беру листок. Его мне нужно
Хотя бы бегло посмотреть,
А не в силах глаз отвести
С ее фигуры очень ладной,
Лица, лучистых глаз.
И понял я: с моей отрадой
Сошлись дороги в этот час.
Любовь, ну что могу прибавить
Тому, что сказано о ней?
Не перестану Пульку славить...¹*

Он – Валентин Афанасьевич Тюкин, начальник санитарной службы дивизии, майор медицинской службы. Она – Женя Иванова, сбежавшая на фронт по скрытой от семьи договоренности с «медицинским начальником в Сталинграде» и взявшая с собою «только самое необходимое: платьице в горошек красненькое и туфельки, и кусочек мыла хозяйственного». Ему – 27, ей – 17, разница в 10 лет – для их возраста весьма существенная. Встретились они в начале 1943 г., когда Женя получила новое назначение в медсанбат дивизии: «В Харьковской области есть село Гетмановка. Когда я к ним пришла со своей подружкой, нас отправили на машине, на полуторке. И мы приехали и пришли в штаб, вот в это село. Я когда пришла, влетела, понимаете?». После операций и перевязок, Тюкина пыталась как-то скрасить жизнь раненым: писала от их имени письма и «хорошо пела», особенно песню «Креолку», чем и запомнилась начальнику штаба батальона, также посвятившего ей свое стихотворение. Только через 50 лет Тюкиной вручила его фронтовая подруга:

¹ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

Тебя увидел я, и ты «Креолку» пела.
Я с Валентином рядышком сидел,
Он на тебя смотрел влюбленными глазами.
Казалось, что в душе он тоже пел.
Кругом война, на улице мороз трескучий.
В палатке было тепло, тихо,
И только голос твой певучий
Поет о счастье и любви.
А на душе тепло от слов красивой песни.
Кругом бескрайняя морская гладь,
И звезды, и любовь, и жизни благодать.
Каким-то жестом очень мирным
Слегка ты ножкой повела,
Стряхнув кудрявою головкой,
И нас за песней повела.
Пела, что счастье не изменит,
Что только в песне она идет из забвенья,
Что тоски не найти в песне старой
И просила: пой моя гитара!
Мы любим тебя и «Креолку».
Нам хотелось слушать до конца.
О войне напомнила коптилка,
Но песню ты допела до конца¹.

Однако к самой Евгении большое чувство пришло не сразу: «Ну, я еще не понимала этого, у меня не было такого чувства. Сначала у меня ничего не было. Вот у него проявилось сразу, написал он мне эту записочку [стихотворение] и все». Сказались и разница в возрасте, и наличие в окружении более молодых мужчин («санитары-мальчишки были»). Со временем она увидела, что Валентин – «хороший человек», и у нее «появилось такое чувство к нему». Пытаясь объяснить, как это все случилось, она высказала очень важную для понимания взаимоотношений мужчины и женщины военного времени мысль: «Вот все говорят, а была ли любовь на войне? Конечно! Во-первых, война была четыре с половиной года, а во-вторых, после боя сердце просит музыки вдвойне. Хотелось, чтоб тебя приголубили. Несерьезно, у нас такого серьезного не было, потому что мы слишком заняты были, и у нас в голове не было этого, понимаете? Вот, он долго возле меня крутился, но как? Он был среди командного состава, они очень редко бывали, только при проверке медсанбата, а так я его редко видела. Вот, придет, увидимся, поулыбаемся, как говорится, друг другу, и все, он уезжает». Только изредка удавалось побыть наедине, да и то ненадолго: «Ну, Вы понимаете, вот когда он приезжал, я себе лошадь уже приобрела, у нас были очень серьезные моменты, случаи, и надо было обязательно иметь лошадь. Во-

¹ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

первых, вот это дивизионный набор, он все время должен быть со мной. Я навьючу на эту, на Ласку на свою, и когда нужно куда-то поскакать, так я садилась верхом и уже, например, ходила за водой, надо было воду проверить. Расстояния большие, а на лошади я хорошо скакала верхом, и так галопом даже. Так мы однажды с ним... Стояли в обороне, он мне говорит: "Пойдем, прокатимся немножко", сели на лошадей. У него Потех был, а у меня, вот, Ласка называлась – лошадь эта. И вот, галопом, особенно по Бессарабии, там такие красивые долины. И скакали так, я обошла, а потом на повозке ехал мужчина, я говорю: "Смотри!". Но он не успел отодвинуться и стукнулся сильно об столб грудью, сломал там два ребра¹.

Несмотря на то, что виделись нечасто, друг о друге помнили всегда, стараясь, по возможности, «как-то помогать, заботиться что ли». В 1944 г., находясь на Украине, Евгения услышала в медсанбате, что командный пункт дивизии выдвинулся вперед, а медсестры в нем не оказалось. Ночью она не могла уснуть: «А может, ему плохо там, может, он ранен, а я ничего не знаю и ничего не ведаю. Нет, я должна пойти. Сейчас я пойду, ночью». Вооружившись компасом и немецким вальтером, она отправилась в расположение командного пункта и по пути натолкнулась на немцев. Переживая опасность на обочине, изрядно переволновавшись, только утром вышла к месторасположению командного пункта: «Открываю дверь, смотрю – там, действительно, сидят все, все руководство нашей дивизии. Карта у них. Они, значит, окружили этот стол, и значит, там говорят, куда идти: куда надо, куда не надо и т.д. Но, когда я вошла и увидела, что они все, слава Богу, живы, здоровы, никто не ранен, все хорошо у них, я просто или от усталости, или не знаю, от чего, я упала и все. Сразу, мгновенно. Понимаете, я не могла понять, я потеряла то ли сознание, то ли, не знаю, то ли от усталости я. Потом они мне говорят, что они меня подняли, дали даже мне хлебнуть глоточек спирта. Вот я как будто бы очнулась, посмотрела на них и закрыла глаза». Утром ей изрядно досталось за «самоволку», в том числе и от самого В.А. Тюкина, но девушка была счастлива: ведь он оказался живым и невредимым! О своих чувствах она написала отцу, который сам, будучи фронтовиком, таких отношений, естественно, не одобрял: «Ну, папа писал мне, ругал меня за то, что я написала: "Папа, я наверно, скоро, выйду замуж". Он меня так отчитывал и моего мужа, вот этого друга, он так его ругал, очень сильно! А когда мы после войны приехали уже в Воронеж, и он познакомился с моим мужем, то он сказал: "Да, у тебя муж – это кусочек бриллианта, такое нечасто бывает". А говорю: "Ну, значит, мне повезло"».

Летом 1943 г. командир дивизии зарегистрировал их отношения, а буквально через месяц командир корпуса отправил ее в соседнюю дивизию, чтобы «не мешала начсандиву работать здесь». Выстроив медсанбат, он зычным голосом потребовал выйти из строя тех, «кто тут вышел замуж». Вместе с Евгенией была выявлена еще одна девушка, вышедшая замуж («командир медсанбата за ней так ухлестывал»), но ее высылка не коснулась. Через два-три месяца Пулька стараниями мужа вернулась назад: «А потом, я смотрю, он приезжает ко мне в дивизию и говорит командиру медсанбата: "Ты знаешь, а я тебе привез медсестру". А он говорит: "А я

¹ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

не против, у меня медсестер не хватает”. Он говорит: “Дай мне в дивизию лаборанта, у нас нет лаборанта. Мы не можем без лаборанта, верни Иванову сюда, нам в дивизию”. А он говорит: “Да, пожалуйста, бери, пожалуйста”. Как вещь, все равно! Поменялись. Я увидела что он, застенчивая, конечно, но такие у нас были отношения доверительные и стеснительные как-то вот, робкие очень». Но и после возвращения, несмотря на официальный статус «женатых людей», робость в отношениях не ушла: они редко встречались, по-прежнему улыбаясь друг другу, иногда позволяя себе прогулки вдвоем.

Завершение войны они встретили в Австрии, где в сентябре 1945 г. у них родился первенец. Затем началась кочевая жизнь обычной офицерской семьи – от Ленинграда до Советской Гавани, «*муж-то военный. Мы все время ездили туда-сюда, по четыре – по пять лет*». В Ростове-на-Дону осели в конце 1960-х гг. Валентин Афанасьевич заведовал кафедрой в медицинском институте, а Евгения Степановна растила и воспитывала двоих детей. Он умер в 1979 г., и в ее памяти навсегда остался «*интеллигентным, культурным, образованным [человеком], в нем собралось столько хорошего, что нет сейчас таких людей*». А еще осталась фотография 1942 г., где «*он еще другом был, а так вот посадил фотограф*» (Евгения Степановна сидит прямо, а Валентин Афанасьевич – полуоборотом и нежно глядит на нее) и дописанное после Победы стихотворение:

*...И вот Победа, все ликуют.
Ликуют с Пулечкой и мы,
И строим планы, торжествуя –
Живыми вышли из войны.
По зову Родины служили
Во всех концах родной страны.
И мы не плакали, не ныли,
Когда бывали голодны¹.*

Счастливой оказалась и фронтовая встреча Надежды Федоровны Крючковой и Павла Ефимовича Резникова. Надежда ушла на фронт осенью 1942 г. вместе с отступавшими частями 37-й армии, а военного корреспондента армейской газеты «Советский патриот» Резникова встретила уже в 1943 г., когда полевой эвакуационный пункт, где она служила сначала санитаркой, а затем регистратором, готовился отпраздновать свое трехлетие. Ей поручили составить литературный монтаж: «*Когда я подала ей [начальнику медсанчасти. – Авт.] свою писанину, в это время военный журналист Павел Резников был в частях и к нам, как всегда, заглянул в наш медсанбат. Они все были друзьями, вот. Бэлла Мироновна говорит: “Ну-ка посмотри, что тут девочка наша написала”. Он посмотрел: “А мне здесь делать нечего”. Вроде бы так сказал*»². Она выступила с одобренным литмонтажом и, когда под

¹ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

² Респондент: Резникова Надежда Федоровна.

аплодисменты однополчан и раненых спустилась со сцены, «кто-то сзади на меня налетает, обнимает, целует в затылок, то, се. Я повернулась: ой, что такое, в чем дело? А Бэлла Мироновна Мазуровская, начмед, кричит: “Наденька, не волнуйся! Он поэт, ему можно” <...> Одним словом, вот таким образом я с Павлом Ефимовичем познакомилась. Он меня на прицеле держал все время и однажды сказал: “Вы, наверное, будете моей женой”. А я: “Кончится война, увидим”».

«Прицел» на поверку оказался совсем не обременительным: ей он показался «немножко сумасшедшим. Думаю, чего это он тут мне, рядовой девчонке-санитарке, такие вещи говорит. Это несерьезно». Да и встреч, по ее словам, «каких-то таких» не было: «А что встречаться, когда он приезжал в командировку, уезжал и все. Там же это строго было». Первая встреча, состоявшаяся до знакомства, запомнилась ей своей краткосрочностью: «Николай Николаевич Метельский подошел к нему, когда он был у них в командировке в медсанбате, и говорит: “Слушай, Павлик, пойдём, посмотрим, как у меня одна девочка пишет”. У меня каллиграфический почерк был в свое время. И они подошли, он посмотрел: “Это Вы так пишете?” Я говорю: “Да”. Вот и все! Это и было первое знакомство». Он приезжал в дивизию, бывал в медсанбате, но она о нем «вот так на будущее» не загадывала. Тем более, что до войны он беспризорничал «при живых родителях», был женат, «дважды с ней развелся». Однако Надежда чувствовала, что нравится ему: он знал обо всех ее перемещениях, даже написал письмо ее родителям, назвав их «дорогими мамой и папой».

Встречаться стали чаще, когда ее забрали в политотдел армии, и она оказалась в отделе кадров, как человек с каллиграфическим почерком: «... газетчики были там, там же, и мы стали уже встречаться, обедать там, ужины, завтраки. Подойдет, строит из себя такого меня знающего. Думаю: Боже мой, человек как-то странно ведет себя, капитан. Я солдат, как была, так и есть солдат». Понимала, что ухаживает, но как-то до последнего не верилось: «Как Вам [сказать], не понимала его. Не понимала, столько девчат было – и красивых, и умных, и в званиях...». Все решилось в Софии, 9 мая 1945 г. В 7 часов утра ее вызвал начальник политотдела 37-й армии и сказал, что через два часа состоится летучий митинг, а ей поручено выступить на нем от имени фронтовых девчат. Она внутренне обиделась от такой неожиданности, но спорить не стала: «не дозволено у нас было». Села, набросала текст и пошла выступать: «Вот там, когда я сходила с трибуны, вот тут появляется Павлик вот с такой охапкой сирени, сирени. Она еще вся была наполнена росой утренней. И так мне. А он тогда был заместителем начальника Дома офицеров софийского гарнизона. И его отправляли в Пловдив за петардами, осветительными ракетами, чего мы не знали, как это и что. Он сунул мне эту охапку цветов, и я вся вот так с ног до головы была в воде. “Черт, – про себя думаю. – Ненормальный какой-то”. А он: “Надька, война закончилась. Ну, давай разговаривать”».

Свою документальную повесть, которую она напишет спустя 46 лет по окончании войны, Надежда Федоровна так и назовет «Ветка сирени». В ней она впервые расскажет о том, как в ее жизнь ворвалось настоящее и большое чувство. А тогда она стояла мокрой и растерянной посреди всеобщего ликования и праздника

и думала о том, что за ней никто так настойчиво больше не ухаживал. Она согласилась и никогда об этом больше не жалела: «...у меня был такой замечательный муж. Журналистом он сделал меня, заставляя меня писать. Говорил, что я как-то владела словом: ну-ка, давай, давай...». Они вырастили двух сыновей. Она стала известной в Адыгейской автономной области (а затем – Республике Адыгея) журналисткой, он – поэтом. В 1979 г. Павел Ефимович ушел из жизни, а в 1991 г. Надежда Федоровна опубликовала свою повесть «Ветка сирени», по которой сверяет воспоминания о боевой молодости, первой и единственной любви своей жизни.

Однако большинство женщин-фронтовичек по возвращении домой сталкивались с существенными трудностями. Им приходилось учиться многому заново: носить гражданское платье и туфли на каблуках, рожать и воспитывать детей, а не стрелять или перевязывать раненых, принимать самостоятельно решения, а не опираться на воинский устав. Выработанные войной привычки оказывались непригодными в мирной жизни, порождая конфликты между прежде близкими и родными людьми: «Ну, мне там кровать, а я не могла спать. На полу. Скандал, как это на полу? Я говорю: “Я привыкла спать на полу или на нарах” <...> И вот это был скандал: “Что ты из себя строишь? Что ты обижаешь нас?”. И, честно говоря, отношения у нас так и не наладились»¹.

Трудности адаптации к мирной жизни существовали и у мужчин, но у женщин проявлялись гораздо острее, ярче, значительнее. Уже в силу демографического перекоса послевоенного времени им было сложнее выйти замуж, найти себе постоянного спутника жизни. Фронтовики-мужчины говорили: «Это были наши подружки, которые выволакивали нас с поля боя... Но могли бы вы выйти замуж за брата?». Другой фронтовик не захотел жениться на своей боевой подруге, так как видел ее «четыре года только в стоптанных ботинках и мужском ватнике... А хотелось скорее забыть войну»². К тому же распространявшиеся представления о «вольной» фронтовой жизни привели к тому, что многих воевавших женщин подозревали в аморальном поведении. З.Г. Коваленко отмечает, что «когда вернулись наши девочки, потом мне рассказывали, их все презирали, тех, кто был на фронте. Вот и говорили, что они такие вот, сякие». Это порождало обоснованную реакцию протеста, и Зоя Григорьевна, например, «большую очень статью в “Коммунист”, в Грузии была газета такая, очень большую статью написала, громадная статья была, на половину страницы: как все это было, какие они были. Как нуждались, как берегли друг друга, как общались, никаких скандалов, романов»³. Но для многих женщин, напротив, это порождало желание забыть и больше не вспоминать никогда того, что происходило с ними на фронте. По словам Л.З. Новак: «Когда я расскажу вам все, что было, я опять не смогу жить, как все. Я больная стану. Я пришла с войны живая, только раненая, но я долго болела, я болела, пока не сказала себе, что все это надо забыть, или я никогда не выздоровлю»⁴.

¹ Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна.

² Алексиевич С. У войны не женское лицо... С. 69.

³ Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна.

⁴ Алексиевич С. У войны не женское лицо... С. 7.

4.3. Любовь и война: мужской взгляд

Если в женских меморатах тема интимных отношений периода Великой Отечественной войны практически отсутствует, то подробные и откровенные описания мужчинами-фронтовиками своего сексуального опыта, хоть и крайне редко, но все же встречаются. Среди авторов подобных текстов – Александр Иванович Ёлкин (1924–1996), уроженец села Рождествино Калининской (в настоящее время – Тверской) области, призванный в РККА в августе 1942 г., по окончании 2-го курса Калязинского индустриального техникума. После полковой школы с августа 1943 г. он участвовал в боевых действиях командиром отделения станковых пулеметчиков 110-й стрелковой дивизии¹. 3 декабря был ранен. В январе 1944 г. вернулся в родную дивизию, но через месяц получил новое ранение при форсировании Днепра. С сентября 1944 г. воевал в должности командира минометного расчета в 52-й армии 1-го Украинского фронта. В ноябре направлен во 2-е Харьковское танковое училище самоходной артиллерии, находившееся в эвакуации в Самарканде. Осенью 1945 г. уволился из рядов Вооруженных сил СССР по ранению. Впоследствии окончил техникум, затем Московский институт химического машиностроения, работал мастером, начальником группы, отдела, цеха на предприятиях Москвы и Московской области.

В ЦХДЛС ЦГА Москвы содержится несколько автобиографических текстов А.И. Ёлкина. Самым ранним является рукописный «Дневник происшествий и переживаний», состоящий из 17 тетрадей и 209 листов². На его основе Ёлкин в 1980-е гг. подготовил воспоминания под названием «Исповедь фронтовика (дневник военных лет)». Они представляют собой машинописный текст в двух частях с пометами автора³. Самой поздней по времени создания и самой краткой является автобиография, датированная 11 марта 1996 г. Это машинописный текст на 1 страницу, вероятно, подготовленный при передаче материалов в архив и заверенный автором незадолго до смерти⁴. В отдельном деле хранится фотография Ёлкина во время учебы во 2-м Харьковском танковом училище, датированная апрелем – маем 1945 г.⁵

Наибольший интерес вызывает «Дневник происшествий и переживаний» (далее – дневник). С самого начала автор шутиливо, но ясно обозначил его цель: *«Сей дневник принадлежит великому грешнику Ёлкину Александру Ивановичу [,] родившемуся в 1924 году, в деревне Рождествино, Барыковского с/с. Калязинского района Калининской области, и является неотъемлемой частью социалистической собственности сего гражданина, ибо те труды истраченные на ведение и сохранение дневника должны дать кое-какие результаты для блага моего и моих близких друзей,*

¹ В описании указан 2-й Белорусский фронт, но 110-я стрелковая дивизия с 1 июля 1943 г. входила в состав 61-й армии, с 1 октября – 50-й армии Брянского фронта, с 20 октября – Белорусского фронта.

² ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–209.

³ Там же. Д. 2. Л. 1–225. Д. 3. Л. 1–269.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 1.

которые желают поближе познакомиться с моей жизнью, или просто желающие поинтересоваться моей манерой терпения, ибо вести его является терпением и некоторым сосредоточением мыслей». После этого тон записей приобрел серьезный характер: «Вести дневник я мечтал с детства, но все как то не хотелось начинать, или я считал это для меня невозможным делом. Служить в ряды РККА я уходил с твердым намерением [:] начать вести дневник»¹.

Изложение событий начинается с 1 августа 1942 г., хотя, по словам автора, он сделал первую запись 22 августа: «Но тому дневнику не суждено было существовать. Через месяц какой-то субъект похитил его у меня со всей имеющейся бумагой. Тем и кончилась эта затея». Через год с лишним, в госпитале, он снова взялся писать: «Записал по воспоминанию за целый год, все сложил, закутал в материю и воевал с ним. Регулярно стал вести в 1944 году, после второго ранения и пребывания в госпитале». Однако в начале 1945 г. в Самарканде «все переписал в новые тетради, то есть в эти самые, которые сшиты здесь»². Следующая запись датирована 30 января 1945 г.: «Наконец мой дневник соединился. До этих пор я записывал на разных небольших блокнотиках. Я стал эти все записи переписывать на новые тетради. А с завтрашнего дня я стал сразу писать на чистовую ход происходящей жизни. И вот сегодня 26.01.1945 я переписал все старые записи до этого дня и теперь мой дневник соединился»³.

7 апреля 1945 г. Ёлкин вновь решил объяснить смысл ведения дневника, указав, что он требовал значительного времени: «Ведь здесь я переписал почти весь дневник, уже 9 исписанных тетрадей лежит в моей полевой сумке, сумку я почти не таскаю за собою, она почти все время лежит на матрасе или под подушкой, она почему-то стала тоньше. Видимо бумаги в ней сильно слежались и уплотнились». Далее он писал: «Разные люди имеют различные вкусы. Каждый любит одно какое либо развлечение. Одни увлекаются боксом, другие лыжами, третьи чтением книг. Некоторые учебой. Ну а я увлекаюсь ведением дневника, хотя вижу что мой дневник не совсем нормален, этому сопутствует недостаток времени, а может быть мое недостаточное развитие и убеждение жизни. По-настоящему я принялся за ведение его только здесь в училище, ранее я писал его так просто и не каждый день, а сначала даже не писал целыми месяцами. Сейчас я не успокоюсь [,] если не отмечу прожитый день, я не могу готовить уроки, если не проведу за дневником некоторого времени. Когда сделаю записи в дневнике, то я успокаиваюсь [,] и если есть время, то начинаю готовить заданные материалы»⁴.

Записи в целом носят регулярный характер, хотя изредка Ёлкин отмечал: «Мне не хочется вести дневник, надоело, пишу сразу за три дня»⁵. Дневник и его содержимое стали для автора предметом немалой гордости. Он давал его читать товарищам по военному училищу, часть которых также решила завести соб-

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

² Там же. Л. 30б.

³ Там же. Л. 145.

⁴ Там же. Л. 163об.-164.

⁵ Там же. Л. 169.

ственные дневники («Забелинский стал вести дневник. Он ведет его с 10 апреля 1945 года. Костогрызов тоже делал попытки, он брал у меня дневник и переписал все числа и события, не знаю, что у него получается сейчас»¹). Он также зачитывал отдельные страницы девушкам, не все из которых, впрочем, восторгались услышанным. 10 октября 1945 г., возвращаясь домой в поезде, Ёлкин записал: «Я начал знакомиться с Женей, она медсестра, едет домой. Вчера вечером я прочитал ей некоторые документы из дневника, от которых она пришла в большое расстройство»². Последняя по времени запись датирована 15 октября 1945 г. и представляет собой лирическую сцену возвращения домой, на то самое место, «где я последний раз смотрел на Рождествино, когда уходил в армию. По-прежнему стоит, раскинув ветви, старая ветла, да, вернулся к тебе, моя Родина, как и думал, когда прощался с тобой»³.

В дневнике также оставили свои записи знакомые девушки и друзья. Запись на последней странице датирована 23 июля 1944 г.: «На последней страничке альбома оставляем мы память свою что б парень знакоминький Саша не забыл девченок Никольских (Нину, Марусю, Фису, Шуру и Нину). Писала Фиса»⁴ [орфография и пунктуация сохранены. – Авт.]. Перед этим свою версию знакомства с Сашей Ёлкиным изложила Нина Петухова. Она также переписала ему стихотворение И. Уткина «Если будешь ранен милый на войне»⁵. Друзья по Харьковскому училищу записали свои пожелания и стихи 1–5 октября 1945 г. перед увольнением Ёлкина⁶. Все это приближает его к жанру интимного альбома.

Воспоминания представляют собой более поздний текст, которому А.И. Ёлкин придал литературный характер, снабдив его новыми сюжетами, героями, диалогами, портретными и пейзажными зарисовками. Вероятно, они были подготовлены специально для публикации, не состоявшейся по каким-то причинам. Еще в училище Ёлкину пришла в голову мысль написать повесть: «В продолжении всей повести должно проходить возвышенное описание девушек, много комплиментов в их адрес, воспеть их красоту, величие, их благородную работу в армии в годы войны, особенно медсестер и фронтовых [слово неразборчиво. – Авт.]»⁷.

В начале воспоминаний Ёлкин так охарактеризовал возможности ведения дневника в военные годы: «В пехоте, на передовой, едва ли кому приходило в голову вести дневник – условия не позволяли. Но на отдыхе или в госпитале времени было навалом»⁸. Далее он указал совершенно иную, чем в самом дневнике, мотивацию его написания: «Друзья попросили меня фиксировать все, что будет с ними происходить на фронте, им захотелось, чтобы я описывал весь их боевой путь, с самого

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 199об.

² Там же. Л. 205.

³ Там же. Л. 205об.

⁴ Там же. Л. 209.

⁵ Там же. Л. 206–208.

⁶ Там же. Л. 200об.– 203.

⁷ Там же. Л. 148.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 2.

начала и до конца, не пропуская никаких подробностей»¹. После войны автор, по его словам, не раз обращался к своим записям, перечитывал и «намеревался начать обработку их, но тщетно». Только «по прошествии пяти десятилетий мне вдруг почувствовалось, что теперь можно как-то спокойно, вроде бы со стороны, взглянуть на происшедшее во время войны. Видно, пока не перегорело все, пока не стерлась в памяти острота события, нельзя спокойно говорить о том, что когда-то потрясло тебя до самой глубины души, не находишь слов»².

«Исповедь фронтовика...» начинается с 22 июня 1941 г. Судя по разным цветам шариковой ручки и шрифтам печатных машинок, авторская правка проводилась не раз. Первоначально главный герой носил имя Саша Романов, а события излагались от третьего лица. Автор, вероятно, решил несколько дистанцироваться от своего литературного прототипа, сохранив свое имя, но изменив фамилию. Затем он поменял фамилию героя, сделав его Сергеевым, а позже вычеркнул и ее, переведя текст в личную форму от первого лица. Также были заменены и фамилии других персонажей (Кусько – на Шаранов, Гусевы – на Воробьевых и др.). В числе новых вымышленных героев – и главный женский персонаж «Исповеди фронтовика...» – старшина медицинской службы Галя Шаронова (Шаранова), спасшая его от гибели на фронте. Романтическая история их любви заметно отличается от описаний взаимоотношений автора с другими девушками.

Рассматриваемые источники отразили эволюцию взглядов автора на интимные вопросы. Первые записи дневника представляют Ёлкина скромным и застенчивым юношей. До армии он встречался со знакомой по техникуму Тоней Медведевой, но признавался, что «дальше знакомства у нас дело не пошло, я почему-то ее стеснялся и не мог развить нашу дружбу до конца»³. Даже момент их расставания носил, скорее, товарищеский характер. В последний вечер Ёлкин оставался нерешителем: «Она была красивая девушка [,] и я почему то ее стеснялся». Пообещав друг другу переписываться, Саша с Тоней «пожали друг другу руки и долго стояли так [,] не выпуская руки»⁴. В «Исповеди фронтовика...» сцена прощания с Тоней отсутствует, зато появился фрагмент о том, как Саша Романов хотел уйти добровольцем на фронт⁵.

Как и у большинства других красноармейцев в действующей армии, возможности встреч с девушками у автора появились только во время его пребывания в медицинских учреждениях. Еще находясь на лечении в стационаре в полковой школе, Ёлкин познакомился с девушкой, «она работала здесь, но дружить с нею не пришлось, вскоре выписали обратно в роту»⁶. Попав в госпиталь в декабре 1943 г., сначала отмечал: «Здесьние девушки нам не нравятся, да и условия неподходящие, можно заразиться, ведь здесь были немцы и заразили много женщин»⁷. Но уже 16 ян-

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Д. 1. Л. 60б.

⁴ Там же. Л. 8–8об.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 53об.

варя 1944 г., патрулируя деревню в составе команды выздоравливающих, Ёлкин признался: «Встретили девушек. Я шел с одной девушкой и кратко познакомился с нею. Я обнял ее [,] и так мы шли вдоль всей улицы. Мой друг шел впереди с другой девушкой. Она рассказала [,] как она спаслась от отправки немцами в Германию. Но была зима [,] и думать о чем-то другом было нельзя. Было холодно»¹.

Однако предстоящая отправка на фронт стимулировала поиски новых романтических приключений, невзирая на зиму. Через неделю, 22 января, выздоравливающие красноармейцы пришли в деревню Бакуновичи и остановились в доме, куда пришло много девушек: «Мы начали подсаживаться к девушкам. Я сел с одной девушкой на кровать, через десять минут мы уже были знакомы. Как ее звать, я забыл, да и не к чему. Она была с 1925 года и была осторожна, хотя навязывалась сама. Я не знал [,] какие меры применить к ней [,] потому что она давала отпор на последующие попытки, направленные на сближение с нею. Я не стал бегать за нею, потому что здесь наклеивалась другая, жительница этого дома Нина, с 1926 года <...> Только я начал с нею сговариваться, она шла как бы мне навстречу, не сопротивляясь ни в чем, пришел бригадир и сказал [,] что с этого дома сегодня наряд караулить амбар с зерном. Отец ее, видя что у нас что-то получается, во избежание недоразумений послал ее к амбару. Она ушла [,] мы разделись и легли спать. Потом они опять пришли и вероятно хотели пригласить нас на улицу, но не знали как [,] это сделать, я сразу догадался в чем дело, но мы уже были под одеялом, а вставать не хотелось. Мы побеседовали с ними и уснули. На следующий день девушки просили, чтобы мы остались еще на ночь, особенно Нина, но мы ушли»².

Судя по приводимому фрагменту, сельские девушки испытывали те же самые желания далеко не платонического характера, что и красноармейцы. Хотя флирт завершился безрезультатно, Ёлкин нашел возможность сделать благоприятные выводы для своего самолюбия: «Значит [,] я уже бывалый солдат, как называют фронтовиков, которые знают что такое война... а где же та [,] с которой я познакомился на днях, ее не видно, ну и не надо [,] решаю я, последний день надо думать о чем-то другом [,] серьезном, а не о женщинах»³.

В послевоенных воспоминаниях эти события приобрели совершенно иной характер. Ёлкин описывает, как встретил в селе любимую девушку Галю, оказавшуюся его уроженкой, и провел с ней первую совместную ночь после благословения ее матерью⁴. Встречу предваряет диалог между автором и младшим сержантом Матвеевым, призывавшим его не тратить время на ожидание встреч с Галей: «Зачем, Саиша, баб чураешься? Торопись жить, сержант! Война все спишет! – он похлопал меня по плечу. – Убьют и ничего не увидишь <...> Скромниц после войны выбирать будем <...> А сейчас жми на все педали, все равно война! <...> Я живу сегодняшним днем. Завтра меня не существует. Завтра меня убьют или изуродуют так, что

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 55об.

² Там же. Л. 57об.–58.

³ Там же. Л. 56–57.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 10–14.

ни одна баба смотреть не станет». Саша возразил в ответ: «Вопрос, какая баба, другая, может быть, и такому рада будет, сколько девушек верны своим парням и останутся такими до конца своей жизни, так зачем же осквернять их чувства? И тебя, наверное, девушка ждет, а ты здесь выкомаариваешь. Ни одну смазливую бабенку мимо себя не пропускаешь»¹. Таким образом, Ёлкин обосновал позицию «бывалого солдата», не озабоченного соблюдением строгих моральных норм, через другого персонажа, а себя представил ее критиком, сохранившим уважение к девушкам и надежду на их верность.

Получив второе ранение, Ёлкин попал в госпиталь в Ижевск, находившийся в глубоком тылу. В дневнике и воспоминаниях подробно описаны встретившиеся ему там девушки и женщины – медицинские работники, их внешность: «Это я пишу [,] потому что в данное время я не думал о чем то серьезном, во мне укреплялась сила стремления к женщине. Порою я забывал о фронте, и о других вещах, мое воображение заполнялось женщиной. Я думал [,] что скоро подживет моя рана [,] и я должен искать встречи с девушкой, с какой бы то не было безразлично»². Такие возможности вскоре представились: «К нам в госпиталь пришла работать сестра Дуся... ребята заметили ее взаимность ко мне. Она садилась рядом со мною за пианино и просила [,] чтобы я научил ее играть польку или русского. Я учил ее и начинал баловаться над нею. Хватал ее за груди, это была привычка еще принесенная из дому из деревни. Казалось [,] что все складывалось к тому [,] чтобы между нами началась дружба, но мои грубые выходки и обращения с нею портили все дело»³.

Неудачей закончились и попытки наладить отношения с медсестрой Вале́й – конкуренцию ему составил другой раненый в звании капитана: «Преимущества во всех отношениях были на его стороне. Он, как офицер, был одет в мундир, мне такая роскошь не полагалась, я, как и все солдаты, щеголял в исподнем, накрывшись сверху драным халатом [,] и в сношенных тапочках. Кроме всего прочего, он был старше меня, многоопытен и развязан. Ему ничего не стоило взять инициативу в разговоре на себя...». Хотя сама девушка предпочла офицеру более молодого Сашу, его ухаживания за ней прекратились: «То ли я был злопамятен, за свой первый конфуз с капитаном, то ли ревнив, или может обидчив?... Да, я был обидчив, и это вероятно сыграло свою роль»⁴.

Однако автор не прекратил попыток добиться взаимности от девушек, перейдя от медсестер к шефам, навещавшим раненых бойцов и командиров РККА в госпитале: «В основном, это были девушки с хлебозавода. Из госпиталя редко кто попадал снова на фронт, большинство демобилизовывали по инвалидности. Поэтому они представляли некоторый интерес у женского пола, ибо в тылу и таких было мало»⁵. Одной из таких девушек-шефов была Лиза, и Саша «решил, что эта девка из тех

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

² Там же. Д. 1. Л. 88–89.

³ Там же. Л. 92.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 162.

⁵ Там же. Л. 158.

с которыми канителится не нужно»¹. 4 июня он отправился вечером с ней на прогулку. В дневнике подробно рассказывается о том, как он раздел Лизу, преодолев ее, судя по всему, не слишком упорное сопротивление. Завершается описание «высоким штилем», вероятно, по мнению автора, соответствовавшим «бывалому солдату»: *«Моему наступлению было оказано сопротивление, но враг был побежден и положен на обе лопатки. О происшедшем будет помнить кудрявая сосна, да помятая девичья юбка»*². В воспоминаниях отсутствуют натуралистические подробности, но добавлены другие детали. Лиза охарактеризована как *«немного полноватая молодая женщина, лет двадцати. Муж у нее погиб на фронте»*. Вместе с ней на свидание пришла совсем молоденькая девушка Валя, лет 15–16. Лиза предложила автору сходить и с ней в лес, но тот возмущенно отказался: *«Ну тебя с грехом пополам, еще можно понять – без мужа осталась, тебе терять нечего. А она что? Боится, что всех мужчин перебьют на войне? Зачем же уродовать ее? Наслушалась, наверное, таких, как ты и почувствовала, что в жизни уж ничего больше не осталось?»*³. Таким образом, девушки показаны более нравственно испорченными, чем сам автор.

Едва отстирав измазанные зеленью подштанники, Ёлкин готов к новым любовным приключениям. Но Лиза уехала, мобилизованная на лесоразработки. Полученные от нее два письма были *«полны любовной чепухи и страданий»*⁴. Ёлкина интересовали не любовные письма, жениться он не собирался, а вполне земные радости. Он откровенно писал в дневнике: *«Я не знаю, как меня называть после этого, но называйте, как хотите, я не искал здесь жены или невесты, а только жаждал одного, да одного, мне нужна она только для утоления великой жажды, ибо тело стремилось к общению с ней»*⁵. Поэтому у него быстро возник роман с другой девушкой, *«на которой чуть было не женился, нет я на ней все равно бы не женился, хотя обещал ей это и жил с ней как с женою»*⁶. Но эти слова он написал позже, находясь в училище, а июльские записи дневника натуралистичны: *«...ушел к Тосе после завтрака, был у нее весь день, она принесла водки, пива и закуски, вдвоем мы пиروвали за столом и конечно на койке»*. Достаточно определенно он говорит о мотивах встреч Тоси с ним: девушка уже строила планы их будущей замужней жизни, спрашивала, скоро ли они пойдут расписываться. Не отличаясь прежней скромностью, автор стремится подчеркнуть, что она превосходила его в своей развращенности: *«Но когда мы ложились на койку днем, то <...>, прежде чем не закроюсь одеялом, мне было стыдно. Но она не стыдилась. Ей было все равно что днем что ночью безразлично»*⁷.

Отношения практически со всеми девушками носили мимолетный характер, и после того, как Ёлкин добивался своего, он с легкостью расставался с ними, на-

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 92–95об.

² Там же. Л. 104–104об.

³ Там же. Д. 3. Л. 165.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 107об.

⁵ Там же. Л. 103об.

⁶ Там же. Л. 163об.

⁷ Там же. Л. 110об.–111.

ходя этому оправдание: «Для солдата женщина служит для временного получения удовольствия и не нужно терзать себя мыслью как построить жизнь с той или иной девушкой, ибо это будет мучением для тебя и также для нее»¹. Позже появилось еще одно объяснение наличию в дневнике подобных описаний – они позволяли преодолеть однообразие учебы курсантов: «Это я пишу находясь в (2-х ТУСА) танковом училище, я давно уже [слова вымараны. – Авт.] и поэтому с какой-то злостью я пишу всякую ерунду и похабищину, в надежде успокоить себя хоть этим воспоминанием о прошлом»².

В воспоминаниях Ёлкин признает: «Уродовала нас война не только физически, но и морально». Понимание, что скоро отправят на фронт, где можешь погибнуть или получить увечье, заставляло забыть о моральных принципах: «Тогда прощай все радости земные... Ты станешь человеком второго сорта и никому не будешь нужен. Жизнь будет наслаждаться тот, который сейчас, правдами и неправдами, спасается в тылу от фронта и пуль. В такой обстановке невольно утверждается мораль: наслаждайся жизнью, пока есть для этого хоть какая-то возможность... И везде, где бы я ни был, эта мораль превалировала. И не надо делать из нас святош, что якобы мы на фронте становились более морально устойчивыми. Если мы побаивались быть изуродованными, то девушки боялись, что всех ребят перебьют на войне. Но тут, пожалуй, надо сделать большую оговорку. Не все женщины так думали. Лозунг: “война все спишет”, не для всех подходил. Все-таки большая часть оставалась верной своим мужьям и любимым и пронесли эту святую любовь до конца дней своих»³. Закономерна рефлексия автора в отношении собственной эволюции: «От того мечтательного и скромного мальчика уже совсем ничего не осталось. Конечно, нельзя сказать, чтобы оно превратилось в какое-то грубое животное. Нет, скорее всего, я стал точно таким же солдатом, как и все остальные...»⁴.

Однако к Нине Петуховой у Саши Ёлкина вспыхнула настоящая страсть: «Как будто разряд высокого напряжения вдруг проскользнул между нами <...> Мне казалось, что впервые встретил такую милую и привлекательную девушку, и думал: наконец-то нашел то, что так долго искал, и к чему все время стремился <...> Ровно две недели продолжался сладострастный сон девятнадцатилетнего сержанта с семнадцатилетней девушкой»⁵. Записи самой Нины в конце дневника позволяют лучше представить характер и самих встреч, и их главных участников. Уже на следующий день после знакомства разгорячившийся Ёлкин «у блузки оторвал пуговицу. Что было дальше не стоит описывать, потому что все одно что было и раньше». В последний вечер они все-таки поссорились: «Саша был выпивши, и за это мне пришлось с ним поссориться, но это все я делала любя. Мы сидели на скамье в Никольском. Реч была о том, как будем жить и вести переписку в дальнейшем. Я решила, что где бы то

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

² Там же. Л. 111об.

³ Там же. Д. 3. Л. 164–165.

⁴ Там же. Л. 171.

⁵ Там же. Л. 172–174.

ни было Саша nebude я всегда буду писать и буду писать так как это положено. Я никогда не забуду его отношения ко мне». Однако сам «Саша решил так, что писать nebude, лишь потому что это он считает все зря и это все ненужно. Вот как прошло наше с ним время, но я эту встречу никогда не забуду»¹.

На фронт после второго ранения Ёлкин возвращался совсем с другим настроением и другими впечатлениями, чем в предыдущий раз. Он мысленно прощался с городом и его окрестностями, давшими возможность ему пережить столько любовных приключений: «Прощай, Ижевск, прощай, Ниночка, прощай, Лиза, Люба, Тося. Нина! О этих я уже забыл, но о тебе не знаю, забуду или нет. Сейчас я думаю только лишь о тебе. Так все же прощай»². Нина была единственной девушкой, встреча с которой оставила глубокий след: «Мне было грустно. Когда я кончу думать о ней? – задавал я сам себе этот вопрос, и отвечал, что не знаю. Сейчас мне хочется написать в дневнике, что больше не буду думать о ней, но боюсь, что не сдержу данного слова. Это я считаю плохим явлением. Я бы всей душой желал бы забыть, но нет, знать не забуду, но все же буду стараться забыть о ней, чтобы только не расстраиваться. Решил все-таки написать ей письмо и больше не писать о ней в дневнике»³.

Саша не раз вспоминал о Нине, просматривая дневниковые записи и фотографии, и даже написал ей письмо из училища⁴. В ответ Нина сообщала, что пять месяцев назад вышла замуж и попросила вернуть свою фотокарточку⁵. Тем не менее Ёлкин так и не смог ее полностью забыть. Встречаясь с очередной девушкой – Клавой, которая вызывала его уважение («О ней можно сказать, что она девушка мирного времени и дешево никому не отдается»), он продолжал вспоминать о первой настоящей любви: «Сейчас я дружу с Клавой, но когда я увижу в дневнике упоминания о Нине, то что то кольнет на сердце»⁶.

Своеобразной кульминацией дневника можно считать насыщенный натурализмом рассказ о том, как в первый же вечер знакомства Александр переспал со Стешей. Произошло это в доме на железнодорожном разъезде, где спали ее подруги. У самого автора это событие оставило негативный осадок, ощущение физической и душевной грязи: «Я долго мылся в чистой освежающей воде арыка, смывая кошмар прошедшей ночи». Страницы с рассказом о ночи, проведенной со Стешей, впоследствии были перечеркнуты надписью красными чернилами: «Читать запрещено», отдельные фразы полностью вымараны, но записи сохранены⁷.

Подобные приключения вели к полному разочарованию Ёлкина – и в себе самом, и в окружавших его девушках и молодых женщинах: «Я сам делаю нехорошо, но мне так же кажется, что этот весь женский мир станции и близлежащих учебных учреждений живет короткими отрывками удовольствий от курсантов и солдат,

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 206–208об.

² Там же. Л. 123об.

³ Там же. Л. 126об.

⁴ Там же. Л. 134об., 163об.

⁵ Там же. Л. 157об.–158

⁶ Там же. Л. 171об–178.

⁷ Там же. Л. 181–182об.

этот мир женщин нечестный и дешевый. Сквер при клубе кишит проститутками. При воспоминании об этом у меня отпадает охота знакомства с девушкой <...> Нет, это не то, я не такой каким я хотел быть в отношении девушек. Я мечтал о идеальной честной любви с обеих сторон. Получается другое. Я знакомлюсь уже с несколькими девушками и делаю это для того чтобы получить удовольствие для себя. Эта идеальная любовь вырисовывается в будущем, для нее я отдам все, если встретится мне та, суженная природой»¹.

Судя по всему, описанные Ёлкиным нравы были широко распространены среди курсантов. Так, 4 мая 1945 г. он приводит в дневнике слова курсанта Дубовика: *«Когда я был дома, и когда я встречался с девушкой, то я смотрел на ее красоту и характер, а сейчас при знакомстве с девушкой каждый из нас добывается одного удовольствия»*². Об этом же свидетельствуют приводимые в дневнике стихи и рассказы фривольного характера. Например, стихотворение его товарища С. Забелинского «Девушки военного времени» рассказывает о том, как девушки изменились в годы войны: *«Боже мой как наши девки / Изменились за войну»*. Если прежде они *«были как камень»*, то в военное время их поведение приобрело развратный характер. Автор стихотворения, впрочем, предлагает воспользоваться этим в своих интересах: *«Раз пришло такое время / Не советую зевать»*³. В другом стихотворении Забелинского «Разлука», написанном на мотив известного стихотворения *«И вот с фронта далекого / Летит к вам письмецо...»* в отличие от оригинала рассказывается о том, как девушка изменяет своему парню⁴.

В конце дневника автор признается: *«Сейчас я по настоящему начинаю убеждать себя как много было глупости, когда я писал о встречах с Лизой, Тосей, Ниной и Стешей. Теперь эти дни кажутся прошедшим сном, оставаясь черным пятном в моей душе, я должен перевоспитать себя и стремиться не к тому, чтобы больше губить невинность девушек, а к истинной любви, о которой я вспоминал в некоторых местах своего дневника»*. Правда, это осознание собственной вины происходит на фоне упоминания об еще одной «победе»: *«На днях у меня был случай, который превышает все рамки приличия девушки. Я использовал девушку с первой же встречи, хотя ранее ее знал, она с Ясной Поляны»*. Поэтому приводимые ниже выводы автора (*«Это будет поучительно для меня. Все это заставляет меня призадуматься над этим положением. Но его исправить нельзя. Я виновен!»*)⁵ не позволяют все же считать его раскаяние полным.

Рассматриваемые автобиографические тексты зафиксировали разные версии фронтовой биографии А.И. Ёлкина, разделенные несколькими десятилетиями: дневник отразил чувства комбатанта, относящиеся непосредственно к военному времени, воспоминания – представления уже далеко немолодого ветерана о том, как должны были выглядеть взаимоотношения между мужчиной и женщиной на

¹ ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 184.

² Там же. Л. 171.

³ Там же. Л. 193.

⁴ Там же. Л. 194.

⁵ Там же. Л. 195.

войне. Очевидно, что через столь значительное время взгляды Ёлкина по данному вопросу изменились. Тем не менее факт передачи дневника в архив свидетельствует о том, что для автора он сохранил свою ценность, а его содержание не вызывало какого-то неодобрения или смущения. Это позволяет рассматривать его относительно свободно в качестве источника характеризующего эмоциональный мир и интимные отношения, по крайней мере, части советских комбатантов.

Разумеется, модель поведения Ёлкина с ярко выраженной нацеленностью на удовлетворение своих сексуальных потребностей, была далеко не единственной, хоть и достаточно распространенной среди советских бойцов и командиров в годы войны. Некоторые из них ради женщин даже забывали о боевых приказах. В феврале 1942 г. был арестован старшина Агафонов, который, «будучи послан в разведку в район свх. им. Куйбышева и с. Запаро-Марьевки, сумел побывать в г. Барвенково, провозиться ночь с женщиной, а боевой задачи не выполнил»¹.

Особенно частыми подобные случаи были в тыловых частях, отличавшихся менее высокой воинской дисциплиной, чем боевые подразделения. Так, в мае 1942 г. отмечался «ряд аморальных явлений и фактов бытового разложения» в автодорожных частях 56-й армии: «Систематически пьянствует командир 4-й роты 56-го отдельного автотранспортного батальона Чикалов вместе с подчиненными Свирлаевым и Лукьяновым в присутствии незнакомых женщин. Систематически пьянствует командир 258-й роты 67-го отдельного гужтранспортного батальона Цирилунга и комиссар роты Лаце вместе с посторонними женщинами»². При этом командиры 56-го автотранспортного батальона использовали «автомобили для перевозки посторонних женщин и устройства пьянок». Неразборчивость в половых связях нередко вела к росту числа венерических заболеваний. В документах политуправления Южного фронта в конце 1941 г. отмечалось, что при выполнении заданий по обслуживанию узла связи штаба 12-й армии в г. Серго капитаны П. и Р. члены ВКП(б) и младший воентехник Л., беспартийный, заболели гонореей из-за связи с неизвестными женщинами: «Факт заболевания нужно рассматривать как следствие невыдержанности и половой распущенности»³.

Еще чаще случаи «половой распущенности» встречались вдали от линии фронта. В документах Главного политического управления РККА отмечалось недопустимое поведение политработников одной из стрелковых бригад Забайкальского военного округа, которые «встали на путь пьянства, бытового разложения и создания себе личного благополучия». Командир бригады полковник Панчехин, комиссар Петров, начальник политотдела старший батальонный комиссар Детинов систематически устраивали пьянки, «куда приводили жен командиров, находящихся на фронте, для развращения». Комбригу дали имя «распутина», ибо он «потеряв всякую совесть честного советского гражданина, бросался на первую попавшую ему женщину, а свою семью бросил на произвол судьбы». Заместитель начальника политотдела

¹ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 710. Д. 79. Л. 290.

² Там же. Д. 212. Л. 43.

³ Там же. Д. 17. Л. 8. Сокращения в фамилиях предприняты авторами в этических целях.

Казарцев «пьянствует и развратничает с женами командиров. Он дошел даже до сожительства с работницей политотдела Доброход (со своей подчиненной), а свою больную жену бросил на произвол судьбы», та обратилась к депутату Верховного Совета РСФСР Г.И. Овчинникову, «с просьбой помочь ей выйти из создавшегося невыносимого положения». Начальник ветеринарной службы Кононов «отбил жену у командира, а свою жену с ребенком бросил», командир части Прокофьев «больную жену бросил, сошелся с врачом полка, а потом и эту бросил», бывший комиссар учебного батальона Атристов «завел до 5 жен»¹.

Советское командование боролось с подобными явлениями, особенно в действующей армии, поскольку от этого прямо зависела боеспособность личного состава. Неоднократно принимались приказы, требовавшие «провести тщательную проверку всех женщин, приставших к частям и госпиталям. Подозрительных женщин, своим поведением разлагающих военнослужащих частей, предложено со службы уволить»². Тем не менее в политдонесениях, а также воспоминаниях и дневниках неоднократно упоминаются факты морально-бытового разложения среди командно-начальствующего состава. В конце осени 1941 г. военный прокурор 76-го района аэродромного базирования старший политрук Переверзев сообщал о том, что командование 73-й смешанной авиадивизии и входивших в нее полков, «как правило, не питаются в столовой, а используют официанток из столовой личного состава для своего личного обслуживания, причем не только обслуживания питанием, но и в «другом отношении»³. В феврале 1942 г. отмечалось, что в 70-й кавалерийской дивизии: «Многие командиры пьянствуют, нарушают приказ наркома – возят с собой случайно приставших к частям женщин»⁴. В марте 1942 г. указывалось, что в частях 30-й стрелковой дивизии не выполнялись «Постановление ГКО и приказ комфронта об увольнении случайно приставших к частям женщин»⁵.

Уже упоминавшийся военврач Курочкин, несмотря на то, что был женат, «из Старобельска привез неизвестную и никем не проверенную женщину Герасимову, с которой сожительствует и которая проживает в его рабочем кабинете, где комбат решает все вопросы служебного порядка. В момент, когда надо было перевозить раненых, дважды гонял машину в Старобельск за Герасимовой». Военком того же 331-го медсанбата старший политрук Школьников «поддался морально-бытовому разложению и тоже завел себе «жену»⁶. Генерал А.И. Ерёменко указывал, что вместе с ним в госпитале лежал командир 4-го воздушно-десантного корпуса генерал-майор А.Ф. Казанкин: «Его поведение было больше, чем возмутительное. Каждый день собираются у него друзья. Напиваются до потери сознания, привозят девушек и устраивают настоящий «вертеп»». Привезенная ими из Москвы девушка «находилась у них двое суток, и все это время была пьяная. На девушке

¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11 309. Д. 156. Л. 29.

² Там же. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 13. Л. 101.

³ Там же. Ф. 412. Оп. 10. 301. Д. 3. Л. 107.

⁴ Там же. Ф. 228. Оп. 710. Д. 212. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 10.

порвали одежду, испортили обувь. Для того, чтобы отправить ее в Москву, пришлось одежду и обувь занимать в санитарке»¹.

Часть советских военнослужащих вела себя по-хозяйски на освобождаемой территории СССР и других европейских стран, и тем более, Германии. Помимо жажды мести за трагическую судьбу своих родных и близких, за гибель боевых товарищей, по крайней мере некоторыми из них двигало стремление рассматривать как немецких, а также польских и любых других женщин, включая и освобожденных «восточных рабочих», как свой боевой трофей. Впрочем, сам спектр отношений между советскими военнослужащими и жительницами иностранных государств не сводился только к насилию, а был гораздо шире – «от легкого флирта до серьезных увлечений, от случайных связей до более или менее долговременного сожительства, а в исключительных случаях и до создания настоящей семьи». Браки между ними были запрещены, но Б. Штельцль-Маркс отмечает случай, когда один красноармеец в Австрии предпочел дезертировать и уехать со своей возлюбленной во Францию, чтобы там жениться. Исследователи также отмечают, что в европейских странах, в отличие от СССР, в эти годы существовала профессиональная и полупрофессиональная проституция. При этом в условиях катастрофического экономического положения к концу войны и разницы в снабжении между местными жителями и военнослужащими РККА она нередко принимала вынужденный характер, представляя собой своеобразную стратегию выживания². Большинство респондентов-фронтовиков, побывавших на территории Германии и других европейских стран, признавая наличие интимных отношений у своих сослуживцев с иностранными женщинами, также отрицает их насильственный характер: «Я был командиром орудия, а он был шофером у меня. Он приходит ко мне, когда в Восточной Пруссии были: «Командир, дай банку консервов. – Зачем? – Пойду к немке фик-фик»». Многие очевидцы подтверждают строгие запреты командованием интимных отношений военнослужащих с иностранными женщинами («давали нам расписаться, что нельзя совокупляться с гражданским населением <...> а то вы можете заразиться. А за это в штрафную роту»³). Но указанная проблема в значительной мере выходит за рамки данного исследования.

В то же время нередко были случаи, когда мужчина по-настоящему влюблялся и был готов рисковать ради любимой всем, включая карьеру, а то и жизнь. Уже в конце войны, 17 февраля 1945 г. командир 81-го гвардейского стрелкового полка полковник Жуков сообщал, что отстраненный от должности и направленный в распоряжение отдела кадров 37-го стрелкового корпуса бывший заместитель командира полка гвардии капитан В.Г. Лотвинов «при своем отъезде из дивизии самовольно забрал с со-

¹ Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко. С. 115.

² Штельцль-Маркс Б. Советские освободители и австрийские женщины: проблемные отношения // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 2. Посвящен 50-летию заключения Государственного договора с Австрией. М.; Грац; Вена; Ставрополь, 2006. С. 250.

³ Респондент: Гречко Владимир Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 119 минут. Запись 24 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

бой санинструктора санитарной роты гв. старшину медслужбы Феклисову Зинаиду Ивановну и своего ординарца гв. красноармейца Бешляга Александра Ивановича, без разрешения и увез пароконную повозку с 2 лошадьми». Расценив данное действие как «дезертирство из части», командир просил вернуть военнослужащих и «привлечь к ответственности капитана Лотвинова, в корне нарушившего дисциплину Красной Армии». Вскоре беглецы нашлись, и 4 марта 1945 г. штаб фронта сообщал командиру 25-й гвардейской стрелковой дивизии о том, что Бешляга и пара лошадей возвращены: «Что же касается старшины Феклисовой Зинаиды Ивановны, то таковая в силу ее беременности и вызванных в связи с этим некоторых осложнений, вынуждена была лечь в госпиталь. Поэтому до ее выздоровления возвращена в Ваше распоряжение быть не может». Лотвинову было «сделано соответствующее внушение»¹. По всей видимости, переводимый на другую должность капитан просто не захотел расставаться со своей фронтовой подругой, тем более ожидавшей рождения ребенка, и потому сбежал вместе с ней, прихватив заодно и верного ординарца. Скорее всего, он рассчитывал затеряться в неразберихе последнего советского крупного наступления, а может, вообще ни о чем не думал, стремясь не разлучаться с женщиной, с которой провел вместе не один месяц на фронте.

С другой стороны, немало советских граждан на фронте и в тылу во время Великой Отечественной войны вели себя иначе в отношениях с девушками, а то и вовсе их не имело. Как заявил Дмитрий Иванович Бакай: «Я был холостяк. Ни с кем не переписывался. Ну, извините, меня, я шел в армию – я девчонку не имел. Вы поверите ли? Тогда скромность не та была»². Владимир Георгиевич Гречко также признавался: «Девочка у меня была, она еще была знакомая хорошая, мы дружили. Ну, там дело ни до постели, ни до поцелуев не доходило. Не было». Уйдя на фронт в семнадцатилетнем возрасте, он не имел еще сексуального опыта, а женился уже после войны³.

Александр Федорович Гнётов со своей будущей женой вообще познакомился по переписке. В 1944 г. авиационный полк, в котором он служил, базировался на аэродроме в Кобрине. В один из дней «затишья», свободного от полетов, его пригласил в гости друг – штурман, встречавшийся с медсестрой: «За столом сели, выпили. И она, Вера Баделан, говорит: “Саша, у тебя есть девушка?”. Я говорю: “Нет”. И рассказал вот эту историю: что мы расстались, была у меня девушка. Она говорит: “А хочешь, я тебя познакомлю с девушкой?”. А она в этот батальон в наш, в батальон обслуживания, в медсанчасть прибыла с госпиталя. Военно-полевой госпиталь, она там работала вместе с ней. Вот, говорит: “У меня есть подружка Галя Крат”. Да, и причем она мне так обрисовала, говорит: очень красивая, симпатичная, ни с кем она не дружит». Его будущая избранница – уроженка украинской деревни – по окончании 9-го класса вместе с подругой «прибилась» к медсанбату, пройдя с ним всю войну. Но об этом, равно как и о том, что фамилию незнакомки носит половина ее родной деревни, он узнает только через год. А до этого была переписка:

¹ ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2795. Д. 310. Л. 199, 208.

² Респондент: Бакай Дмитрий Иванович.

³ Респондент: Гречко Владимир Георгиевич.

«И вот, значит, когда она мне сказала: “Я познакомлю”, она ей написала письмо: значит, так и так, хочу познакомить <...> Нет, не знакомились, только письмами [обменивались]. Может, мы двумя-тремя письмами [обменялись]».

Воочию увидеть свою избранницу ему удалось только перед самым окончанием войны. Полк стоял уже в Польше, и возникла необходимость перевезти на По-2 техника в Ландсберг, где как раз размещался госпиталь, в котором служила Галя Крат. Александр вызвался отвезти техника и, получив такую возможность, отправился на поиски госпиталя. Обнаружив его в одном из барачков, попросил дежурного позвать Галю Крат и принялся с нетерпением ждать: *«И вот я стою, думаю: “Ну, вот, сейчас посмотрю”. Мы же не виделись. Идет девушка, я посмотрел – не понравилась мне. Она меня спрашивает: “Так кого Вы ищете?”. Я говорю: “Галю Крат. – А, Галю Крат! Сейчас я пойду, скажу, в таком-то номере”. Пошла, значит. Идет еще. Другая идет. Я посмотрел – опять мне не понравилась. Думаю: нет. Вот с первого взгляда, это я просто рассказываю, как были чувства. Она подходит: “Вы знаете, Галочка – она сейчас голову помыла. Вы подождете немножко?”. Я говорю: “Конечно, подожду”». Не она, сам себе стою, улыбаюсь, думаю: “Ну, ладно, не она”. Подождал. Потом она, наверное, голову там, пока просохла, оделась, выходит, идет. Вышла, она мне понравилась сразу».*

Именно тогда он понял, что это настоящее чувство и на всю оставшуюся жизнь. Оставалось только дождаться завершения войны, а пока оба вернулись к исполнению своих служебных обязанностей: он – в полк, а она – в госпиталь. Еще раз встретиться им довелось уже после войны. Ее завершение оба они встретили на территории поверженной Германии: Александр в Берлине, где находился его авиационный полк, а Галина – в его пригороде, Берлице, где расположились советские госпитали. Несмотря на близость местонахождения, они ни разу так и не встретились, хотя часто переписывались. В одном из своих писем она сообщила, что после демобилизации вместе с подружкой уедет в Полтаву: *«Думаю: “Как же так, она уедет, а я тут”. И тоже такой же случай. За этим Берлицем был аэродром Айнцилагерь, мастерские были, и нужно было туда самолет перегнать на ремонт. Я опять командира полка уговорил перегнать самолет туда По-2. Он говорит: “Ну, лети, пожалуйста”. Я техника отвез, самолет оставил, сел на электричку, приехал в этот самый Берлиц, нашел их расположение. Я говорю: «Мне Галю Крат». Девушки выходят: «А они только вчера вечером с Тоней уехали в Полтаву». Боже мой! Ну, уже был вечер, они меня оставили ночевать, я переночевал и утром сел на электричку в Берлин, с Берлина в Раненбург, мы уже стояли около Раненбурга».*

С большим трудом получив отпуск, он быстро собрал вещи и на такси отправился в Берлин, а оттуда через Брест и Киев, в Полтаву. Оказавшись на месте, вспомнил, что адреса Галины у него нет. Решил искать через подругу, с которой она и уехала. Разыскал ее родственницу, оказалось, что девушки отправились переночевать к Галиной тетке: *«А это на другом конце города, она в одном конце города, а эта на другом. Но она мне дала адрес, вот там все, значит, они пошли ночевать. Ну и я, значит, хорошо поблагодарил, вышел, и вот, как сейчас помню, это уже было днем, уже солнце, погода была хорошая. Я, значит, иду по улице Ленина, как сейчас помню,*

иду, а они от тетки шли по другой стороне к Тоне, туда. Увидели они меня первым. Первой увидела Тоня. Идет, а она мне потом рассказывает: «Смотри, какой-то летман идет!». Летман – летчик. Как же, гвардии [знак], орден, фуражка с крабом. И когда мы поравнялись, а улица там, в Полтаве не широкая была, Ленина, конечно, я их узнал, и мы встретились. Ну, Тоня пошла к себе домой, а мы пошли к ее тетке, там туда-сюда, потом я опять нашел такое же такси, за чемоданами съездил, и мы у тетки, значит [остались]. Это было в конце октября месяца, уже ноябрь наступил. И вот, значит, с какого числа я не знаю, мы у тетки. Наверно, с неделю пожил у нее, и мы уже договорились пожениться».

Отношения решили оформить официально, через ЗАГС. Однако, найдя его, столкнулись с отсутствием бумаги, которую попросили в соседнем магазине. На улице «подобрали» и свидетелей: «какую-то пару, мужчину и женщину». Затем поехали в деревню, где и «справили свадьбу». На тот момент времени А.Ф. Гнётову не было еще и 20 лет, но к месту своей службы в Германии он уже прибыл семейным человеком. Вскоре приехала и жена, а в 1946 г. у них родился сын. Эта, на первый взгляд, довольно простая история имела свое счастливое продолжение. Они прожили вместе «66 лет и три месяца». Галина Федоровна ушла из жизни в 2011 г., «в свой день рождения». Однако Александр Федорович до сих пор тепло и с любовью вспоминает их первую встречу, от которой осталась памятная фотография из далекого 1945 г.¹

Александр Захарович Карпенко, оказавшийся в 1942 г. в Иране заместителем командира 313-го горнострелкового полка по артиллерии, вспоминал, как волновалось его сердце при виде красивой дочери хозяйки гостиницы, рядом с которой он жил: «Я еще до сих пор помню дочку хозяйки, ее Флорой звали. Такая красивая, а мне 20 лет, ужасно красивая, а она еще, зараза, на белую лошадь сядет и гарцует, Боже мой, а другой раз на машине с открытым верхом, кабриолете, едет потихонечку и улыбается. Сколько лет прошло, а я еще ее помню, и имя, Флора, ее уже, может, давно нет...». Это вовсе не помешало ему в 1944 г. жениться на «своей подруге, с которой вместе учились». Дело шло к завершению войны, он был только старшим лейтенантом и подумал, что «сейчас вот-вот закончится и ринется такая масса <...> не с маленькими тремя звездочками, а с большой одной, а то и с двумя, тут орденов и медалей. Тут женихов будет!». Пошли в ЗАГС и расписались»².

* * *

Экстремальная ситуация военного времени способствовала формированию новых условий для реализации чувственных отношений. С одной стороны, война вела к разрыву прежних социальных связей, разрушала сложившиеся брачные и дружеские союзы. С другой стороны, вызванные войной гигантские волны со-

¹ Респондент: Гнётов Александр Фёдорович.

² Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Присутствует А.П. Стасюк. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 175 минут. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

циальной мобильности, перемещавшие миллионы людей, создавали другие возможности для их возникновения. В то же время во время войны возник гигантский дисбаланс в численности мужчин и женщин на фронте и в тылу. Если на фронте отдельные военные части и подразделения представляли собой настоящие мужские сообщества, то в тылу, особенно на селе, ситуация была прямо противоположной, и на несколько десятков, а то и сотен женщин, приходился единственный мужчина, не подлежавший призыву по причине возраста или здоровья. Необходимо учитывать и порожденную войной особую психологическую ситуацию: советские граждане в тылу и, особенно на фронте, находились в постоянном эмоциональном и нервном напряжении. Эта ситуация требовала какой-то разрядки, и любовь приобретала дополнительную эмоциональную ценность, как своеобразная компенсация выпадавших на долю человека трудностей и опасностей. Поэтому мир чувств и чувственных отношений не только сохранил свою значимость для советского человека, но и усилил ее в условиях военного времени.

Глава 5

ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ: ОПЫТ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Значение слов «друг» и «дружба» в большинстве языков мира тесно связано с понятиями родства, любви, товарищества (особенно воинского). Согласно выводам исследователей, внесших свой вклад в изучение данного вида межличностных отношений (а среди них антропологи, социологи, психологи, философы), в каждый отдельный отрезок исторического времени ценности и образы, нормы и стили дружеского общения серьезно трансформировались. В целом развитие и изменение функциональной и смысловой основы дружбы неразрывно связано с дифференциацией социальной структуры и индивидуализацией человека¹.

Поскольку фундаментальной проблемой теории и истории дружбы является степень персонализации личных отношений, постольку важно выяснить, как в конкретных исторических условиях осуществлялась человеком закономерная, социально детерминированная потребность «быть личностью», т.е. быть в максимально возможной степени «идеально» представленным в сознании других людей, прежде всего и более всего теми особенностями, гранями индивидуальности, которые ценны для него самого. От такого рода самореализации зависел личностный рост человека, его эмоциональный настрой и поведенческая активность, участие в жизнедеятельности других людей и общества в целом. Есть основания полагать, что для советского человека решение данной задачи имело определенные сложности; на образовании им неформальных коммуникаций не могла не отразиться специфика политического режима, установившегося в стране.

Речь о том, что взаимный надзор был элементом незаметного, но в той или иной мере разделяемого всеми фона советской власти. Опираясь на работы канонизированного теоретика советской педагогики 1930-х гг. А.С. Макаренко (а они не потеряли значения и в последующие десятилетия), О.В. Хархордин подчеркивает, что советское общество постоянно пыталось создать дискурсивную пару «коллектив – личность» и привилегировать в ней коллектив². Коллектив, согласно определению Макаренко, выступал «контактной совокупностью, основанной на социалистическом принципе объединения». Биологический термин «органы коллектива», который он употреблял в своих работах, подразумевал, что коллектив – это «живой социальный организм», который связан воедино не отношениями любви, дружбы или соседства, а тем, что Макаренко называет отношениями «ответственной зависимости»³. И хотя, как замечено, коллективная жизнь не включала в себя дружескую составляющую, немаловажно, что любые взаимодействия, в том числе дружеские, протекали в контексте обозначенного «ответственного» коллективного существования. Такая конфигурация выглядела для

¹ Кон И.С. Дружба. СПб., 2005. С. 19.

² Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. С. 15–16.

³ Цит. по: Хархордин О.В. Указ. соч. С. 93, 94.

советского человека естественно, она прочно закрепились в практиках поведения населения еще в предвоенные годы.

Что касается непосредственно военного времени, то основной проблемой для советских людей (особенно тех из них, кто менял место жительства, как, например, эвакуированных, либо фронтовиков, жизненный ритм и повседневность которых подверглись кардинальной перестройке) выступал вопрос об элементарных условиях для завязывания и дальнейшего осуществления дружеских взаимодействий. Потеря привычных контактов и неустойчивость новых – характерная черта человеческих отношений в военный период, тем не менее она практически не отразилась на потребности в дружеском общении и его восприятию как великого блага. Эта потребность стимулировала поиск новых партнеров, для чего использовались специфические каналы. К примеру, многие военнослужащие налаживали переписку с так называемыми «заочными» корреспондентками, а женщины, хотя и реже, также проявляли встречные инициативы. Особого внимания как феномен военного времени заслуживает фронтовая дружба. Последняя, что примечательно, несла двойную функциональную нагрузку, удовлетворяя как потребность комбатантов в налаживании полезных в разных смыслах отношений, так и одновременно их желание обособиться в рамках армейского коллектива.

5.1. Феномен фронтовой дружбы

Круг дружеских связей комбатанта Великой Отечественной войны мог быть широким или узким, что зависело прежде всего от психологических особенностей личности, а также в немалой степени от того, каким образом складывались обстоятельства его фронтовой судьбы. Хотя контакты с друзьями, сложившиеся еще в довоенный период и поддерживаемые в годы войны при помощи переписки, тщательно сохранялись и оберегались, на первое место для «человека воюющего» выдвигалась связь особого рода – фронтовая дружба. А.Т. Твардовский в «Василии Теркине» отвел ей высшую ступень символической иерархии: «Свет пройди, – нигде не сыщешь, / Не случилось видеть мне / Дружбы той святей и чище, / Что бывает на войне»¹. В рассказах о фронтовой дружбе, являющихся неперменной частью автобиографических повествований комбатантов, а также литературных произведений о Великой Отечественной войне, понятия «дружба», «братство», «товарищество» употребляются как синонимы, и исключительно с положительными коннотациями².

Антропологи высказываются в пользу того, что феномен мужской солидарности и группирования по гендерному признаку является исторически всеобщим, имеющим биолого-эволюционные предпосылки. Выживание и жизненный успех

¹ Твардовский А.Т. Василий Теркин. Теркин на том свете. С. 66.

² Если строго придерживаться дефиниций, дружба имеет отличия и от братства, предполагающего кровно-родственную близость, и от товарищества, подразумевающего связанность общей принадлежностью и узами групповой солидарности.

отдельного мужчины и его группы (охотников, воинов) зависели от общей способности мужчин координировать свои усилия в борьбе с общим врагом; групповая солидарность и эмоциональная привязанность мужчин друг к другу и к группе как целому облегчали поддержание жесткой дисциплины, позволяли уменьшить внутригрупповую конкуренцию и порождаемое ею социальное напряжение. Мужскому воинскому товариществу всегда придавалось особое значение¹.

Что касается непосредственно дружбы, то классик немецкой социологии Ф. Тённис считал ее (наряду с родством и соседством) воплощением «общинности». Если на ранних стадиях развития, в патриархальных условиях «общинность» преобладает, то, по мере того как социальные связи становятся все более универсальными, значение «общинных» отношений (в том числе и дружбы) снижается. В отличие от Тённиса, который связывал развитие дружбы с дифференциацией общественной деятельности и социальной структуры, другой известный социолог Г. Зиммель выдвигал на первый план дифференциацию самих личностей. По его мнению, в современном обществе возникает психологическая «закрытость» как результат собственного усложнения личности. Индивид с более сложным внутренним миром не может полностью раскрыться кому-либо одному. Поэтому тотальная дружба разделяется на ряд отношений, в каждом из которых раскрывается какая-то отдельная сторона Я (с одним человеком связывает симпатия, с другим – интеллектуальные интересы, с третьим – общий жизненный опыт и т.д.)².

Обозначенные трансформации повышают индивидуальную избирательность, но одновременно взаимные обязанности друзей становятся менее определенными. В связи с этим возникает ряд проблем: соотношения инструментальных (практических, деловых) и экспрессивных (эмоциональных, аффективных) ценностей и мотивов дружбы; критериев разграничения дружбы и любви; ролевой структуры дружеских отношений (являются они добровольными или обязательными, равными или неравными и т.д.). Указанные проблемы актуальны и в контексте изучения взаимоотношений комбатантов Великой Отечественной войны, так как «язык» фронтовой дружбы и сами формы дружеских связей отличались в этот период чрезвычайным многообразием. Документы личного происхождения (частная переписка, дневники, воспоминания, стихи фронтовиков), интервью с участниками войны 1941–1945 гг. – уникальная основа для проникновения в суть этого феномена.

А. Людтке, обративший внимание на принципы воинского товарищества в связи с постановкой проблемы «войны как работы», выяснил, что ряд исследователей подразумевает под таковым сотрудничество в небольших подразделениях (группах) для выполнения боевых задач, однако, если опираться на мнение Т. Кюне, этот тип взаимоотношений все же относится к «иным формам доверия». «Солдаты испытывают особое “безликое” доверие, вырабатываемое и воспроизводимое в небольших группах (подразделениях), в рамках которых они воюют, а фактически и живут». Поддерживая точку зрения Кюне, Людтке считает, что такой род

¹ Кон И.С. Дружба. С. 22.

² Там же. С. 7–8.

отношений товарищей по службе был чрезвычайно значим. Во-первых, он имел решающее значение в борьбе с физическими и психологическими трудностями фронтовой жизни. Во-вторых, взаимоотношения, основанные на доверии, позволяли военнослужащим обходить военную иерархию с ее строгими дисциплинарными предписаниями. «Именно важность взаимопомощи в бою и осознание необходимости сохранить доверие сбивало волны агрессивности, возникавшие в процессе общения командиров с подчиненными, а также рядовых солдат между собой», – заключает Людтке¹.

Бликие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов (а именно такова суть дружбы), построить в армейском коллективе в условиях войны было одновременно и просто, и сложно. Осложнения возникали тем быстрее и чаще, чем тяжелее была обстановка, в которой приходилось жить и работать военнослужащим. Невозможность дружбы в «нечеловеческих условиях» ощутили многие из тех, кто вступил в войну в юном возрасте, с запасом романтических иллюзий. Для восемнадцатилетнего москвича В.Г. Кагарлицкого разочарование наступило на второй неделе войны на окопных работах в Смоленской области, где из-за отупляющей работы и отсутствия нормального питания *«некоторые сошлись, а некоторые стали друг другу зверями»*². Из дневников и воспоминаний известно, что суровые условия жизни в военных училищах обостряли потребность в дружеской поддержке, однако во многих случаях она оставалась неудовлетворенной. Данное противоречие зафиксировали, в частности, дневниковые записи В.П. Киселева, курсанта Ленинградского артиллерийско-технического училища, в эвакуации располагавшегося в Ижевске: *«Когда люди попадают в трудные условия, вместе переносят тяготы жизни, тогда дружба, товарищеская помощь и ободрение друг друга являются лучшим бальзамом. В училище в своей среде ничего подобного я, к сожалению, не вижу. Особенно неприятно наблюдать сцены за столом: рвут друг у друга куски, которые кажутся покрупнее, обделяют друг друга, стараются незаметно кинуть взгляд в чужую тарелку, и всем кажется, что у того-то больше супу, гуще он, и каждый почти кричит, чтобы не остаться голодным, и сам иногда кричишь»*. Данная ситуация разрешения не имела, так как существование курсантов продолжало оставаться на уровне выживания, и спустя месяц Киселев цитировал лермонтовское *«и скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды»*. Далее продолжал: *«Редко можно найти здесь дружбу в настоящем значении этого слова, еще есть что-то похожее на людей, но только до тех пор, пока они не в столовой. А уж тут и сказывается звериная сущность наша. Сколько примеров! Тысячи! Говорят (я верю этому), люди бывают и в более трудных условиях, а между ними – дружба, спайка, которая держит их и ободряет...»*³. Причин, способствовавших тому, что курсанты мечтали покинуть училища и отправиться на фронт, было немало. Поиск «настоящих» человеческих отношений занимал среди них не последнее место.

¹ Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 230–231.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 41.

³ Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. С. 1007, 1008.

Трудности налаживания дружеских взаимоотношений внутри воинских коллективов определялись в том числе разнородностью контингента, который попадал в армию с волнами мобилизации. Москвич Л. Рабичев, записавшийся добровольцем осенью 1941 г. в Уфе (где находился в эвакуации), ощутил эту разнородность во время 115-километрового марша к Бирскому военному училищу. *«Колонна наша состояла из ребят, окончивших десятилетку или один-два курса института. По документам все были равны, а по существу – москвичи, ленинградцы, киевляне, одесситы по своему развитию намного превосходили ребят из башкырских и татарских деревень. Они плохо говорили по-русски, держались обособленно и по вечерам пели под гармошку свои грустные монотонные песни. Соображали они тоже не очень».* По окончании училища Рабичев попал на Центральный фронт и как командир взвода получил под свое начало 46 военнослужащих, состав которых был примечателен. Половину представляли люди среднего возраста, с военным опытом (8 чел. получили его еще во время советско-финской войны), ранениями, медалями. Другая половина – молодые люди 18–20 лет, *«пороха не нюхали»*, попали в резерв из тюрем и лагерей (осужденные за мелкое хулиганство и воровство). И тех и других предстояло за короткий срок сделать связистами. В 1943 г. в армии, по воспоминаниям Рабичева, царило *«то невыдуманное чувство локтя и солдатской взаимопомощи»*, которое было основано на уверенности в конечной победе и являлось важным фактором сплочения военнослужащих. Спустя 60 лет после войны Рабичев признавался, что, *«невзирая на различия образования, семейного воспитания и духовного опыта»*, воспринимал своих подчиненных как друзей и в какой-то мере *«как офицер – как своих детей»*. Однако негативные стороны попавшей в его взвод молодежи – *«в основном, храбрых, способных на неординарные решения бойцов»* – открылись в 1945 г. в Восточной Пруссии при взаимодействии с гражданским населением, в трофейных кампаниях¹.

Военнослужащие с высоким уровнем образования, особенно горожане в нескольких поколениях, оказывались в меньшинстве, буквально растворялись среди основного контингента красноармейцев – выходцев из деревни, не отличавшихся большой грамотностью. Е.С. Сенявская отмечает *«почти поголовный по происхождению рабоче-крестьянский характер армии»*, явившийся следствием жесткого социального отбора и массовых репрессий довоенного периода². Соответственно, возможности для удовлетворительных дружеских контактов у этого меньшинства были изначально сужены. Первыми впечатлениями девятнадцатилетнего Л. Андреева о сослуживцах были такие: *«Народ простой: деревенские, одноликие...»*³. В том же духе описывает товарищей, с которыми провел на передовой не один месяц, гвардии старшина В.В. Сырцылин: *«Темнота деревенская, многие совсем неграмотные»*⁴. При таких условиях контакты довольно часто складывались по линии донор – реципиенты: более образованные, начитанные рассказывали, разъясняли, в общем вольно

¹ Рабичев Л. «Война все спешет». С. 69, 96.

² Сенявская Е.С. 1941–1945: фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. С. 74.

³ Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005. С. 57.

⁴ Герои терпения. С. 100.

или невольно расширяли кругозор тех, кому знаний не доставало. Это касалось самых разных областей: истории, литературы, географии, иностранных языков, политики. С другой стороны, рабочее или крестьянское происхождение закладывало иные навыки, которые также активно перенимались (к примеру, освоение плотницкого дела при постройке блиндажей происходило под руководством профессионалов, которые легко обнаруживались в воинском коллективе). Взаимные интересы обычно перекрещивались в разговорах на досуге, что с некоторой иронией описывает военный переводчик В. Раскин: *«Сидим в землянке, разговариваем о войне и мире, девчатах, пушках, способах приготовления гречневой каши, первом законе Ньютона, ну и, разумеется, поем “Синий платочек”»*. В другом письме Раскин выскажется яснее: *«Хочется чего-то повкуснее: сопромата, диалектики, хороших стихов»*¹.

На самом деле беседы и дискуссии, продолжавшиеся далеко за полночь, не обязательно выявляли точки соприкосновения, иногда, напротив, – принципиальные разногласия, которые были препятствием к дружескому единению. Сырцылин, который активно участвовал в подобных спорах (*«о логике и смысле в жизни, о влиянии гипнозизма на человека, о религии»* и многом другом), неоднократно терпел фиаско в своих попытках переубедить сослуживцев, уверенных в том, что *«все жены изменницы и вообще они причина всех бедствий»*². Раскин делился в письме к хорошей знакомой сходным сюжетом из фронтовой жизни: *«У нас нередко бывают споры о женщинах, ворах, дисциплине. Я всегда оказываюсь в абсолютном меньшинстве. Приходится опровергать взгляды ледникового периода. Где только эти мамонты были в мирное время? И ведь упираются, доказывают: “Ты жизни не знаешь”»*³.

Возможности диалога существенно сокращались из-за *«трехэтажной словесности»*, которая была неприемлема для части военнослужащих. Эти люди, даже притерпевшись к мату как постоянному фону фронтовой жизни, держались отстраненно от изъяснявшихся таким образом. *«Когда-то мне снова придется провести часок-другой в разговоре без мамы! – грустил В. Раскин, между прочим, захвативший с собой на фронт «Историю Рима». – Он уже перестает быть бранью: “Выхожу из леса так растак перетак, а навстречу идет Х так его растак и вот этак”. А с этим Х спать под одной шинелью и делиться последним куском хлеба. Что подделаешь – война...»*. Раскин, сетовавший на то, что далеко не каждый из сослуживцев включает *«в культуру»* утреннее умывание, упорно искал на фронте друзей *«своего круга»*. Находил тех, с кем *«можно поговорить по-человечески»*, преимущественно среди юристов и офицеров тяжелой артиллерии⁴. На трудности этого же порядка жаловался младший лейтенант, политрук роты М. Львович: *«Я пока остался человеком, а человек, по Аристотелю, животное общественное; ищу общества на стороне, ибо здесь его не нахожу... Нужны люди, понимающие тебя, а со многими, с кем я пребываю, не могу найти общих точек соприкосновения взглядов»*⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 74, 50об.

² Герои терпения. С. 92, 100.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 32об.

⁴ Там же. Л. 14, 102.

⁵ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 118. Л. 17.

Впрочем, со временем реакция на грубую речь и недостаток культуры смягчалась, что было связано с интеграцией в сообщество комбатантов. Рядовой В. Цоглин отстаивал ценности этой общности в письме к сестре-москвичке, ополчившейся на жаргон, приобретенный братом. *«Если бы ты знала фронтовых людей. Особенно гвардию. Ты бы не писала: “Мальчишечный, уличный жаргон к тебе не идет”. А трехэтажный мат с перебором ко мне идет? Без него жить нельзя, как без воды. Хотя это и считается у вас там хулиганством. Философия фронтовая коренным образом от вашей отличается»*¹.

Коммуникативные барьеры преодолевались силой того, что можно назвать «общностью участи»: от совместного проживания, типичных выполняемых обязанностей, повседневных проблем и основных рисков до разделяемого всеми (а фактически – разделенного на всех) «солдатского фатализма». Так, постоянное ожидание военными писем из дома и несинхронность в их получении приводили к тому, что повсеместно распространилась практика коллективного чтения переписки (т.е. приватная информация становилась в той или иной степени общедоступной, делая личность адресата-сослуживца прозрачнее). Но главное, на фронте с большой частотой возникали сложные, опасные для жизни ситуации, которые стремительно и однозначно проявляли человеческие качества, а значит, выбор соответствующего определенным запросам / притязаниям товарища был в каком-то смысле облегчен, и даже в отдельных случаях претендовал на безошибочность. *«Я с ним был всегда в дружбе как смелый с смелым...»* – обозначал критерий своих отношений с однополчанином М.Т. Виталюев².

В воспоминаниях рядового Л.Л. Вегера служившего во взводе разведки, высказывается мнение, что условия для возникновения дружбы в пехоте были наихудшими. *«Война так быстро тасовала нас, что мы не успевали узнать друг друга. После каждой атаки в батальоне почти поголовно выбивало рядовой состав. Фронтовая дружба, о которой часто пишут, возникала в более стабильных частях: авиации, артиллерии и других»*³. Тем не менее дружеские связи развивались и в такой неблагоприятной обстановке, о чем свидетельствует письмо радиста Р.С. Гражданинова, после ранения вынужденно сменившего часть: *«Товарищи такие же, как и везде, неделю побудешь и, как братья»*. Вернувшийся в строй после выхода из окружения под Оршей политрук К.А. Зайцев предполагал: *«В бою товарищи найдутся быстро, знакомство здесь полевое, боевое знакомство»*⁴. *«На фронте вообще быстро люди знакомятся и делаются друзьями на всю жизнь»*, – гласит запись из дневника артиллериста В.П. Киселева, в свое время отчаявшегося найти друга в военном училище⁵.

Судя по дневнику фотокорреспондента фронтовой газеты Е.С. Бялого, другом назывался *«партнер по песням, собеседник, с которым чаще и больше всех прихо-*

¹ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 41.

² «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). С. 38.

³ Вегер Л.Л. Записки бойца-разведчика. М., 2003. С. 57.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 15. Л. 31; Д. 152. Л. 4.

⁵ Общество и власть... С. 1014.

дится беседовать, и даже спать вместе»¹. Сходные признаки, подтверждающие сокращение дистанции, особую близость, называл в письме жене сержант И.Н. Исавев: «Сним с ним вместе, как с тобой, и делим все пополам, один без другого ни на шаг...»². Из рассказа ополченца С.И. Лурье сыну становится очевидно, что о дружбе позволяла говорить «еда из общего котелка» и решение общих бытовых проблем. Представляя боевого товарища («снайпера и даровитого архитектора») компании своих старых друзей из числа московских студентов, Е.И. Хаевский перечислял наиболее востребованные во фронтовой обстановке качества и умения: «Сей муж – мой напарник, мой друг. С ним делим печали, радости, веселье и хлеб, картошку и водку, поем веселые разухабистые песни, грустные украинские и русские напевы. Мерзнем в снегах, потеем на лыжах, стреляем и выпускаем боевые листы»³.

Дружба часто завязывалась между сверстниками. «Мы оба одногодцы, и наши характеры, взгляды и рассуждения почти всегда одинаковы» (из письма Е.С. Юкиша). Она могла иметь очень теплый, интимный характер. Юкиш, переписывавшийся с женой своего однополчанина А.Ф. Колосова, обрисовал именно такой тип взаимоотношений: «Представьте себе, Зина, что мы так один за другим смотрим и один об одном беспокоимся, как мать о своем ребенке. <...> Если он идет выполнять какую-нибудь задачу, где грозит жизнью, я очень волнуюсь. Вот сейчас 23 часа. Леня выполняет поставленную перед ними задачу. И задачу, во время которой можно очень расплатиться с жизнью. Я сижу в землянке и все время думаю о нем. Леня со мной делится всем. Мы делим и радость, и горе». Война лишила Юкиша семьи, и Колосов, абсолютно доверяя другу, в целях моральной поддержки содействовал переписке между ним и своей женой. Они даже шутили на эту тему, «что Зинаида (Вы) как бы ничего не задумала с Юкишом (со мной)»⁴.

Известно, что взаимное тяготение естественным образом возникало между земляками, людьми одной национальности. Есть также свидетельства об особом уважении и притяжении к людям с героическим боевым опытом. В.Г. Кульневич вспоминал, какую потрясающую атмосферу привнесли в его артиллерийский полк герои Сталинграда. «Сталинградцы – это действительно особые люди! Много раз я думал и думаю сейчас, что мне просто повезло, что попал я в их среду, что в их рядах прошел самый трудный участок своего жизненного пути»⁵.

Довольно часто фронтовым другом становился более опытный или более практичный человек. Рядом с таким шансы выжить возрастали, а это имело для комбатанта первостепенное значение. Воспоминания офицера-пехотинца А.З. Лебединцева сохранили один из множества подобных примеров. Во время марша, шагая в строю, он познакомился со старшим лейтенантом Афанасием Ивановичем Ельниковым. Оказалось, что оба были родом из Ставропольского края. «Протянув руку, он сказал: “Будем дружить”. Далее предупредил, чтобы я держался ближе

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 61.

² «Я пока жив...» С. 86.

³ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 86; «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 101.

⁴ «Я пока жив...» С. 285–286.

⁵ От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Т. 9. М., 2008. С. 193.

к нему». Пользу от такого товарищества Лебединцев ощущал все то время, когда продолжались их отношения, – на протяжении месяца. Во время остановок новый друг организовывал приличное жилье (а Лебединцеву поручал охранять его от посягательств конкурентов), доставал продукты и спиртное, проворачивал махинации с сухим пайком и меновые операции. *«Так началась наша дружба, – вспоминал Лебединцев. – Он всегда являлся добытчиком, а я всего лишь хранителем. С такими людьми было удобно дружить, полагаясь на их контактность с местным населением»*. Когда распределение по разным армиям Закавказского фронта развело друзей, Ельников беспокоился, что Лебединцев *«сгинет»* без его опеки¹.

Сотрудничество и взаимопомощь как ведущие мотивы товарищества в среде фронтовиков подтверждают и интервью с ними, причем, как правило, акцентируется актуальность такого рода связей для конкретного рода войск. Артиллерист В.И. Бирюков рассказывает: *«У нас индивидуализма там не было, потому что в расчете у каждого свои обязанности. Друг без друга... пушка не может стрелять. Один кто-то не выполняет свои обязанности... ну и все. Поэтому эта общая ответственность и обязанность, она давала то, что никаких претензий друг к другу уже не было»*. Правда, Бирюков уточняет, что складывавшиеся на такой основе связи правильнее называть *«добрыми отношениями»*². Летчик, Герой Советского Союза Н.П. Жуган кратко резюмирует: *«Все были дружные. Вся эскадрилья»*. А про лучшего друга, сбитого на его глазах в одном из воздушных боев, рассказывает, что близко сошлись, потому что одновременно попали во вновь созданный после переформирования авиационный полк, кроме того, были одного возраста и одной национальности – украинцы³.

На вопросы о дружбе на передовой наиболее подробно и емко ответил разведчик О.В. Бредихин. *«А там даже без этого нельзя, – подтвердил он. – Обязательно должен быть напарник у тебя. Особенно во взводе разведки. Мы вместе едим. Вместе спим. <...> Вот, допустим, глубокая осень, зима. Хорошо, если мы где-то там хату разбитую нашли, или блиндаж, или где-то устроились. А если лес или просто поле, и надо ночевать. Как ночевать? Обязательно вдвоем. Вот смотрите. У меня есть шинель, у него есть шинель. У меня есть плащ-палатка, у него есть плащ-палатка. Мы из этих двух плащ-палаток можем сделать палатку. А можем и не делать. Можем одну шинель расстелить, одну плащпалатку расстелить. Вперед плащпалатку, потом шинель. Потом мы легли, а нас укрыли сверху другой шинелью, и еще укрыли плащпалаткой. От сырости. А если я один, у меня уже ничего этого не получается»*. Бредихин акцентировал аспект сотрудничества, имевшего жизненно важное значение, и подтвердил это эпизодом из своей фронтовой судьбы: *«В разведке должен у тебя быть хороший друг-напарник. Вот когда меня на Украине под селением Показное Запорожской области при артиллерийском налете завалило в траншее,*

¹ Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Отцы-командиры. С. 122–128.

² Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 60 минут. Запись 6 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ Респондент: Жуган Николай Павлович.

что меня совсем не было видно, что, говорят, только кусок ноги торчал. А вперед-вперед, наступление шло. Мой напарник Андрей Кузьминов хотел меня вытаскивать, а ему командир взвода тогда не разрешил: "Вперед!" Вот они дошли до определенного [места], и в сумерках там остановились. И он вернулся назад, и меня потихоньку вытащил. А я живой оказался». На вопрос о том, что было бы с ним в противном случае, Бредихин ответил так: «А я бы там и остался. Да, он вытащил меня. Я был без сознания, но живой. И он нашел санитаря. И они приехали на подводе, погрузили меня и отвезли в санроту. И вот я перед Вами. Если б не было товарища, ничего б не было этого. Я ему за это подарок, значит, потом сделал»¹.

Единственным военным другом признает в своих воспоминаниях Н.Н. Никулин «лейтенанта Лешу», оказавшего ему, не приспособленному к фронтовому быту новобранцу, жизненно важную поддержку. «Мы познакомились еще в 1941 году. Я только что прибыл на фронт – с пополнением из блокадного Ленинграда, был дистрофиком и охвачен тяжелым унынием. Надо было воевать и работать, а я с трудом передвигал ноги. Лейтенант Леша, в противоположность всем остальным, проявил ко мне сочувствие, оберегал меня, как мог, даже приносил мне кусочки хлеба с маслом из своего дополнительного пайка. В те времена офицерам был положен спецпайк – масло, консервы, печенье. Обычно офицеры пожирали все это где-то в одиночестве, тайком от солдат. Не таков был лейтенант Леша. Сам дистрофик, тоже недавно из блокадного Ленинграда, он обладал замечательной силой духа и стремлением помочь ближнему». Об Алексее Никулин помнил, что был он инженером, любил книги и музыку. В темной землянке они читали друг другу стихи, беседовали, и это «помогало отключиться от смертного ужаса войны, от голода, холода, жестокости...». Поразительно, что последняя их встреча произошла спустя два года, и всего за несколько часов до смерти «лейтенанта Леша». Его, раненого в живот под польским городом Ченстохов, привезли в медико-санитарную роту, где лечился и Никулин. Обомлев, Никулин успел только поцеловать его и сказать несколько ободряющих слов. К утру Алексей, не пережив операции, умер. Никулин написал в мемуарах, что, повидав много смертей, эту утрату забыть не мог никогда².

Именно к друзьям обращались с последней просьбой – сообщить родным о гибели, если так случится. Им оставляли дорогие вещи, которых у фронтовиков было совсем немного (очки, нож, книгу). Младший лейтенант Ю.Я. Зильберман, служивший в редакции армейской газеты «Ворошиловский залп», писал брату о такой памятной вещи: «В последнем бою Алексей погиб. Автоматная очередь прошила его грудь наискосок. Трубку он завещал мне, и сейчас, сидя за письмом, я курю ее»³. Нередки случаи, когда фронтовые друзья старались помочь родственникам погибших, высылая им вещи, деньги, ходатайствуя об установлении пенсий детям, просто поддерживая письменное общение.

¹ Респондент: Бредихин Олег Васильевич, 1925 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, зал заседаний Краевого совета ветеранов. Продолжительность 76 минут. Запись 23 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 163–164.

³ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 77.

Несмотря на жесткую армейскую иерархию, тяготы войны порой стирали различия командиров и подчиненных. Эта тенденция просматривается в сообщениях о гибели фронтовиков, которые писались неофициально. «Он был моим адъютантом, – сообщал сестре своего товарища майор В. Ребколо. – Мы сроднились друг с другом, мало того – полюбили друг друга, как родные братья, несмотря на то, что я офицер, командир части, а он всего-навсего подчиненный»¹. А. Савицкий так характеризовал отношения со своим командиром А. Фурманом, когда пытался поддержать его отца, потерявшего связь с сыном: «Он был командиром взвода, а я у него во взводе командиром отделения. Наши отношения перешагнули рамки подчиненности. Особенно они улучшились по прибытии на фронт. На фронте с Александром мы находились все время вместе. Во-первых, по долгу службы, а во-вторых, Александр меня от себя не отпускал, да мне не было никакой необходимости от него уходить»².

В.И. Бирюков, служивший рядовым в артиллерийском взводе, поделился размышлениями о том, что война в известной степени упростила взаимоотношения между чинами. «Потому что и командира могли убить, и рядового. В смысле команд, приказов – тут беспрекословно. А в смысле бытовых отношений... не было такого, [чтоб] “Разрешите обратиться...”». Из личного опыта Бирюков привел случай товарищеских отношений с лейтенантом Горбенко – начальником продовольственного отдела дивизиона. Считает, что сближение произошло на интеллектуальной почве, поскольку он сам окончил педучилище и два курса физико-математического факультета Ростовского университета: «Со мной можно было поговорить на более широкие темы. Потому что все-таки я газеты читал. И, потом, я же изучал марксизм-ленинизм. И, как говорится, университетские программы». С другой стороны, вспоминает, что эта дружба приносила ему определенные выгоды: за разговорами с Горбенко («храбрым человеком», которому «боевым командиром быть, а не начпродом, но вот, интендантское окончил...») на долю Бирюкова перепали конфеты, спирт, папиросы³.

Впрочем, стратегия отношений командира с подчиненными могла быть иной, практически не оставлявшей шансов на возникновение дружбы. Гвардии лейтенант, командир танка И.С. Украинцев, находясь в состоянии глубокой депрессии, излагал любимой девушке свою позицию по этому поводу: «Ведь здесь нет ни одного человека, с кем мог бы я поделиться, перед кем мог бы излить свою желчь. Кроме того, я и не ищу друзей, так как здесь существуют начальники и подчиненные, поэтому я заключил себя в определенные рамки, облекся в формальную личину офицера-службиста, для которого существует приказ и беспрекословное выполнение его»⁴. В свою очередь, подчиненные тоже могли проявлять недружелюбный настрой по отношению к начальству. Строки из письма военнослужащей Г. Ярцевой к брату делают прозрачными противоречия, свойственные коммуникациям в армейской

¹ Письма из войны. С. 133.

² «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 39.

³ Респондент: Бирюков Владимир Ильич.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1208. Л. 49.

среде. «Ты можешь меня понять, если переживал чувство унижения, оскорбления своего “я”, своего достоинства. Я, боец, выполняю все приказание каких-то сержантиков, людей, которые никоим образом в мирное время не могли даже быть знакомыми со мной. А здесь я выполняю то, что мне прикажут»¹.

Как становится ясно из фронтовых писем, дневников, воспоминаний, препятствием для дружеских отношений между подчиненными и командирами становились офицерские привилегии (дополнительный паек, доступ к трофеям и др.), меньшая загруженность тяжелой повседневной работой (как известно, рядовые строили землянки и блиндажи не только для себя, но в первую очередь для командного состава), возможность обеспечить себе более комфортные и безопасные условия жизни. Источники свидетельствуют, что комсостав нередко демонстрировал грубость и истеричность, равнодушие к нуждам и настроению подчиненных, отчуждение от них. А.П. Соловьев, служивший в дивизионной газете, оставил запись в дневнике на эту тему: «Очень и очень плохо, что командиры наши не знают людей. Формы отношений между людьми в армии чересчур формальны. И эта формальность, при командирах, которые плохо знают свои кадры, по-моему вредно влияет на дело войны»². М. Львович, столкнувшийся с тем, что офицеры не захотели праздновать новогодний праздник вместе со своими солдатами, сокрушался: «Ведь обидно, что, будучи по происхождению, безусловно, из демоса, плебейства, они где-то нахватались патрицианских, аристократических взглядов, манер...»³.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что дружеские отношения военнослужащих строились в обстановке социального контроля, типичной для армии. А. Людтке отмечает, что в исследованиях Т. Кюне на тему боевого товарищества отсутствует упоминание «неприятной стороны общения, включая социальный контроль и социальное давление», а ведь именно эти черты характерны для взаимоотношений в небольших группах работников в промышленности и солдат в армии⁴. Рассматривая непосредственно ситуацию в Красной армии, следует учитывать дополнительные «отягчающие» обстоятельства, связанные со спецификой политического режима, установившегося в стране. Как отмечает Е.С. Сеньявская, сталинизм нес в общественную психологию армии атмосферу нетерпимости, вражды, подозрительности и страха⁵. Нередким явлением фронтовой жизни были доносы. Раздвоенная мораль сеяла сомнения даже в тех, кто шел в атаку рядом. Поэтому к сообществу, в котором предстояло жить и работать, обычно внимательно присматривались. Е.С. Бялый зафиксировал начальную стадию этого процесса в своем дневнике: «Путь показал лицо коллектива, в котором мне предстоит находиться. Вырисовываются контуры индивидуумов, составляющих этот коллектив». Далее, спустя несколько дней, делал уже более конкретные выводы: «Очень хочется по-

¹ Сеньявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7(22). С. 38.

² Страницы скорби и любви... Документальные свидетельства Великой войны (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Краснодар, 2010. С. 22.

³ Архив НПП «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 118. Л. 20.

⁴ Людтке А. История повседневности в Германии. С. 231.

⁵ Сеньявская Е.С. 1941–1945: фронтовое поколение... С. 74.

беседовать. Проанализировать вдвоем. Не расскажу, с кем чувствую пристрастность ответов, советов и указаний. Сдержан»¹.

Дружеские связи между мужчинами и женщинами, складывавшиеся в условиях фронта, заслуживают особого внимания. Характер этих отношений расшифровать не всегда просто, причем не только исследователям, но порой и их непосредственным участникам. Дело в том, что смешение понятий «дружба» и «любовь», утвердившееся в риторике предвоенного десятилетия (примеры легко найти в лирической поэзии, песнях, газетной публицистике), создавало специфическую почву для налаживания взаимопонимания между полами. Слова «дружба», «друг», «дружище», активно используемые фронтовиками и фронтовичками в частной переписке для описания своих отношений с противоположным полом (из числа военнослужащих или гражданского населения), очевидно, не обязательно свидетельствуют о взаимоотношениях товарищества. О многом говорит, к примеру, отрывок из письма военнослужащей Е. Охрименко, отправленного из Германии в Башкирию в феврале 1945 г.: *«Милая мамочка, сообщаю, что я еще жива и здорова, живу хорошо, нахожусь в боевых условиях. <...> Мамочка, не беспокойся за меня, для меня сейчас все хороши мальчишки, потому что и я для них хороша. Я каждую минуточку вырываю для того, чтоб им помочь, постирать, полатать, а главное, что держу себя очень скромно, а потому меня зовут все ребята любимчиком. Правда, мамуся, есть много ребят хороших и каждый уговаривает дружить, но нет, мамуся, держусь и дружу только как с товарищами и люблю, как братьев, а они меня, как сестру. А в армии, если дружить, то через неделю и замуж выйдешь»².*

Еще более показательна история фронтовой дружбы, которую можно восстановить по десяткам писем санинструктора Анны Сологуб. Их адресат – боевой товарищ Анны Лев Теплов, который и передал переписку в РГАСПИ в 1980 г. Из писем девушки следует, что на фронте между ней и Львом (комсоргом роты) завязалась дружба, длившаяся, однако, недолго, так как раненая в 1943 г. под Сталинградом Анна оказалась в саратовском госпитале. Оттуда (и позже – снова с фронта) она отправила Льву множество писем, посвященных единственной теме – их дружбе. *«Что сблизило нас с тобой? – размышляла Анна. – Я не знаю. Ты сейчас мне самый дорогой человек. Я часто о тебе думаю. А почему? Не знаю. Мы были с тобой друзьями, делили кусочек сухаря пополам, пели вместе песни, спорили на комсомольском собрании и часто берегли друг друга. Я этого никогда не забуду. Мы не объяснялись с тобой в любви как другие, но наша дружба стала всего дороже и больше, чем любовь!».* Поскольку Лев не только практически игнорировал переписку, но и отрицал факт самой дружбы, девушка упрекала его: *«Ты не хочешь моей дружбы простой солдатской. Мы ведь дружили с тобой, а не крутили».* Умоляла: *«Родной, не порывая со мной связи...».* Объясняла: *«Пойми, я люблю тебя как солдата, как борца».* Призывала писать, напоминая и о том, что он – фронтовик, коммунист. Вероятно, такой порыв со стороны Анны объясняется и романтичностью натуры, и отсутствием

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 62–63.

² Сенявская Е.С. Женские судьбы... С. 40.

в ее фронтовой жизни более сильной эмоциональной привязанности. Девушка осознала это уже на исходе войны и написала Льву: «Ты взрослый человек и должен понять меня. Четвертый год на фронте, а нет товарища – друга. Я хочу, чтоб он был с чистой душой, как я, а этого нет, или я этого не понимаю в людях. Я ведь тоже человек, имею свои слабости и нуждаюсь в поддержке. Но просить о поддержке? Никогда. Уж как-нибудь обойдусь своими силами»¹.

Реалии фронтовой жизни (сходство в одежде между мужчинами и женщинами, практически одинаковый суровый быт, риски и опасности, нивелировавшие половые различия) подпитывали восприятие женщины, находившейся рядом, исключительно как «друга». Но поскольку это было отнюдь не очевидно для людей, находившихся в иных условиях, то отсюда возникали проблемные ситуации. Одна из них связана с письмом В.В. Сырцылина, где он описывал жене свои отношения с санинструктором батальона (причем совершенно не сомневался в положительной реакции адресата на этот рассказ): «...Когда я замерзал и меня клонило уже ко сну и не было сил подняться, она подползала под градом пуль ко мне и своим дыханием отогревала мне окоченевшие пальцы и лицо. Когда я однажды вернулся мокрый из разведки, с разорванным полушубком (а была метель и мороз не меньше 30 градусов), она сняла свой и надела его на меня, сама оказавшись в джемпере и плаще в сугробе снега. В минуты затишья боя мы спали вдвоем в волчьей яме или воронке от снаряда, постелив палатку и мой полушубок и укryвшись ее полушубком». Когда Сырцылин пытался объяснить жене, ревновавшей его к боевым подругам, что такое для него Родина, то включал в это понятие и друзей, обретенных на дорогах войны: «За Родину! А что такое – Родина? Родина – это семья, т.е. ты и дочурка. Это – родная дедовская земля, это мои труды, моя воля и созидательное творчество за 13 лет самостоятельной жизни; это – мои старые друзья, это – мои товарищи по окопу и оружию, это – те девушки, которые спасли мне жизнь, девушки, которые в одиночестве стали моими сестрами, женами, матерями...»².

Дружеское сближение с женщинами-медработниками было вполне объяснимо. Находясь на грани жизни и смерти, раненые военнослужащие особенно нуждались в поддержке и участии, были в высшей степени эмоционально открыты. Если удавалось выжить, многие не только испытывали благодарность к врачам и сестрам, но и старались не прерывать с ними отношения. В Архиве НППЦ «Холокост» сохранились письма «сестрице Фриам» (так называли медсестру Фриму Кривицкую

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 60б., 25, 90б., 170б., 390б. Известно, что А.М. Сологуб и Л.Н. Теплов состояли в переписке до 1980 г. (когда более 70 писем из данной переписки были переданы в архив), жили в разных городах, но изредка встречались, были в курсе всех значимых событий личной жизни друг друга. В 1977 г. Анна Михайловна писала овдовевшему другу: «По-видимому, у нас с тобой судьбы одинаковые. Я не знаю большего горя как одиночество. Вот уже 8 лет как я вдова. Мой сын уже вырос, кончает 10 класс. <...> Он веселый, заставляет меня всегда плясать, когда приходит от тебя письмо. А затем мы садимся и читаем твоё письмо. Он тебя очень уважает и называет тебя Лев Николаевич – мамин фронтовой друг. <...> Что касается наших с тобой отношений. Вот уже 35 лет как мы знаем и ценим друг друга. Нам надо встретиться и решить свою судьбу. За нас этот вопрос никто решать не будет...» (РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 910б., 920б.).

² Герои терпения. С. 103, 104.

раненые) от 15 корреспондентов – бывших пациентов полевого госпиталя № 587, где она служила с ноября 1941 г. Девушка проявляла участие к судьбе военнослужащих не только в госпитале. Однажды обратилась с просьбой к матери: *«Под Москвой лежит мой раненый, у него ампутирована нога. По его письмам я поняла, что мальчик немного скучает. Белочка, сделай для меня приятное, съезди к нему и, если можешь, отвези ему что-нибудь вкусное. Это для меня будет большой радостью. Ты представь, что это для меня. Ладно?!»*. Когда у Кривицкой начали отбирать переписку с бойцами *«для отчета госпиталя»*, девушка решила переправлять ее домой¹.

Письма и дневниковые записи советских военнослужащих оставляют впечатление, что конец войны подверг фронтовую дружбу серьезным испытаниям. Именно в этот период некоторые красноармейцы почувствовали зыбкость сложившихся за время войны отношений, что, вероятно, было связано с общим эмоциональным истощением людей, резким повышением «котировок» жизни в финале войны и напряженным ожиданием возвращения к иному, мирному порядку существования. Еще одним фактором, негативно отразившимся на дружеских связях, была «трофейная лихорадка» 1945 г. Из-за суеты с трофеями, считает Леонид Рабичев, расстроилась его дружба со старшим лейтенантом Алексеем Тарасовым, с которым был *«целый год один ординарец на двоих, один на двоих блиндаж»*. С Тарасовым (кандидатом технических наук, артистом, любителем поэзии) можно было говорить обо всем – *«все о себе, все о стране, все об искусстве, жить друг без друга не могли»*, однако в Восточной Пруссии, с назначением его командиром роты, дружбе пришел конец. Сойдясь с презируемым раньше интендантом, старшим лейтенантом Щербаковым, проворачивавшим махинации с продуктами и обмундированием *«за счет солдат»*, Тарасов пристрастился отправлять солдат за трофеями и полноправно распоряжаться добытым. *«Друга больше нет. Есть трофеи и Щербаков. Потрясенный, не нахожу себе места. Такого еще за всю войну не было»*. Отношения перешли в ранг сугубо официальных и в конце концов Рабичев написал рапорт с просьбой перевести его на другую работу (командиром линейного взвода вместо взвода управления)².

Таким образом, условия осуществления межличностных взаимодействий на разных этапах войны отличались, т.е. были более либо менее благоприятными. Так, в начале войны свою роль играли стремительное оступление и огромные человеческие потери, которые несла армия. Обстановка характеризовалась крайней нестабильностью, ближайшее окружение военнослужащего не раз меняло свой состав, происходила «притирка» разнородного контингента (разграничение функций, самоопределение в коллективе и др.). С точки зрения внешних условий наиболее благоприятным для развития дружеских контактов в среде военнослужащих видится второй период войны, проходивший под знаком «коренного перелома». Вера в окончательный разгром врага, подкрепленная

¹ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 122. Л. 8.

² Рабичев Л. «Война все спешет». С. 163, 165.

победами Красной армии, подпитывала атмосферу солидарности бойцов. Что касается завершающего этапа войны, то, как свидетельствуют источники личного происхождения, в это время обострилась проблема одиночества фронтовиков, сказывались усталость от войны, выход за пределы родной страны, новизна заграничной среды.

Социальная история дружбы – это и история того языка, «дискурса», которым она описывается. Комбатанты Великой Отечественной войны, свидетельствуя о неприглядности и бесчеловечности ее нравов, дают понять, что условия военного времени потенциально мало способствовали отношениям дружбы. *«На войне человек лишается всего, чем он жил до этого – родителей, жены, детей, имущества, книг, друзей, привычного общества и привычного окружения. Ему дана обезличивающая, уравнивающая его с другими форма и оружие, чтобы творить зло. Он беззащитен перед начальством, почти всегда несправедливым и пьяным, которое принуждает его не размышляя творить бесчинства, насилия и убийства. Иными словами, люди теряют на войне человеческий облик и превращаются в диких животных: жрут, спят, работают и убивают. А между тем, Богом данная душа человеческая всячески сопротивляется этому превращению. Однако мало кому удастся устоять в этом страшном поединке маленького человека с огромной и безжалостной войной»*¹. Тем не менее автор этих строк, Н.Н. Никулин, прошедший войну от начала и до конца, на своем личном примере показывает, что жестокости войны противостояли отношения дружбы, когда «сам едва живой» офицер поддерживал рядового в наиболее трудные «первые недели фронтового быта». В этом смысле дружба комбатантов явилась одним из слагаемых Победы.

В условиях фронта одинаково важны и востребованы были как эмоционально-экспрессивные, так и инструментальные (деловые) функции дружбы. Отсюда – многообразие самих форм дружеских отношений, вариативность их параметров. Дружба фронтовиков, очевидно, являлась одним из основных факторов поддержания стабильности личности в экстремальных условиях, а поскольку отношения воинского товарищества и дружеского расположения переплетались, то известная поговорка могла бы быть перефразирована – «и в службу, и в дружбу».

5.2. «Заочные» отношения как явление военного времени

Представления о чувственно-эмоциональной сфере человека военного времени, его интимных, дружеских и иных неформальных отношениях, складывавшихся на основе личных привязанностей, в настоящее время расширяются, и преимущественно благодаря изучению эпистолярных источников 1941–1945 гг. Здесь залегает такой ценный пласт документального материала, как переписка фронтовиков с «заочно» знакомыми женщинами. Дело в том, что в период Великой Отечественной войны тысячи советских военнослужащих приобрели опыт переписки

¹ Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. С. 163–164.

с незнакомыми ранее женщинами. Для многих это было связано с отсутствием корреспонденток, письма которых стали бы психологической и моральной поддержкой. Причинами являлись оккупация родных мест, потеря или гибель близких людей, просто отсутствие устоявшихся в довоенный период связей с женщинами. Со стороны женщин наблюдалось встречное желание оказать поддержку воюющим на фронте мужчинам, а также завязать в той или иной степени серьезные личные контакты с противоположным полом, недостаток представителей которого ощущался в тылу. Итак, из потребности в чувственных переживаниях, сексуальном самоутверждении и ряда мотивов иного свойства и возникло явление фронтовой переписки с «заочными» знакомыми.

Особенно активно были вовлечены в практику такого общения молодые военнослужащие. Испытывая повышенную заинтересованность в контактах с женским полом, обусловленную возрастными особенностями, они зачастую не имели опыта в данной сфере, элементарно «не успевали» до ухода на фронт выстроить такие отношения, которые могли бы быть продолжены в форме переписки. На фронте же возможности непосредственного взаимодействия с женщинами были крайне ограничены.

Семейные фронтовики также активно налаживали отношения с «заочницами», что не порицалось и имело вполне легальный характер, если военнослужащий утрачивал связь с семьей и даже предполагал ее гибель. *«Я одинок. Даже чертовски одинок, – сообщал в своем первом письме незнакомой девушке старший лейтенант Владимир Медведев. – Жена моя раньше моего была мобилизована в армию как медработник, и от нее я уже не имею никаких сведений более года. Она была под Ленинградом и там, очевидно, погибла. Трех моих братьев тоже убили немцы на войне. Переписки ни с кем не веду. Только сестра с матерью изредка напишут, у которых воспитывается мой сын 6 лет Слава. Я ни к кому никогда не обращался, чтобы поделиться своим горем и одиночеством. До меня ли теперь другим, когда каждый имеет столько своего горя и дел. Лишь с завистью смотрел, когда люди моего подразделения получали письма...»¹.*

В то же время не так редки случаи, когда фронтовики намеренно скрывали свой семейный статус. Длительность разлуки с семьей, ревность по отношению к жене, особенности характера – эти условия способствовали тому, чтобы мужчина включился в отношения, позволявшие ему моделировать свою личную жизнь в какой-то мере «с чистого листа». На наш взгляд, причины вступления семейных мужчин в переписку с «заочницами» тесно связаны со спецификой письменного общения, складывавшегося у них с домашними, прежде всего с женами. Такое общение сводилось преимущественно к обсуждению бытовых вопросов. Получение письма обычно описывалось ими как счастливый момент повседневного существования, однако однообразный круг затрагиваемых в нем непростых тем не всегда снимал напряжение фронтовых будней, а иногда даже, напротив, способствовал повышению беспокойства комбатантов.

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1407. Л. 3–3об.

В переписке с заочно знакомыми женщинами доминировали иные темы. Стороны часто обсуждали литературные и кинематографические предпочтения друг друга, любимые формы проведения досуга, текущее настроение, яркие впечатления. К беседам на отвлеченные темы располагало отсутствие общих знакомых и общих бытовых проблем. Тональность таких писем обычно легкая, хотя и не всегда сводимая к флирту. Стремясь заинтересовать незнакомого человека, корреспонденты сочиняли нескучные, красивые письма, тем более что в ответ обычно щедро расточались похвалы. *«Ваше письмо я перечитал несколько раз с большим удовольствием, – признавался красноармеец Борис Константинов (в довоенной жизни – школьный учитель из Красноярского края) своей «заочной» знакомой Вере Кулинич (учительнице из Горьковской области). – Меня восхищает и стиль, и содержание ваших писем. Причем это не комплименты, а истина»*¹.

В «заочной» переписке проявлялась склонность многих женщин к романтизации образа адресата как воина-защитника, идеализации его личных качеств. Из писем «заочниц» гвардии старшина В.В. Сырцылин, например, получал те похвалы своим способностям и достоинствам, которыми явно не изобиловали письма от жены. Одна из корреспонденток называла его *«человеком непостижимого ума»* и своим *«славным вдохновителем»*, другая – *«самым близким человеком»*². Корреспондентки упоминали, что письма фронтовика воодушевляют их жить и стремиться к новым горизонтам. Нет сомнений, что подобные чувства вызывала переписка с некоторыми «заочницами» и у самого Сырцылина.

Случай Валентина Сырцылина, который утратил связь с семьей (женой и трехлетней дочкой) и обратился на радио с открытым письмом к своим друзьям, весьма показателен. Это письмо было прочитано по центральному радио 21 июня 1943 г., в результате завязалась переписка автора (по его собственным словам, данный эффект был неожиданным) с множеством женщин, живо откликнувшихся на его послание. Первоначально Сырцылин недоумевал (*«прямо не знаешь, что им отвечать»*), но вскоре процесс общения захватил его. Спустя несколько месяцев интенсивной переписки (в месяц приходило до 100 писем из Казахстана, Сибири, Москвы и других мест, на которые выборочно давались ответы) Сырцылин писал жене, почтовая связь с которой возобновилась и которую он держал в курсе истории с «заочницами»: *«Если бы не письма, получаемые через каждые 2–3 дня – можно было бы сойти с ума»*. Примечательно, что в том же письме, в целом наполненном глубокой тоской по семье, Сырцылин роняет фразу: *«Знаю, что скучаешь без моих писем, поэтому насильно заставляю себя писать»*. Не удивительно, что самоотдача комбатанта в переписке с «заочницами» внесла во взаимоотношения этой семейной пары драматизм. Зинаида Сырцылина не вняла призывам мужа не ревновать и принять его корреспонденток как *«людей большого кругозора и глубоких чувств»*. Прерванную на несколько месяцев переписку с мужем она возобновила лишь по-

¹ «Я пока жив...» С. 141.

² Герои терпения. С. 129, 130, 136.

сле пересылки ей отдельных писем «заочных» корреспонденток, подтверждавших их чистые помыслы¹.

Доминирующим мотивом к переписке, проявлявшимся независимо от конкретных социально-демографических характеристик, была потребность комбатантов в положительных эмоциях, психологической релаксации. Достижение такого рода эффектов связано в первую очередь с любовным чувством. Ему в специфических условиях фронта приписывалась особая оберегающая сила. Одна из магических формул, имевших хождение в солдатской среде, гласила: «*Пуля любовь щадит, смерть ее боится*»². Отсюда возникало большое желание комбатанта иметь этот «оберег», идти в бой ради дорогого человека и общего с ним будущего.

Каналы, которые использовались для поиска такого адресата, отличались разнообразием. Иногда военнослужащий использовал для завязывания переписки случайно выпавший шанс. Связист Леонид Рабичев обнаружил в сумке убитого почтальона письмо некоей Александры из Казани, представлявшее собой попытку заочно познакомиться с братом подруги. Рабичев ответил на это письмо, инициировав таким образом переписку с девушкой³. «*Здравствуйте, уважаемая..!*», – так начинается письмо танкиста Анатолия Еремина в г. Железноводск Ставропольского края. Оно адресовано заведующей общим отделом горисполкома тов. Подрыге, которая ранее сообщила Анатолию о положении его родителей и помощи, им оказанной. Хотя суть письма сводится к просьбе в адрес женщины сообщить ее имя («*Ваше имя мне нужно для памяти о счастливой минуте в дни отечественной войны*»), в нем деликатно намечаются перспективы дальнейшего общения⁴.

Дружеские связи внутри воинского коллектива также использовались для того, чтобы выйти на контакт с какими-либо женщинами – родственницами или близкими знакомыми фронтового товарища. Капитан Г.Я. Меркушкин хлопотал перед подругами жены за своих сослуживцев: «*Вы не можете представить, какие поистине замечательные ребята – фронтовики. Они тоже мучаются, некоторые из них по году и больше не слышали женского голоса. Они часто говорят о девушках. О них они говорят с восторгом...*»⁵. По рекомендации своего 20-летнего фронтового товарища красноармеец Сергей Руцкой, возрастом постарше, написал его школьной учительнице, дружески поддерживавшей ученика регулярной перепиской⁶.

Друзья помогали в налаживании контактов с большим энтузиазмом, прежде всего потому, что представляли их «цену» в военное время. Артиллерист капитан И.С. Горохов в письме Лизе Климовой (своей коллеге по довоенной работе в редакции) прощупывал почву, чтобы познакомить ее с «*батареинным доктором*» Петром Силаевым, «*очень молодым и красивым парнем*». Правда, заранее переживал: «*Боюсь, что не оправдаешь ты моих чистых надежд на чистую любовь*

¹ Герои терпения. С. 98, 100, 102.

² Там же. С. 90.

³ Рабичев Л. «Война все спишет». С. 177.

⁴ ГАСК. Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

⁵ Письма из войны. С. 264–265.

⁶ Там же. С. 52.

к фронтовику, а, по примеру Моневой, *втрескаешься в какую-нибудь дохлую тыловую крысу*». Для надежности поручил своей жене проинструктировать девушку, чтобы писала *«с чувством нежности и любви»*, а сам помогал в написании писем Силаеву. Видимо, переписка развивалась успешно, так как спустя три месяца уже жена Горохова просила мужа за подругу, желавшую познакомиться с красноармейцем. Горохов отвечал как бывалая сваха: *«Ты ходатайствуешь за Шуручку Гуселеву. Я и сам знаю, что она очень хорошая девушка, поэтому и парня ищу для нее с особой тщательностью. Только вот фотокарточку она напрасно мне не прислала. Это бы облегчило мой труд. Полковника, конечно, не обещаю. Немного их у нас, да и те живут уже с военными бабами»*¹.

Однако намного шире были распространены иные, более «надежные» каналы установления письменных отношений с незнакомыми ранее женщинами. К ним относились соответствующие обращения фронтовиков в средства массовой информации (в газеты и на радио), а также письма, направляемые в местные комитеты ВЛКСМ. По сути интимная потребность в общении с лицами противоположного пола таким образом достаточно легко обнажалась в публичной сфере. Очевидно, что именно «освящение» практики переписки с заочными знакомыми (путем пропуска ее через такие фильтры, как советская пресса, а тем более комсомольские комитеты) придавало ей необходимую легитимность.

В силу патриархальных установок, которые не утратили своего влияния в рассматриваемый период, обращения, как правило, инициировались мужчинами, а женщинами ожидалось. Мужчины проявляли свою заинтересованность как в коллективных, так и в индивидуальных посланиях. Владимир Вершинин, к примеру, адресовал свое письмо *«дорогим девушкам-комсомолкам»* в Токаревский райком комсомола. Мотив обращения был сформулирован предельно просто: товарищи получают письма от девушек, и *«становится грустно на душе молодого бойца»*. Письмо напоминает газетные объявления о желании познакомиться, только красноармеец сообщает не параметры своей фигуры или увлечения, а подробности ежедневного фронтового быта (*«Пишу письмо из фронтового блиндажа, только лишь слышно, как свистят пули и снаряды»*)². Сходство с объявлениями придает и обращенная к незнакомкам просьба прислать фотографии, традиционная для писем с фронта.

Направление подобных писем в райкомы или горкомы комсомола отражало не только инерцию коллективного существования, но и стремление избежать возможных обвинений в безнравственности. В данной связи обращает на себя внимание письмо В.П. Черненко к первому секретарю Тамбовского обкома ВЛКСМ. Как командир воинского подразделения, отвечающий за состояние своих бойцов, он взял на себя смелость озвучить проблему в налаживании переписки между фронтовиками и девушками в тылу. *«Многие бойцы и командиры нашего подразделения живут на фронте уже достаточно время, но по совпавшим обстоятельствам не имеют переписки ни со своими родными, ни с близкими. Письмо на фронте –*

¹ ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 9об., 11, 16.

² Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 450.

это прекрасная вещь. Оно подымает дух и внедряет новые силы. Но многие наши товарищи не могут писать». Поэтому В.П. Черненко просил сообщить ему «несколько адресов молодых девушек, чтобы мои друзья могли иметь с ними переписку». Уточнял: «Желательно бы было хоть парочку со среды студентов, а вообще на Ваше усмотрение»¹.

Действительно, обращение, составленное в интересах «третьего лица», представлялось самым оптимальным. Подобное направил в 1943 г. в Горьковский горком ВЛКСМ (с пометкой: «Для передачи одной из комсомольских организаций заводов») горьковчанин С.А. Мозолькин, работник завода «Красное Сормово», ушедший на фронт добровольцем в июне 1941 г. В письме, обращенном к «дорогим девушкам», он просил помочь Ване Петрову – своему товарищу по оружию, по национальности чувашу, 1920 г.р., связисту, по званию – младшему сержанту, по должности – командиру отделения. «Несмотря на свои боевые успехи, он сильно скучает, иногда его настроение падает, особенно когда его товарищи получают хорошие письма, посылки и подарки. Родных у Петрова никого нет, отец погиб на Гражданской войне. Любимая девушка – санитарка пропала без вести на фронте. Из его родных четыре человека погибли на фронте. И вот когда товарищи каждой почтой каждый день радостно встречая почтальона, весело разговаривают, читают между собой письма любимых девушек, угощают друг друга вкусными продуктами, полученными в посылке, он сидит в стороне грустно и читает книгу, заставить его получить из рук товарища угощение очень трудно, потому что он не может сам их угощать. Письма он ни от кого не ждет. Мозолькин просил девушек устроить Петрову неожиданный «сюрприз», а именно написать ему ласковое товарищеское письмо, прислать фотокарточку и, желательно, скромный подарок. «Не забудьте, девушки, что каждое ваше ласковое слово здесь золото, каждый полученный подарок или посылка – это счастье для воина Красной Армии. О том, что я вам написал письмо с просьбой, он не должен знать, прошу ему об этом не писать, поэтому я вам своего адреса не пишу, только его»².

Приведенное выше письмо очень теплое, и нет сомнений, что, будучи переданным в женский рабочий коллектив, оно нашло там отклик. В то же время нельзя не отметить, что отдельные обращения, направленные в комитеты ВЛКСМ, достаточно жестко выстраивают иерархию отношений исходя из социальных и гендерных качеств. В этих случаях намеренно подчеркивается статус фронтовика или командира («Я не думаю, что Вы холодно и без внимания отнесетесь к моему письму, письму фронтовика»; «Я надеюсь, что из-за уважения к фронтовику-командиру ты с удовольствием ответишь мне») либо делается упор на то, что «незнакомого друга» – «комсомолка» и именно поэтому «не откажется дать ответ»³.

Предпринимая попытки наладить неформальную связь с девушками через средства массовой информации, военнослужащие обычно опирались на уже имевшие место прецеденты. Составляя собственные обращения, подобные уже

¹ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 75.

² «Я пока жив...» С. 180–181.

³ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 460–461.

опубликованным в газетах, они зачастую не строили иллюзий по поводу публикации, а просто просили сотрудников редакции переправить письмо в женский трудовой коллектив или учебное заведение. Случалось, избирался самый «короткий» путь, когда фронтовик просил редактора передать его письмо «хорошей девушке», работавшей в газете.

Теплые слова благодарности, которые приходили с фронта в адрес редакторов, свидетельствуют о том, что опубликованные обращения зачастую превосходили в своем эффекте ожидания фронтовиков. Такие благодарности неоднократно поступали, к примеру, на имя «многоуважаемой тов. Вылегжаниной» – заведующей отделом писем областной газеты «Красная Татария». В 1945 г. красноармейцы Г. Салимов, Н. Глухов и А. Урдяков слали ей первомайский привет с 3-го Белорусского фронта и сообщали о получении номера газеты от 12 апреля 1945 г.: «На газете видится большими буквами наше обращение к девушкам землячкам. Прочитав газету, мы поняли, что редакция сумела опубликовать нашу просьбу “Пишите девушки чаще на фронт”. Следовательно, мы уже получили от землячек (из Татарии) несколько десятков писем»¹.

Бурный поток откликов вызывали и письма с фронта, поступившие на радио и прочитанные с особым эмоциональным накалом в эфире. В пользу радиообращений к девушкам высказывались авторитетные в солдатской среде лица. Участник Великой Отечественной войны А.Н. Соколов ссылается на то, что вступить в переписку с москвичками при помощи радио им, бойцам лыжного батальона, посоветовал сам И.Г. Эренбург. Ему рискнул написать письмо взводный этого батальона лейтенант М. Мельник («заводила в самых неожиданных делах»), получивший в ответ книгу с дарственной надписью. Отослав «общее обращение» в радиокомитет, бойцы начали переписку с медсестрами, работавшими в одной из столичных больниц, а позже даже встретились с ними².

Определяясь с печатным изданием, военнотруженики чаще всего останавливали свой выбор на родных местах, что отчасти подтверждает серьезность их намерений. Индивидуальные письма в адрес газет или на радио, направленные на поиск партнера по переписке, обычно немногословны, в них присутствует напряженность. Бойцы в них делятся своей печалью или горем, в определенном смысле рассчитывая на сочувствие женского пола. Просматриваются более-менее четко осознанные планы комбатантов на будущее. И.Г. Кимлач написал на краснодарское радио в 1944 г. коротко и ясно: «Я воин Красной Армии, находясь на фронте, громя немецких захватчиков. За период войны я потерял связь со всеми родными и знакомыми. После боя в затишье я желал бы читать письма. Я обращаюсь к девушкам Кубани, чтобы они мне писали письма. Я хочу найти себе друга жизни, это мне больше даст сил для окончательного разгрома». Ф.Ф. Кривцов в это же время писал в адрес редакции газеты «Советская Кубань»: «Кончится война, буду ехать домой с победой, кто пришлет письмо – обязательно заеду, может еще и жениться

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 8. Л. 164–164об.

² «Я это видел...» Новые письма о войне. С. 125.

придется на какой-нибудь девушке, я не старый, мне всего лишь 22 года, бывший воспитанник Армавирского МТС, работал – Лосевская МТС, электрик»¹.

Коллективные послания, исходившие от групп молодых военнослужащих, напротив, многословны и эмоциональны. Они передают ощущения душевного подъема и даже авантюры, с которыми бойцы, вероятно, приступали к сочинению подобных писем. Именно в таком духе написано письмо пятерых матросов-балтийцев девушкам Тамбова. Последние боевые достижения («списали 10 фрицев с котлового довольствия») представляются в нем как непосредственный повод к общению («и чтобы продолжить наше прекрасное настроение, решили, как земляки, написать вам коллективное письмо»). В отличие от многих других корреспондентов, моряки даже обозначают в юмористическом тоне свои внешние черты: «Среди нас есть: брюнеты, блондины и шатены. Одним словом, ребята с огоньком, любители сплясать и попеть»².

Как уже отмечалось, женщины инициаторами переписки выступали значительно реже мужчин. Тем не менее определенная активность, которая наблюдалась и с их стороны, свидетельствует об обострении потребности в контактах с противоположным полом. Обращает на себя внимание такая практика: женщина присылала в газету стихотворение соответствующего содержания (как правило, оно имитировало ее шаг к началу переписки, отсюда и распространенные названия таких произведений – «Письмо незнакомцу», «Привет бойцу») и с большой вероятностью могла ожидать откликов реальных комбатантов. Например, переписка Алексея Шкудова (заместителя редактора дивизионной газеты) и Юлии Рейниш (проживала в эвакуации в Казахстане, позже в Москве) развивалась по классическим канонам «заочного» общения. Первое письмо Алексея было реакцией на стихотворение девушки «Другу-бойцу», напечатанное в областной газете, случайно попавшей в его часть. 29 писем Шкудова, написанные между апрелем 1943 г. и февралем 1945 г., а также пометы Юлии на полях этих писем представляют собой уникальный источник, позволяющий с большой полнотой реконструировать историю интимных отношений в специфических условиях войны³.

Свойственные женщинам сомнения в необходимости, уместности собственных писем незнакомым бойцам находили отражение в их письмах и стихах. В стихотворениях москвички Лидии Гекдешман, работавшей в заводской многотиражной газете и писавшей для Всесоюзного радио в рубрику «Письма на фронт», проступают типичные переживания по этому поводу: вдруг письмо выставит ее в смешном свете, «не вызовет желанья познакомиться», обернется «злой насмешкой». Тридцатилетняя женщина, видимо, стремится отвести от себя обвинения в легкомыслии и распушенности, когда пишет, что долго стеснялась и решалась на этот шаг, при этом «разумом здорова», работает «умело», относится «серьезно к делу»

¹ Герои терпения. С. 185, 186.

² Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 315.

³ См. об этом: Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. «Сердце выслать не могу», или О повседневности чувств военного времени.

и «приключенья» не ищет¹. Подобные объяснения есть и в трогательном письме «Самому храброму и хотелось бы молодому» бойцу, написанном Зиной Шнитковой – жительницей украинского села. Девушка особо подчеркивает, что письмо написано в минуты отдыха («Смена окончена, задание перевыполнено, время свободное»), а в стихотворении, приложенном к письму, выражает надежду, что боец «не огорчится» ее «дерзостью»². Работница казанского завода Зоя Писцова, хотя в стихах и называет адресата своего гипотетического письма нежным «незнакомый мой», но не забывает послать ему «комсомольский привет» и извиниться за «незнакомое письмо». Отправив это стихотворение в адрес областной газеты «Красная Татария», Зоя пытается заручиться моральной поддержкой редакции в дальнейших действиях: «Прошу вас проверить эти отрывки и написать мне ответ: могу ли я писать такие письма на фронт бойцам...»³.

Даже в лучших своих побуждениях женщины опасались общественного осуждения. Первые строки письма Клавдии Деминой – одной из множества женщин, откликнувшихся на радиообращение Валентина Сырцылина, об этом: «Примите привет с Уральских гор от девушки, которую вы не знаете. Незнакомый Вам человек пишет письмо. Не осуждайте, война заставляет быть внимательным не только к своим друзьям и товарищам, но и к остальным, которые так же, как и они, встречают смерть в лицо. Вы же защищаете советские рубежи, а значит, и долю моего счастья, поэтому я решила черкнуть пару слов, не преследуя больших целей, зная о том, как письмо бывает дорого на фронте»⁴.

Таким образом, одна из главных мотиваций женщин, переписывавшихся с фронтовиками, – это стремление оказать им моральную поддержку, выразить благодарность за нелегкий ратный труд. Однако в случае более-менее длительного общения мотивационные основания корреспондентки (впрочем, как и ее адресата) могли перерастать эти рамки либо вообще меняться.

Женщины, как и мужчины, не обязательно ограничивались перепиской с одним фронтовым другом. Так, Анна Уколова из г. Чапаевска Куйбышевской (в настоящее время Самарской) области получила массу откликов на свою заметку о переписке с фронтовиком, напечатанную в «Комсомольской правде». Как минимум с пятью написавшими она вступила в продолжительное письменное общение⁵. Случай Анны Шведовой, 1911 г. р., в войну проживавшей в одном из сел Горьковской области, показывает, что активную переписку с фронтовиками вели и женщины, обремененные семьей. Шведова адреса своих будущих корреспондентов брала из газетной рубрики «Пишите на фронт, товарищи». Так у нее завязалась переписка со 118 мужчинами, от которых женщина не скрывала ни своего замужнего состояния (отношения с пожилым мужем, по ее словам, были расстроены), ни наличия троих детей (к тому же она воспитывала троих осиротевших в войну племянников).

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 167–168.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1165. Л. 3.

³ НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 7. Л. 174.

⁴ Герои терпения. С. 128.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1407. Л. 1–12.

Отправив письмо со своей историей писателю Б.Н. Полевому, уже пенсионерка А.Ф. Шведова назвала в нем себя «многолюбивой патриоткой», и сохранившаяся часть переписки – тому доказательство. Очевидно, что мужчин, которые в большинстве случаев были гораздо моложе, привлекал тон писем этой женщины (легкий, непринужденный, кокетливый), их теплое содержание. Кроме того, Анна была щедра на пространные письма. *«Я не могу никак выучиться ждать вас с фронта! Ждать и ждать конца! Ну, просто сил не хватает. А вы, краснофлотцы, нравитесь мне, что удачливые и смелые вы... Я расскажу вам много хорошего, раскрою нежную душу женщины русской, узнаете светлую радость загадочной любви и уважения. И расскажу вам, если сумею, какая вас ждет радостная любовь после Победы! Чтобы не было холода одиночества на вашем сердце в страшном бою... Вот передо мной лежит газета Горьковская правда областная. В ней подборка из моих писем с фронта. В ней есть и ваши письма уже. Мне надо тщательнее представлять ваши образы, чтобы потомкам нашим были ценными даже такие письма, как ваши к незнакомой женщине русской из тыла великой войны. Напишите, любимые, все, что придется. Мне будет легче от моей хандры, щемящей душу!»*. Вероятно, для самой Анны такого рода общение служило компенсацией неудовлетворенности семейной жизнью, открывало простор для флирта и мечтаний. Она также стремилась помочь проживавшим рядом женщинам. Писала одному из своих корреспондентов, М. Заринову: *«У меня есть хорошая девушка, соседка, 27 лет. Врач. Если желаете, познакомлю. Она очень скромная, а на знакомства тугая и неподатливая. Член партии. Москвичка. И больше нет никого достойного Вас»*¹.

«Простая деревенская некультурная женщина», как называла себя Шведова, описывала фронтовикам свои домашние заботы, шалости детей, и все это вызывало эмоциональный отклик. *«Покорнейше благодарим Вас за Ваши интереснейшие и веселые письма, в которых Вы целите не в бровь, а прямо в глаз»*, – писали ей те самые двадцатилетние краснофлотцы-одесситы А. Фесик и Г. Кисляков. Из содержания писем можно заключить, что молодых мужчин в немалой степени привлекало то, что с этой женщиной, взрослой и раскрепощенной, можно было разговаривать на откровенные темы, не боясь смутить или обидеть. Собственно, Анна сама провоцировала на такого рода общение. К примеру, начало одного письма имеет эротический подтекст: *«Прихожу из леса с корзинкой спелой малины. Не успела стащить с себя зеленые штаны, гимнастерку и все белье, чтоб просушиться от росы. Смотрю: лежат письма ко мне...»*. Другие письма женщины, судя по ответам Фесика и Кислякова, также не обошлись без провокаций. *«Анечка, ты пишешь: окончится война, ухватят вас красивые девушки и изнасилюют в дым! – Но это мы еще посмотрим, кто кого изнасилюет»*, – отвечали они Шведовой в августе 1943 г.²

Друзья по переписке информировали А.Ф. Шведову, что ее письма зачитываются вслух в воинском коллективе и даже порой попадают в руки адресатов уже

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 354. Л. 16–16об., 28–29.

² Там же. Л. 1–3.

распечатанными, так как товарищи проявляют нетерпение и любопытство. Иногда военнослужащие выражали желание вступить в самостоятельную переписку с женщиной, и, таким образом, круг ее корреспондентов ширился. Шведова подчеркивает, что все фронтовики просили прислать им фотографию. А поскольку она старалась не отказывать в этой просьбе (и, судя по отзывам военнослужащих, обладала приятной внешностью), то в ответ и сама получила немало фотографических снимков. Такая ситуация достаточно неординарна и свидетельствует о внутренней и внешней притягательности этой женщины, возможно, о рассмотрении ее военнослужащими в качестве перспективного кандидата для завязывания серьезных отношений.

Все дело в том, что именно вокруг фотографий в ходе общения «заочников» разыгрывались самые страстные баталии. Стороны буквально с первого письма начинали просить или требовать «оригинал», т.е. фото. Описаниям внешности более или менее доверяли, но желание увидеть воочию становилось навязчивой идеей. Это объяснимо: уже сам факт высылки фото свидетельствовал о серьезности намерений. Кроме того, фотографиями военнослужащий мог подтвердить свою популярность среди лиц женского пола (разумеется, такой же «спортивный» интерес могла вызвать и девушка). Проблема заключалась в недостаточном количестве либо вообще отсутствии фотопортретов у большинства советских граждан, причины которого следует искать прежде всего в низком уровне жизни населения довоенного СССР. Фронтовики не имели запаса личных фотографий, а девушек в тылу редко удовлетворяло качество сделанных снимков, и они неоднократно перефотографировались. В порядке вещей был обмен фотографиями через полгода регулярного общения. Обращает на себя внимание, что «заочницы» не всегда входили в трудности положения комбатантов и требовали от них фото в ультимативной форме. *«От меня получите фото в следующем письме, когда получу от Вас»*, – писала Ольга из г. Волхова Курской области рядовому Михаилу Слынько¹.

Интересно то, как определяли характер складывающихся отношений сами «заочники». Чаще всего речь велась о дружеском общении: слово «дружба», обращения «друг», «дружище» неизменно присутствуют в корреспонденции с обеих сторон. Однако очевидно, что искомыми в большинстве случаев были отнюдь не дружеские, а любовные отношения. Смещение понятий «дружба» и «любовь», утвердившееся в риторике предвоенного десятилетия (примеры легко найти в лирической поэзии, песнях, газетной публицистике 1930-х гг.), создавало специфическую почву для налаживания взаимоотношений между советскими мужчинами и женщинами. Старший лейтенант В. Медведев, около четырех месяцев состоявший в переписке с заочной знакомой А. Уколовой из г. Чапаевска, изъяснялся так: *«Я уверен, что из нашей дружбы выйдет толк, а не наоборот, как ты предполагаешь. Я никогда не отвергну твое предложение, что ты согласна заменить мне потерянного друга. Я тебя теперь ни на кого не сменяю. Так и буду теперь считать своей. Наша дружба проходит тяжелые испытания. Хотелось бы быть сейчас с тобой и сжимать*

¹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 4076. Л. 1.

тебя в объятиях, бесконечно целовать»¹. Столь затейливый «замес» выражения чувств любви и дружбы был чреват недопониманием между корреспондентами, что отразила, в частности, переписка рядового Алексея Головина (до ухода на фронт – жителя Москвы) с проживавшей в Ростове-на-Дону Кирой Абаевой. Итоги полугодового общения оценивались молодым человеком достаточно пессимистично: *«Предыдущая наша переписка мало дала каких-либо результатов в прочности нашей дружбы, а была как бы в загадках и намеках. И если так дальше будет продолжаться, то, конечно, опять из этого ничего не получится, а остается нам одно в кратчайший срок, то есть в период летнего времени изучить друг друга так, чтобы при встрече с вами мог бы я без сомнения и стеснения крепко поцеловать. В этом вы должны проявить способности и общее руководство в нашей дружбе. Остаюсь другом. Целую. Леша»*².

Прямолинейно обозначить в своем письме установку на поиск партнера для любовных отношений решались немногие. На такой риск пошел вышеупомянутый Алексей Головин, который уже во втором своем письме «заочнице» Кире, хотя и витиевато, но недвусмысленно намекнул на то, что ее невинность имеет первостепенное значение для развития их отношений: *«Здравствуй, Кира! Шлю я тебе свой боевой привет и желаю в новом году оставаться такой же, какой я тебя могу представить, а главное – держать в своих руках молодость, не отдавая никому. Ведь если испробовать плод жизни, то едва ли увидать ее цветы! Вот только поэтому, если вы обладаете такой ценой, я имею интерес писать вам письмо»*³. Когда же военнослужащие пытались объяснить своим родным и близким, почему вступают в переписку с незнакомыми женщинами, то мотив поиска интимных отношений обычно опускался либо вуалировался. Они предпочитали называть «интересное времяпровождение» или даже жалость к одиноким женщинам⁴. А.П. Поповиченко, вскользь упомянувший переписку с заочницами в письме жене, объяснил ей, что отвечает им из сострадания. *«Я изредка отвечаю, пусть не огорчается, пусть успокаивает себя мыслями о каком-то любимом фронтовике, хотя я ее мало знаю. Мы ведь много писем получаем от людей, которых никогда не видели и не знаем их»*⁵. Однако, имея представление по письмам и воспоминаниям Поповиченко о характере его отношений с женщинами, можно усомниться в том, что мотив «сострадания» был единственным, скорее всего, речь шла и о мужском самоутверждении.

Во фронтовой среде имели распространение своего рода легенды о спасительных отношениях с «заочницами», помогавших преодолеть удар, нанесенный военнослужащему женой или невестой. В поддержку и оправдание связей комбатантов с «заочницами» Д.А. Абаев передавал жене историю со счастливым финалом: *«Вот сколько угодно фактов имеется в нашей среде, когда командиры, получившие ранение, ложились в госпиталь, получали от жен, узнавших о ранении, [которые]*

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1407. Л. 5об.

² Там же. Д. 1454. Л. 151.

³ Там же. Л. 159.

⁴ «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 190–191.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 70об.

в своих письмах от них отказывались и извещали о своем выходе замуж, предполагая их неполноценность по выходе из госпиталя, а ребята выжили, да в такой степени, что возвратились в строй и продолжают служить и крепко бить врага, а один старший лейтенант Орешкин, после такого письма от жены, остался одиноким в полном смысле слова, завел переписку с совершенно незнакомой ему особой, потому что он не получал писем ниоткуда. Он взял и написал письмо в г. Москву с адресом: "Главный почтамт, первой девушке, к которой попадет письмо в руки", и вот уже несколько месяцев как эта переписка поддерживается самым активным образом¹.

Но немало случаев, когда корреспонденты, несмотря на потребность в сближении, оказывались не в силах переступить черту, отделяющую официальное общение от интимного, т.е. их переписка так и оставалась в рамках распространенной в военные годы традиции письма, где «тыл рапортует, а фронт обещает». В канун праздника 23 февраля 1944 г. инспектор отдела кадров Управления торговли г. Нальчика С.А. Кашежева вложила свое письмо как «личный подарок» военнослужащему, в числе других подарков предприятия фронту. В своем послании Сурен Кашежева сообщала о гибели под Харьковом 33-летнего мужа и просила «удвоить-утроить ненависть к врагу за нанесенные раны и обиды нашей Родине», за ее мужа и за ее слезы. Это письмо, волей случая оказавшееся у морского офицера Ф.С. Черных, положило начало переписке, которую спустя несколько десятилетий Кашежева характеризовала как исключительно «патриотическую» («Перед каждым боем он писал мне: "Иду в бой, помня ваш наказ"»). Однако знакомство с письмами ее корреспондента позволяет увидеть, как тщательно Федор Черных отделял «официальную» часть писем Сурен от личных сюжетов, как в каждом своем письме пытался транслировать женщине идею о том, что он, «уроженец г. Ростова-на-Дону, по профессии счетный работник, работал на руководящих должностях», с 1941 г. не имел сведений о семье и был озабочен тем, каким образом «устраивать свою жизнь», когда «закончится эта бойня, и станет вопрос, а куда направляться, семьи нет, опять в Ростов или куда». Отчаявшись наладить близкое общение с Сурен, Федор просил передать ее подругам и сослуживицам просьбу «участвовать ко мне в письмах пускай даже пишут каждая в отдельности» и умолял, не посчитавшись с затратой времени и средств, размножить единственную его фотографию (ясно, что копии предназначались «заочницам»)².

Хотя «заочные» письменные связи не подвергались общественному порицанию, они, разумеется, были приемлемы далеко не для всех свободных, даже страдавших от недостатка общения женщин и мужчин. Основанные на наблюдениях или определенных нравственных позициях, их установки и переживания по этому поводу были порой противоречивы. Так, рядовой В. Цоглин в одном из своих писем с фронта просил старшую сестру снабдить адресом его полевой почты подруг, чтобы те могли переписываться с однополчанами. В другом же письме Цоглин

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 48об.

² Там же. Д. 761. Л. 7-8.

увещевал сестру не писать незнакомым фронтовикам («если у тебя самолюбие есть, брось грязным делом заниматься»). Свое отношение к женским инициативам по завязыванию переписки формулировал четко: «Я на это дело смотрю особо. Вообще писать я не любитель и не особо умею. А писать им надо обязательно о любви. Они ничего знать иного не желают. Писать о любви, не зная кому, ни разу не выдаю любимую – для меня дико. Абсурд»¹.

Подобные противоречия испытывала и студентка механико-математического факультета МГУ Фаина Туровская. Отрицая «заочную» связь для себя лично, она из деликатности и морального долга не могла отказать другу-фронтовику, который просил ее подыскать среди подруг кого-либо, желавшего переписываться с его сослуживцами, а одному из них даже постараться ответить самой. Но для Фаины, весьма категоричной в суждениях, вступление в такую связь было сродни потере чувства собственного достоинства, «довольствованию хоть чем-нибудь». В данном предприятии ее отвращало все: заведомое приукрашивание фактов, унифицированный («как под копирку») текст, пустая трата времени. «Я кое-чего не понимаю из твоего письма. Что это значит: “Послать покрасивей фото”. Посылают не свое, а чужое? А потом, если в переписке нет ни одного слова правды, то не долг заставляет отвечать, а что-то другое. А ты меня поставил в затруднительное положение. Я тебя не виню (может быть, нельзя было поступить иначе), дав мой адрес своему товарищу. Не ответить нельзя, ведь человек 3 года находится на фронте. А о чем ему писать, я сама не знаю, не знаю, что его интересует. Хочется верить, что письмо искреннее, хотя оно как две капли воды похоже на те письма, которые пишут куда-нибудь и кому-нибудь. Пусть моя совесть будет чиста, постараюсь ответить»².

Действительно, письма «заочников» нередко отличались поверхностностью. В качестве примера можно рассмотреть письмо, полученное рядовым Михаилом Слынько незадолго до его гибели, в апреле 1945 г., от Ольги из г. Волхова Курской области. Это легкомысленное послание оставляет впечатление, что целиком погруженная в свою обычную жизнь девушка не вполне осознавала, кому и куда писала. Цель переписки со своей стороны она видела в том, «чтобы поделиться с хорошим воином фронта, каким представляю я вас, вестями о тыловой глубокой жизни, которая протекает здесь у нас». После описания программы препровождения своего свободного времени (участие в концертах в составе агитбригады, поход в кино, танцы под патефон) Ольга сетовала на скуку и, наконец, резюмировала: «Особенно хорошо провести время нигде». Девушка демонстрировала, что ей небезразлично присвоение Михаилу наград (подчеркивала, что он – «орденоносец»), но глубиной восприятия и этот момент не отмечен. «Я поздравляю Вас с заслуженной наградой, желаю еще получить не одну, а несколько». Как могла, но по-прежнему достаточно поверхностно реагировала на сообщение о гибели боевого товарища Михаила: «Жаль парня, ведь он еще молод, ему надо еще жить, но судьба играет человеком»³. В письмах фронтовикам от их жен, невест, близких подруг, отношения

¹ Архив НПСЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 14, 20, 42.

² Там же. Д. 161. Л. 5–5об.

³ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 4076. Л. 1, 2.

с которыми возникли до войны, такая тональность практически не встречается, хотя, естественно, и здесь были свои исключения.

Ситуация окончания войны вносила свои коррективы в отношения «заочников», которым предстояло перейти от виртуального общения к реальному. Преодолеть этот барьер захотели и смогли очень немногие. Такое заключение можно сделать из незначительного числа свидетельств о продолжении «заочных» контактов в послевоенный период и, напротив, значительного – о том, что подобные отношения вблизи финала войны вступили в фазу кризиса или совсем расстроились.

О кризисных явлениях свидетельствуют участившиеся выяснения отношений, не столь характерные для переписки «заочников» в предыдущие периоды войны. «Моя милая Анечка! Зачем ты пишешь, что “это был мой пыл и солдатская потребность в письмах, сейчас, мол, война кончена и игру нужно всю прекратить”. Как обидно – просто жуть одна. Неужели я уж такой дешевый человек, буду продаваться на эту игру (о которой ты пишешь)», – сетовал «любящий Гриша» в письме знакомой, как нам известно, одновременно состоявшей в переписке с несколькими военнослужащими¹.

Если многие девушки не замечали тревожных симптомов и продолжали невинный флирт, то фронтовики были настроены гораздо серьезнее; они требовали конкретных решений. В январе 1945 г. Б. Константинов со значением писал «заочной» знакомой В. Кулинич: «Ваш адрес я храню, как какую-то святыню, вроде от этого зависит мое будущее». По собственным словам, он не хотел быть «наивным», и поэтому недоумевал, почему Кулинич приглашает его работать в свою родную деревню Ичалки (в Горьковской области), в то время как сама планирует оттуда уезжать². Из контекста писем можно заключить, что женщина просто кокетничала, но мужчина, до войны проживавший в Сибири и собиравшийся принять судьбоносное решение о смене места жительства, ждал от нее более серьезной позиции, страдал от неопределенности.

Неизвестный автор писал на исходе войны своей «заочнице» – нерехтчанке Варе: «Иногда даже как-то невольно делается странно самому, когда спрашиваешь ярославских о том, какой город Нерехта, далеко он от Ярославля, как проехать туда. И когда спрашивают: “Кто там у Вас?” – Я молчу. Нет, я не хочу больше молчать. Я сегодня говорю откровенно: я люблю тебя, Варенька, ты стала мне родной и близкой. Если это не найдет отзвука в твоём сердце, то больше не пиши, не тревожь мою душу, не терзай ее, она и так устала, она и так истомилась в пороховом дыму, в походах!.. Кто ты? Как протекает твоя личная жизнь? Может быть, я действительно сделал неправильный вывод о нашей дружбе? Итак. Прости за откровенность. Но лучше сказать это сейчас, чем при встрече, которую я так хотел. При ней я хотел быть самым близким для тебя. Подумай обстоятельно и напиши. Но поторопись с ответом, я тревожно жду»³. Некоторые фронтовики даже пытались припугнуть кокетливых корреспонденток, как это сделал Алексей

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1407. Л. 11.

² «Я пока жив...» С. 138, 139, 140.

³ Письма с фронта (письма нерехтчан с фронтов Великой Отечественной войны). С. 54–55.

Головин в отношении Киры Абаевой. В феврале 1945 г., находясь «у ворот Кенигсберга», он предупредил ее, что пора закончить «игру» и вспомнить кинокартину «Сто мужчин и одна девушка»: *«Так вот, сейчас можно с успехом говорить обратное; отсюда вытекает, что наша доля выбирать вас, многие тысячи девушек остались без своих близких и знакомых, и если у вас десятки товарищей, то одиннадцатым быть у вас я не желаю»*¹.

Затянувшаяся демобилизация не способствовала планированию встреч, перспективы которых с каждым новым послевоенным месяцем выглядела все более туманной. В августе 1945 г. А. Головин, переброшенный из Пруссии в Манчжурию, невысоко оценивал шансы на реальное свидание с К. Абаевой: *«Я человек выдержанного характера, и предприятие, которое я начал, будет доведено до встречи, если любовь ко мне не будет вами смята, и мне поневоле придется уйти в отставку из вашего круга. Вы правы утверждать, что сколько можно ждать, ибо вы не можете противостоять самой себе против кипучего сердца любви и требовательности вашего сознания, и, конечно, напоминая сейчас об этом, вы не сможете ждать 3 года, а мне, по-видимому, придется служить такой срок»*².

В каком-то смысле сбывалось предсказание Анны Шведовой, написавшей в 1943 г. одному из своих многочисленных адресатов: *«Окончится война. После полной Победы над врагом вы, без исканий, встретите ту, “ее”, любимую. Не заочную»*³. Летом 1945 г. в эшелоны с военнослужащими, двигавшиеся по стране, летели букеты, в которых были спрятаны записочки с предложением переписываться. Уже вполне «реальные» девушки подходили на станциях, заводили разговоры, смущаясь, оставляли свои адреса⁴.

В целом инициативы военнослужащих Красной армии по налаживанию письменного общения с незнакомыми ранее женщинами (как и встречные шаги со стороны женщин), выстраивание интимных отношений в специфической форме переписки могут рассматриваться как вид поведения, преследующий определенные цели. Среди них: психологическая релаксация, обретение и накопление опыта чувственных переживаний, сексуальное самоутверждение. В каждом конкретном случае на первый план выходили различные мотивы: искренняя заинтересованность в знакомстве и дружбе, стремление подготовить «плацдарм» для послевоенной жизни, желание легкого флирта. Представляется не случайным, что наибольшее количество писем этого типа приходится на завершающий период войны. Близость победы формировала соответствующие настроения в рядах действующей армии, давая новые импульсы для выстраивания личных отношений.

* * *

Время войны как длительный, полный лишений период жизни способно было кардинально влиять на взаимоотношения между людьми. В одних случаях оно со-

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 142.

² Там же. Л. 155об.

³ Там же. Д. 354. Л. 16об.

⁴ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 53.

действовало налаживанию или укреплению отношений, в других – их разрушению, болезненным разочарованиям. Роль дружеских привязанностей в этот период переоценить трудно, так как помощь и взаимопомощь, базировавшаяся на данных основаниях, обеспечивала дополнительные, а иногда и основные источники выживания, а интимные свойства общения друзей – моральную поддержку. Дружеские связи имели самостоятельное значение, а в определенных обстоятельствах даже замещали недостаток родственных. Фронтовик Виктор Аристов писал своему знакомому по довоенной работе на одном из казанских заводов, в годы войны поддерживавшему его регулярной перепиской: *«Родной Борис! За время войны ты стал не только другом, но и моим родным, кровно родным братом»*¹.

На первое место для комбатантов выдвигалась связь особого рода – фронтовая дружба. В их жизненной ситуации в равной мере востребованы были и эмоционально-экспрессивные, и инструментальные (деловые) функции дружбы, поэтому дружеские отношения отличались вариативностью. Оставаясь индивидуально-избирательным межличностным отношением, фронтовая дружба развивалась на основе взаимной симпатии, доверия, взаимопонимания и взаимопомощи, общности интересов и увлечений, ценностно-ориентационного единства. Но, естественно, поиск дружеских отношений осуществлялся и вне армейского коллектива, в частности, широкое распространение имело явление общения фронтовиков с «заочно» знакомыми женщинами, по большей части остававшееся в рамках переписки. У инициаторов такого рода отношений был достаточно широкий спектр мотиваций, каким был он и у женщин, включавшихся в подобные связи и даже проявлявших встречные инициативы. Соответственно, достигнутые в ходе такого общения результаты были весьма разноплановыми и могли переходить границы дружбы. Таким образом, в ходе преодоления неблагоприятных обстоятельств военного времени, а иногда и благодаря им, комбатанты устанавливали значимые индивидуальные контакты, приобретая новый субъективный личностный опыт.

¹ НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 34. Л. 15.

Глава 6

«МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ»: ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСВОЕНИЕ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ ГОДЫ

«Квартирный вопрос», по остроумному замечанию классика, испортивший не одно поколение москвичей, на протяжении всей советской эпохи оставался одной из наиболее острых и болезненно воспринимавшихся обществом социальных проблем. Его острота являлась результатом всеобщего дефицита жилого фонда, доставшегося молодому пролетарскому государству в наследство от предыдущего «антинародного режима», а болезненность обуславливалась стремительным превращением жилья в условное социальное благо и средство наказания. Определяемая не только экономическими возможностями власти, но и ее идеологическими предпочтениями, жилищная политика становилась действенным механизмом формирования пространства повседневной жизни человека с ее причудливыми нормами коллективного общежития и границами своего/чужого. Вбирая в себя идеологическую атмосферу эпохи, ее архитектурные поиски, советский тип жилого помещения в рассматриваемый период времени прошел эволюцию от воплощения идеалов коллективного до индивидуального быта, водоразделом между которыми стала смена архитектурных приоритетов. Если в 1917–1932 гг. они выражались в ориентации на неустойчивость и устремленность в будущее, то уже в 1932–1954 гг. сменились на стабильность и основательность. Предложенная в данной связи В.З. Паперным дихотомия странничества и оседлости¹ как типов освоения советским человеком жилого пространства позволяет понять, почему вызывающие негодование наших современников уплотнение и жизнь в коммуналках не снижали социального энтузиазма поколений строителей социализма, а сама жилищная политика первого в мире пролетарского государства лишь изредка воспринималась как наказание.

6.1. «Жить будем по-новому»: зигзаги предвоенной жилищной политики

О плачевном состоянии жилищного фонда дореволюционной России, представленном в подавляющем большинстве бревенчатыми избами и многоквартирными доходными домами, много и убедительно написано в русской классической литературе. Из нее же в основном черпались сведения об ужасающем антисанитарном состоянии наемного жилья, хотя и с оговорками на «взыскательный вкус» и воз-

¹ Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57 (дата обращения: 12.02.2013).

возможности постояльцев. Своё подтверждение полученные таким образом сведения находили в воспоминаниях современников, а также многочисленных обследованных фабрично-заводских инспекций. По статистике, средняя обеспеченность жилой площадью в городах России в 1913 г. составляла 4,5 кв. м, а городской жилой фонд страны насчитывал 180 млн кв. м. Из них 80 % приходилось на одноэтажные деревянные и малоразмерные дома, подавляющее большинство которых было лишено элементарных удобств и принадлежало частным лицам¹. Вместе с тем среди них попадались настоящие архитектурные шедевры и отвечавшие самым высоким требованиям дома: *«Значит, дом такой дворянский и вот лестница такая чугунная, казалась мне большой. Сейчас она уже не такая большая, я была там, она красивая была очень, в розах вся»*².

Существование различных типов домов, владельцы которых принадлежали к разным социальным группам, было явлением распространённым. Так, в Петербурге «до революции центр застраивался двумя типами домов – так называемыми лицевыми и дворовыми флигелями. “Барские” лицевые флигели, выходявшие на улицу, располагали всевозможными удобствами, нередко даже лифтами, парадным и черным ходом, избыточной высотой комнат и предназначались для солидных платежеспособных квартирантов – промышленников, банкиров, крупных чиновников, врачей, адвокатов. Дворовые флигели рассчитаны были на жильцов иного достатка – непритязательных мелких чиновников, ремесленников, пролетариев. Эти строения не только стояли “стена к стене”, но и внутри отличались теснотой и неудобством». При этом степень обеспеченности последних канализацией и водопроводом колебалась от 98 до 12 %³. Для строительства жилья использовался в основном местный подручный материал: дерево, саман, камень; кирпич был большой редкостью, нередко выделялись земельные участки. *«Вот значит, еще до революции, может быть в конце XIX в., мои две прабабки, а может, бабки, из Воронежской области по Дону приехали на барже в Ростов... И вот одна бабка, она проходит, по-моему, по фамилии Баржавая. Почему? Жила на барже на Дону. Она работала у Парамонова рабочей простой, кем там – не знаю. У Парамонова была такая политика: хороших работников, в том числе и рабочих, он тогда, как у нас потом говорили, подкармливал, т.е. какие-то льготы давал. Например, я уж не знаю, вот в Нахичевани была выделена вот такая полоса земли такая, и моей бабке, значит, на этом участке помогли построить дом собственный, причем дом был построен деревянный из материала при разборке барж. Но они, знаете, были такие хорошие дубовые доски. Вот там был построен довольно просторный дом на этом участке, и вот эта моя бабка владела, по фамилии Баржавая»*⁴.

¹ Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html> (дата обращения: 13.02.2013).

² Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.

³ Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 72.

⁴ Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

Начавшаяся в 1917 г. революция и последовавшая за нею национализация жилищного фонда поставила перед молодым советским государством практически невыполнимую задачу по обеспечению жильем всего трудящегося населения города. Единственным выходом из сложившейся ситуации, когда для строительства нового жилья не хватало не только средств, но и элементарных сил, виделся его передел. «Война дворцам», получившая свое официальное одобрение в подготовленном В.И. Лениным наброске постановления «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных», призвана была не только решить эту проблему, но и определить дальнейшие перспективы советской жилищной политики. Такой перспективой оказалась принципиальная невозможность для каждого человека иметь отдельную комнату как напоминание о несправедливо нажитом богатстве. Согласно тому же ленинскому определению, богатой признавалась квартира, где количество комнат равнялось либо превышало «число душ населения, постоянно проживающих в этой квартире»¹. Именно эти богатые квартиры и подлежали уплотнению, а также заселению новыми жильцами «из простых».

Перераспределение жилищного фонда, узаконенное декретами СНК РСФСР «О воспрещении сделок с недвижимостью» от 14 декабря 1917 г. и «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 г., должно было, по мысли его инициаторов, существенно улучшить положение нуждающегося в жилье населения. Согласно данным статистики, это улучшение сказалось прежде всего на условиях проживания семейных рабочих, большинство из которых только в одном Петербурге уже к 1923 г. превратились в собственников отдельных комнат, а изредка и целых квартир. Однако с существенным увеличением жилого пространства, исчезновением таких специфических форм его освоения, как «угловые жильцы» и «коечники», возникла не менее острая проблема, связанная с эффективностью его использования. А.И. Черных приводит показательные факты, когда получив, казалось бы, долгожданные дополнительные метры в бывших «барских хоромках», пролетарии не знали, как ими распорядиться: «Многие принудительно изъятые квартиры с огромными проходными комнатами требовали больших расходов на отопление и, естественно, остались незаселенными, а наличие в квартирах холодных необитаемых комнат снижало санитарное состояние домов в целом. К тому же места общего пользования – ванны, уборные, кухни [,] подсобные помещения, не приспособленные для коллективной эксплуатации, – оказывались источником постоянной напряженности между жильцами». Переселение в новые и благоустроенные квартиры, находившиеся по преимуществу в центральной части города, увеличивали расстояние от основных мест работы и, соответственно, расходную часть семейного бюджета. Именно по этой причине многие рабочие не спешили воспользоваться предоставленным правом улучшения жилья². И, наконец, даже смирившись с неудобствами непривычно просторной и функционально мало-пригодной планировки, они все равно оказывались в стесненных обстоятельствах:

¹ Ленин В.И. О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 380.

² Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья. С. 71.

занимаемая площадь бывших особняков в несколько раз превышала официально положенные метры жилья, что требовало его уплотнения.

Уплотнение представляло собою «увеличение населения данной жилой площади или лишение жильцов части жилой площади» и подразделялось на принудительное и добровольное. Принудительное уплотнение производилось без согласия уплотняемых, в то время как самоуплотнение предоставляло жильцам право в течение двух недель подыскать себе соседей. В случае его неиспользования вопрос о судьбе излишней жилплощади решался домовыми управлениями¹. Механизм процедуры уплотнения хорошо описан М.А. Булгаковым в «Собачьем сердце»: «Мы – управление дома, – с ненавистью заговорил Швондер, – пришли к вам после общего собрания жильцов нашего дома, на котором стоял вопрос об уплотнении квартир дома. – Кто на ком стоял? – крикнул Филипп Филиппович. – Потрудитесь излагать ваши мысли яснее. – Вопрос стоял об уплотнении... – Довольно! Я понял! Вам известно, что постановлением от двенадцатого сего августа моя квартира освобождена от каких бы то ни было уплотнений и переселений? – Известно, – ответил Швондер, – но общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что в общем и целом вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живете в семи комнатах. – Я один живу и работаю в семи комнатах, – ответил Филипп Филиппович, – и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку. Четверо онемели. – Восьмую? Э-хе-хе, – проговорил блондин, лишенный головного убора, – однако это здо-о-рово! – Это неописуемо! – воскликнул юноша, оказавшийся женщиной. – У меня приемная, заметьте, она же библиотека, столовая, мой кабинет – три! Смотровая – четыре. Операционная – пять. Моя спальня – шесть, и комната прислуги – семь. В общем, не хватает... Да, впрочем, это не важно. Моя квартира свободна, и разговору конец. Могу я идти обедать? – Извиняюсь, – сказал четвертый, похожий на крепкого жука. – Извиняюсь, – перебил его Швондер, – вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли говорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых ни у кого нет в Москве»².

Еще от одного булгаковского персонажа современный читатель узнает и о санитарно-гигиенической норме, приходившейся на одного человека той поры, о заветных 16 аршинах, на которых «сидел и будет сидеть» Шариков. Следует отметить, что 8,09 кв. м, о которых идет речь, не были постоянной величиной и менялись в зависимости от остроты жилищного кризиса. В 1919 г. усилиями Наркомата здравоохранения была научно определена официальная норма заселения. Она определялась минимальной величиной кубатуры воздуха в 30 куб. м, необходимой человеку для нормального самочувствия после ночного сна, и составляла 8,25 кв. м. По данным, приводимым М.Г. Мееровичем, с 1920 по 1926 гг. только в одной Москве, где жилищная теснота проявлялась особенно остро, эта норма варьировалась от 9,3 кв. м до 5,3 кв. м. Для провинциальных городов она

¹ Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. С. 19.

² Булгаков М.А. Собачье сердце. URL: http://www.m-a-bulgakov.ru/dog_heart_17.html (дата обращения: 23.01.2012).

была несколько выше и в 1926 г. составляла 6,3 кв. м¹. Обретение собственного «заветного угла», который и стал реальным итогом проводимых преобразований, не только не улучшило жилищных условий тех, ради которых все это зачиналось, но и породило феномен советской коммуналки – «квартиры, находящейся в государственной собственности, заселяемой государственными органами в соответствии с нормативами жилой площади, положенной на одного человека, независимо от семейного статуса жильцов и конфигурации квартиры»².

Свое победоносное шествие по стране коммуналки начали с национализации жилья и, пережив его демуниципализацию в начале 1920-х гг., завершившуюся появлением кооперативных коттеджей, составили к 1941 г. большую часть жилищного фонда страны. Они были воспиты не одним поколением советских граждан, став для них опознаваемым символом времени: «О чем вспоминаем мы, прежде всего, говоря о советской повседневности? Для меня ответ очевиден. Явлением, которое необыкновенно полно и ярко характеризует советскую повседневную жизнь, была коммунальная квартира, коммуналка»³. Присущее ей сочетание отдельного и общего, родственного и соседского создавала особую атмосферу «скандала и локтя», которая не только лишала человека, казалось бы, естественного права на приватность и конституционно гарантированную неприкосновенность жилья⁴, но и обеспечивала, правда, не всегда реализуемую, но, тем не менее, сохранявшуюся возможность взаимопомощи и поддержки: «И папа поехал через Ростов и заехал, а у нас Варвара Ивановна, как мы уехали, так ничего с места не сдвинулось. Варвара Ивановна живет, все сохраняет. Полтора соседа было, все сохранили»⁵.

В воспоминаниях многих респондентов, в настоящее время уже живущих в собственных квартирах, вынужденное коммунальное сотрудничество не доставляло больших неудобств, а в ряде случаев запоминалось особой деликатностью отношений: «Я хочу сказать, что у нас всегда хорошо складывались [отношения], я же не случайно взялась писать за свою маму, которая сорок лет прожила в этой квартире. И за это время сменились четверо или пятеро соседей. Причем люди совершенно разные, разный социальный слой, разный состав семьи, разные характеры и никогда ни с кем не ссорились, не скандалили, ничего такого не было. Это все от людей зависит»⁶. Описывая быт типичной советской коммуналки, авторы популярного ныне проекта свободной энциклопедии в качестве его несомненного достоинства отмечают совместное решение ряда проблем: «Жизнь нескольких семей в одной квартире иногда приводила к ссорам и конфликтам. Но при согла-

¹ Меерович М.Г. Наказание жилищем. С. 17.

² Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 13.02.2013).

³ Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html> (дата обращения: 13.02.2013).

⁴ Согласно ст. 128 Конституции СССР 1936 г. «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом». См.: Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. С. 31.

⁵ Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна.

⁶ Респондент: Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 95 минут. Запись 19 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

сованном всеми жильцами коммуналки регламенте общежития многие проблемы снимались. Так, уборка общественных мест осуществлялась по очереди. Период дежурства определялся по взаимному согласию (в одних квартирах каждая семья дежурила, т.е. осуществляла текущую уборку, одну неделю, в других – столько недель, сколько человек в ней проживало, и т.д.), а перед передачей очереди, как правило, проводилась генеральная уборка»¹.

Именно в такую типичную коммуналку попадает героиня романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» Евгения Григорьевна Шапошникова: «Жила Женни Генриховна в полутемной комнатке, когда-то отведенной для прислуги в большой купеческой квартире. Теперь в каждой комнате жила семья, и каждая комната делилась с помощью ширмочек, занавесок, ковров, диванных спинок на уголки и закуты, где спали, обедали, принимали гостей, где медицинская сестра делала уколы парализованному старику»². Образованию новых коммуналок и уплотнению уже существовавших способствовало уменьшение нормы санитарной площади на человека. Годы первой пятилетки ознаменовались резким ростом миграции в города, население которых только с 1925 г. по 1930 г. увеличилось на 35 %. С 1931 г. значительно увеличивается процент населения, жившего на «голодной норме» – до 4 кв. м. В свою очередь, вселение в «роскошные барские апартаменты» привело к завышенным ожиданиям у населения, которые не могли реализоваться в условиях массовой советской застройки, и породило мечты об отдельном и относительно комфортном жилье с удобствами.

Учреждение коммунального, «бесхозного» жилья и отмена квартплаты привели в начале 1920-х гг. к жилищному кризису, когда органы власти оказались не в состоянии не только решить квартирный вопрос, но и содержать жилой фонд. Поэтому в период нэпа частично восстанавливается аренда на жилье, появляются его новые владельцы – жилищные кооперативы: «Владельцы квартир проживали в одной или нескольких комнатах, а остальные могли сдавать в аренду, подбирая жильцов по принципу личной симпатии. Была установлена ставка квартплаты для разных категорий жильцов. По этой ставке владелец квартиры вносил плату в домоуправление, разница между арендной платой и ставкой составляла его доход». Однако уже в 1929 г. институт квартирохозяев был отменен и все квартиры становились коммунальными»³.

Несколько иначе происходило благоустройство советской деревни, изначально не испытывавшей столь острой жилищной нужды. Традиционно практически каждая крестьянская семья владела отдельным домом, где совместно проживали представители нескольких поколений и где у каждого из них существовала реальная перспектива отселения, а следовательно, обретения собственного жилья. В условиях послереволюционной России крестьянство в целом сумело сохранить это положение. Однако реального его улучшения не происходило. Дж. Пэллот, исследовавшая

¹ Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.02.2013).

² Коммунальная квартира. Визуальный музей советского быта. URL: <http://www.kommunalka.spb.ru> (дата обращения: 25.02.2013).

³ Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.02.2013).

процесс развертывания сельского жилищного строительства в 1930–1980-е гг., пришла к выводу о его зависимости от степени успешности развития сельскохозяйственного сектора и веса в контексте общеэкономического планирования. По ее наблюдениям, за 60 лет, последовавших за коллективизацией, советское руководство нередко предавало забвению сельскохозяйственный сектор, что привело к плачевному состоянию деревни, низкому уровню благоустройства и внушительному разрыву в уровне жизни между городом и деревней. Указанные обстоятельства вызвали резкий отток населения (только в 1927–1938 гг. он составил 24,5 млн чел.) и обозначили главную проблему на селе рассматриваемого и последующего времени – удержание рабочих рук. Одним из возможных путей ее решения стало строительство многоквартирных домов, рассматривавшихся важнейшим показателем социалистической реконструкции деревни и подчеркивавших ее близость к городу¹.

С уплотнением, да и то временным, деревня столкнется лишь дважды. В 1930-е гг., когда на помощь коллективизированному сельскому хозяйству будут брошены рабочие крупных промышленных предприятий, получившие название двадцатипяти тысячников. В период Великой Отечественной войны в деревню устремился поток эвакуированного населения, и она стала основным местом расквартирования воинских соединений Красной армии и вермахта. О жилищных условиях (типах жилья, особенностях строения и планирования жилого пространства) советского крестьянства того времени много писалось этнографами, изучавшими сохранность и трансформацию народной культуры. К сожалению, работ, рассматривавших эволюцию жилья коллективизированной и раскулаченной деревни в контексте социальной истории, пока еще не создано. Тем не менее из исследований повседневной жизни крестьянства известно, что к концу 1920-х гг. «некоторые основные приметы быта <...> претерпели разительную трансформацию от традиции к современности». Наряду с сохранявшимися лаптями и домотканой одеждой в сельский быт входили такие приметы городской жизни, как развод и использование губной помады, членство в комсомоле и атеизм². Повышение трудовой, общественной и социальной активности крестьянства не могло не сказаться и на раскрепощении сельских нравов, неизбежно влекущих за собой изменение роли женщины как хранительницы домашнего очага. Неслучайно в ряде воспоминаний красноармейцев отмечалась неприглядность постоянных квартир: «Сейчас как будто на месте. У хозяйки, имеющей детей 6, одна комната, грязь, вонь, есть нечего» (22 ноября 1941 г.)³. «Оказались в станице Николаевской. Втроем у хозяйки-казачки (я, Толик, Тимка). Одна маленькая комнатка, земляной пол, две семьи – теснота – всего вместе с нами 5 взрослых, 6 малышей, с гигиеной так же, как и на х. Калинине» (6 апреля 1942 г.)⁴.

¹ Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история».

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 241.

³ НАРА. Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4об.–5.

В гораздо более стесненных и болезненнее переживаемых условиях оказалось непролетарское население города. Особенно сильны были переживания по этому поводу у людей «интеллигентных занятий», которые нуждались в более свободной домашней обстановке и отдельной комнате. О потребности к уединению и упорядоченному образу жизни в лице профессора Преображенского, не понимавшего, отчего необходимо оперировать в столовой, а обедать в гостиной, когда на то есть соответствующие помещения, писал М.А. Булгаков. Созданные им колоритные образы стремящегося к стабильности и иерархии жилого пространства профессора от медицины Преображенского¹ и ратовавшего за коллективное общежитие председателя домового комитета Швондера отражали основные представления населения о жилье как о типе организации жизни человека в новой России. Реализации этих представлений как раз и были посвящены архитектурные поиски идеального типа жилья рассматриваемого времени.

«Дворцами из сливовых косточек» назвала Ш. Фицпатрик социальные утопии, ставшие для советского человека того времени привычной нормой жизни. Масштабность грандиозных проектов и безусловная вера в возможность их осуществления отодвигали на задний план решение насущных, в том числе и жилищных вопросов. Вместе с тем их практическое разрешение несло на себе отпечаток времени с его бурными дискуссиями о том, каким быть советскому человеку и где ему следует жить. Национализация жилья с последовавшей за нею отменой квартирной платы и хронической нехваткой средств к его поддержанию привели к тому, что только за 1920 г. в Москве обветшало и пришло в полную негодность 11,5 тыс. зданий, в том числе 6,8 тыс. жилых домов с более чем 40 тыс. квартир². В годы нэпа с «передачей домов коллективным жильцам» стали появляться жилищно-строительные кооперативы, выгодно отличавшиеся как по внешнему виду, так и пространственной планировке от государственного жилья. Однако победа идеи коллективного быта в конце 1920-х гг. привела к тому, что «на смену социальному расслоению по районам и жилым домам пришло смешение»³, а вместе с ним и осознание необходимости реорганизации самого типа жилья. Им стали дома-коммуны, которые, с одной стороны, отвечали представлениям власти о новых принципах устройства быта советского человека, с другой – высвобождали его от рутинной обывательщины посредством сведения «к минимуму домашнего хозяйства». Характерными чертами домов-коммун становятся «выделение из квартиры функций питания, воспитания детей и стирки и требование “Каждый должен жить на началах строжайшей регламентации и подчинения

¹ Нельзя сказать, что такого рода потребности советской властью игнорировались полностью. До середины 1920-х гг., времени начала индустриализации, повлекшей за собою перемещение в города огромного количества людей, среднестатистическая норма обеспеченности жильем у служащих составляла 6,9 кв. м, у рабочих она была меньше и достигала 4,9 кв. м. Правда, уже к концу 1920-х гг. эти различия стерлись и к 1940 г. приблизились к своему дореволюционному уровню.

² Этапы развития жилищных отношений в России и городе Москве в XX веке. URL: http://www.up.mos.ru/cdz/kerzonu/kniga08_4.htm (дата обращения: 13.02.2012).

³ Принципы планирования городского жилья. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle (дата обращения: 13.02.2013).

правилам внутреннего распорядка»¹. Объявленные конкурсы архитектурских проектов на лучшие «жилые комплексы будущего» показали практическую невозможность реализации многих из них. Как отмечает М. Близнакова, «большинство победивших проектов были слишком фантастическими для имевшегося экономического уровня. И даже если такие проекты осуществлялись, то очень скоро общественный характер рекреационных зон сводился на “нет” тем, что жильцы не стремились обобществлять свою частную жизнь, и семейные ценности возобладали над общественным устройством – готовка еды, стирка белья и т.д. – переносились в пределы частных “отсеков” из общественных кухонь и прачечных»².

Весьма показательной в этом отношении оказалась судьба московского дома Гинзбурга³, более известного как дом Наркомфина, расположенного на Новинском бульваре. Этот дом был назван опытным домом переходного типа. Под его строительство в апреле 1929 г. отводилась территория двух городских усадеб с обширными садами. Дом-коммуна воплощал собою идею комфортабельного жилья нового типа и должен был включать в себя 4 корпуса: жилой корпус, коммунальный центр, состоявший из столовой, физкультурного зала и читальни, детский корпус – ясли и детский сад, служебный корпус – прачечную и сушильную. Жилой корпус представлял собой шестиэтажное здание длиной 85 м и высотой 17 м. Корпус общественного обслуживания представлял собой замкнутый четырехэтажный, почти кубический объем. Он был поставлен под углом к жилому корпусу и связан с ним переходом на уровне второго этажа. На квадратной площадке перед общественным корпусом планировалось разместить небольшое здание детского сада. В июне 1929 г. М.Я. Гинзбургу было предложено сократить территорию застройки и отказано в возведении прачечной и клуба как самостоятельных зданий.

Дом был задуман как «коммунальный» на 50 семей – 200 чел. и включал в себя три типа квартир: двухъярусные трехкомнатные квартиры площадью 57–60 кв. м для семей, двухъярусные малометражные квартиры – 30 кв. м. для 1–2 чел. и двоярусные двухъярусные малометражные квартиры. На втором и третьем этажах располагались восемь трехкомнатных квартир для больших семей, в которые можно было попасть с нижнего коридора. В них имелась маленькая кухня, позволявшая при желании индивидуально готовить пищу, а также две спальни. В нижнем ярусе размещались передняя, кухня и общая жилая комната двойной высоты. Высота общей комнаты составляла 5 м, площадь – 25 кв. м. Передняя вела в общую комнату, внутренняя лестница из передней – на второй ярус, на котором находились две спальни со встроенными шкапами, ванная и туалет. Высота второго яруса составляла 2,3 м. Вдоль верхнего коридора четвертого и шестого этажей рас-

¹ Принципы планирования городского жилья.

² Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история».

³ Моисей Яковлевич Гинзбург (1892–1946) – архитектор, автор теоретических работ по конструктивизму, проектировщик и строитель первых домов-коммун.

полагались 48 малометражных квартир, рассчитанных на 1–2 чел. Кухонь в них не предусматривалось.

С целью максимального удешевления проектировки и строительства квартир М.Я. Гинзбург заменил кухню нишей площадью 1,4 кв. м. Жильцы должны были осуществлять переход на уровне второго этажа в так называемый коммунальный корпус, объединявший кухню со столовой, спортзал, детский сад и даже механическую прачечную с ремонтными мастерскими. Ваннх комнат не было, их заменили душевые кабинки. Для тех, кто не мог по каким-то причинам питаться в столовой, в жилом корпусе были оборудованы две резервные кухни для разогрева еды. Квартиры представляли собою двухъярусные сооружения. На одном ярусе были расположены жилые помещения, на другом – вспомогательные. Высота комнат различалась между собою. Одна комната имела высоту 3,6 м, другая – 2,3 м и представляла собой спальную нишу. За счет уменьшения высоты вспомогательных помещений увеличивалась высота жилых комнат. В результате квартиры выглядели следующим образом: с одной стороны – высокая жилая часть комнаты, с другой – пониженный потолок спальной ниши. Нижние квартиры имели общий уровень пола в спальной и жилых частях, в верхних квартирах пол спальной части был приподнят на шесть ступеней. Разница высот между двумя спальными нишами позволяла организовать коридор, идущий вдоль всего дома. По нему жильцы попадали в свои квартиры, спускаясь или поднимаясь по внутренней лестнице. В торцах дома по обе стороны лестничных клеток располагались квартиры из сдвоенных малометражных квартир. Они состояли из двух жилых комнат высотой 3 м. Передняя, ванная и кухня имели высоту 2,3 м. Среди жильцов этот тип квартиры пользовался наибольшим спросом.

В самой верхней части дома, на уровне плоской крыши было сделано несколько комнат-общежитий. Часть из них на 1 чел., часть – на 2 чел. Между каждой парой комнат располагались душевая и умывальная комнаты. Ориентация квартир на две стороны (восток и запад) обеспечивала солнечное освещение в остальной части утром, а в жилой части – во второй половине дня. В домкоммуне нашлось место и для элитного жилья. Для заказчика дома архитектор спроектировал жилье повышенной комфортности. На крыше дома расположились два пентхауса, в которых поселились наркомы финансов и здравоохранения. В связи с нехваткой средств дом был построен из недорогих и недолговечных материалов, что привело к его быстрому разрушению. Не прижилась и идея питания до и после работы в столовой. М.Я. Гинзбург с нескрываемой горечью был вынужден констатировать, что подавляющее число жителей разбирает обеды себе по квартирам и столовая фактически не работает¹. Вторую очередь коммунального корпуса так не удалось достроить. В послевоенное время жильцов дома уплотнили – «ячейки» превратились в коммуналки со всеми вытекающими последствиями.

¹ Дом Наркомфина. URL: <http://www.openmoscow.ru/dostdomnarkomfina.php> (дата обращения: 26.02.2013).

Его судьбу разделил и Соцгород в Нижнем Новгороде, планировавшийся как поселение-коммуна с обобщественным бытом, коллективными формами жилища – домами-коммунами на 1000 чел. каждый. Проект предусматривал наряду с жилыми корпусами строительство двух яслей и одного детского сада, а также общественно-культурного центра. Дома-коммуны предполагали возрастной принцип их заселения. Центральный корпус предназначался для школьников. По обе стороны от него располагались два корпуса молодежи. Вправо и влево к этим корпусам примыкали еще по два здания для взрослых, имевших детей. Наряду с жилыми комнатами в каждом корпусе размещался красный уголок для коллективного отдыха. Общие кухни, туалеты и ванны предусматривались поэтажно. Осенью 1930 г. началось заселение города с так и не построенными яслями и детским садом. Многие корпуса не имели воды и отопления, в них не были завершены отделочные работы. Само заселение происходило с нарушением принятых ранее норм. Так, в квартиры, предусмотренные на одного человека и составлявшие 9 кв. м., вселялись семьи из 3–4 чел. Не произошло и реорганизации быта: места коллективного пользования по большей своей части становились полем столкновения различных жизненных практик и ценностных представлений жильцов¹.

Многие довоенные постройки обладали неуловимым для наших современников очарованием многолюдности и «скупенности» быта. Именно эта скупенность, зачастую лишавшая человека возможности уединения и превращавшая его жизнь в «спектакль по Мейерхольду», спасла жизнь в годы войны многим людям. Так, коммунальные кухни, в одночасье превратившиеся в «места, где грелись все и видели, кто и чем питался», становились источниками взаимопомощи и моральной поддержки. Известны случаи, когда соседи оказывались единственными кормильцами для тех, кто потерял всех своих близких: в блокадном Ленинграде они отоваривали карточки, ухаживали за обитателями «выморочных» квартир, устраивали в приюты осиротевших детей².

Осенью 1933 г. в Москве состоялось творческое совещание Союза советских архитекторов, где суровой критике были подвергнуты функционализм и утилитарность строившегося жилья. Провозглашенный отказ от конструктивизма и переход к статичной классике совпал с новыми строительными правилами для столичного жилья, в которых главный упор делался на повышение его качества. В квартирах предполагалось увеличить как жилую, так и подсобную площадь, потолки должны были достигать 3,2 м, а ванны становились обязательным «элементом социалистического быта». При этом новое жилье было негласно поделено на квартиры для номенклатуры и для рядовых граждан – с расчетом на коммунальное заселение. Квартиры для партийной элиты и государственных деятелей планировались с обязательными лифтами, высокими потолками, широкими подоконниками, отдельными санузлами, большими холлами, многочисленными подсобными помещениями, мусоропроводами на кухне, просторными лестничными клетками. Их

¹ Принципы планирования городского жилья.

² Яров С.В. Блокадная этика. С. 366–379.

планировка включала в себя не только гостиные, спальни, но и кабинеты, детские, библиотеки и даже помещения для прислуги. Площадь комнат составляла от 15 до 30 кв. м. Рядовое жилье, как правило, было представлено двумя разновидностями: трех- и четырехкомнатными квартирами с небольшими кухнями и квартирами коридорного типа – общежитиями¹.

В новой государственной жилищной политике основное место заняли так называемые сталинки – дома, строившиеся в СССР в 1930–1950-е гг. в стиле неоклассицизма. При их строительстве использовался влагостойкий силикатный кирпич низкотехнологичного обжига, что требовало трудоемкой штукатурки фасада домов. По причине острого дефицита электроэнергии они сдавались без центрального отопления (заменилось печным). Именно опасность отравления угарным газом требовала строительства высоких потолков и объемного помещения. Дома заселялись преимущественно на коммунальной основе, что ухудшало и без того сложную предвоенную демографическую ситуацию. Первоначальная идея о том, что архитектура ни одного здания не будет повторяться, перекликалась с давней советской мечтой о жизни трудового человека во дворце. Сохранившиеся с той поры типовые крупноблочные дома с лепными украшениями и витыми чугунными решетками должны были стать визитными карточками советских городов. По мнению, бытующему в литературе, «возможно, именно такими стильными и нарядными были бы все массовые советские серии, но эти планы были перечеркнуты войной»².

Между тем, несмотря на все проводившиеся эксперименты и добросовестный поиск властью решения жилищного вопроса, жилья, не говоря уже о его качестве, катастрофически не хватало. Причиной тому зачастую оказывались «добросовестные» действия все той же власти, исходившей из необходимости построения принципиально нового быта и поиска соответствовавших ему пространственных форм. Так, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» управление всем государственным жилищным фондом было возложено на местные советы, предприятия и учреждения, в чьем ведении находились жилые дома. Спустя три года началась борьба с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках. Степень ее интенсивности определялась не только указанными в постановлении СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. «О мерах борьбы с самовольными застройщиками» сроками, но и необходимостью обеспечения вынужденных переселенцев «*транспортом, стройматериалами, топливом, а наиболее нуждающихся и денежными средствами*». Во многих городах «*количество самовольно занятых участков и количество построек, подлежащих сносу, до сих пор окончательно не учтено*». В Ростове-на-Дону из 1500 строений, подлежащих в 1940 г. сносу, было снесено только 1392. Отмечая, что «*в широких размерах проводилась самовольная застройка*», горком признал целесообразным ее ликвидацию только на

¹ Сталинка. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 26.02.2013).

² Принципы планирования городского жилья.

прилегающих к железнодорожному полотну территориях, «в других местах жилья и так не хватало»¹.

Сосредоточив в своих руках всю проектную (в 1931 г. был принят запрет на частное проектирование) и строительную деятельность, государство не только лишало граждан возможности самостоятельного решения жилищного вопроса, но и ставило его в зависимость от довольно скромных бюджетов местных органов власти и торгово-промышленных предприятий. К 1940 г. городской жилищный фонд СССР насчитывал 421 млн кв. м. По Ростову-на-Дону он составлял 2 068 200 кв. м и «находился по своему техническому состоянию на низком уровне, включая в себя 14 238 кв. м аварийного фонда». По заключению городского комитета ВКП(б), в городе «не предпринимались меры по дополнительному расширению жилого фонда за счет использования дополнительных площадей, – превышающих норму коридоров и кладовых <...>. 360 деформированных домов требовали ежедневного технического наблюдения»². За пять месяцев 1940 г. был «сорван ремонт жилого фонда: капитальный ремонт выполнен на 19,6 %, текущий – на 11,8 %»³. По оценкам исследователей, «этого было недостаточно для того, чтобы улучшить жилищные условия граждан», на каждого из которых в различных уголках страны приходилось от 4,5 до 8 кв. м⁴.

Однако и эти положенные метры возводились с целым рядом нарушений установленных сроков и объема строительных материалов. Так, Ростовский горком ВКП(б) на своем очередном заседании 3 марта 1940 г. повторно рассмотрел вопрос о строительстве жилого дома, возводившегося областной конторой Главнефтебывта, и отметил «крайне неудовлетворительный ход строительства. Вместо сдачи в эксплуатацию дома в 1939 г. выполнение плана на 1.1.40 составило 61,4 %». Среди причин складывавшегося положения дел отмечались: отсутствие проекта организационных работ; слабое оперативное руководство и контроль над строительством со стороны управления областной конторы; большая текучесть административно-хозяйственного персонала; «перерасход материала против сметной потребности на 200 тыс. руб.». При этом «кирпич, полученный от разбора купленной церкви в станице Мигулинской, частично расхищен»⁵. Зачастую проектируемое и возводимое жилье «уже содержало в себе строительные дефекты... В 20 кв. доме горжилуправления проектом предусмотрены в одной и той же комнате двери разной высоты. При производстве допущена неудовлетворительная подгонка дверей и окон, щели в полах»⁶. В октябре 1940 г., рассматривая вопрос о бытовых условиях учителей сельских районов, Ростовский обком ВКП(б) отметил, что «в Зимовниковском районе многие квартиры не отремонтированы и не обеспечены топливом»⁷. Схожая ситуация складывалась со

¹ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 478. Л. 36об.

² Там же. Л. 412.

³ Там же. Л. 37об.–39.

⁴ Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России.

⁵ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 372. Л. 133–133об.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 412. Д. 38.

⁷ Там же. Д. 233. Л. 121об.

строительством жилья для заводов, где «несвоевременное обеспечение строительным материалом, технические нарушения по планируемым работам» отодвигали на неопределенный срок получение квартир «не одной сотни рабочих»¹. Не лучше обстояло дело и с выполнением плановых заданий по текущему и капитальному ремонту: за два летних месяца 1940 г. из «1701 объекта по городу, подлежащих ремонту, отремонтировано 379. Капитальный ремонт составил 69,5 %, подерживающий – 41,1 %». Своевременный ремонт жилья и мобилизация для него необходимых средств возлагались на председателей райисполкомов, за невыполнение полагались «самые строгие воздействия»². Однако и этих строгих мер для исправления ситуации оказалось недостаточно: ремонт жилищного фонда города за первый квартал 1941 г. проходил «явно неудовлетворительно», составив лишь 8,5 % от запланированного годового объема. Правда, на этот раз его надлежащее выполнение связывалось с выделением «СНК РСФСР Ростову необходимого количества фондируемых стройматериалов (цемента, металла)»³.

Последний предвоенный год ознаменовался «сверкой итогов по жилью» не только на юге страны. Комиссия исполкома Мосгорсовета, рассмотрев на своем заседании «Сводный годовой отчет по домоуправлениям на 1.01.41 г.», отмечала, что «вследствие недоброкачества проектно-сметного материала в процессе производства капитального ремонта жилфонда на протокол отчетного периода имела место масса дополнительного финансирования <...> По отдельным районным жилищным управлениям имеют место многочисленные факты, указывающие на низкое качество выполненного ремонта домов. Из 1119 жалоб по Кропоткинскому райжилуправлению 520 жалоб падает на качество ремонта»⁴. В то же самое время указывалось на введение в 1939 г. скоростного метода ремонта, позволившего «значительно улучшить качество работ»; изменение жилого фонда города за счет «введения вновь отстроенных домов в эксплуатацию, уточнения принятых от других организаций и передачи домов ведомствами, а также вследствие убыли домов от стихийных бедствий и ветхости». В результате жилая площадь с 12 740 кв. м, насчитывавшихся в 1940 г., увеличилась до 12 932,1 кв. м. Большая сумма денег была израсходована и на благоустройство жилых домов: из 1 090 936 тыс. руб., выделенных на ремонт, 86 662 тыс. руб. были потрачены на присоединение жилых помещений к водопроводу, канализации и газовой сети. К 1941 г. в Москве насчитывалось 793,8 тыс. ответственных квартиросъемщиков, средний состав семьи которых составлял 3,2 чел., а средняя обеспеченность жилой площадью – 5,3 кв. м на 1 чел.⁵ При этом, как отмечалось в «Материалах по обследованию бригадой Всесоюзной госсанинспекции гор. Москвы», районы города по площади, количеству населения благоустроены далеко не одинаково: «Центральные районы... с небольшой площадью от 136 до 200 га, с высоким процентом застройки – 50 %

¹ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 738. Л. 10.

² Там же. Д. 439. Л. 31, 31об.

³ Там же. Д. 731. Л. 2об.

⁴ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 8–13.

и выше, с большой плотностью населения (400–800 чел.) наиболее благоустроены. В канализованных домах проживает 90 % и выше всего населения... Отличаются наиболее высокой средней жилплощадью – на одного человека 5–6 кв. м и малым числом общежитий.... Окраинные районы – большие территории в 6,3 и больше тыс. га, с большим числом населения – 200–300 и больше тыс. человек. Эти районы включают в себя чисто сельские пункты, неблагоустроенные. Канализацией в этих районах охвачено лишь 30–40 % населения. В данных районах отмечается наиболее низкая средняя жилплощадь (3–4 кв. м) и высокий процент жилплощади, занятый под общежития (15–20 %)»¹. Наряду с коммуналками общежития стали характерными приметами времени, четко регламентировавшими частную жизнь граждан и возможности ее проявлений. Так, в соответствии с утвержденными 24 мая 1940 г. «Правилами внутреннего распорядка в общежитиях предприятий Народного Комиссариата пищевой промышленности» воспрещалось «вселение в общежитие одиночек лиц, имеющих при себе семьи, а также вселение одиночек в помещения, занятые семейными... После 11 часов вечера и до семи часов утра в общежитии должна соблюдаться полная тишина. Категорически воспрещается в это время игра на всякого рода инструментах, пение, танцы, пользование громкоговорителями (радиоприемниками), громкие разговоры, шум»².

Пытаясь найти внятное объяснение «такому положению с жильем» Мосгорисполком в 1945 г. провел «экономический анализ баланса по жилищному хозяйству Москвы с 1938 г. по 1945 г. с историческим обзором», где особо подчеркивалось: «Рост населения с 1867 г. по 1917 г. увеличился в 5,3 раза, так рост жилой площади не поспевал за ростом населения Москвы со второй половины XIX в. систематически нарастал жилищный кризис, и в связи с этим квартплата была очень высока <...> В 1912 г. в Москве в среднем на одну квартиру приходилось 8,7 чел., а на одну комнату – 2,8 чел. Большая часть трудового населения жила в помещениях коачного и барачного типа, на одну койку приходилось 6,21 чел. <...> С 1926 г. рост населения принял еще большие размеры... и к 1939 г. на одну квартиру приходилось 16,5 чел. и на одну комнату – 4,6 чел.». В условиях переполненности жилых помещений в городе к 1940 г. сложилась и действовала дифференцированная система квартплаты. Ответственные партийные и хозяйственные работники, заработная плата которых составляла от 150 до 300 руб., вносили за 1 кв. м от 40 до 93,5 коп.; рабочие и служащие с доходом от 375 до 385 руб. – 1 руб. 10 коп.; лица свободных профессий, включавших «врачей, зубных врачей, фельдшеров, акушеров, инженеров, литераторов, художников», – 1 руб. 98 коп.³ При этом и она не гарантировала возможности выбора жилья, не говоря уже о его качестве.

Подтверждением крайне неудовлетворительной ситуации, складывавшейся с обеспечением жильем, стали массовые обращения граждан в органы власти и лично к представителям высшего советского и партийного руководства страны. Так, жена капитана пограничных войск, орденоносца Л.К. Козлова, обращаясь к «глубокоува-

¹ ГАРФ. Ф. Р-9260. Оп. 1. Д. 460. Л. 1–1об.

² Там же. Д. 649. Л. 24.

³ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–34.

жаемому и дорогому Михаилу Ивановичу» Калинин, писала, что после того как была оставлена мужем, «находится в жутких квартирных условиях (13 кв. м), комната на 8 человек, со стен течет вода»¹. В другом письме «маленького человека, посмеявшегося побеспокоить занятого государственными делами большого человека», сообщалось о семейной трагедии, в результате которой ребенок, больной туберкулезом, «остался на 6 м, вместо положенных 14 м»². Казалось бы, жилищная теснота и «скученность проживания» лишали советского человека самой возможности каких-либо проявлений автономного существования. В реальности же, как свидетельствуют воспоминания и письма современников того времени, ситуация обстояла намного сложнее и не исчерпывалась одними лишь внешними обстоятельствами.

6.2. Квартирный вопрос в условиях военного времени

Резкое ухудшение и без того далеких от нормальных жилищных условий началось уже в первые месяцы войны. Оккупация советской территории, эвакуация населения в восточные районы страны, а также уничтожение в ходе активных боевых действий части жилищного фонда повлекли за собою новую волну уплотнений: «С каждым предприятием приезжали специалисты, рабочие, их семьи. Всех их надо было где-то устроить. Началось так называемое уплотнение – в квартиры, в частные дома уральцев вселялись приехавшие»³. В этой ситуации на жилищные управления возлагалась огромная хозяйственная и моральная ответственность по распределению жилой площади и поддержанию ее в нормальном состоянии. Жилищные управления исполкомов городов, подвергшихся разрушениям, проводили ежедневные обследования состояния жилищного фонда и решали вопросы, связанные с судьбами людей, лишившихся крова. В их обязанности входило и улучшение жилищных условий горожан, предусматривавшее запись их неотложных нужд, оказание посильной помощи в подвозе дров, восстановлении выбитых окон, поврежденного водоснабжения. Нередко по инициативе советского и партийного руководства городов эти задачи решались посредством привлечения общественности. В Ленинграде недолгое время действовали комсомольские бытовые отряды. Бойцы отряда Приморского района, созданного в январе 1942 г., «убирали комнаты, привозили воду и дрова, топили печь, устраивали детей в дет-дома. Известен случай, когда они отремонтировали помещение столовой»⁴.

В то же время установленный порядок распределения жилой площади в городах часто нарушался, причиной нередко оказывалось отсутствие за ним ответственного контроля со стороны районных управлений. Результатом становился самовольный захват квартир. Так, 9 сентября 1943 г. Ростовский горком ВКП(б) констатировал, что «по 6 районам города самовольно захвачено 1345 квартир,

¹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 27. Д. 4. Л. 83.

² Там же. Д. 412. Л. 37об.–39.

³ Жукова Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой. С. 12–13.

⁴ Яров С.В. Блокадная этика. С. 552.

занято по немецким ордерам во время оккупации города фашистскими захватчиками 2945 квартир <...> Со стороны РИК и РЖУ этим фактам не придано должного внимания и не подвергнуты тщательному анализу лица, получившие при немцах ордера на квартиры. Заявления вовремя не разбираются, отсутствует элементарный порядок в деле распределения жилплощади, замечены случаи злоупотреблений со стороны отдельных управдомов»¹. Вопрос о выселении самозахватчиков из квартир эвакуированных граждан рассматривался горкомом годом ранее, однако его решение «выполняется медленно... Отсутствует необходимый контроль и ответственность определенных лиц за сохранение имущества эвакуированных. В результате в некоторых квартирах имущество расхищено»².

Освобождаемые жилые площади вследствие эвакуации предприятий и «добровольного выезда из города» переходили в категорию «простаиваемых». В отношении «простаиваемой площади» в том же 1942 г. было принято правительственное постановление, согласно которому эти площади временно изымались у эвакуированных или могли быть «изъяты у выбывших квартиросъемщиков в связи с неуплатой квартплаты свыше 3-х месяцев»³. Его разноречивое толкование на местах повлекло за собою огромное количество нарушений в отношении прав квартиросъемщиков и занимаемого ими жилья. По Свердловскому райжилуправлению «квартиросъемщик Бертоянц призван рядовым в РККА, семья эвакуирована. Квартплата начислена в размере 100 % прежней платы, этим создавалась искусственная задолженность на предмет изъятия площади». Схожая ситуация наблюдалась и по 36 домоуправлению: «Большинству эвакуированных квартиросъемщиков до 1/VII-42 не предоставлена 50 % скидка по квартплате, этим только 15-ти квартиросъемщикам на момент обслуживания излишне начислено от 80 до 567 руб. <...> 28 квартиросъемщикам, эвакуировавшимся из г. Москвы, незаконно было начислено за радио до 62–70 руб. Создавая этим искусственную задолженность свыше 3-х месяцев, домоуправление поставило под угрозу лишения жилой площади десятки квартиросъемщиков»⁴. В ходе проводившейся по Пироговскому РЖУ проверки за 1942 г. было установлено, что «бывший управдом 140 домоуправления Конюхов, присвоив деньги по почтовому переводу эвакуированного жильца Якобсон, заселяет его комнату временными жильцами, неправильно начисляет квартплату и отказывается признать за вернувшимся т. Якобсон в Москву платежи по причине просрочки таковых, хотя при правильном исчислении квартплаты за т. Якобсон просроченной задолженности не было. Конюхов за присвоение денег по почтовым переводам и за присвоение имущества эвакуированного осужден». По Арбатскому РЖУ «бывшая управляющая домом Швырева, желая незаконно присвоить площадь эвакуированной т. Самохиной, скрыв наличие у таковой брони, неправильно начисляя квартплату 100 % до

¹ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 23. Л. 49об.

² Там же. Д. 1003. Л. 3.

³ Следует отметить, что решение об изъятии жилой площади у недобросовестных плательщиков не являлось порождением военного времени. Речь идет о применении Постановления СНК СССР № 908 от 11 июня 1941 г. См.: ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 831. Оп. 1. Д. 55. Л. 277.

⁴ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

1/VII-42 вместо 50 %, подала на т. Самохину в нарсуд на выселение. Выселив ее “заочно” за неплатеж и отсутствие брони, Швырева вселилась в комнату Самохиной. Таким же методом Швырева выселила ряд эвакуированных квартир. Сама Швырева являлась злостной неплательщицей, не платя квартплату в течение 8 месяцев. Т. Самохина восстановлена в своих правах, а Швырева с работы снята и выселена с площади Самохиной»¹. В Ростове-на-Дону бывший управляющий домом № 50 Бодров «захватил со взломом себе 3 квартиры и расхитил имущество эвакуированных граждан»².

Судьба освобождавшегося жилого фонда зависела не только от районных жилищных управлений и моральных качеств возглавлявших их людей, но и решений государственных органов власти. 5 февраля 1942 г. Секретариат жилищного отдела Мосгорисполкома рассмотрел решение ГКО СССР о передаче Народному комиссариату обороны «для размещения 100 чел. свободной жилплощади в доме эвакуированного завода № 192»³. 19 февраля исполком отменил принятое тремя днями ранее постановление «Об освобождении жилой площади в домах предприятий и райсоветов, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуировавшимися из Москвы», согласно которому на это время за ними закреплялись занимаемые квартиры. Теперь они «предоставляются, в первую очередь, рабочим и служащим оборонных предприятий, оставшихся в городе, и заселяются по решению Московского совета»⁴. В этот же день было рассмотрено и утверждено решение «О заселении жилой площади индивидуально эвакуировавшихся из Москвы лиц, не внесших квартплату свыше 3-х месяцев»⁵. Изымаемое таким образом жилье переходило в ведение владельца дома и использовалось им по собственному усмотрению. В ноябре 1943 г. «жилая площадь, принадлежавшая ранее гр-ке Анисимовой В.Т. в кв. 89 дома 9 / 10 по Дровяной площади и гр-ну Авакову А.И. в том же доме кв. 97, выехавшим из дома в связи с эвакуацией в индивидуальном порядке и вследствие неуплаты за квартиру свыше 3-х месяцев» передавалась управлению жилищного строительства Моссовета⁶. В 1944–1945 гг. активно заселялась освободившаяся жилплощадь репрессированных⁷ и осужденных лиц⁸. Жилье предоставлялось вполне определенной категории граждан (военнослужащим, ответственным партийным и хозяйственным работникам, работникам наркоматов) как «по факту его отсутствия», так и в качестве улучшения «прежних условий проживания». 17 февраля 1945 г. СНК РСФСР предложил начальнику Мосжилотдела «передать квартиру № 23 дома № 8 по ул. Горького дважды Герою Совет-

¹ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

² ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1003. Л. 4.

³ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Распоряжение Моссовета «О заселении жилой площади, освобожденной сотрудниками НКВД за выездом их на другую площадь и площадь репрессированных граждан» от 29 апреля 1944 г. См.: ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Л. 36.

⁸ Распоряжение Моссовета «О распределении освободившейся жилой площади осужденных граждан» от 12 января 1945 г. См.: ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Л. 36.

ского Союза генерал-лейтенанту тов. Денисову. Освободившуюся за его выездом жилплощадь в кв. 24 дома № 3 по ул. Огарева примите в резерв»¹. Тип и качество выделявшегося жилья определялись социальным статусом жильцов, их заслугами перед Отечеством и зачастую изымалось у прежних владельцев по причинам «выгодного месторасположения и близости к месту службы будущих владельцев». 7 февраля 1943 г. заведующему жилотделом Моссовета Гусеву предлагалось «в пятидневный срок переселить три семьи, проживающих в доме М. Дмитриевке дом № 14, предоставив им равноценную жилплощадь (из резерва). Освобождающуюся жилую площадь... предоставить отделу государственного обеспечения и бытового обслуживания семей военнослужащих»². 17 декабря исполком Моссовета постановил предоставить «1. Полковнику Московскому две комнаты в доме № 28/8 по Пушкинской ул., кв. 3; 2. Семье тов. Жданова А.А. квартиру в доме № 7 по Брюсовскому переулку, кв. 49; 3. Герою Советского Союза, инвалиду Отечественной войны т. Кучерову одну комнату в доме № 19 по Садово-Кудринской улице, кв. 5»³.

Складывавшаяся практика решения текущих жилищных вопросов неизбежно порождала конфликты и вносила еще большую неопределенность в и без того сложную ситуацию с жильем. Возвращение прежних ответственных квартиросъемщиков с фронта, из эвакуации, а зачастую и из мест административной высылки обостряло нерешенный в предыдущие годы жилищный вопрос и связанное с ним обеспечение земель многочисленных домовладений. Так, Майкопский городской исполком с 1943 г. до начала 1960-х гг. не мог решить «окончательно запутавшееся в годы войны жилищное положение дел». Вот один из наиболее типичных и распространенных в практике его работы случаев. 8 февраля 1952 г. в горисполком поступило заявление от Ю.К. Кашиной, в прошлом воспитанницы детского дома, оказавшейся замужем за «изменником Родины» и высланной на этом основании в 1944 г. из города с двумя детьми сроком на 5 лет. Истица просила вернуть принадлежавшую ей когда-то долю домовладения, ссылаясь на соответствующие документы и не подтвердившуюся вину мужа. Просьба так и не была удовлетворена по причинам «неясности сути самого дела и перегруженности канцелярии исполкома»⁴. В принципе, отдавая должное работе органов власти, люди подозревали их в некоем лукавстве и нечестности. Показательно, что даже в столь трудное и, казалось бы, всех поравнявшее время современниками отмечалась сохранявшаяся несправедливость в распределении тех же ордеров на новое жилье взамен разбомбленных комнат, определении первоочередности нуждавшихся в улучшении жилищных условий. Ощущение этой несправедливости усиливалось и за счет массовых случаев занятия квартир фронтовиков и эвакуированных граждан новыми владельцами, которые не спешили их оставлять. Более того, многим пострадавшим пришлось для возвращения собственного жилья задействовать довоенные связи либо же «давить боевыми заслугами».

¹ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2. Л. 36.

² Там же. Д. 8. Л. 47.

³ Там же. Ф. 851. Оп. 1. Д. 55.

⁴ НАРА. Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 507. Л. 3.

Сочинца А.З. Дьякова, вернувшегося 10 марта 1943 г. в родной город из Тбилиси, квартира встретила новыми жильцами – «заместителем начальника службы тяги Белым Сергеем Сергеевичем с женой <...> На второй день Белый заявил, что он хозяин квартиры – так ему сказал якобы начальник [неразборч.] Кочиев. Мочалин (начальник отделения НКВД) обратился к Кочиеву – он подтвердил права Белого на квартиру. Я возмутился, пошел к Мочалину – тот удивился таким поведением Белого, который к тому же спит на моей кровати и пользуется мебелью и посудой, посоветовал подать письменное заявление в [неразборч.]. Я подал, изложил свои права и как вернулся из служебной командировки. На 2-й день Кочиев наложил Дикопольцевой (управдом) резолюцию – «переселить Белого в квартиру Новикова». Драматизм ситуации усугублялся и начавшимися бытовыми проблемами вынужденного сосуществования двух семей: «В начале я все же думал, что вопрос все же разрешится быстро, однако проходит вторая неделя, а домком не думает искать квартиру Белому, и Белый уже привык и начал проявлять нахальство, т.е. живет как хозяин квартиры. Паня [жена А.З. Дьякова. – Авт.] поневоле превращается в домработницу для Белых – убирает квартиру, выносит помои и т.п. Придется действовать через прокурора»¹. Через две недели он с отчаянием напишет в своем дневнике: «Белый все еще живет в моей квартире. <...> Я же с женой и вернулся из служебной командировки – с фронта, где жертвовал головой за родину, бил врага с оружием в руках, в тылу врага?! Какие ничтожные или нечуткие люди находятся на руководящих постах, да еще на таких»². Только к 15 мая, судя по дневниковым записям, появилась надежда на скорое избавление «от совместного сожительства с Белыми», когда «нет возможности даже раздеться или о чем-либо вслух порассуждать»: «Теперь и настаивать о выселении их или обострять отношения нет повода, т.к. он уже имеет ордер на квартиру бывшего начальника депо Шорова, который должен выехать вскоре в Армавир»³.

Семья фронтовика А.И. Кобенко, прибывшая в Краснодар из эвакуации в сентябре 1943 г., также столкнулась с новым хозяином своей квартиры «т. Лукьяновым – заведующим дорожным отделом Крайисполкома. На требования Нюси и Вали освободить квартиру т. Лукьянов отказался, тогда Нюся и Валя силой внесли свои пожитки в кухню и коридор и заняли их. Все же при этом и Лукьянов не освободил остальные две комнаты. Создалась тяжба с квартирой, поэтому я написал письмо т. Тюляеву и т. Гусевой, кроме этого пришлось включить городского военного прокурора при начальнике гарнизона. Только с помощью военного помощника прокурора гвардии капитана Шинева квартиру т. Лукьянов освободил спустя 3 месяца, и моя семья заняла квартиру»⁴.

С освобождением оккупированных территорий начиналось восстановление жилищно-коммунального хозяйства городов и сельских населенных пунктов.

¹ Дневник А.З. Дьякова (30 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г., 9 мая 1945 г.) // Герои терпения. С. 60.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 63

⁴ Дневник-воспоминания А.И. Кобенко (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.) // Герои терпения. С. 213.

Степень их разрушения зависела от времени, характера оккупации, близости от линии фронта и колебалась от 15–20 до 100 %. Согласно данным ЦСУ СССР на 1 января 1945 г., из 694 строений, находившихся до оккупации в г. Истре, было полностью разрушено 688. Схожая ситуация наблюдалась и в Великих Луках, где из 3007 строений 2704 было разрушено полностью и 303 – частично. Таганрог за полгода оккупации из 21 733 довоенных жилых построек потерял 942 дома полностью и 866 – частично¹. По данным единовременного учета, городской жилищный фонд, находившийся в личной собственности граждан, на 1 января 1944 г. в СССР насчитывал 2 656 762 дома общей площадью 74 460 072 кв. м. Из них на Ростовскую область приходилось 105 518 жилых строений, площадь которых составляла 3 085 372 кв. м; Московскую – 79 067 дома общей площадью 3 028 665 кв. м; Воронежскую область – соответственно 9755 и 259 258 кв. м.² Большинство же сохранившихся домов, в основном коммунального типа, находилось «в запущенном санитарном состоянии. Места общего пользования (кухни, коридоры, уборные), в особенности дворы, загрязнены мусором и нечистотами»³. Причиной тому стали массовые разрушения водопроводов и канализаций, поставившие жилой фонд городов «в тяжелые бытовые условия». В данной связи Моссоветом 14 февраля 1942 г. было принято решение о срочном восстановлении водопроводов, канализаций в жилых домах, установлении выносных уборных и «приспособлении люков для слива нечистот в домах, где к этому времени не будут закончены работы по канализации». С этой целью выделялось 120 куб. м леса, бригады слесарей, плотников и подсобных рабочих⁴.

Таблица 10

**Городской жилищный фонд, находящийся в собственности граждан
на 1 января 1944 г.⁵**

	Всего домов	Жилая площадь, кв. м	Число домов, по которым имелись сведения о жилплощади	Средняя жилая площадь на 1 дом, кв. м	Число домов, по которым не было сведений о жилплощади
Всего по РСФСР	2 011 553	55 507 758	1 986 338	27,5	25 215
По городам	1 616 726	44 874 117	1 605 536		
По районным поселкам	394 827	10 633 641	38 080		14 025
Москва	9053	454 900	9053	50,2	
Ленинград	1195	63 715	1195	53,3	
Ойрот-Тура Алтайского края	24 352	34 700			
Дагестанская АССР	9021	529 531		58,7	

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1217. Л. 3.

² Там же. Д. 1169. Л. 1.

³ ЦДНИРО. Ф.13. Оп.2. Д.1003. Л.4.

⁴ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 831. Ф. 1. Д. 36. Л. 105.

⁵ Составлено по материалам: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1171. Л. 1, 2, 5

Анализируя динамику изменений жилищного фонда, принадлежавшего гражданам в довоенный и военный период, жилищное управление Моссовета в своей «Объяснительной записке» отмечало, что его увеличение с 1926 г. по 1938 г. являлось следствием мероприятий по объединению жилищного фонда, а также результатом реконструкции города. В то время как его уменьшение с 1939 г. шло «за счет домовладений на вновь присоединенных к городу территориях»¹. При этом частный жилищный фонд характеризовался как состоявший из мелких строений, «размер которых по разным районам города колебался от 37,1 кв. м до 127,5 кв. м», расположенных на его окраинах. Значительное сокращение частного жилья к 1944 г. по Краснодарскому краю, в свою очередь, связывалось с тем, что часть его, пострадавшая в период оккупации, еще не окончательно восстановлена².

Таблица 11

Динамика частного жилищного фонда по Москве (1926–1944 гг.)³

	Число строений	Жилая площадь, кв. м
1926	10 789	712,8
1931	8887	574,3
1937	8809	435,9
1938	8674	429,4
1939	8846	445,7
1940	9253	468,9
1944	9053	454,9

Начавшаяся сверка обобщественного жилищного фонда натолкнулась на ряд трудностей, прежде всего сопряженных с возникшей путаницей в отношении ведомственной принадлежности и отнесения к жилищному фонду ряда строений. В составленном для его учета инструментарии разъяснялось, что городской обобщественный жилищный фонд включает в себя государственные, кооперативные, общественные учреждения и предприятия, находящиеся в городах, рабочих поселках и поселениях городского типа. К нему не относился жилой фонд наркоматов обороны, военно-морского флота, внутренних дел, авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения, танковой промышленности, минометного вооружения, Главного управления государственных материальных резервов⁴. К жилищному фонду, помимо жилых строений, представленных домами и бараками, следовало относить «больничные, школьные торговые, административные строения, если в них проживает хотя бы один человек <...> Учитываются также в качестве временного жилья: сараи, амбары и прочие служебные

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1171. Л. 63.

² Там же. Л. 70.

³ Составлено по материалам: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1171. Л. 63.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1168. Л. 2

постройки, землянки, палатки, кузова вагонов, баржи, залы клубов, кино, красные уголки, классные комнаты»¹.

Показателем благоустроенности жилья выступало наличие в нем водопровода, канализации, централизованного отопления и электрического освещения. К этому показателю добавлялся еще и материал жилого строения, представленный деревом, камнем и их смешением. Пределом мечтаний считался каменный дом. Однако такими характеристиками не обладала и треть послевоенного жилищного фонда. В Киеве из 33 348 сохранившихся домов каменные и смешанные составляли 14 388, водопроводом были оборудованы 3582, канализацией – 547, центральным отоплением были снабжены 465 домов².

«Сведения об ущербе, нанесенном коммунальному хозяйству городов, бывших в оккупации» стали собираться ЦСУ и отделом жилищно-коммунального хозяйства Госплана СССР с 1943 г. Местные статистические управления не всегда располагали необходимыми данными, к том же в рассматриваемый период времени они были весьма приблизительными. 15 апреля 1944 г. статистическое управление г. Таганрога сообщало, что *«полученный нами материал <...> оказался недоброкачественным. В настоящее время, в полной мере осознавая всю необходимость их [данных. – Авт.], мы лишены возможности отвечать на многие ставящиеся Вами вопросы, касающиеся жилищного фонда [.] по той причине, что в результате фашистской оккупации все учетные данные как у нас, так и в горкомхозах, горжилуправлениях, Бюро инвентаризации и других – уничтожены. И после освобождения от оккупации была проведена работа только по учету обобщественного жилого фонда. В виду этого, на основании каких данных можно в настоящий момент получить сведения о домах, находящихся в личной собственности? Таким образом, если в результате наших настойчивых требований мы все же получаем эти данные, то достоверность их маловероятна»*³. Начальник Ростовского областного статистического управления также отмечал, что *«полученный материал оказался невысокого качества», правда, уже «вследствие различного понимания некоторых поставленных вопросов. Особенно это сказалось на учете жилищного фонда»*⁴.

Разрушенные города производили впечатление чего-то *«навсегда утраченного и непоправимого»*. Д.А. Гранин в своем автобиографическом романе, передавая ощущения героя от увиденного после снятия блокады г. Пушкино, писал: *«Никто не верил, что можно что-либо восстановить. Да и в такие сроки. Пока что на ближайшие десять – двадцать лет предстояло отстраивать Ленинград. Люди теснились в переполненных коммунальных квартирах. Почти все деревянные дома пожгли в блокаду на дрова, другие сгорели от зажигалок. Люди возвращались из эвакуации, и негде им было жить»*⁵. Боль от утраты родного очага, его разорения будет еще долго напоминать о себе зияющими провалами городских улиц и выбитыми

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1168. 10.

² Там же. Д. 1210. Л. 24.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 55.

окнами жилых помещений. Но постепенно жизнь будет брать свое, и довоенный коммунальный быт станет ностальгией по утраченной молодости и «в общем-то хорошей жизни»¹.

Наряду с восстановлением жилищного фонда осуществлялся и его ремонт, который наталкивался на катастрофическую нехватку денег, строительных материалов и свободных рабочих рук. «В первые два года войны, – отмечалось в «Сводном отчете по жилищному хозяйству» Мосгорисполкома за 1945 г., – резко снижены и доведены до 36 548,6 тыс. руб. (против 50 273,3 тыс. руб. в 1940 г.) расходы на текущий ремонт»². Одной из причин тому стало «падение доходов по квартирплате». Тот же источник связывал его в первую очередь с освобождением значительного числа лиц, призванных в Красную армию, от оплаты жилья и снижением ее размеров для эвакуированных: «Освобождение от квартирной платы со дня начала Великой Отечественной войны до 15.IX.41 лиц, эвакуированных из Москвы, и взимание с этих лиц временно с 16.IX.41 по 1.VII.42 квартирной платы в размере не более 50 % платежных ставок до эвакуации»³. К началу 1942 г. категория льготников была расширена за счет орденосносцев, получивших ордена в 1942 г.⁴

Тем не менее шло постепенное налаживание жилого быта, изыскивались возможности приведения в нормальное состояние не только квартир и домовладений граждан, но и «мест общественного проживания». В декабре 1942 г. исполком Моссовета, рассмотрев вопрос «О работе гостиницы “Москва”», отмечал, что эксплуатация гостиницы «находится в запущенном состоянии. В гостинице нет элементарного порядка, вежливости и культуры в обслуживании проживающих в гостинице; подсобные помещения гостиницы запущены и грязны; на 50 % гостиница занята постоянными жильцами; элементарное культурное обслуживание (почта, телеграф, буфет, читальня) отсутствует... ресторан при гостинице “Москва” находится в антисанитарном состоянии. В ресторане отсутствуют в достаточном количестве посуда, белье. Специальная одежда у обслуживающего персонала грязная». К концу месяца планировалось оборудовать вестибюль, устроить дополнительный гардероб, камеры хранения вещей и комнату для чистки обуви и одежды, снабдить холл мягкой мебелью, зеленью и коврами, а также установить душ «на 20–30 чел. для обслуживания вновь приезжающих»⁵.

Во многих городах нехватка строительного материала и санитарно-технического оборудования восполнялась их сбором в разрушенных зданиях. 15 апреля 1943 г. Ростовский горком партии принял постановление об упорядочении сбора стройматериалов, а уже в августе отметил, что оно не выполняется. «Идет расхищение материалов. Зав. столовой № 7 Андреевского района разбирала полы, перегородки в разрушенных зданиях на дрова... Была осуждена на 6 месяцев»⁶. Человеческий

¹ Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

² ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 1. Д. 34. Л. 53.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 831. Д. 37. Л. 149–150.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 22. Л. 166.

фактор сказывался не только на темпах освоения отпущенных на ремонт средств, но и на его качестве. Тот же Ростовский горком партии 12 августа 1943 г., проводя проверку готовности жилищного фонда к зиме, отмечал: «В целом ремонтно-восстановительные работы по городу проходят неудовлетворительно. Из плана отпущенных средств СНК СССР от 26 июня 1943 г. на восстановление и ремонт жилищного фонда 2470 тыс. руб. освоено 484,9 тыс. руб.»¹.

Жилищное управление Свердловского района г. Москвы в годовом отчете за 1945 г. отметило, что «в отличие от 1944 г. качество выполненных работ в 1945 г. было несколько лучше, но все же отдельные виды работ, особенно отделочные, были плохие... К плохому виду работ следует отнести плотничные и столярные работы за счет применения древесины с повышенной влажностью и отсутствия антисептических материалов»². В приказе наркома жилищно-гражданского строительства РСФСР № 509 от 10 мая 1945 г. указывалось, что «многие строительные тресты не освоили значительную часть выделенных на 1 квартал 1945 г. средств на строительство подсобных предприятий и жилых домов. Трест "Орелстрой" из выделенных 270 тыс. руб. в 1 квартале 1945 г. освоил только 15,6 тыс. руб., "Грозстрой" из 50 тыс. – 5 тыс. руб., "Ставропольстрой" – из 80 тыс. – 6,1 тыс. руб. "Сталинградстрой" освоил ассигнования на 40 %, "Крымстрой" на 42 %, "Брянскстрой" на 18 %, "Архангельскстрой" на 18,5 %, "Курганстрой" на 28 %»³.

29 апреля 1944 г. всеми управляющими домами районными жилищными управлениями был получен приказ Мосгорисполкома «немедленно приступить к организации работ и отремонтированию в течение II и III кварталов текущего строительного сезона установленных райисполкомам числа комнат семей военнослужащих»⁴. Спустя три месяца выборочной проверкой было установлено, что «в ряде домоуправлений он [ремонт] фактически оставлен без внимания». 21 августа начальник жилищного управления Мосгорисполкома вынес строгий выговор «за бездушное отношение к нуждам военнослужащих и невыполнение указаний РИКа» управляющему домом № 26 по ул. Горького т. Лапину. Несмотря на неоднократные указания райисполкома о необходимости «ремонта комнаты семьи погибшего на фронте т. Красновского, таковой до сих пор не выполнен; крыша не починена; отвалившаяся штукатурка не восстановлена, окна не застеклены, отопление не восстановлено, дыры в стенах не заделаны»⁵. Систематическое невыполнение принятого приказа привело к тому, что уже 24 августа было принято постановление о еженедальном предоставлении сведений о состоянии комнат военнослужащих.

Предпринимавшихся мер и усилий власти по приведению городского жилищного фонда «в норму» явно не хватало. Домоуправления и прокуратура были завалены жалобами граждан на «невнимание к их наболевшим нуждам».

¹ ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 22. Л. 191об.

² ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 2852. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.

³ Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 89. Л. 129.

⁴ Там же. Ф. 2852. Оп. 5. Д. 9. Л. 42.

⁵ Там же. Д. 9. Л. 100.

Характерным примером нерасторопности власти и реальных условий жизни подавляющего большинства населения стало дело жительницы г. Москвы Янковой. 16 февраля 1944 г. после ее неоднократного обращения в домоуправление и жилищное управление Мосгорисполкома последний принял решение о том, что занимаемая ей комната и дом в целом «являются аварийными и непригодными для жилья»: «Дом с 18.01.44 не отапливается, водопровод закрыт, канализация испорчена, территория двора находится в антисанитарном состоянии. В комнате от длительной протечки в кузне сгнил пол, потолок отсырел, штукатурка грозит обвалом»¹. Месяцем позже при проверке жалобы жильцов дома № 44 по ул. Чкалова было установлено, что «его эксплуатация проводится неудовлетворительно и элементарное обслуживание жильцов не организовано: лестничные клетки не утеплены и не освещаются, входные двери плотно не прикрываются, через разбитые стекла проникает снег. Лестницы и коридоры не моются. Из-за отсутствия наблюдения за системой подкачки часто не подается вода в верхние этажи. Лифт долгое время не работает и находится в запущенном состоянии». Той же проверкой в ряде домоуправлений были выявлены массовые случаи грубейших нарушений оплаты, начисляемой на квартиры военнослужащих². Ответной реакцией на «невозможность решения квартирного вопроса» стало самопроизвольное строительство жилых домов со стороны отдельных ведомств и учреждений. Так, с января по июль 1944 г. тянулась тяжба между Мосгорисполкомом и командиром воинской части 36 826 генерал-майором Ивановым, начавшим самовольное строительство жилого дома в Филе-Куцевском лесопарке на резервной территории города. В конечном итоге городские власти вынуждены были согласиться с его достройкой, но потребовали наказания «инициатора»³.

Вопрос о том, каким быть строящемуся жилью, находил свое отражение в рационализаторских предложениях и строительных инициативах военного времени. В мае 1942 г. главный инженер московского завода «Электросталь» в переписке с начальником жилищного управления Моссовета просил его разрешения «провести работы по строительству жилья для завода на началах, получивших в военное время широкое распространение в Америке: заводу необходимо жилье в размерах 400–425 квартир – мы предлагаем изготовить на своих подсобных предприятиях в Москве сборные небольшие домики (двух или одноквартирные) по типу американских и поставить их по указанию заказчика на площадке завода. Это в 2,5–3 раза быстрее, чем при капитальном строительстве»⁴. В сентябре 1943 г. исполнительный комитет Мосгорисполкома одобрил инициативу академика-архитектора Мордвинова «в деле строительства жилых домов из блоков, изготовленных из высокопрочного гипса». Предполагалось построить 4 опытных двухэтажных дома из гипсовых блоков; 2 дома – из мелких и крупных гипсовых блоков⁵. В 1944 г. был

¹ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 2. Д. 23. Л. 21.

² Там же. Л. 36, 37.

³ Там же. Ф. 534. Оп. 1. Д. 38. Л. 35, 36.

⁴ Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 46. Л. 110.

⁵ Там же. Д. 55. Л. 183.

объявлен всесоюзный конкурс на лучшее рационализаторское и изобретательское предложение по эксплуатации, ремонту и восстановлению жилищного фонда городов, освобожденных от немецкой оккупации. В ходе его проведения должны были быть решены задачи по *«применению простейших облегченных конструкций и элементов жилых домов (кровли, перекрытий стен, фундаментов, перегородок) на базе местных материалов, отходов производства, заменителей дефицитных материалов»*¹.

18 ноября 1944 г. был создан Наркомат жилищно-гражданского строительства (Наркомгражданстрой) РСФСР, одной из главных задач которого стали проектирование и строительство заводов по производству отделочных материалов, строительных деталей, оборудования и мебели для обеспечения строительства на территории РСФСР. Уже в октябре им принимается капитальный план по строительству 6 заводов: двух – по производству высокопрочного строительного гипса в Ленинграде и Сталинграде; четырех – по производству шлакобетонных камней с установкой *«на местные вяжущие материалы»* в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Воронеже². Приказом Наркомгражданстроя от 23 мая 1944 г. началось создание индустриальной базы для массового жилищного строительства. Его основу должны были составить изготавливаемые заводским способом сборные деревянные дома на 400 тыс. кв. м жилой площади в год, жилые дома из гипса на 60 тыс. кв. м, а также из шлакобетона на 50 тыс. кв. м. Деревянные дома должны были изготавливаться из водостойчивой фанеры с наружной обшивкой. 20 % из них планировалось оборудовать водяным отоплением от кухонных очагов; 10 % – центральным отоплением от тепловой системы; 70 % – печами преимущественно сборного типа; 30 % должны были быть оборудованы водопроводом и канализацией. Дома всех трех разновидностей виделись одноэтажными: площадь однокомнатных квартир должна была составлять 16–18 кв. м и предполагала наличие 6–8 кв. м кухни-столовой; двухкомнатные квартиры проектировались в пределах 22–25 кв. м, трехкомнатные – 32–36 кв. м. Для них предусматривались кухни площадью 6 кв. м³. В целом различные строительные организации наркомата в 1945 г. должны были ввести в строй 52 тыс. кв. м жилья⁴.

Согласно «Основным санитарным установкам в 4-й пятилетке в области обустройства населенных мест СССР», в области жилищного строительства предстояло разрешить три основных задачи: «ремонт и поддержание существующего жилфонда; восстановление разрушенного жилищного фонда в местностях, бывших во временной оккупации; новое жилищное строительство». Новое жилье предполагалось обеспечить обязательным земельным участком, самостоятельным или общим для группы домов. Основным типом жилой застройки должны были стать малоэтажные (в 1–2 этажа) дома. Рассматривая вопрос о ходе их строительства, Московский городской совет депутатов трудящихся 16 мая 1944 г. отметил:

¹ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 23. Д. 23. Л. 88.

² Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 127. Л. 75.

³ Там же. Д. 79. Л. 37, 38.

⁴ Там же. Д. 89. Л. 132–133.

«Работы развернуты неудовлетворительно, не обеспечены своевременный подбор и отвоз земельных участков, разработка технической документации. Разработанный проект непригоден для массового строительства (многоэтапность щитов, отсутствие жесткости всей конструкции, неэкономичный расход древесины и т.д.). Начаты лишь земляные работы, наряд на мобилизацию 3 500 рабочих выполнен на 38 %, выделенные фонды слабо реализованы: по цементу на 23 %, железу кровельному – 26 %, на стекло, шифер, белила, газотрубы и гвозди – не реализованы»¹.

Для больших городов предусматривалось строительство более крупных жилых зданий. Впервые на государственном уровне «основным типом нового жилищного строительства» провозглашалась не отдельная комната, а «односемейная квартира». Принцип «Каждой семье – изолированную квартиру» должен был служить залогом соблюдения санитарно-гигиенических норм и здорового образа жизни «группой близких родственников». Обязательным элементом каждого жилого помещения должна была стать теплая уборная. В первом же году 4-й пятилетки планировалась ликвидация всех землянок, служащих жильем. Запрещалось строительство новых общежитий-казарм². Однако отказаться от коммуналок власти так и не решились, несмотря на антисанитарное состояние большинства из них. По результатам обследования Госсанинспекции 120 тыс. общежитий в РСФСР, проведенного в августе 1945 г., было закрыто 45, передано в прокуратуру 36 дел, на 4940 были наложены штрафы³. В качестве показательного примера малопригодного жилья приводился акт обследования «комнаты № 16, расположенной на третьем этаже трехэтажного кирпичного дома-общежития», принадлежащего I Медицинскому институту: *«Дом неканализованный. Имеется в габарите здания по 2 выгребных уборных на каждом этаже. Водопровод имеется, но не исправный. Умывальные раковины в коридорах сняты. Дом имеет центральное отопление, которое с начала войны не действует, котельная разрушена. Дом отапливается временными печами с дымовыми трубами, выведенными в большинстве комнат в окно. Дом коридорной системы. В каждом этаже имеется по 8 комнат. Население дома около 100 человек. Кровля не исправна и протекает во многих местах. В комнате № 16, вследствие длительного протекания, обвалилась значительная часть штукатурки на потолок; видна почерневшая, сгнившая подшивка. Такое же положение в других комнатах 3 этажа. Стены во всех комнатах сырые, во время дождя комнаты заливаются водой. Коридоры, лестницы грязные, закопченные, штукатурка со стен обваливается. Выгребные ямы переполнены и не чистятся. Комнаты третьего этажа к жилью не пригодны»⁴. До проведенного обследования в комнате № 16 «произошло 8 обвалов штукатурки, один из которых обрушился на голову гр-ки Липовецкой»⁵.*

¹ ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы. Ф. 490. Оп. 23. Д. 71. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 649. Л. 5–8.

³ Там же. Л. 70.

⁴ Там же. Л. 71.

⁵ Там же. Л. 73.

С 1 сентября 1945 г. вводились новые правила устройства, оборудования и содержания рабочих общежитий, утвержденные СНК СССР. Их заселение рассчитывалось из нормы 4,5 кв. м. на чел. и не более 6 чел. на одну комнату¹. Запрещалось занятие под жилье подсобных помещений и мест общего пользования². Установленные нормы жилой площади и запреты по превращению в жилье хозяйственных помещений вызывали возмущение со стороны ряда наркоматов, в ведении которых находились общежития. В частности, Наркомат минометного вооружения настаивал на доведении «прожиточной площади» до 2–3 кв. м, Наркомат боеприпасов – 4 кв. м, танковой промышленности – 3,5 кв. м³. При этом их представителей не смущало то обстоятельство, что «до сего времени остались совершенно недопустимыми условия жизни в общежитиях, например Тракторострой в Сталинграде, где до 2000 рабочих расположены в малоприспособленных землянках на сплошных нарах, без постельных принадлежностей»⁴.

Не менее плачевная ситуация складывалась и в еще одной разновидности жилья общежитского типа – детских домах, опыт нахождения в которых примирил не одно послевоенное поколение советских граждан с коммунальным бытом. По данным республиканских наркомпросов на 1 октября 1945 г., в СССР насчитывалось 5 003 детских дома, где находилось 354 701 чел. По РСФСР эти цифры составили, соответственно 34 912 и 356 899, Молдавской ССР – 22 и 1929 чел.⁵ В «Докладной записке госсанинспекции наркомучпросвещения о санитарном состоянии детских домов в СССР, 1945 г.» указывалось на резкое ухудшение в них за годы Великой Отечественной войны жилищных условий. Причиной тому называлось увеличение численности воспитанников при неизменных материально-технических возможностях детских домов: «В Казахской ССР в 1945 г. количество д/д по сравнению с 1944 г. увеличилось на 12, а число детей за это время на 3274 чел. Отсюда становится понятной та резко уменьшившаяся средняя полезная площадь, которая наблюдается в настоящее время во многих д/д вместо установленных 5 кв. м. на каждого ребенка: Украинская ССР – от 0,75 до 1,5; Белорусская ССР – от 1 до 2; Таджикская ССР – от 0,5 до 2; Башкирская АССР – от 0,9 до 1,5. В 72 д/д Новосибирской области – 1,5 кв. м». Обеспеченность инвентарем не удовлетворяла потребностей: из-за отсутствия кроватей в 1559 (50 %) обследованных домах «дети спят по 2–3 чел. на одной кровати. Вследствие отсутствия шкафов и тумбочек дети раскладывают вещи личного пользования на кроватях, окнах или просто на полу»⁶.

Все разрабатывавшиеся проекты жилых построек того времени проходили экспертизу технического бюро⁷ Академии архитектуры. Ее заключения носили, как правило, рекомендательный характер и отражали официальные представления

¹ ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 649. Л. 79.

² Там же. Л. 91.

³ Там же. Л. 102, 110.

⁴ Там же. Л. 48.

⁵ Там же. Д. 638. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 638. Л. 5

⁷ В ряде документов оно проходит как «технический совет».

о предназначении жилья и допустимой степени его комфортности. Так, рассматривая в октябре 1944 г. проект одноэтажного одноквартирного шлакобетонного дома с квартирой в три комнаты академика Великанова, экспертное бюро рекомендовало принять его для опытного строительства со следующими изменениями и дополнениями: «Объединить умывальню с уборной и расширить площадь кладовой». В отношении проекта двухэтажного 16-квартирного шлакобетонного дома архитектора Руднего к уже отмеченным ранее изменениям добавлялась необходимость «убрать из алькова встроенную мебель»¹. Показательно, что многие проекты предлагали малоэтажную и в основном деревянную застройку послевоенных городов, обосновывая ее гигиеничностью строительного материала и обеспечиваемым им здоровым воздухом². Начавшееся ведомственное обсуждение проектов жилых зданий, подготовленных техническим бюро, вызвало множество замечаний со стороны различных наркоматов. Главным из них являлось «завышение площади жилых комнат против нормативов, установленных ГКО от 25 мая 1944 г.»³ По мнению Наркомата танковой промышленности, завышенность площади жилых комнат создавала опасность «заселения индивидуального дома с собственным участком несколькими семьями»⁴. В 1945 г. Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР был предложен новый проект норм жилых домов и квартир. Все они должны были в обязательном порядке оборудоваться кухнями в зависимости от общего метража квартир, площадь которых колебалась от 6 до 10 кв. м, уборными с умывальнями, передней и кладовой для хозяйственных вещей⁵.

Таблица 12

Краткие предварительные итоги учета городского жилищного фонда в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов, на 1 мая 1945 г.⁶

	Всего жилых строений	Неповрежденных	Восстановленных полностью	Восстановленных частично	Вновь построенных
СССР	1 777 014	1 350 858	157 003	229 348	39 805
РСФСР	497 757	349 259	59 629	69 300	19 384
Смоленская область	11 260	5874	999	1329	3058
Ростовская область	119 187	93 572	18 136	12 496	760
Кабардинская АССР	9012	7707	728	532	45

¹ ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 649. Л. 28.

² Там же. Л. 40.

³ Норматив площади жилой комнаты не должен был превышать 16 кв. м, двух комнат – 22 кв. м. Одобренные проекты содержали соответственно 18 кв. м и 42,9 кв. м.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 649. Л. 52.

⁵ Там же. Д. 650. Л. 49об.

⁶ Составлено по материалам: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1250.

Таблица 13

Краткие предварительные итоги учета городского жилищного фонда в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов, на 1 августа 1945 г.¹

	СССР	РСФСР	Ростовская область	Смоленская область	Кабардинская АССР
Число городских поселений	1404	357	27	17	6
Число жилых строений	1 777 014	497 757	119 187	11 260	9012
Из них жилой площади, тыс. кв. м	82 559	22 969	5847	427	382
На ней проживает (тыс. чел.)	12 781	3773	783	119	61
Жилой площади в нежилых строениях, тыс. кв. м	553	150	8	10	5
На ней проживает (тыс. чел.)	91	30	1	3	1
Всего жилой площади, тыс. кв. м	83 112	23 119	5855	437	387
На ней проживает (тыс. чел.)	12 872	3803	784	122	62
Средняя жилая площадь, кв. м	6,4	6,1	7,5	3,6	6,2
Сверх того временно проживает на нежилой площади (тыс. чел.)	2 659 023	131 157	2343	23 231	390

С 1942 г. начались учет и восстановление жилищного фонда сельских населенных пунктов. Согласно сведениям отдела жилищно-коммунальной и школьной санитарии Народного комиссариата здравоохранения СССР за 1942 г., в 23 освобожденных районах Курской области «немецки в свою бытность разрушили и сожгли свыше 20 000 крестьянских дворов; в одном Дмитровском районе Курской области сожгли более 4000 жилых домов... В трех районах Ленинградской области сожжено 200 деревень и в них более 5030 домов». В Калининской области было сожжено и разрушено 67 000 жилых домов². К 1 сентября 1943 г. в освобожденных районах Курской области уже было восстановлено 9387 жилых домов колхозников, заново выстроено 856. Из них в наиболее пострадавших от оккупации и бомбежек Тимском и Мантуровском районах восстановлено соответственно 1302 и 980 жилых домов. В освобожденных районах Калининской области «восстановлено, приспособлено и построено 20 980 домов»³. 21 августа 1943 г. было принято Постановление СНК

¹ Составлено по материалам: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1250.

² ГАРФ. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 507. Л. 4–4об.

³ Там же.

СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В нем в частности предусматривалось и строительство нового жилья, которое возлагалось на местные советские органы власти. Сельскохозяйственному банку предлагалось «выделять кредиты на индивидуальное жилищное строительство в сельской местности по 10 000 руб. на семью сроком на 7 лет», а также выдавать ссуду членам семей, главы которых находились в Красной армии¹. До восстановления жилищного фонда вернувшиеся из эвакуации жители размещались в землянках, дзотах и блиндажах, состояние которых вызывало большую обеспокоенность органов санитарно-эпидемиологического надзора, требовавших их обработки от вшей. Причем наличие последних связывалось исключительно с пребыванием в «военных сооружениях» немецких солдат и офицеров².

Строительство жилья в сельской местности предполагалось осуществлять по новому плану. В этом отношении довольно интересны предложения сотрудника санитарной службы Я.М. Глушко, изложенные им в докладе «Санитарное благоустройство сельских населенных пунктов, освобожденных от немецких оккупантов» с характерным подзаголовком «В помощь общественному санинструктору». Жилой дом для колхозной семьи, по его представлениям, «необходимо строить на здоровом сухом месте. Фундамент закладывается ниже уровня промерзания грунта. Окна жилых комнат обычно обращают на улицу, чтобы в комнату попадали солнечные лучи и комнаты были светлые, рекомендуется дом строить так, чтобы окна были обращены на солнечную сторону – на юг, восток юго-восток или на юго-запад. Кроме жилых помещений, в доме необходимо иметь кухню, переднюю, кладовую. Окна этих подсобных помещений рекомендуется обращать на север. <...> Комнаты в доме должны располагаться так, чтобы в них не устраивался вход через кухню, в жилые помещения заносится грязь. В доме должны быть 2–3 комнаты и подсобные помещения. <...> Если после освобождения села бывает трудно построить такой дом, можно сделать его в две очереди. Высота жилых помещений рекомендуется примерно в 3 метра. При недостатке материалов и рабочих рук можно строить помещения высотой в 2,8 м. более низко строиться не рекомендуется. Комнаты должны быть светлые, площадь окон составляет около 1/6–1/8 площади пола. Полы необходимо делать не земляные, а деревянные»³. Однако до воплощения в жизнь этих научно обоснованных норм «здорового» жилья на селе дело так и не дошло. Отсутствие необходимых средств и более привычная конструкция жилого помещения, служившая не только домом, но и хозяйственной постройкой, очень быстро вернули селу его довоенный облик.

Обозначившиеся в годы войны попытки принципиально иного, ориентированного на потребности человека, решения жилищного вопроса еще долгое время оставались проектами. Трудности послевоенного восстановления и аскетизм быта

¹ ГАРФ. Ф. Р-922. Оп. 1. Д. 507. Л. 5об.

² Там же. Л. 6об.

³ Там же. Л. 12, 12об.

подавляющего большинства населения превращали центральное отопление и водопровод в символы повышенного комфорта, а наличие отдельной от остального жилого помещения кухни делали его элитным. Бабушка одного из авторов этой книги, уроженка и жительница сельской местности, часто вспоминала один из эпизодов своей послевоенной жизни. Когда в 1946 г., возвращаясь с фронта, она оказалась в Москве у дальних родственников, то решила, что глава семьи – очень большой начальник. Причиной тому оказались наличие кухни в квартире и предоставленная ей отдельная комната, которые она связала с высоким социальным положением родни¹.

6.3. «Жили мы и в доме, и в рабочих бараках»: опыт освоения жилого пространства участниками Великой Отечественной войны

Восприятие жилищной политики исключительно как деятельности государства по обеспечению жильем своих граждан и поддержанию его в надлежащем состоянии едва ли способно прояснить всю сложность взаимоотношений советского человека с местом, ставшим для него домом. В отличие от нынешнего поколения россиян, для которых дом – это прежде всего пространство частной жизни, оплаченное ценой исключительно собственных заслуг и усилий, военное поколение видело его результатом взаимодействия более широкого набора факторов и обстоятельств, среди которых *удобства* занимали далеко не первое место.

В рассматриваемый период весь наличный жилой фонд страны был представлен четырьмя его наиболее очевидными разновидностями: *«землянками, бараками, барскими квартирами, разгороженными на пеналы, и, как предел мечтаний, кооперативными или государственными ячейками “с удобствами”*»². И хотя большей части населения доступными оказывались только первые три из них, опыт освоения жилого пространства все равно получался разным. Эта разность обуславливалась как особенностями самого жилого помещения, так и наличием или отсутствием привычки к его заполнению *«милыми сердцу безделицами»*. Наиболее отчетливо это отразилось в воспоминаниях современников, передающих отношение человека к *месту проживания*, его плотности (*людности*), пространственной протяженности, внутреннему убранству, границам, отделяющим свое от чужого.

В воспоминаниях свидетелей и непосредственных участников событий того времени дом как место, где человек живет если и не постоянно, то подолгу, предстает в двух основных образах – места, где он жил до войны, и места, которое стало для него убежищем во время войны. Практически во всех свидетельствах, которые нам удалось собрать, война выступает тем поворотным моментом, который не просто резко ухудшает жилищные условия населения, но и значительно повышает их довоенный статус. О довоенном жилье вспоминается с душевной

¹ Их личного архива Т.П. Хлыниной.

² *Калабухова И.Н.* В прощаньи и в прощеньи. С. 40.

теплотой и каким-то особенным чувством непоправимой утраты: «Ох, уж эти довоенные нахичеванские дворы! Малонаселенные, с одноэтажными флигельками и квартирками, утопающими в зелени. У каждого соседа беседка или веранда и обязательно с кроватью. На калитке висел один почтовый ящик для всех жильцов, и каждый сосед, проходя мимо, заглядывал в него, и спешил сообщить, кому пришла почта. Где-то в сторонке, сложенная из кирпича печурка, на которой готовили обеды, распространяя вкусные запахи на весь двор; но многие пользовались примусами на общей кухне»¹. Чувства эти овеваны по-настоящему счастливым, хотя и трудным детством, запомнившимся замечательным домом, «новым и красивым, с кухней, столовой, залой и спальней, расположенными очень удобно»². У каждого из таких домов была своя очень подробная топография и обязательная отличительная особенность: «И [улицу] Седова, наверно, знаете, это вниз туда, к Дону, а это между Чехова и Седова буквально один проулок. Эта улица была в основном тоже двухэтажные дома, и стояло, по-моему, три или четыре дома двухэтажные, с мансардой – это уже считались трехэтажные кирпичные дома. Вот в одном из таких домов мы [жили]»³.

Первый образ отождествлялся с квартирой и собственным домом. Эпитет «собственный» в данном случае означал принадлежность семье, оказавшуюся результатом его постройки: «[Дом] большой, дедушка строил его в 1914 г., потому что семья была большая, у него было 10 душ детей»⁴; «Да, отец еще перед самой войной [построил]... Он коммунист, начальник кузнечного цеха»⁵; покупки: «Да, они купили домик такой небольшой. Сначала жили на квартире, а потом купили маленький домик, пополам. Соседи у нас были евреи, и они вот полдомика себе взяли, две комнатки, и две нам. Дом пополам»⁶. Зачастую функциями дома наделялось место рождения человека: «Моя коренная квартира – это Московская № 7, этот дом и сейчас стоит. Только тогда это был конец улицы, глухой тупичок, а сейчас это площадь и на возвышении стоит двухэтажный дом. Это мой отчий дом»⁷.

При этом нередко появление в семье дома связывалось с ее численным увеличением и невозможностью жить сообща: «Значит, так, у этого моего деда Михаила, который женился на этой бабке, владелице, откуда он я не знаю, было три дочери – это мои тетки. Первая – это старшая, моя мать Нина, вторая Зина, третья Оля. Почему три? Значит, дед все хотел мальчика, ну чтобы был наследник. А вот знаете, как судьба или Бог там посмеживается и делает наоборот. И потом, значит, что произошло. Во время Первой мировой войны было много беспризорников, сирот, и он подобрал какого-то мальчишку, чем-то он ему понравился, ну уже такой, лет 10 [или] чуть больше, и усыновил его. Это был Василий, фамилия у него была Черкасов. Вот это у нас был четвертый, дядя мой, но уже не

¹ Галустян В. Мой Нахичеван. Таганрог, 2011. С. 5.

² Миркин М. От Черей до Чикаго. С. 23.

³ Респондент: Баляшина Анна Исааковна.

⁴ Респондент: Шепеленко Нина Павловна.

⁵ Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

⁶ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

⁷ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

родной, а усыновленный. И дед все хотел, значит это, собственно, он так решил эту проблему. Там еще были нюансы, но это уже с трагедиями связано. Поумирали эти старики очень рано. Я их обоих не помню по материнской линии. В 1933 г. я родился, у меня память хорошая. Помню, как мы еще жили в каком-то флигелечке во дворе, наша семья, потому что тот дом родительский две сестры Зина и Ольга заняли. Они повыходили замуж, имели по одному ребенку. А моя мать, значит, она вышла за Агаркова Константина и почему-то жили уже там, не было места и во дворе флигелечек, сарай, приспособленный под жилье. Вот это я прекрасно помню. И потом мои родители построили дом такой добротный с выходом уже на улицу, и вот уже войну мы, собственно, пережили в этом доме»¹.

Обитатели собственных домов, жилая площадь которых зачастую ограничивалась «комнаткой и кухней в 18 м», находили возможность размещаться в них по 4–7 чел., не испытывая каких-либо серьезных затруднений. Михаил Иванович Емельянов, встретивший войну двенадцатилетним подростком, рассказывал, что после ухода отца на фронт в доме остались «мать и нас четверо – пять, тетка шестая, вот. Дядька немного побыл, седьмой был, вот семь человек нас было». Пространство делили по-родственному, стараясь учитывать «кто, где уместится»: «Там печка была и вот так вот, ну, маленький залик такой и спальня одна, вот так, а здесь, где печка еще, кровать стояла, мать там была, и Володя у меня брат был 1939 г., она с ним тут спала. А Клава, сестра моя, а мы с братом тоже вместе спали, вот так. А дядька с тетей в этой, ну так, разделенная она была, эта узкая была, вот такая вот, мы с братом спали, потом здесь мать. Бывало такое, что и в коридоре мы с братом спали, а Клава, сестра, тут находилась. Ну, так как-то, не знаю, там печка еще вон. Дядька печник сам был, печку здоровую сделал, на печке спали, будто бы как русская печка называлась»². Об отдельной комнате или хорошей квартире Михаил Иванович тогда даже не мечтал («какие мечты в то время!»), а на вопрос о том, не смущали ли теснота при таком обилии народа, ответил неожиданно: «Жили так вот, да, а потом дядьку забрали тоже на фронт, в стройбат его, по строительству забрали. Ну, дядька пришел, а отец нет. Ну, дядька уже заболел, больным был, пришел, его комиссовали, еле живой. Он долго не прожил, тоже умер. Вот так, а отец погиб, и концов не нашли. Как-то мы с сестрой ездили туда, искали, там стоит такой большой [памятник], там надписей много, кто погиб. После войны, это ж 70 км Таганрог отсюда, мы ездили – ничего, фамилии нет нашего отца. Ну, как нам это рассказывал лейтенант, он говорит: “Там так рвануло, этот дзот, все разворотило”»³.

О квартирах вспоминали более сдержанно, что, вероятнее всего, объяснялось пониманием условности обладания ими: «У нас там двухкомнатная была, помоему, такая, я вспоминаю... Не знаю. Помню, что мы уехали, бросили это и все»⁴. За исключением тех случаев, когда они осознавались социальным благом: «Да, для

¹ Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

² Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

³ Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

⁴ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

тех времен, когда был большой квартирный кризис, это было очень большое благо, была прекрасная квартира, две комнаты такие большие квадратные с паркетными полами, отдельная кухня, изолированная. Квартира была прекрасная и даже после войны, когда отца не было, мы с мамой вдвоем остались, и жизнь была тяжелая, наличие хорошей квартиры, это как-то скрашивало материальный уровень людей. Хорошая была очень квартира»¹.

Первой квартирой Алексея Федоровича Акимова стала комната на две семьи, полученная его матерью от фабрики, где она работала: «А при фабрике были корпуса для рабочих, корпуса такие [с коридорной системой]... Вот эти самые каморки – 11 м длина, 4 м ширина. Вот такие большие каморки, по две семьи в каморке. Нас трое и соседей трое. То же самое: женщина, муж ее где-то, не знаю подробностей, у нее тоже было двое детей, и у моей матери нас было двое. Вот, 6 чел. – мы в этой каморке жили. Это Ярославская большая мануфактура, славилась она. Этот купец, Корзинкин – сам он жил в Париже, на фабрике был управляющий. Вот и мы там жили». В 1935 г. он женился и два года прожил с родителями жены «в хорошей изолированной квартире»: «Трехэтажный дом, фабричный. Попав туда, поселились многосемейные, они тоже в каморках жили, родители, и им дали квартиру. Вот, они поселились в этой самой квартире, и я с ними пожил два месяца [до призыва в армию]». Перед войной жена получила от Ярославского шинного завода, где работала в лаборатории, отдельную комнату в квартире гостиничного типа, «там два туалета было, ванна была, все удобства были». К этому времени в семье уже подрастало двое маленьких детей, но тесноты не чувствовалось и комнату не делили: «Да нет, ну, что они – маленькие детки». По окончании войны с семьей и матерью оказался в Ростове-на-Дону, где «сняли комнату на Ростов-горе – комнатку проходную, малюсенькую, и что-то очень дорого платили за нее». Через несколько месяцев жена решила записаться на прием к начальнику тыла Северо-Кавказского военного округа и рассказать, в каких условиях живет семья. В результате получили возможность выбрать номер в гостинице. «Вот эта гостиница “Ростов” – она была вся разграблена, там не было ни воды, ни электричества, ни отопления, ни канализации, ничего в гостинице не было. А наш номерок вроде люксовский был, даже окно заделали кирпичом! Вот такую маленькую [дыру] оставили, чтобы свет шел с улицы. И мы в этой гостинице в зиму остались, без отопления, без воды. Страшно было! Город был разбит, ой, ужас что! В 1946 г. Ростов – это страшное дело было, понимаете? И вот мы, наверно, с год прожили в гостинице “Ростов”, в этой разграбленной. Ну, паек был, в штабе округа получали паек, более или менее ничего. Ну, жена кое-что где-то там тоже промышляла»².

При этом жилое пространство и в том и в другом случаях не сводилось к сухому перечислению его составляющих, а являлось неотделимым от его обитателей: «Значит, это двухэтажный дом и четыре квартиры, из них три коммуналки и одна бывшая дворницкая. Значит, в одной квартире осталась одна женщина,

¹ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

² Респондент: Акимов Алексей Федорович.

такая хиленькая, ее и немцы не забирали на работы, и с ребеночком, годика три. В другой квартире не осталось никого. На первом этаже осталась мамина подруга, бывшая дворянка, такая»¹. «На Никольской был дом наш, я маленькая была. Такой колоссальный дом, большой частный, газон великолепный и пес, маленький, пушистый такой, шиш. У меня отметка: я маленькая была, что-то поползла, а он меня хватя за щеку»².

В ряде воспоминаний дом как таковой ассоциировался с более широким географическим понятием населенного пункта или учреждения, его заменившего: «Когда мне исполнился один год, то есть в 1924 году, отец и мать переехали в местечко Черяя Витебской области, преимущественно еврейское по населению и образу жизни... Местечко располагалось в живописном месте: кругом замечательные леса, полные ягод, грибов и орехов, на окраине – большое озеро (примерно три километра в длину и шириной с километр). Встречаются гористые места. Очень много зелени и садов»³. «Я остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыш против них. А потом в 1925 году советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали. Николаевка была в Одесской области... Я побыл там 5 лет»⁴.

Практически ни один из респондентов не остановился на описании внутреннего убранства дома, за исключением тех немногих случаев, когда какая-то деталь интерьера запечатлевалась в памяти на долгие годы: «Значит, вот как зайдешь, как и положено, в правом углу, от потолка и вот внизу вот такой треугольный столик – это были иконы»⁵. «Ну это как купцовый или как богатых, короче [дом]. Тут все переделали, тут все зеркальное было, круги кругом были в этом доме»⁶. Вероятнее всего, аскетизм и неприхотливость советского быта, вызванные целенаправленным идеологическим воздействием и крайне низким уровнем жизни пореволюционного времени, не располагали к такого рода воспоминаниям. Хотя две собеседницы, чье социальное происхождение еще 10–15 лет тому назад было бы определено категориями «бывшие» и «из интеллигентского сословия», детально обрисовали некогда занимаемые их семьями жилые пространства «вот с такими стенами в восемь кирпичей, с парадным входом... а для прислуги был [вход], не железная лестница, как в обычных купеческих дворах парадная, но уже с деревянной лестницей и две комнаты, ведущие из этой парадной для прислуги комната, там кухарка, прачка, вот такое вот. А между основной квартирой была лестница, которая спускалась ниже. Между лестницей была большая ванная и только после этого ход туда в ту половину»⁷. «Мы меняли нашу московскую квартиру, девя-

¹ Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна.

² Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна.

³ Миркин М. От Черей до Чикаго. С. 22.

⁴ Респондент: Жуган Николай Павлович.

⁵ Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна.

⁶ Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

⁷ Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.

тиметровую такую комнатку в коммуналке, а поменяли на коммуналку здесь, но шикарную... Это известный памятник конструктивизма, его сейчас изуродовали. Там было так, типа в нашей квартире: две комнаты смежные и одна совершенно изолированная. Вот заселяли обычно две семьи. Вот смежные комнаты, это какая-то большая семья, ну вот, например, по тогдашним временам нас там жило четыре человека, считалось, что у нас хоромы»¹.

Показательно, что обе они впоследствии неоднократно возвращались к событиям того времени, что нашло отражение в ряде газетных интервью одной из них² и нескольких книгах другой³. Именно книги, чьими главными действующими лицами стали «или ближайшние родственники, или друзья, или сослуживцы», а некая «присочиненность» послужила основанием для автора отнести их к жанру «повестей и рассказов»⁴, передают особенности освоения жилого пространства людьми различного уровня достатка и разного отношения к быту. Так, описывая квартиру родителей своей детской приятельницы Милочки Уманской, «хорошенькой кудрявой девочки», И.Н. Калабухова отмечает, что воспринималась она «как нечто предназначенное для созерцания и изучения, а не для жизни. Необыкновен был пол – он состоял из дощечек разного оттенка, уложенных елочкой. Темно-красные портьеры на окнах прихвачены медными кольцами. В спальне висел тоже темно-красный, очень мягкий на ощупь ковер. Но самой удивительной казалась большая картина в столовой»⁵. Не меньшее удивление вызывал и довоенный дом еще одной ее маленькой приятельницы Ляли Равикович, у каждого из обитателей которого имелся не просто свой уголок, но и целая отдельная комната: «У тети Жени в ее крохотной комнатке стоял маленький хрупкий столик, покрытый зеленым сукном, кое-где укапанный чернилами. На нем – маленькая настольная лампочка с зеленым же шелковым абажуром в виде колокольчика на медной, согнутой, как стебель, ножке... Еще стояла тут покрытая куском синего, слегка потертого бархата ручная швейная машинка, узкий черный шкаф с платьями тети Жени и Веры Исаевны и маленькая, чуть не с сундук длиной, кушеточка. В Валюшиной комнате меня поражал сам факт существования письменного стола, предназначенного для девочки-школьницы»⁶. Наличие этой отдельности, создававшей возможность уединения и некоторой внутрисемейной автономии, являлось по тем временам большой редкостью, особенно на фоне жизни «напоказ», которая зачастую просто не замечалась и воспринималась «нулевой степенью письма»: «Две наши довольно большие по тем временам комнаты были не только общие, но как-то всеобщие. Речи не было не только о том, чтобы их как-то разделить между нами, как это сделали Равиковичи, – ни у кого не было даже своего уголка, зоны действия, сферы существования, все вершилось на виду у всех, и всех это устраивало. Теперь-то я думаю, что не устраивало мою еще молодую

¹ Респондент: Калабухова Инна Николаевна.

² Девочка и война. URL: <http://www.krestianin.ru/articles/18215.php> (дата обращения: 25.10.2012).

³ Калабухова И.Н. «Где мои тринадцать лет?..»; Ее же. В прощаньи и в прощеньи.

⁴ Калабухова И.Н. «Где мои тринадцать лет?..» С. 3.

⁵ Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 9.

⁶ Там же. С. 97–98.

мать, которой бы хотелось иметь личную жизнь, но в нашей спартанской семье это никому не приходило в голову»¹.

Невосприимчивость к отсутствию собственного жилого пространства, «заветного уголка» не в последнюю очередь обуславливалось и жизнью большими семьями, которая оборачивалась не только скандалами, но и шумными, запоминающимися праздниками: «... там у нас в доме было четыре комнаты: две маленьких, как бы считалось спальни. До войны ту дальнюю, что выходила на улицу, там отец с матерью ночевали, а мы с сестрой, ну да, собственно, мы жили во второй спальне, но еще была у нас бабушка, отцова мать. Она, значит, я даже и не помню, она то у нас ночевала, то ее куда-то выселяли в кухню там. Вы знаете, очень так было отношение сыновей, причем у нее было три сына, и у старшего Кости, она, собственно, и жила. И всегда происходили скандалы между вот этими братьями, что мать, значит, вот. Отец поднимал вопрос: почему мать у меня все время живет? А те, значит, такие были, что вроде тесно, в общем, наводили всякие доводы. И я помню, что когда были какие-то праздники большие, ну там советские или церковные, собиралась вся родня. И застолье было такое, по-русски, с крепкой выпивкой, знаете? И, вот, помню, как я еще маленький, ложился спать во время, там в 9–10 часов вечера, а потом от какого-то шума я просыпался. И я из своей комнаты смотрел, как в той комнате дерутся все»².

В ряде воспоминаний встречаются упоминания о перегородках, ширмах, «каких-то немислимых закутках», посредством которых мир взрослых хотя бы на время отгораживался от мира беспокойного детства, также требовавшего своего неподконтрольного существования. Нередко оно достигалось совершенно неожиданным образом путем наличной планировки жилья: «Папина была комната с мамой и наша, а посередине была кухня»³, его перестройки: «Позже, в 1938 году, к нему [дому. – Авт.] добавили крыльцо и пристройку, впоследствии сыгравшую положительную роль в приобретении мной независимости»⁴, либо же переселением в другую квартиру: «...мы переселились из маленькой квартиры в большую, в этом же доме, отец хотел три комнаты, потому что я вырастала. Был совершенно потрясающий человек, управляющий домами, это политкаторжанин, это ленинцы, которые на каторге были, совершенно необыкновенное поколение. И он, конечно же, был болен туберкулезом, как они тогда, без всяких взяток, без всего, и когда появилась квартира гораздо больше, чем наша маленькая двухкомнатная, он привел отца, и мы переселились»⁵. Лидия Владимировна Ямщикова, вспоминая опыт проживания в разных домах, в этой связи отмечала: «Это были четырехэтажные дома, вот такого кирпичного типа. <...> У нас одна комната была, несмотря на то, что нас было 5 человек. Вот, мы жили в одной этой комнате, правда, большой... Очень просто [размещались], стояла у нас перегородочка такая. Да вот, знаете,

¹ Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 99.

² Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

³ Миркин М. От Черей до Чикаго. С. 23.

⁴ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

⁵ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

раздвижные раньше были? Там медведи, три мишки нарисованы, дерево, вот это я все хорошо помню. Вот наша половина была вот так отгорожена к окну, а у них была у дверей комната»¹.

Жилое пространство рассматриваемого периода различалось не только своей протяженностью, но и внутренним убранством. Привычная довоенная простота и предельная функциональность вещей сочеталась со стремлением к уюту и одомашниванию пространства посредством бытовых мелочей: «Теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, чем беден был мой родной дом, чего так не хватало в нем моему детскому существу, так не хватает растущему организму кальция, и чем так всегда спешила я наглотаться в доме Равиковичей. У нас в квартире не было ничего лишнего, ничего бесполезного, а именно бесполезное, лишнее придает бытию оттенок неповторимости, индивидуальности, является теми минеральными солями, которые создают вкус питьевой воды... Впрочем, было и в нашем доме несколько красивых вещей. Но тогда я их прелести не понимала – как не понимала неуместности кухонной мебели в красном углу – не ценила. Попали же они к нам не за свою красоту, а скорее всего, случайно, и сохранились потому, что у них было вполне конкретное назначение»².

Дом представлялся не только конкретно локализованным местом проживания с разной степенью бытовой комфортности, но и атрибутом материального достатка, а также социального статуса: «Строили дома, они были примитивные, что такое саманные дома, Вы знаете. Или планкованный дом – это когда деревянная основа, обитая планками, и она набивалась глиной. А вот кирпичные дома – это была редкость, это были только богачи, местные богачи окраинные могли поставить. Вот на нашем квартале, где я жила, было всего два кирпичных дома, остальные были планкованные или саманные. У нас был планкованный дом, который в 1930 году построил мой дед, в котором я и родилась»³. Редко, но, тем не менее, отмечались и условия проживания: «Наши смежные вдвоем, а их отдельные. Кухня отдельная, кухня, правда... да ну, не меньше, чем теперь в хрущевках. Вот так это строилось для рабочих, а напротив был корпус, там были изолированные квартиры. И вообще, они были оборудованы лучше, по-моему, там были ванны. У нас ничего. Горячей воды ни у кого не было, холодная, но у нас не было ни душа, ничего»⁴. Следует отметить, что ситуация отсутствия необходимых с точки зрения нашего современника удобств каких-либо раздражающих комментариев у собеседников не вызывала.

Ценность довоенного дома определялась как восприятием его в качестве места рождения, «семейного гнезда», «родительской вотчины», так и невосполнимой утратой, подчеркиваемой неприглядностью сменяемых с калейдоскопической быстротой временных пристанищ периода эвакуации: «[У кого остановились в Махачкале?]. На улице, сидели, как цыгане табором. Там собрались людей тысячи»⁵.

¹ Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

² Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. С. 100, 102.

³ Респондент: Сёмина Виктория Николаевна.

⁴ Респондент: Сёмина Виктория Николаевна.

⁵ Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна.

«Приехали мы в Баку, в надежде, что мы все-таки вернемся, и над Баку начали летать самолеты. И тут уже холода, октябрь месяц. И там мы уже сидели, я Вам скажу, я не знаю, как назывались эти хатки, глиняные хатки, там, значит, на зиму загоняли овец. Потому что днем тепло было, а вечером холодно, и вот мы в этих хатках»¹. «Мы жили в той части Ташкента, она называется Бесагач, это тогда был дальний район. Там была тоже обувная фабрика, и было общежитие, двухэтажное здание, нам подготовили комнаты. Комната была примерно как детский класс в школе. Топчаны свежие сделали нам, было у нас на чем спать, и в нашей комнате жило 19 человек из приехавших»². При этом плотность жилого пространства вовсе не исключала возможностей его личного обустройства и частного освоения: «...каждый в комнате занимал свой угол. Скажем, два топчана – это наш угол, еще чей-то угол, еще чей-то»³.

При этом многие респонденты сохранили воспоминания о жизни в «вынужденной ссылке» (эвакуации) как об относительно «нормальной и даже в чем-то хорошей жизни»: «Запомнилось мне, как мы работаем в колхозе. Хлеб там такой был вкусный. Они его пекли на капустных листьях. И это же хлеб был натуральный, т.е. пусть его было мало, но это ж перемололи муку и сделали хлеб, не то, что сейчас, потому что сейчас вообще я не знаю, что это, хлеб или что. Значит, очень вкусный был хлеб, мне запомнилось. Мне запомнились несчастные эти эвакуированные, которые вот какие-то такие беспомощные были. Ну мама моя вот шила, мы там в колхозе что-то там крутились в школе, что-то там, в общем, я ж говорю, спектакли устраивали. Мы “Бориса Годунова” ставили в школе...»⁴. Эта нормальность во многом оказалась связанной и с теми конкретными людьми, с которыми приходилось жить «под одной крышей»: «Очень теплые у меня остались воспоминания о казахах. И знаете, в какой-то мере это как бы я считаю своей второй родиной. И когда потом у моих соседей заговорили что-то плохое о казахах, мне это очень [неприятно было], я вообще не люблю такие разговоры, у меня о них очень теплые воспоминания»⁵.

В годы войны появились и были освоены новые типы жилья: блиндажи, противотанковые рвы, палатки. Е.С. Тюкина, сбежавшая на фронт и попавшая в санэпидемотряд, после благоустроенной воронежской квартиры оказалась в армейской палатке. Спустя семь десятилетий о жизни в ней она вспоминала как о чем-то привычном и даже уютном: «...там у нас были такие надувные матрасы... Мы печку топили. Такую, буржуйку, зимой, когда надо было, а так, в общем-то...». По ее тогдашним ощущениям, нахождение в палатке одновременно 6–7 чел. больших неудобств не причиняло, а отсутствие в общепринятом смысле этого слова личного пространства заменялось наличием матраса, который «был у каждого своим»⁶.

¹ Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.

² Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

³ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

⁴ Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна.

⁵ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

⁶ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

В жизнь фронтовиков и эвакуированного населения входил и национальный жилищный колорит. Н.Ф. Резникова, оказавшаяся с медсанбатом в Северной Осетии, в одном из горных аулов впервые увидела саклю: «Сейчас точно не помню, или в ауле Дунте, или в Камунте я явилась и увидела первый раз саклю. Это удивительное сооружение. Это как-то земля, земля, земля, вот очаг, и сверху дыра, и вот туда дым поднимается. А там и тепло, и светло, и все нормально оказалось в этой сакле». При этом ее больше всего удивила не сама сакля как непривычный для русского человека тип жилища, а ее естественное освещение: «Вообще-то мы подсвечивались из снарядов артиллерийских, готовили гильзы уже свободные и делали светильники для раненых»¹. Аулы Южного Казахстана встретили эвакуированных домами-кибитками: «Им там приготовили дома, по-ихнему это дома-кибитки. У них дома, как у мусульман, одна сторона улицы – окна выходят, а другая сторона улицы – задняя часть, т.е. дома на восток расположены... Вот две бабушкины сестры – каждая получила по домику, по кибитке, и мы въехали в одну такую кибитку. Значит, сени, там закром, и в закроме пшеница. Ее возят на мельницу, пекут пышки, хлеб. И одна большая комната с мазаными полами, низкая. Никакой мебели. Печка, вмазан казан чугунный в печку, и в этом казане варят пищу»².

Именно в эти годы советский человек приобрел опыт «жилищной мобильности». Оккупация, делавшая далеко небезопасной жизнь вблизи месторасположения противника, и массовые разрушения жилищного фонда вынуждали его либо перебираться в относительно спокойные районы, либо эвакуироваться за пределы насиженных мест. Одна из респонденток, жительница Ростова-на-Дону, чья семья подпадала под «решение еврейского вопроса», рассказывала о том, как приходилось три или четыре раза менять пристанище. В 1942 г. она с семьей оказалась у родственников, эвакуировавшихся в Ташкент: «А еще в войну, это было, сейчас скажу Вам, когда первые немцы ушли, уже подходило где-то к 1942 г., лето или зима – это я точно не помню, пришла тетя Маруся, папина сестра. Вот, она пришла и говорит, маму мою звали Елизавета Ивановна: “Лизочка, ты с детьми?” А мы жили уже на Донской, в 51 номере. Ее окна выходили к нам во двор, на Донскую. И она маме говорит: “Ты детей забирай, потому что мы эвакуируемся, Йося получил назначение там, в Ташкент”. Короче, они уезжают: “Только ты, пожалуйста, мебель сохрани и стаканы тонкие, чтоб не побились...”». Вторую оккупацию города, когда «уже взялись за евреев», они пережили «на “Сельмаше” и в квартире на Книжной... Вот, немцы ушли, и мама – каким путем она получила эту квартиру, я не знаю. Вот, а она, значит, когда открылась мебельная фабрика на [улице] Донской – это недалеко от [улицы] Подбельского, между Подбельского и Семашко, и вот она, может, оттуда, может, как, я не знаю, каким путем, короче, мы поселились в этом 51 номере. Нет, это после войны, а тетя Маруся – мы жили в 56 у нее, пока она не вернулась из эвакуации, после вторых немцев, а потом

¹ Респондент: Резникова Надежда Федоровна.

² Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

мы уже переселились с этой квартиры, там полуподвальное помещение было, где мы жили в 51, на Донскую, тоже здесь, только напротив. У меня даже есть фотография возле нашего дома. Война закончилась, мы уже жили в 44 номере, и отсюда я замуж вышла»¹.

Мириам Филипповна Гольдфарб, пережившая первую оккупацию в Ростове-на-Дону, отмечала, что в то время «у людей принято было кучковаться», самоуплотняться: «Просто, скажем, живут в Нахичевани, боятся бомбежки. Вечером с чемоданами едут в центр города к кому-то из родственников. А из города едут в Нахичевань с чемоданами. Люди метались, хотели спастись от бомбежки. Кроме этого, город прифронтовой, боялись все. Надо эвакуироваться. Если оставаться – что [делать]? И люди объединялись, родственники сходились где-то в одной квартире. Поэтому в нашей квартире жили: я и мама, папа, но о папе особая речь, мамина сестра с двумя маленькими детьми и ее муж. Дети: одному был год, а другому 4 года и бабушка»².

Вместе с опытом освоения нового жилого пространства в жизнь входили и непривычные жилые постройки. Так, вспоминая Рыбинск, где семья оказалась в эвакуации, Анна Исааковна Баляшина говорила о впервые увиденных высотных домах: «Потому что получилось так, что в 1936 г. немцы построили там авиационный завод, и там был организован просто городок, где стояли вот так вот перпендикулярно к проспекту, на котором они находились, дома. Причем там стояли тогда девятиэтажки, которые для нас – это было такое событие. Потому что там, в основном, мало кирпичных зданий, а то все деревянные здания и все одноэтажные, максимум двухэтажные. Вот и они там, вот эти три дома. Значит, там заселили всех, которые у них работали, и их семьи»³.

По преимуществу коммунальный быт того времени неизбежно сталкивал советского человека с людьми, жившими по соседству. Фигура соседа, ставшая карикатурно-зловещей благодаря длительно просуществовавшему в нашей стране коммунальному быту, в воспоминаниях людей, переживших войну, выглядит не столь однозначно негативной. Многие респонденты с большой теплотой и благодарностью вспоминали своих соседей: «А потом поменяла эту комнату в общежитии на комнату, но эта была не коммунальная квартира. Это был дом такой, наверное, жактовский, как тогда говорили, но это был небольшой бревенчатый дом. Это в Сибири было. Но он вот тоже, во всяком случае, наше крыло было поделено между двумя семьями, у меня комнатка и у соседей две комнатки. Мы год прожили вместе, что называется душа в душу. Как-то и я, они пожилые две женщины, я им старалась помочь, ну, очень приятная была соседка, мать ее, может быть, не очень приятная, но она старая была, что там, только помочь ей можно было. А наоборот, когда я заболела, у меня возникли затруднения, соседка нам помогала. Так и прожили...»⁴.

¹ Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

² Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

³ Респондент: Баляшина Анна Исааковна.

⁴ Респондент: Калабухова Инна Николаевна.

Теснота и плотность жилищных условий лишали советского человека элементарной возможности уединения. Его жизнь протекала на виду большого количества людей, которые с течением времени и в силу укоренившейся «привычки к коллективному» уже не казались ему посторонними. При этом вовлеченность в пространство чужой жизни зачастую происходила «исподволь», навязываясь не столько общностью проживания, сколько неизбежностью коммуникативного соприкосновения: *«А вот Вам хочу сказать, что вот, например, вот эта наша одинокая армянка, царствие ей небесное, как говорится, у нее какие-то, она была одинокой женщиной, были какие-то личные, интимные истории. И вот наши соседи во дворе: “Маша, Маша, вон там Сирануш пошла”. И они бежали за ней по улице. Они бежали за ней по улице, посмотреть, с кем и куда пошла. Вот это я говорю, люди со двора громадного дома. А она жила у нас за спиной, и мы никогда ничем этим не интересовались. Нет, ну что-то, какие-то обрывки невольно, когда живешь так тесно, долетали. Ну, как долетали, так и улетали. И мы скорее от кумушек на лавочке знали об ее личной жизни, чем из наших личных наблюдений»¹.*

Перипетии жилищной политики, сопровождавшиеся частыми уплотнениями обладателей избыточных площадей, приводили к соседству представителей различных социальных слоев. Такая ситуация не могла не сказываться на характере отношений между жильцами: *«Значит, в этой половине жила очередная пролетарка... В эту квартиру дед с бабушкой заселились люди, в общем, это была уже коммуналка. И в коммуналке уже были разные отношения очень. Вот эта, вот которая жила в квартире внизу, которая шла с лестницы, тоже Мара такая, с характером, она все еще хотела навести порядок в господской части, если так выразиться, говорила: “Не закрывайте двери!” В ту часть вела дверь, которая с этой стороны закрывалась, прислуга не могла прийти, если ее не звали, чего ходить. Так она все требовала, что бы мы эту дверь не смели закрывать, а там был такой крючок большой. Ну, вообще в силу дедовской громадной интеллигентности, бабушка ссорилась, шумела, а дед это дело утихомиривал»².*

Не способствовали хорошим соседским отношениям и широко распространенные во время оккупации факты самопроизвольного вселения в квартиры ушедших на фронт, эвакуировавшихся и захвата их имущества: *«Кончилась война, я приехала одна, девочка, поступать в университет, квартира наша занята. Я пошла на Ворошиловский [проспект] смотреть, а там магазины, парикмахерская. У нас был первый этаж, и нашей квартиры вообще нет. У нас была очень большая площадь, прекрасная квартира, нас было 6 человек, еще бабушка, а так мы остались в этой коммуналке [на Станиславского]. Я пошла к себе домой, открывает дверь какой-то дядька. Я говорю: “Вы извините, это вообще наша квартира, но я понимаю, что Вы тут живете. Но я приехала одна, отец мой еще на фронте. Можно мне переночевать? А то у меня завтра первый экзамен”. Он меня повернул спиной, дал мне толчка, вот так, как говорится, под зад коленом, и я очутилась на*

¹ Респондент: Калабухова Инна Николаевна.

² Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.

веранде, и все»¹. «Вот я приехала домой, там живут чужие люди. Я говорю: “А где наши стулья хотя бы или что там...” Вот мне даже Клара Борисовна говорит, вот те забирали ваш диван, у этих это, ваш стол находится вот в том учреждении. Она мне все говорила, где что. Я пошла, нашла этот стол большой, там тем более вырезки: Вика, Женя, Валя, Лера. “Иди, девочка, как пришла, так и иди отсюда”»². Нередко подобные ситуации разрешались «по закону» и вспоминались «без особой обиды и зла»: «Мы там прожили до войны и когда возвратились, то в нашей квартире жили две семьи. Но папа пошел в военкомат, и одну семью сразу переселили. А там одна комнатка еще была, когда заходили – большая комната, и прямо туда была комната небольшая, там оставалась пара – муж, жена. Еще какое-то время мы с ними жили, а потом и они ушли, и мы опять вернулись полностью в свою квартиру»³.

В целом же, несмотря на отдельные эксцессы и возникающее непонимание, у подавляющего большинства респондентов остались самые теплые воспоминания о соседях, жизнь с которыми приучала к взаимовыручке и самоотдаче: «Очень хорошо, очень тепло. До войны у бабушки и у дедушки в этой квартире, во-первых, были хозяева дома, которых уплотнили и хотели выкинуть из дома, потому что они хозяева. Дедушка их защитил, доказал, что они не буржуи. Что он был банковский служащий и приобрел недвижимость. Понимаете? Другие еще были люди. Ну, были, как свои, теплые отношения. В “Новом быту” у всех изолированные квартиры, но все были в добрых отношениях. Я не помню негатива, может, он где-то и был между людьми. В той среде, где я сталкивалась, не было. Я не идеализирую, просто так случалось»⁴. «Вот так жили! Все, не взирая, армян, грузин или кто там, еврей – все вот так жили дружно, друг другу помогали всегда. Вот мать, нас четверо было, работала там, вот эту кашу принесет... [Соседям раздает]. На 14-ю [линию] отдавала, вот этой в 29-м [доме] многосемейная, одна девка сейчас осталась живая, а то все поумирали, им отдавали и нам отдавала: “Я вам еще принесу, а им никто не принесет”. Вот так обращение. Мать родная говорила нам: “Я вам дала, завтра еще принесу, а им кто принесет?”». Именно этого чувства «локтя» многих из них не хватает в сегодняшней жизни, которой «откровенно говоря, сейчас нет»⁵.

* * *

Характер и особенности воспоминаний участников Великой Отечественной войны о доме свидетельствуют о том, что он оставался одним из наиболее значимых локусов их частной жизни. Жизни, большая часть которой протекала в условиях, лишенных даже намека на возможность уединения или укрытия от бдительного ока соседей. Дом для советского человека оставался не только его крепостью, но и про-

¹ Респондент: Тихомирова Валерия Александровна.

² Респондент: Тихомирова Валерия Александровна.

³ Респондент: Баляшина Анна Исаковна.

⁴ Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

⁵ Респондент: Емельянов Михаил Иванович.

странством роевой жизни, где, как в классическом театре, поступки сопрягались с каноническим текстом, нарушение последовательности которого выправлялось суфлером. Этому во многом способствовали и планировка возводившегося жилья, ориентированная на коллективный быт, и малоэтажная застройка, и жизнь в небольших городах, приводящая к увеличению плотности социальных связей и сокращению личного пространства¹. Частая смена мест проживания, по сути, не менявшая образа жизни и ставшего привычным многолюдного окружения, превращала его в некую декорацию, неизменной частью которой оставалась только семья. Жилищная политика советской власти и чрезвычайные обстоятельства жизни в условиях военного времени расширили границы последней, включив в ее состав людей, деливших с ней один кров. Однако, несмотря на столь суженные перспективы оказаться один на один со своей жизнью, человеку даже в условиях коммунального быта и многопоколенной семьи удавалось сохранить пусть небольшой, но не затронутый чужим взглядом кусочек приватного. Оно не всегда находило возможности для своей реализации, но отражалось в иррегулярной переписке, наличии двери, ограждающей комнату от мест общего пользования и неизбежного столкновения взглядов, «уличных бегах», не поднадзорных родительской опеке. Следует заметить, что таких возможностей в годы войны, в отличие от мирного времени, стало больше. Другой вопрос: насколько они были востребованны и отвечали сложившемуся укладу жизни человека того времени?

¹ Согласно сведениям «Группировки городов по численности населения на 1.01.41», в СССР насчитывалось 1239 городов: в 407 из них проживало до 10 000 чел., в 334 – от 10 000 до 20 000 чел., в 303 – от 20 000 до 50 000 чел., в 102 – от 50 000 до 100 000 чел., в 90 – свыше 100 000 чел. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1060. Л. 1а.

Глава 7

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Удовлетворяя духовные потребности человека, религия занимает значительное место в его жизни. До 1917 г. религиозные организации, особенно Русская православная церковь, выполняли важнейшие функции в России, включая контроль над семейно-брачными отношениями, воспитанием и образованием. С приходом к власти большевики повели решительную борьбу против церкви, выражавшуюся в массовых репрессиях священнослужителей и наиболее активных верующих, ликвидации организованных форм религиозной жизни, атеистической пропаганде. Церковь была отделена от государства и от школы, лишена прав и собственности, а религия объявлена частным делом граждан. Главным объектом антирелигиозных кампаний выступала Русская православная церковь, которая являлась господствовавшей религиозной организацией до революции и имела самое многочисленное духовенство и значительное количество последователей. Она пережила ряд организационных расколов, фактически инспирированных властью, в результате которых выделились обновленческое, григорианское и другие движения.

Основанный в 1925 г. «Союз безбожников» (с 1929 г. – «Союз воинствующих безбожников») при поддержке государства развернул массовую пропаганду «безрелигиозного общества». В 1940 г. он состоял из 96 000 ячеек и 6 млн чел. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. существенно ограничило богослужебную и социальную деятельность религиозных общин¹. В мае 1929 г. была принята новая редакция ст. 4 Конституции РСФСР, юридически закреплявшая разные возможности верующих и атеистов: вместо декларировавшейся прежде «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» в ней признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Таким образом, фактически запрещались религиозная пропаганда за пределами общины и вовлечение в ее ряды «новых кадров трудящихся, особенно детей»². Конституция СССР 1936 г. продолжила юридическую дискриминацию верующих по сравнению с атеистами, провозгласив в ст. 124: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»³.

Часть советских руководителей предлагала в те годы полностью ликвидировать церковь и религию в СССР, однако этого не произошло. Широко пропагандировавшиеся атеистические представления разделялись значительной частью общества, но так и не стали полностью доминировавшими. Несмотря на систематические гонения на церковь, многие советские граждане сохраняли религиозные убеждения и продолжали соблюдать обряды, присущие той или иной конфессии. В условиях

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

² Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР. М., 1930. С. 46–48.

³ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. С. 30.

ликвидации значительной части храмов и приходов это все чаще происходило в домашнем, семейном кругу. Насильственно выдавливаемая из различных областей публичной деятельности, религия все больше перемещалась в сферу частной жизни, а трудности военного времени создавали новые условия для массового распространения не только веры, но и различных суеверий.

7.1. Религиозный вопрос в СССР накануне и во время Великой Отечественной войны

В ходе Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. советские граждане старше 16 лет впервые должны были открыто определить свое отношение к религии, а верующие – назвать свое вероисповедание. Ранее статистики считали подобный вопрос некорректным, но при подготовке переписи его вписал лично И.В. Сталин¹, которому никто не стал возражать. Вероятно, советское руководство рассчитывало получить подтверждение полной победы атеизма в стране, но эти ожидания не оправдались. Согласно данным переписи, верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше в СССР оказалось 55,3 млн чел. (56,7 %). При этом христианами признали себя 43,79 % опрошенных (почти 80 % всех верующих), в том числе: православными – 42,29 %, католиками – 0,49 %, протестантами – 0,47 %, старообрядцами – 0,4 %, григорианами – 0,14 %. Мусульманами – 8,39 %, иудаистами – 0,29 %, буддистами – 0,08 %, сторонниками традиционных верований – 3,62 %. Неверующих оказалось 42,2 млн чел. (43,3 %). В действительности верующих было больше: 20 % опрошенных вообще уклонились от ответа на вопрос о религии, а часть, очевидно, дала неискренние ответы, опасаясь возможных преследований².

Особый интерес вызывают данные переписи об отношении к религии представителей различных возрастных когорт. Среди верующих преобладали люди старших возрастов, а каждое более молодое поколение проявляло значительно меньшую религиозность по сравнению с предыдущей. Например, в возрастной группе 20–29 лет православные составили 32,7 %, мусульмане – 7,1 %, в то время как атеисты – 55,3 %. В возрастной группе 16–19 лет православные составили 25 %, мусульмане – 5,5 %, а атеисты – уже 62,3 %. Верующие также преобладали среди неграмотных и женщин (на 100 православных женщин приходился всего 51 мужчина)³.

Результаты переписи признали неудовлетворительными и засекретили, церковь в 1937 г. подверглась новой волне репрессий, а через два года, при проведении Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., вопрос о религии был исключен из переписного листа. К началу Великой Отечественной войны значительная часть

¹ Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация. Вып. 3–5 (ч. II). С. 6.

² Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 48.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги.

населения СССР сохранила свои религиозные предпочтения. Количество приходов и священнослужителей к 1941 г. оставалось практически на том же уровне, что несколькими годами ранее, – за счет присоединения к СССР Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии. В то же время количество храмов на остальной территории страны продолжало сокращаться. В РСФСР к началу войны сохранилось всего 950 православных общин и около 100 православных храмов, как правило, только в крупных городах. В 20 областях действовало от 1 до 5 храмов, а в 25 областях – ни одного. На Украине были закрыты все православные церкви в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях, по 1 церкви действовало в Ворошиловградской, Полтавской, Харьковской областях¹. Значительно сократилось количество храмов и прихожан и в составе других конфессий. Если до 1917 г. в России насчитывалось, по разным данным, от 14 тыс. до 26 тыс. мечетей и около 15 тыс. медресе, то к 1941 г. осталось 1312 мечетей и ни одного медресе². К сектантам советская власть в первые годы относилась вполне терпимо, но с конца 1920-х гг. и на них обрушились репрессии, приведшие к уничтожению ряда религиозных организаций.

В этих условиях немало религиозных общин продолжали свою деятельность на нелегальной основе, собираясь на богослужения и после закрытия храмов. Согласно оценкам А. Беглова, к началу 1940-х гг. численность незарегистрированных приходских общин составляла в РСФСР порядка 8–10 тыс., на Украине – 5–6 тыс. (примерно 50 % от закрытых церквей), в Белоруссии – около 600 (примерно 20 % закрытых церквей)³. В партийных документах кануна войны сообщалось, что в Буденновском районе Орджоникидзевского (в настоящее время – Ставропольского) края был «*вскрыт и ликвидирован подпольный монастырь. На территории Орджоникидзевского края с центром в г[ороде] Буденновске действовал к[онтр]р[еволюционный], тихоновско-имяславский церковно-повстанческий центр, ликвидированный во второй половине 1940 г.*». В ряде других районов края «*были организованы глубоко законспирированные кельи и молитвенные дома, обитаемые в большинстве своем беглыми монашескими элементами, бывшими попами и особенно ревностными фанатиками – верующими*»⁴.

Особенно сильным оставалось влияние религии в сельской местности. В деревне продолжали отмечать религиозные праздники, прежде всего Пасху, во время которой на работу в отдельных населенных пунктах не выходило до половины колхозников. Например, на последнюю предвоенную Пасху 20–21 апреля 1941 г. в церкви Новоселицкого района Орджоникидзевского края собралось свыше 1 тыс. верующих, «*среди которых было значительное количество молодежи и школьни-*

¹ См.: Цытин В.А. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997; Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны (государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005 и др.

² Синицын Ф.Л. Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Мир и политика. 2011. Июнь. № 6 (57).

³ Беглов А. Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920–1940-е гг. // Альфа и Омега. 2003. № 1 (35).

⁴ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 406.

ков». На работу не вышло свыше 2 тыс. чел. в колхозах «Садовод», «Красный воин» и других хозяйствах. В колхозе им. Дзержинского на работу не вышло 200 чел., включая отдельных коммунистов и комсомольцев. В колхозе «Восход» Шелковского района Орджоникидзевского края *«более половины колхозников не вышло на работу, пьянствовали»*. В колхозах «Вперед», «Красный Восток», «Красный Молот», им. Крупской Кизлярского района и в других хозяйствах в пасхальные дни не работало до половины колхозников¹.

Исполнению обрядов не помешали даже уничтожение церквей и *«изъятие»* представителей духовенства: их совершали переходившие из села в село бродячие священники, нередко в заочной форме, над вещами, принадлежавшими верующим. Крещение проводилось без детей, для них передавали уже крещеные крестики, а венчание – без новобрачных, им позже предоставлялись кольца. Заупокойная молитва совершалась над горстью земли с могилы, где был похоронен умерший, потом ее возвращали родственникам. По словам Н.П. Шепеленко, в селе Александровка Азовского района *«церковь была очень большая в деревне, очень большая, кирпичная. И когда произошла революция, ее эти коммунисты разорили. И заставляли, чтобы никто не верил, чтобы никто не молился. Все равно мы потихоньку что-то и справляли, эти самые обычаи, потихоньку, и все. А... не было церкви»*².

Даже отдельные коммунисты, в том числе занимавшие ответственные руководящие должности, продолжали соблюдать обряды и сохранять в домах иконы. В Новоселицком районе Орджоникидзевского края бывший руководитель районного отдела здравоохранения Гончаров, секретарь партийной организации колхоза им. Буденного Ефимов, заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Матвеев, инструктор райкома ВКП(б) Дружинин, председатель сельсовета Гуржуенко окрестили своих детей, а когда от них потребовали объяснения, *«то они всю вину стали относить на своих жен и матерей»*³. По словам А.Л. Крюковой, к ее отцу, работавшему на хуторе Сетраки Алексеевско-Лозовского (в настоящее время – Чертковского) района Ростовской области сначала учетчиком в колхозе, затем секретарем сельсовета, а еще позже – его председателем, *«приезжали с района, говорили: “Почему ты, Леонтий Иванович, разрешаешь, что икона у тебя висит в комнате?” А он говорит: “Я не молюсь, а жена и дети”. И вот так»*⁴. Надо полагать, что многие коммунисты и ответственные работники разделяли религиозные убеждения своих домашних, а для некоторых они, напротив, становились причинами семейных конфликтов.

Мусульмане также отмечали религиозные праздники – Курбан-байрам, Уразу-байрам. В отсутствие мулл их обязанности выполняли старики, лучше помнившие религиозные традиции и обряды. Например, в 1941 г. в ауле Ново-Кувинском Черкесской автономной области *«соблюдали уразу»* 48 чел., а в ауле Эрсакон – более 100 чел., среди которых были комсомольцы. Браки заключались с несовершенно-

¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 403, 405.

² Респондент: Шепеленко Нина Павловна.

³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 403–405.

⁴ Респондент: Крюкова Анастасия Леонтьевна.

нолетними девушками, на условиях уплаты калыма, с соблюдением религиозных обрядов. В 1940 г. «производился обряд “священия” реки Зеленчука в целях вызова дождя», на специальных совещаниях с верующими «ставился вопрос о необходимости поливки кладбища»¹.

На нелегальной основе продолжали свою деятельность баптисты-евангелисты, пятидесятники, старообрядцы, духоборы, хлысты, истинно-православные христиане и другие сектанты. В отличие от Русской православной церкви, руководство которой в лице местоблюстителя патриаршего престола, митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) стремилось доказать свою полную лояльность советскому правительству, их идеология нередко носила антисоветский и монархический характер. Так, истинно-православные христиане рассматривали советскую власть как власть антихриста, которого персонифицировали с Лениным, Троицким или Сталиным, а красную звезду – как каббалистический знак сатаны. Поэтому они противились вступлению в колхозы и уплате налогов, не пускали детей в школы и не служили в армии. Исследователи обращают внимание на то, что катакомбные движения имели наибольшее распространение в регионах с давними традициями сектантства (например, в Тамбовской и Воронежской губерниях)².

Власти негативно воспринимали проявления религиозной жизни, рассматривая ее как «к[онтр]р[еволюционную] деятельность, направленную к подрыву колхозного строительства и оборонного могущества СССР». В докладной записке уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю Астраханцева 18 июня 1941 г. отмечалось: «Остатки разгромленных церковно-сектантских к[онтр]р[еволюционных] элементов, уйдя в более глубокое подполье, продолжают вести свою к[онтр]р[еволюционную] работу. Вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются к[онтр]р[еволюционные] элементы из церковников и белогвардейцев и ведут свою работу»³. Увеличение числа «катакомбников», отвергавших подчинение Московскому патриархату и обвинявших его в сотрудничестве с большевиками, заставило власти признать, что «закрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций»⁴. Поэтому одни лишь административные меры, выразившиеся в закрытии храмов, признавались неэффективными методами управления религиозной ситуацией.

В Вооруженных силах СССР доля верующих была меньше, чем в стране в целом, поскольку в них служили преимущественно мужчины молодого и зрелого возраста. В 1941 г. на военной службе находились юноши 1919–1922 гг. рождения, которым в 1937 г. было по 15–18 лет, – представители демографической группы с наиболее сильными атеистическими воззрениями. К тому же сама служба в рядах РККА

¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 405–406.

² См.: Журавский А. К вопросу о классификации оппозиционных движений и групп митрополиту Сергию (Страгородскому) // Русская Православная Церковь в XX в.: мат-лы конф. Петрозаводск, 2002.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 79–80.

⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 133.

также оказывала воздействие на формирование материалистического мировоззрения у молодых людей. Однако численность верующих и среди военнослужащих оставалась значительной. Об этом свидетельствуют материалы книги эмигранта В.М. Зензинова, основанной на письмах, собранных у погибших советских красноармейцев в годы Советско-финской войны 1939–1940 гг. и в беседах с советскими военнопленными. Всего им было собрано и использовано 542 письма, при этом только в одном из них, по словам автора, «религиозный момент трактуется специально и в том именно духе, какого требовала четвертьвековая антирелигиозная правительственная пропаганда». В большинстве остальных писем нередко встречаются обращения к Богу, призывы о Божьей помощи, родительские благословения, «и не всегда все это носит один лишь бытовой характер, проявление укоренившейся с детских лет привычки. В этих привычных, видимо, выражениях чувствуется иной раз и подлинное религиозное чувство»¹.

С начала Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла патриотическую позицию, поддержав советскую власть в борьбе с врагом. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей 22 июня 1941 г. обратился с посланием к «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви». В нем говорилось о том, что *«не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями»*. Митрополит призвал православных русских людей защитить Отечество, послужив ему *«в тяжкий час испытания всем, чем каждый может»*². 26 июня в Богоявленском соборе митрополит Сергей отслужил молебен «О даровании победы», после чего данные молебны стали совершаться во всех православных храмах страны.

Позицию митрополита Сергея разделяло большинство православных иерархов и приходского духовенства. В посланиях главы обновленческого направления митрополита Александра (Введенского) также звучал призыв ко всем православным, *«от священства и до малейшего мирянина»*, не только молиться, но и действовать: *«С мечом в руках, с огнем веры в сердце пусть верующие исполнят свой великий воинский долг. Те, кто работает в тылу, пусть самоотверженно, с полным напряжением сил исполняют свои обязанности перед Родиной»*³.

8 июля 1941 г. с воззванием к мусульманам СССР обратился председатель Центрального духовного управления мусульман, уфимский муфтий Габдрахман Зайнуллович Расулев. Он призвал их подняться на защиту *«родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело»*. В следующем воззвании уже к мусульманам всего мира прозвучал призыв *«во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной*

¹ Зензинов В.М. Встреча с Россией. С. 274–275.

² Правда о религии в России. М., 1942. С. 15–17.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 21.

жизни и религии»¹. В 1942 г. на съезде мусульманского духовенства в Уфе германскому фашизму был объявлен джихад.

С призывами защищать Родину обратились к своим адептам и представители других религиозных организаций. В мае 1942 г. представители союзов баптистов и евангельских христиан подписали письмо-воззвание ко всем евангельским верующим: «*Опасность для Евангелия велика... Дорогому для всех христиан имени Христа Германия желает противопоставить имя кровавого фюрера. Пусть каждый брат и каждая сестра исполняет свой долг перед Богом и перед Родиной... Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна остаться свободной*»².

В свою очередь, советское руководство пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общецерковные сборы средств; сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников», в апреле 1942 г. дано разрешение на проведение пасхальных крестных ходов вокруг храмов. Также был снят ряд ограничений на внебогослужебную деятельность и на проведение массовых религиозных церемоний.

Однако на местах разрешения нередко соседствовали с запретами. Например, 13 марта 1942 г. исполком Лабинского районного совета Краснодарского края принял решение о ликвидации молитвенного дома³. Уже попавшие в поле зрения правоохранительных органов религиозные активисты продолжали подвергаться репрессиям. В августе 1942 г. С.А. Терзиян, 1886 г.р., проживавший в колхозе им. Свердлова Адлерского района Краснодарского края, обвинялся в «*читке религиозных книг – библии, из которой контрреволюционные измышления пораженческого характера, направленные против Советской власти... высказывает в кругу своего знакомства*». В результате он попал в число лиц, подлежащих отселению с территории Краснодарского края в условиях быстрого наступления вермахта⁴.

Отдельные нацистские руководители еще до войны обсуждали необходимость возрождения церковной жизни на оккупированных территориях СССР в качестве одного из средств, призванных способствовать ликвидации советского строя. 1 сентября 1941 г. был утвержден специальный циркуляр Главного управления имперской безопасности «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». В нем ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения как враждебного большевизму, дробление его на отдельные

¹ Синицын Ф.Л. Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

² История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 129–130.

³ См.: Кринко Е.Ф. Религиозные представления населения Кубани в годы Великой Отечественной войны // Национальное возрождение России: теория и практика: сб. ст. и тезисов науч.-практ. регион. конф. «Русский национальный характер: основные ценности». Ростов н/Д, 1996. С. 46–48.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 403. Л. 144–150.

течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях. Гитлер 11 апреля 1942 г. указал на необходимость «избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была собственная секта со своими представлениями о боге»¹.

Первоначально нацистские идеологи отводили ведущую роль Русской православной церкви за границей, иерархи которой враждебно относились к советской власти и связывали свои надежды на ее крушение с победой Германии. Архиепископ Берлинский Серафим (Лядэ) в июне 1941 г. призвал верующих к участию в «новом крестовом походе во имя спасения народов от антихристовой силы». Однако на оккупированной территории СССР германские власти не стали привлекать зарубежное духовенство к работе. Стремясь расколоть Русскую православную церковь, оккупанты оказывали поддержку раскольническим движениям или вынуждали православное духовенство объявлять о своей независимости от Московской патриархии. Летом 1942 г. имперский комиссар Украины Э. Кох в директиве руководителям СС и полиции писал: «На Украине, точно так же как и в Германии, каждый может верить по-своему. Нами допускается любая религия и любое церковное направление, если оно лояльно к германской администрации... Разногласия церковных направлений между собой, а именно в религиозных вопросах, нас не интересуют. Мы желаем только, чтобы полемика по этим вопросам не распространялась среди мирских масс, потому что она способна нарушить гармонию, необходимую для общего строительства»².

Часть священнослужителей, прежде всего в западных регионах СССР, пошла на сотрудничество с оккупационной администрацией. Православные иерархи в Прибалтике, Белоруссии и на Украине объявили о намерении отделиться от Московской патриархии, поддержавшей «безбожное» советское правительство. Руководство Русской православной церкви в лице патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия осудило деятельность данных священнослужителей.

На захваченной территории СССР поощрялось возрождение религиозной деятельности, открывались храмы. В оккупированных районах РСФСР открылось, по подсчетам М.В. Шкаровского, примерно 2150 храмов: около 470 – на Северо-Западе, 229 – в Краснодарском крае, 127 – в Орджоникидзевском, 70 – в Крымской АССР, 332 – в Курской области, 243 – в Ростовской, 108 – в Орловской, 116 – в Воронежской, 60 – в Смоленской, 8 – в Тульской и около 500 – в Московской, Калужской, Сталинградской, Брянской и Белгородской областях³. Всего в середине 1943 г. на захваченных противником территориях СССР действовало 6 500 православных храмов, в то время как на остальной территории страны – 3 329, т.е. почти в 2 раза меньше. Оккупационные власти запрещали работать в дни церковных праздников, а за соблюдение религиозных обрядов предоставляли льготы и привилегии. В про-

¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 198.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 12

³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 190.

граммы действовавших начальных школ было включено изучение Закона Божьего, печатались молитвенники и другая религиозная литература, а в календарях для жителей указывались православные церковные праздники¹.

С разрешения рейхскомиссариата «Остланд», контролировавшего захваченную территорию Прибалтики и Белоруссии, патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Сергей (Воскресенский) в августе 1941 г. организовал Псковскую миссию («Православную миссию в освобожденных областях России»), занимавшуюся активной благотворительной, просветительской, издательской деятельностью в оккупированных юго-западных районах Ленинградской, части Калининской, Новгородской и Псковской областей. В августе 1942 г. на территории миссии действовала 221 церковь².

Помимо православных храмов на оккупированной территории СССР возобновили свою деятельность тысячи костелов, кирх, молитвенных домов. Только на востоке Украине в конце 1942 г. действовало 713 баптистских общин, насчитывавших 32 тыс. членов³. В Крыму и на Северном Кавказе оккупанты декларировали уважение к исламским ценностям, восстанавливали мечети, наделяя мулл различными льготами и привилегиями. Гитлер был провозглашен «Великим Имамом всего Кавказа». В ноябре 1942 г. командующий 1-й танковой армией генерал Э. фон Макензен принял ислам и посещал мечеть в Нальчике⁴.

Поскольку значительная часть прежних церковных зданий была разрушена или обезображена, под церкви переоборудовали клубы и дома культуры. В станице Крымской Краснодарского края церковь открыли в здании электrolечебницы, ранее представлявшем собой религиозное помещение. В ней регулярно производились богослужения, которые посещали «в большинстве случаев женщины престарелого возраста»⁵. В Днепропетровске объединенной общине верующих христиан-евангелистов и баптистов, насчитывавшей более 800 чел., был предоставлен Дом культуры кожевников в центре города⁶.

В газетах публиковались объявления, приглашавшие священников на работу⁷. Но даже с привлечением уже отошедших от дел духовных лиц крайне не хватало священнослужителей. Партизанская разведка докладывала, например, что в станице Старонижестеблиевской «*попом служит бывший фотограф и он же бухгалтер райпотребсоюза*». Бывший фотограф организовал сбор денег для ремонта

¹ НАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.

² *Обозный К.* Псковская Православная миссия в 1941–1944 гг. // Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. 2000. № 55.

³ См.: История евангельских христиан-баптистов в СССР.

⁴ См.: *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 282–283.

⁵ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 605.

⁶ См.: История евангельских христиан-баптистов в СССР.

⁷ *Попова О.В.* Благотворительная деятельность Псковской Православной Миссии (1941–1944) // Псков. Научно-практический историко-краеведческий журнал. 1997. № 7. С. 53.

церкви, восстановленной в бывшем доме культуры, и выступил *«при открытии храма с контрреволюционной речью, обвиняя советскую власть в зажиме религии и восхваляя фашизм»*¹. А обязанности эфенди в мечети в ауле Старый Бжегокай исполнял бывший редактор Тахтамукайской районной газеты «За сталинский урожай» Г.А. Барчо, член ВКП(б) с 1927 г.²

В местной печати отмечалось, что *«после многолетних тяжких преследований»* религиозные общины, *«обрадованные разрешением совершать святые богослужения, во многих местах, не проверяя своих будущих пастырей, допустили к богослужению людей порочных и отрекавшихся при советской власти от Бога и от Св. Церкви»*. В станице Дондуковской Краснодарского края священником назвался Нарыжный, ранее отрекшийся от своего сана, в Тульской – *«некто Ромащенко, предавший церковь в ст. Севастопольской»*, в Гиагинской – Вертоградский, *«отрекшийся от правильного церковного пути»*. В станице Ханской *«некто Щербань, не имея соответствующих документов, допущен общиной верующих к священнослужению»*³. Однако сам факт, что указанные лица смогли стать священнослужителями, не имея на то необходимых правовых оснований, свидетельствует о массовой потребности в исполнении религиозных обрядов.

Немало жителей, прежде всего старшего возраста, добровольно трудились над восстановлением церквей: строили, штукатурили, красили, белили, бесплатно выполняли другие работы, а затем приносили в дар уцелевшие иконы и богослужебные книги. На частные пожертвования прихожан была отремонтирована кладбищенская церковь в станице Славянской, а в храме села Калинино построили иконостас и приобрели колокол. По воспоминаниям Б. Сергеля, первоначально убранство церкви Успения Пресвятой Богородицы в Новороссийске было скромным: *«В алтаре стоял домашний стол, накрытый простой белой скатертью с распятием. У икон теплились разноцветные лампы, а сами иконы укрыты светлыми рушниками, тщательно выстиранными и отглаженными. Уже потом появились шитые золотом скатерти, дорожки, ковры и коврики – все это достали из заветных сундуков и отдали в дар церкви простые прихожане, в первую очередь пожилые женщины. Это они скоблили, отмывали стены, полы, что-то шили, раскладывали и развешивали»*⁴.

В то же время оккупанты стремились использовать религиозную деятельность в собственных интересах. Священники на оккупированной территории нередко служили молебны во славу победоносной германской *«освободительной»* армии, призывали прихожан молиться за здоровье немецких солдат, организовывали сбор средств в фонд вермахта. Уже 9 августа 1942 г., в день вступления оккупантов в Краснодар, в их честь был отслужен молебен в Дмитриевской церкви. Прибыв-

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 562.

² ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 55об.

³ Церковь должна быть свята и непорочна // Майкопская жизнь. 1942. 11 октября.

⁴ Сергель Б. Пасха Христова в Новороссийске в 1943 году // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 10.

шие немецкие офицеры поблагодарили присутствовавших «за теплую встречу»¹. 11 октября 1942 г. состоялась панихида в Александро-Невской церкви в Майкопе по «убиенным, замученным и погибшим в застенках и лагерях православным христианам, а также воинам, жизнь свою положившим за освобождение нашей Родины от большевистского ига». Перед ее началом протоиерей Петр (Космодемьянский) произнес проповедь, в которой напомнил присутствовавшим «о страшных гонениях и ужасах террора, которыми жиды и коммунисты мучили нашу Родину». Затем городской голова Н.В. Палибин призвал молиться за тех, кто «за нас проливает кровь, за наших братьев-германцев»². Подобные молебны проводились во многих других городах, селах, станицах.

Разумеется, не все священники являлись сторонниками «нового порядка», были и те, кто, напротив, участвовал в сопротивлении оккупантам. Так, в здании отделения Государственного банка в станице Северской в период оккупации был открыт молитвенный дом, где служил пострадавший в свое время от советской власти бывший священник Иоанн (в миру – Иван Павлович Авдеев). Его сын Леонид находился в это время в местном партизанском отряде «Мститель», и священник не раз оказывал помощь советским войскам, передавая за линию фронта сведения о противнике³. Пинский обком Коммунистической партии Белоруссии, характеризуя события на оккупированной территории с апреля по июнь 1943 г., приводил следующий факт: «Один крестьянин из деревни Дятловичи подал в Лунинецкую жандармерию список актива села – комсомольцев и лиц, замешанных в связи с партизанами. Все эти лица подлежали изъятию немцами. Нами попу было приказано всеми мерами спасти этих лиц и уничтожить предателя. Поп выполнил задание – он поехал в Лунинец и собственной подписью поручился, заверяя немцев, что эти люди не пособники партизан, а пособник партизан – сам податель списка. Немцы попу поверили, так как он имел заслуги перед ними за прошлую пособническую работу. Крестьянин-предатель, подавший список, вместе со своей семьей был расстрелян немцами, а имущество сожжено»⁴.

Шанс на более свободное выражение религиозных чувств получили советские военнопленные в лагерях на территории Третьего рейха (в отличие от огромного большинства тех, кто находился на оккупированной территории СССР в лагерях, обычно размещавшихся в совершенно неприспособленных для этого местах, а чаще просто на открытом пространстве). Русская православная церковь за рубежом попыталась взять на себя духовное окормление советских военнопленных в немецких лагерях: «Некоторые священники сообщали о своих впечатлениях в лагерях русских военнопленных и пришли к единому мнению, что устроенные ими богослужения посещали 90–95 % обитателей лагеря. Вообще можно говорить о сильной религи-

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 459.

² Вселенская панихида // Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.

³ Суворова Н. Молитва за Отечество // Родная Кубань. 2005. № 1. С. 4.

⁴ См.: Одинов М.И. Власть и религия в годы войны (государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.).

озности военнопленных». Однако руководство Германии не было заинтересовано в поощрении религиозных чувств советских военнопленных, а нацистские лагеря стали настоящими машинами по их массовому уничтожению¹.

В то же время при отступлении вермахта часть храмов подверглась разрушению. В материалах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК СССР) и других документах приводится немало сведений о разрушении, ограблении и осквернении оккупантами храмов, убийствах и истязаниях священнослужителей. Всего, согласно итоговому отчету ЧГК СССР, ими было разрушено и повреждено 1 670 храмов и 69 часовен².

После освобождения советской территории частями Красной армии многие церкви вновь были закрыты. Часть духовенства, опасаясь репрессий со стороны советской власти, ушла вместе с отступавшими войсками противника. Остальные священники, служившие на оккупированной территории, подвергались проверке органами государственной безопасности, по итогам которой некоторые были привлечены к юридической ответственности по обвинению в сотрудничестве с противником. Так, в Майкопе были арестованы П. Космодемьянский и П. Ливонов «как активные организаторы подрывной деятельности против советской власти». В январе 1945 г. состоялся суд над членами Псковской православной миссии, большинство обвиняемых по этому делу получили по 15–20 лет лагерей.

Арестовывались не только руководители, но и активисты религиозных общин. Одной из причин выселения органами НКВД 76 истинно-православных христиан с семьями в 1944 г. из Орловской области в Сибирь и на Алтай без указания сроков стало их лояльное отношение к вермахту. Священнослужители истинно-православных христиан окормляли созданную нацистами «русскую бригаду», которая сражалась с партизанами³. Но в целом количество репрессированных «за веру» в 1943–1945 гг. уменьшилось по сравнению с предшествующим периодом⁴.

Для новых приходов на освобожденной территории были введены новые ограничения, например, запрещен колокольный звон. Священникам запрещалось окормлять более одного прихода, что привело к прекращению богослужений во многих храмах. На некоторое время после освобождения религиозная жизнь словно замерла, значительная часть религиозных общин вновь перешла на полуполюгальное существование, некоторые из-за отсутствия священников вообще распались, количество богослужений сократилось до минимума.

¹ Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 272

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). С. 207.

³ Из истории сектантства на Орловской земле. URL: <http://www.sektainfo.ru/Regions/Orel.htm> (дата обращения: 25.07.2013)

⁴ Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. (по данным на январь 1999 г.) // Богословский сборник. М., 1999. № 3. С. 271.

Однако и органы власти находились в определенном замешательстве, не имея четких указаний из центра о том, как вести себя с церковью, уже не считавшейся идеологическим противником. Ряд местных руководителей и пропагандистов продолжал осуществлять антирелигиозные меры и вести антицерковную пропаганду. Так, в Ильинском районе Краснодарского края председатель райисполкома в апреле 1943 г. дал указание закрыть церковь, открытую в период оккупации в бывшей церковной сторожке. После того как в райком партии пришла группа верующих в 20 чел., секретарь райкома ВКП(б) отменил это указание. Но вскоре от напуганных жителей поступило уже заявление за подписью 157 чел. с просьбой *«забронировать священника Успенской церкви»*.

18 июля состоялось краевое совещание заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП(б) сельских районов Кубани. В указаниях пропагандистам и агитаторам крайком партии подчеркивал, что при проведении агитационно-массовой работы нужно *«отказаться от старой антирелигиозной тематики – проводить только естественнонаучные лекции, ни в коем случае не затрагивая религиозных чувств верующих»*¹. Несмотря на эти указания, активисты в некоторых районах пытались возродить *«научно-просветительскую пропаганду»* антирелигиозной тематики. Все тот же Ильинский райком ВКП(б) в августе 1943 г. организовал для населения серию лекций на тему «Церковь на службе империализма и фашизма».

После встречи с И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. высших иерархов Русской православной церкви власть разрешила избрание патриарха и открытие церквей. Это стало поворотным моментом в истории взаимоотношений советской власти и церкви. В то же время религиозная деятельность ставилась под контроль специально созданных структур и должностных лиц – Совета по делам Русской православной церкви (с 14 сентября 1943 г., председатель – Г.Г. Карпов) и Совета по делам религиозных культов (с 19 мая 1944 г., председатель – И.В. Полянский) при СНК СССР и их уполномоченных на местах.

Общество неоднозначно отреагировало на перемены в правительственном курсе в отношении религии и церкви, что отразили высказывания москвичей. Часть из них положительно отнеслись к рассматриваемым событиям. Электротехник колбасного завода Смирнов заявил: *«Вообще хорошо, что исчезает нетерпимое отношение к богу. Бог – великое дело, и к чувству божьему мало относиться с уважением»*. Слесарь мастерской первичной обработки мясокомбината Горохов также считал: *«Религия вносит в народ облагораживающие чувства, смягчает жестокие нравы, облегчает тяжелые муки и переживания. Поэтому нужно уважать ее и пастырей, несущих свет и облегчение в жизни»*.

Другая часть общества увидела в восстановлении влияния церкви падение авторитета советской власти. Мастер завода № 192 Гусаров сказал: *«широкая популяризация церковников не приведет к хорошему. Их авторитет возрастет и среди неверующих. А это, в свою очередь, может подорвать веру в силу советской власти»*.

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. Краснодар, 2003. С. 307–308, 435.

Некоторые связывали это с уступками западным союзникам. По словам рабочего завода первичной обработки мясокомбината Шмелева, *«наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америкой и Англией»*. Представители советской интеллигенции полагали, что этим усиливается невежество. Библиотекарь Научно-исследовательского института связи Шалимова заявила: *«Мне кажется, что наша партия допускает ошибку, давая широкое поле деятельности церкви»*.

У третьих поворот во взаимоотношениях церкви и власти вызвал настоящую растерянность. Работники завода «Машиностроитель» коммунисты Дзябченко и Мащенко задавались вопросом: *«Как мы должны вести себя? Раньше нас учили, что религия – опиум народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям»*. Инженеры управления кадров Наркомата заготовок члены ВКП(б) Самсонова и Гикурова заявили, что они не понимают *«такого резкого поворота к церкви со стороны правительства»*. Работницы московской фабрики им. Коминтерна члены ВКП(б) Коняшкина, Зайцева и Колпакова в беседе между собой пришли к выводу, что *«теперь коммунистам можно беспрепятственно ходить в церковь, молиться богу, крестить детей и венчаться»*. А четвертые увидели в этом очередной обман со стороны советского руководства. По словам инженера Института азотной промышленности Шапиро, *«без иронии нельзя читать речь тов[арища] Карпова. По его словам получается, что советское правительство сочувственно относится к религии и духовенству, а в действительности это обман»*¹.

Ряд советских руководителей продолжал выступать против снятия ограничений на открытие храмов, монастырей и других религиозных заведений. 13 октября 1943 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил председателю Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпову, что пока открывать храмы не надо, а ходатайства верующих следовало отсылать местным властям на их окончательное заключение. Только там, где просьбы верующих носили наиболее настоятельный характер, а местные руководители не могли найти причин отказать им, были открыты новые молитвенные дома². В целом были удовлетворены лишь 17 % заявлений об открытии храмов³.

28 сентября 1944 г. епископ Сумский Корнилий отправил Патриаршему местоблюстителю доклад о закрытии 30 храмов. В нем говорилось: *«Одиозное отношение местных сельских соввластей выражается местами весьма грубо: в селе Павленковы Хутора храм был закрыт накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, что особенно возбудило верующих против соввласти. В некоторых местах представители соввласти выбрасывали иконы из храмов... с руганью обращались к священникам, ударяя кулаками по столу, кричали на председателей церковных советов и церковных старост, не стесняясь выпускать со своих уст грязную ругань по адресу последних...»*⁴.

¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 436.

² Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 93.

³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). С. 215.

⁴ Исторические дни // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 43.

С просьбами об открытии храмов обращались сотни людей, включая бывших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны, передовиков производства. В докладе уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Удмуртской АССР за 1944 г. отмечалось, что «инициаторами открытия церквей кое-где стали появляться инвалиды Отечественной войны. Так, например, инвалид Левашев из села Паздеры, Воткинского района, настойчиво добивается открытия церкви (часовни) в Паздерах»¹. Верующие советские граждане писали в своих заявлениях: «Церковь и богослужение, беседы и речи священника для нас необходимы как воздух. Мы крайне нуждаемся в ободрении, утешении, в той жизнерадостной атмосфере, какой так насыщено Евангелие и наше богослужение. Там все полно веры и надежды на лучшую, счастливую жизнь, все бодрит и утешает»².

На Пасху 1944 г. (в ночь с 15 на 16 апреля) 32 церкви в Москве посетили 250 000 тыс. чел. (в 1943 г. – 83 000 чел., в 1942 г. – 75 000 чел.). Церковь Воскресения в Брюсовом переулке посетили около 15 000 чел., кафедральный Богоявленский собор – 10 000 чел., единоверческую церковь в Рогожском поселке – 10 000 чел., старообрядческую церковь на Старообрядческой улице – 9 000 чел. Почти во всех церквях присутствовали военнослужащие РККА – как рядовые, так и офицеры, общей численностью свыше 500 чел. 126 церквей Московской области на Пасху посетили около 200 000 чел. (в 1943 г. – 160 000 чел.). 80–85 % верующих, присутствовавших на пасхальной службе, составили женщины, 15–20 % – мужчины, примерно половину – люди пожилого возраста, молодежь – от 20 до 25 %, а в Подольском, Мытищинском, Константиновском, Краснопахарском районах – 50 % всех присутствовавших в церквях³. В то же время многие религиозные общины, испытывавшие недоверие к власти, не желали легализоваться⁴.

Активизация религиозной жизни была отмечена и среди мусульман, перешедших к открытому обсуждению данных вопросов. В мечети Центрального духовного управления мусульман в Уфе на праздничных молениях присутствовало до 3 тыс. верующих. В 1943 г. в Омской области председатель колхоза устроил празднование Ураза-байрама, а в Таджикской ССР имам в одном из колхозов был избран на общем собрании колхозников. С конца 1944 г. началась регистрация мечетей, в том числе уже ранее функционировавших. Так, 4 декабря 1944 г. была открыта самая древняя в России Дербентская мечеть, хотя разрешение на это было получено только 2 июня 1945 г. В то же время подъем религиозности привел к нападениям в Наманганской и Бухарской областях религиозных экстремистов на женщин – советских активисток, некоторые из них были убиты. Активизировали свою деятельность и представители суфийских братств. К 1945 г. уполномоченные Совета по делам религиозных культов отмечали, что в стране повсеместно выявлены

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д.34. Л. 70.

² ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2. Л. 14–14об. Ф. Р-8401. Оп. 2. Д. 64. Л. 291–292.

⁴ См. подробнее: *Фефилин С.В.* Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х – середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002.

незарегистрированные мусульманские общины, собиравшиеся в частных домах и совершавшие пятничные моления под руководством людей, способных хотя бы немного понимать тексты религиозных книг. Многие общины совершали обряды в мечетях, но не обращались за официальной регистрацией¹.

В итоге власти пошли на определенный компромисс. В 1944 г. специальным правительственным распоряжением религиозным объединениям было дозволено с санкции государственных советских органов арендовать, строить, покупать помещения, иметь специальные духовные школы, готовящие кадры священнослужителей, издавать религиозную литературу и журналы². 1 декабря СНК СССР предписал местным властям воздерживаться от дальнейших закрытий храмов, не препятствовать ремонту зданий, а в случае настойчивых просьб населения открывать церкви из расчета 2–3 на район. Районные исполкомы стали заключать с религиозными общинами типовые договоры о передаче каменных церковных зданий вместе с имуществом в бессрочное бесплатное использование для удовлетворения религиозных потребностей верующих³. Если к лету 1943 г. в Краснодарском крае количество церквей, уменьшившись в полтора раза по сравнению с периодом оккупации, составило 148 храмов, то к началу 1945 г. здесь уже действовало 229 церквей, превышая их число в период оккупации⁴.

В действующей армии перемены по данному вопросу были менее заметны. Политические органы не поощряли распространение религиозных представлений среди фронтовиков. А.Ю. Безугольный отмечал, что ему не удалось обнаружить «ни одного свидетельства какой-либо поддержки армейскими воспитательными органами религиозных обращений, поступавших из тыла, и вообще сколько-нибудь серьезного отношения к религиозности воинов Красной армии»⁵. Однако военному командованию пришлось все-таки считаться с религиозными чувствами верующих на фронте, не только христиан, но и мусульман, в частности учитывать, что они не употребляли в пищу свинину. А 2 ноября 1944 г. в Главное политическое управление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой «в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви»⁶.

Достижению компромисса во многом способствовало то, что во время всей войны и на ее завершающем этапе в особенности религиозные организации не раз выступали с различными патриотическими инициативами. Только Русская

¹ Синицын Ф.Л. Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

² Королева Л.А., Королев А.А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13). С. 31.

³ Екатеринбург – Краснодар. 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 616–617.

⁴ См.: Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М., 2003.

⁵ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 271.

⁶ Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. М., 2001. С. 312.

православная церковь внесла в Фонд обороны в годы войны до 300 млн руб., построила танковую колонну им. Дмитрия Донского, эскадрилью им. Александра Невского. Немало священнослужителей личным трудом приближали Победу, подавая соответствующие примеры верующим. Так, настоятель церкви в станице Сергиевской Кореновского района П.И. Колосов организовал бригаду из верующих, которая убрала 35 га хлеба, за что получил премию от местного совета¹. А кадий Ботлихской мечети С. Мирзаев мобилизовал всех жителей аула и привлек учащихся школы для уборки урожая фруктов, чем оказал огромную услугу колхозу². Нередко верующие и духовенство брали шефство над военными госпиталями, ухаживали за ранеными, собирали им подарки.

Следует отметить, что некоторые верующие, придерживавшиеся пацифистских убеждений, при призыве в армию заявляли о своих религиозных убеждениях и отказывались от оружия. Как правило, их направляли на службу в медико-санитарные части, части связи, службы тыла, но в отдельных случаях следовало уголовное наказание в виде лишения свободы и даже расстрела. Были и те, кто полностью отказывался от службы в действующей армии – в основном из числа сектантов. В информационной справке начальника организационно-инструкторского отдела Главного политического управления РККА Золотухина «О политических настроениях населения Львовской и Дрогобычской областей УССР и работе политорганов Красной армии с местным населением», подготовленной в 1944 г., отмечалось, что в составе пополнения из Западной Украины *«имеются люди, выражающие чуждые настроения и не желающие служить в Красной армии»*. В первую очередь к их числу были отнесены, помимо бывших коллаборационистов и украинских националистов, евангелисты и баптисты³.

С другой стороны, немало представителей различных конфессий защищали Родину на фронте. Среди них были и священнослужители. Только 3 ноября 1944 г. Комиссия при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации своим постановлением освободила от призыва священнослужителей, *«имеющих иерейский или диаконовский сан при условии, если они зарегистрированы в установленном порядке и служат в церкви»*⁴. А 26 февраля 1945 г. отсрочки от призыва по мобилизации были распространены и на других служителей религиозных культов – военнообязанных запаса, независимо от возраста и состава, отправлявших потребности культа в действовавших молитвенных зданиях.

В целом в годы Великой Отечественной войны существенно изменились условия для развития религиозной жизни в СССР. От политики гонений и систематических преследований за веру советское государство перешло к своеобразному компромиссу с церковью, направленному на максимальную концентрацию

¹ Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани. С. 144–154.

² Синицын Ф.Л. Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 428.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2.

всех сил и средств для достижения победы над противником. В значительной степени это было обусловлено патриотической позицией, занятой руководством Русской православной церкви и ряда других религиозных организаций. Значительно активизировалась религиозная жизнь и на захваченной советской территории. Все это создавало новые внешние стимулы для реализации религиозных чувств советских граждан. Однако не меньшую роль в этом играли и внутренние обстоятельства, связанные с переживаемыми на индивидуальном уровне трудностями и особенностями социально-психологической ситуации военного времени.

7.2. Вера и безверие как личностный выбор

Вопросы о религиозных чувствах и предпочтениях советских граждан и том месте, какое они занимали в их жизни в годы Великой Отечественной войны, не имеют однозначных ответов. Никаких специальных социологических исследований в это время не проводилось, да и они в любом случае имели бы лишь относительную степень достоверности. К тому же данные вопросы относятся к той сфере жизни, которая, как правило, остается наиболее закрытой для чужих глаз. Пускать в эту сферу посторонних вообще не принято, а в рассматриваемые времена было даже опасно. Поэтому они практически не нашли своего отражения на страницах официальных документов, за редким исключением. Главным источником для осмысления роли религии в жизни советского человека выступают материалы интервью, проведенных непосредственно в ходе данного исследования, а также другие источники личного происхождения.

Формирование первичных религиозных представлений начиналось с детства, закладывалось в семье и во многом зависело от того, какими они были у родителей. Н.П. Шепеленко, жительница села Александровка Азовского района, вспоминает: *«У нас мама больше верила, а отец не верил, он не коммунист был, и не верил. Мы с мамой вот только...»*. Эта ситуация подтверждает типичное не только для села, но и для города распределение верующих по половому признаку. Возможно, в этом сказывалась роль образования: папа закончил 4 класса, т.е. получил, по словам дочери, *«хорошее образование»*, а мама школу не посещала, научившись читать и писать на дому. Возможно, профессиональный статус: *«Мама работала в колхозе, а папа – он в колхозе не работал, он держал сапожную мастерскую, там он и работал. У него были подчиненные...»*. В соответствии с традицией отец был главным кормильцем и главой семьи: *«Главное то, что мама, это было так, главное – отцово слово. Боже упаси, чтобы она там спорила, перечила или что – как он сказал. А мы... боялись, как огня отца. Отец был главный в семье, и вот то тебе и было, как отец скажет»*. Хотя отец не демонстрировал открыто религиозных чувств, в доме *«большие иконы висели»*, при этом респондент подтверждает их ценность для семьи, указывая, что во время артиллерийского обстрела во время войны они *«попадали, но, слава Богу, не побились»*.

Впрочем, отношение к Богу и матери, и других родственников, судя по всему, было достаточно спокойным: *«чтобы особенно были верующие, таких не было»*. Церковь не посещали, поскольку она в селе была закрыта, и религиозные чувства, помимо почитания икон, выражались в соблюдении основных обрядов и праздников: *«Ну, так это было: и Пасху, и Рождество – все это почитали. Готовили так, как когда-то все, и почитали. И кутью было, носили мы, девчата, село было огромное, была родня по всем селе, в одном конце один брат, в другом конце, и было, носим кутью»*. Таким образом, соблюдение религиозных обрядов выступало еще и формой поддержания традиционных семейных коммуникаций, совсем не обременительных для девочки-подростка, и автор завершает свой рассказ об этом словами: *«Было интересно»*¹.

Похожая ситуация была и у В.М. Линника, вспомнившего, что *«папа не был верующий»*, хоть и крещеный, а вот *«мама крестилась»*. В церковь отец не ходил, но дома церковные праздники отмечались: *«Мы когда жили до войны, то мы отмечали все, Пасху отмечали, это ж на Пасху, на Рождество челбасяне [родственники из станицы Челбасской. – Авт.] приезжали туда. Мы отмечали эти праздники, гуляли, пировали, все это в открытую... Обязательно пекли... вот в кастрюльках каких-то. Но яйца красили, и пасху делали до последнего, так сказать, и в войну, и после войны. Здесь, на этом самом были наши предки, и они постоянно отмечали»*. Респондент подчеркивает, что религиозные обряды соблюдались открыто, в соответствии со сложившейся традицией. В воспоминаниях ничего не говорится о гонениях предвоенного времени на церковь, но его собственная судьба свидетельствует о том, что семья все-таки реагировала на них: старшего брата Сашу, родившегося в 1931 г., крестили, а самого автора воспоминаний – уже нет: *«А я родился в 1934 г. и не был крещеный потому, что, как говорят, папа сказал, что не надо крестить»*. Очередное наступление на церковь было как раз в 1932 г., оно стало началом «безбожной пятилетки» в СССР.

Воспоминания В.М. Линника подтверждают еще одну статистически выявляемую закономерность – распределение верующих по возрасту: *«Наша бабушка, как очень верующая, она соблюдала все праздники, да, все... она всю жизнь была верующая, она в церковь ходила»*. Более того, бабушка хотела, чтобы один из внуков получил духовное образование – для того времени совсем не перспективное: *«Так вот, по Шурику бабушка говорила: “Миша, Шурик вот хорошо учится, он отличник, а вот в Киеве есть духовная семинария, вот он заканчивает 10 класс, и пусть идет он в духовную семинарию! Батюшкой будет, он серьезный. Он будет хорошим батюшкой, не такой, как вон у нас сейчас по соседству. Как сидят, там пьянствуют, не хватит выпивку”*. Она критиковала, что вот не такой батюшка, а был там такой батюшка в Челбасской. В Челбасской была церковь, и все время была, и она ходила все время»².

¹ Респондент: Шепеленко Нина Павловна.

² Респондент: Линник Валентин Михайлович, 1934 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 160 минут. Запись 3 февраля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Указанная закономерность находит свое подтверждение и в воспоминаниях других респондентов-горожан, представителей различных конфессий. У А.И. Баляшиной ни папа, ни мама в Бога не верили, в отличие от бабушки: *«Она все праздники соблюдала и всегда нас на эти праздники приглашала... Вот, я знаю, что бабушка из мацы делала очень вкусные вещи, когда была Пасха. Она всегда нас приглашала, и мы всегда ходили, пока она была жива»*¹. По словам М.Ф. Гольдфарб *«людей сделали неверующих, потому что синагогу и церковь преследовали. Но синагогу посещала бабушка, мама ни во что не верила... папа – тем более, но на большой праздник – судный день – мама всегда постилась»*².

Воспоминания очевидцев позволяют выявить противоречия между членами семьи по религиозным вопросам. На вопрос о том, были ли ее родители верующими, В.А. Тихомирова ответила: *«Нет. Я думаю, мама была верующей, а отец ни в Бога, ни в черта... Потому что моя бабушка Анастасия, ее мама, водила меня в церковь тайком, чтобы отец не знал. И я бегала с бабушкой с удовольствием. Я помню хорошо, что мы жили все вместе, и у бабушки была отдельная комната и отдельный вход. Я помню, мы уже пришли из церкви, и он стучит и говорит: “Анастасия, где моя дочь?”. Это я хорошо помню. Он не разрешал мне ходить. А мама улыбалась»*. Очевидны семейные разногласия по вопросу воспитания детей: бабушка при тайной поддержке матери пыталась привить им религиозные представления, несмотря на сопротивление отца. Стоит добавить, что родители, несмотря на то что у них были различные взгляды на религиозный вопрос и *«характеры были разные»*, имели примерно равный социальный статус: отец был инженером-экономистом, мать – врачом, при этом *«мама всегда сама, несмотря на то, что трое детей и так трудно было, какие-то доклады делала, какие-то политзанятия. Ну а в 1936 г. отец был арестован»*, позже освобожден³.

Тайком от отца, полковника РККА и коммуниста, был крещен и В.Г. Гречко: *«Я говорю: “Мама, а как же отец?”... “А он не знал”, – говорит. Мы домой поехали, он что-то там делал, я не помню»*⁴. Несомненно, что эти разногласия, о которых по истечении семи с лишним десятилетий респонденты могут говорить с юмором, в то время носили серьезный характер, даже если некоторые очевидцы и отрицают наличие внутрисемейных конфликтов на религиозной основе⁵. Скорее всего, они скрывались от детей или просто не сохранились в их памяти, запечатлевшей образы безоблачного детства.

Разумеется, за годы советской власти выросли и сформировались целые поколения неверующих, в семьях которых отвергались и вера в Бога, и суеверия как проявления невежества, недостойные советского человека. В первую очередь это были семьи коммунистов и комсомольцев, которым *«полагалось»* быть атеистами уже в силу программных установок, а также немало других людей с материали-

¹ Респондент: Баляшина Анна Исааковна.

² Респондент: Гольдфарб Мириам Филипповна.

³ Респондент: Тихомирова Валерия Александровна.

⁴ Респондент: Гречко Владимир Григорьевич.

⁵ Респондент: Линник Валентин Михайлович.

стическим мировоззрением и рациональным взглядом на мир, отвергавшим божественное провидение. Так, у С.Ю. Ясаниса *«отец и мать были члены партии, ну, в Бога не верили. Ну, мать еще так, а отец был атеист»*. Правда, затем он вспомнил: *«У мамы была икона, но она ее как-то прятала»*¹.

У В.Н. Сёминой вся семья была не верующей, не только родители – отец с матерью, которая *«ругалась матом в Бога»*, но и бабушка. В ответ на вопрос внучки: *«...бабушка, смотри, все ходят в церковь, а ты не ходишь»* она рассказала ей притчу, из которой следовало, что посещение церкви является бесполезной тратой времени, не отвергая при этом, судя по последней фразе, существование Бога: *«Вот, был один праздник, и все шли в церковь молиться, а жила одна бедная женщина, вдова с большим количеством детей. И сорвало у них крышу ветром, так вот, сосед ее не пошел молиться, а остался в этот великий праздник, починил ей крышу. Так как ты думаешь, кто Богу будет ближе?»*. Показательна и история о том, как крестили четырехлетнюю Викторину, страдавшую аллергической реакцией, от которой тогда не знали, как лечить: *«И кто-то сказал, вот, там есть бабка-шептуха, вот она вышептывает болезни. Пошли к этой бабке-шептухе, а она спросила: “Ребенок крещеный? – Нет. – Крестите!”*. Привели меня в церковь, девица здоровая, уже года четыре, а нужно было окунуться головой. Как так, дико совершенно! И я, значит, батюшке ударила по руке и сказала: “Пошел к черту!” <...> Крестили, и она шептала, шептала, и ничего это не помогло, и потом какой-то умный врач сказал матери, что с возрастом это все пройдет. И прошло с возрастом, я выросла, и становилось все меньше и меньше». Предвоенное время стало периодом острых идейных противоречий в обществе, существования в нем представителей различных типов мировоззрений. Их столкновение сопровождалось в лучшем случае непониманием, а то и конфликтами: *«Мать была у этой Жени странная. Мать была глубоко верующий человек»*².

Экстремальная ситуация военного времени создала новые риски для жизни человека, способствовавшие обращению к Богу даже людей, прежде не верующих. По словам А.К. Агаркова, *«родители никогда там перед иконами [не стояли], в церковь не ходили, скажем так, и я крещен не был, но, когда свистели бомбы во время войны, то мама моя кидалась там: “Матушка Богородица, пронеси и помилуй!”*. И мы все, даже не понимая чего, тоже кричали: *“Богородица, помоги и пронеси! Боже, нас помилуй!”*³.

Ростовчанка Э.Е. Розенблит также отмечала: *«Страшно нам было. Интуитивно мы молились Богу»*. Выросшая в семье деда – профессора Ростовского университета, считавшего себя атеистом (*«у нас в доме никогда не было икон, никогда не говорили, никаких религиозных разговоров не было»*), она вместе с другими детьми в военное время стала посещать церковь, хоть и не умела молиться: *«Мы ничего не умели, мы*

¹ Респондент: Ясанис Сергей Юлианович, 1922 г.р. Интервьюеры: Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 135 минут. Запись 16 мая 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² Респондент: Сёмина Виктория Николаевна.

³ Респондент: Агарков Анатолий Константинович.

кланялись, просили Господа: защити нас». А чуть позже, в возрасте 11 лет, уже после освобождения Ростова-на-Дону советскими войсками, сказала бабушке и бабушке, с которыми жила (отец был на фронте, а мать погибла в период оккупации): «Вы знаете, покрестите меня, пожалуйста». На что дед-атеист спокойно ответил: «Конечно, если ты хочешь»¹.

Для многих советских граждан обращение к Богу во время войны объяснялось различными трудностями, глубокими психологическими переживаниями, связанными с опасениями за судьбу ушедших на фронт родных и близких, с разрывом сложившихся социальных связей. В этих условиях вера придавала нравственный смысл деятельности человека, выполняла важную компенсаторную функцию. А.Д. Исаев прямо связывает принятие религии своей тетей с гибелью ее сына-летчика на фронте: «Она... баптистской стала, видимо, потому что сын погиб»².

В результате доля верующих возросла среди представителей различных социальных групп и возрастных когорт. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Сталинградской области констатировал, что ходатайства об открытии церковей часто подписывают молодые женщины: «...эти гражданки стали религиозными и даже фанатиками в связи с последствиями Отечественной войны, а именно: санитарка больницы г. Урюпинска Бурова П.П. рождения 1913 г. сказала, что она до Отечественной войны не верила в Бога, а когда она получила извещение о гибели ее мужа на фронте, то она, являясь одинокой, постигшее ее горе стала болезненно переживать, ей монашки советовали... усердно молиться Богу... С этого момента Бурова стала активным религиозником. Другие подобные Буровой стали молиться богу за сохранение жизни своих мужей, находящихся на фронте, и т.п.»³.

Впрочем, были и обратные примеры, когда горечь понесенных утрат приводила к разочарованию в религии, отворачивала человека от Бога. Жительница Челябинской области В. Глебкина вспоминала, что увидела слезы на глазах матери «лишь раз, когда принесли извещение о гибели папы. В этот день мама перестала верить в Бога. Пока отец воевал, она много молилась, просила, чтобы муж вернулся. Когда принесли похоронку, мать прокляла Бога»⁴. Выбор веры или безверия в конечном счете зависел от индивидуальных качеств личности, ее отношения к миру, системы ценностей и установок.

В отличие от взрослых, в большинстве своем делавших сознательный выбор, для детей и подростков посещение храмов порой могло быть обусловлено простым любопытством, они видели в этом развлечение, которых в годы войны вообще было немного. Л.В. Ямщикова (в девичестве – Розенцвейг) вспоминает:

¹ Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна.

² Респондент: Исаев Александр Дмитриевич, 1930 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 100 минут. Запись 30 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 66.

⁴ Булавин М.В. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на динамику религиозности православного населения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 75.

«Мы и в синагогу бегали детьми. Мы ходили, мама не ходила». Ходили именно потому, что было просто *«интересно»*, семья была не религиозной, дома не молились¹. А.Л. Крюкова в 16-летнем возрасте в 1944 г. переехала в Таганрог, в школу ФЗО, а затем пошла работать на завод: *«Ходили в церковь непрерывно, была служба, гоняли, запрещали. В домах собирались, а служить так и служили. Ходили так: пойдём, постоим, а не так, чтоб усердно. Постоим, поглазем, что люди делают»*². Элементы риска, связанные с совершением чего-то если и дозволенного, то не совсем одобряемого властью (*«гоняли, запрещали»*), не только не приуменьшали, а, скорее, наоборот, увеличивали заинтересованность в посещении церкви у молодежи, для которой вообще была характерна тяга к всевозможным приключениям.

В.Н. Сёмина в период оккупации Ростова-на-Дону один раз зашла в церковь *«больше из любопытства, потому что все вдруг побежали в церковь»*. Инициатором посещения была та самая Женя, о которой уже шла речь выше: *«Ну, она, видимо, считала, что надо помолиться. А мы с Верой больше так, из любопытства, потому что все идут. И мы пошли. И там, в церкви, Жене этой стало плохо, сознание потеряла, мы ее вытаскивали из толпы, приводили в чувство»*. В этом рассказе убежденной атеистки, которая и позже, после войны, *«во взрослой жизни»*, всего-то *«раза два зашла и поняла, что не мое»*, чувствуется некоторая неловкость за то, что все-таки не удержалась, то есть проявила слабость³.

Существовали порой и сугубо прагматические интересы в знании и соблюдении религиозных традиций, особенно на оккупированной противником территории СССР. В материалах Псковской православной миссии отмечались случаи *«кошунственного отношения к таинствам святой Матери-Церкви»*. На территории, окормляемой миссией, была установлена дополнительная норма *«выдачи продуктов питания и мануфактуры по случаю церковного бракосочетания, крещения детей и погребения умерших»*, которые заверялись специальной справкой от священника. И родители ради материальных благ могли по несколько раз крестить одного и того же ребенка⁴. В оккупированном Харькове, как и, возможно, в других захваченных противником городах, знание молитв, наличие образов в доме и креста на шее служило своеобразной защитой от слишком дотошных военнослужащих вермахта, сотрудников местных органов власти и полиции, выявлявших евреев, не знакомых с православным церковным обрядом⁵.

В отдельных случаях прагматические мотивы в соблюдении религиозных обрядов действовали и на советской территории. По рассказам А.Д. Исаева, после освобождения Приазовья частями РККА он вместе с другими подростками бежал *«на кладбище, поминали покойников... Как поминали? Нам дают поесть что-*

¹ Респондент: Ямщикова Лидия Владимировна.

² Респондент: Крюкова Анастасия Леонтьевна.

³ Респондент: Сёмина Виктория Николаевна.

⁴ Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920–1940: сб. документов. Рига, 1962. С. 58, 66–67.

⁵ Город и война. Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2012. С. 31, 111.

нибудь, и ешь кутью там и прочее». Самого автора воспоминаний его мать крестила незадолго перед этим, уже в возрасте 11 лет¹.

Свои особенности существовали в реализации религиозных чувств у военно-служащих действующей армии. В первые же дни Великой Отечественной войны была проведена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения, в августе 1941 г. – дополнительная мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения. Вместе с ними на фронт уходили призывники 1923 г.р., а в 1942–1945 гг. – призывники 1924–1927 гг. рождения. Всего за годы войны действительную военную службу проходили 29 575 тыс. чел., вместе с кадровым составом – 34,5 млн чел. В результате мобилизации старших возрастов количество верующих в армии существенно возросло. Призывники 1922–1927 гг. рождения, среди которых доля верующих была меньше, чем среди представителей старших возрастов, составляли 6 568 059 чел., или менее 1/5 общей численности советских военнослужащих².

В то же время среди респондентов – участников Великой Отечественной войны сегодня преобладают представители младших возрастных когорт – 1921–1926 гг. рождения. Это в значительной степени объясняет, почему среди них достаточно высока доля неверующих. Так, Н.М. Боровик на вопрос о том, была ли религиозность среди военнослужащих, категорично заявил: «Вообще не было»³. А.Г. Малхасян добавил, что, хотя и был крещеный, «мы к религии относились, понимаем, как к мракобесию. Неверующие такие там были, как в сказке»⁴. М.Д. Шибанов считал: «Нет, не касалось, никакой религии. Ни ислам, ни христианство, ничего. Религии у нас не было»⁵. «Я воспитывался в детском доме, поэтому не верующий, и до сих пор я не верующий», – признался Н.Ф. Петрушенко⁶. Впрочем, о своем атеизме сообщили и представители старших возрастов. Н.П. Жуган утверждал: «Не было никакой поповщины... Все были атеистами»⁷. Ему вторит А.Ф. Акимов: «Там не до веры было»⁸.

Существование атеистических взглядов у бойцов и командиров РККА, выросших и получивших образование в годы советской власти, вполне объяснимы. Г.К. Черчемболиев ответил вопросом на вопрос о религиозных чувствах: «Ну, мы ж родились в атеистической стране, какие верующие?». Далее сообщил, что его крестили, но крестика во время войны он не носил⁹. А.В. Рогачев, командовавший

¹ Респондент: Исаев Александр Дмитриевич.

² Подсчеты авторов по: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 36–37.

³ Респондент: Боровик Николай Максимович, 1921 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 55 минут. Запись 20 июня 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁴ Респондент: Малхасян Андрей Георгиевич.

⁵ Респондент: Шибанов Михаил Дмитриевич, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, конференц-зал краевого совета ветеранов. Продолжительность 72 минуты. Записано 6 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

⁶ Респондент: Петрушенко Николай Филиппович.

⁷ Респондент: Жуган Николай Павлович.

⁸ Респондент: Акимов Алексей Федорович.

⁹ Респондент: Черчемболиев Григорий Корнеевич, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 155 минут. Запись 30 апреля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

во время войны батареями противотанковых 45-мм орудий, так описывал перипетии своего духовного становления: «Видишь, нас воспитывали безбожниками. До пятого класса мать меня водила в церковь, на Пасху. Она скажет: “Вон там святой, поцелуй ножку”. Я подходил, стенку целовал. А потом, когда уже стал пионером, стал атеистом». Далее он рассказывал: «На фронте даже и в голову не приходило, чтобы обращаться к защите Бога, например, во время обстрела или налета просить о помощи. Хотя и бомбили, и на волосок от смерти ходили в день по 10–15 раз, но никто не читал молитвы. Да я их даже не знал. Может, из старшего поколения кто, а мы, молодые, нет»¹. Современные исследователи указывают, что роль религиозного фактора в сознании фронтовиков не следует преувеличивать².

Однако другая, не менее значительная часть советских комбатантов признает влияние религии на себя и своих однополчан. В.И. Бирюков, подчеркнув, что все были «атеистами», признает, что и в их части были военнослужащие, сохранившие веру в Бога, несмотря на всю политическую работу: «Может, кто-то тайно. Может, кому-то и крестик вешали дома... верующие-то были. Но никто это не рекламировал. Это было в индивидуальном порядке... потому что, вот, политрук, вот он рассказывает лекцию, потом замполитрука был. Они все время вели работу»³. Уже цитировавшийся выше А.Г. Малхасян, отвергавший влияние религии на фронтовиков, вспомнил, что когда подходил со своей частью к родному селу Большие Салы Мясниковского района Ростовской области в феврале 1943 г., то «увидел церковь и крест православный, иду и думаю, страшно в бой, иду и думаю, что вот, если погибну, так здесь перекрестился впервые, понимаете»⁴. В.Г. Гречко отмечал, что многие однополчане носили на себе крестики: «И коммунисты, и не коммунисты – все носили. Я не носил, у меня не было креста. Если б был, я бы тоже носил и никакого зазрения... Там, наверно, большинство не понимали, что такое атеист»⁵.

Верующими были не только многие рядовые бойцы, но и командиры. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви в Марийской АССР отмечалось, что «церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце иконы из Цибикурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами – было собрано 17 000 рублей»⁶.

Разумеется, возраст является хоть и важным, но далеко не единственным показателем, разделяющим верующих и неверующих участников войны. Суще-

¹ Рогачев А.В. Я помню. URL: <http://www.iremember.ru/content/view/473/82/1/6/lang,ru> (дата обращения: 23.08.2011).

² Булавин М.В. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на динамику религиозности православного населения. С. 76.

³ Респондент: Бирюков Владимир Ильич.

⁴ Респондент: Малхасян Андрей Георгиевич.

⁵ Респондент: Гречко Владимир Григорьевич.

⁶ Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). С. 125.

ственное значение имели и другие социальные признаки: происхождение, воспитание и образование, опыт социализации, а также выполнявшиеся на фронте профессиональные и политические функции. А.П. Толстиков вспоминал: *«Дедушка мой кубанский казак, бабушка донская, они сильно верующие были. Поэтому и нам привили [веру]. Мы никто не курили, пьем по великим праздникам, Пасху всегда соблюдали, Рождество»*. Далее он отмечал, что среди окружавших его солдат *«верующие были, были среди нас. Кушать садятся, крестились. Но, честно сказать, я сначала крестился, а потом забыл. Как-то все это отходит, отходит, потом я был секретарем комсомольской организации»*¹.

Различия в отношениях с Богом могли стать причиной для идейных разногласий и даже межличностных конфликтов и в рядах действующей армии. Так, В.Г. Гречко вспоминал, как пехотинцы из стрелковых рот, занимавшие окопы передовой линии, крестили уходивших в тыл противника разведчиков: *«Вы знаете, в разведку – я же долго там был, – когда идешь с переднего края, на тебя смотрят солдаты, как на смертника. Ты идешь, а они тебя тихонечко крестят так, чтобы ты не видел»*. *«Тихонечко»* – именно потому, что не всем такие ритуалы нравились: *«Некоторые ж так [говорили]: “Не крести, обойдемся без твоего крещения”*»².

Краснодарец С.Г. Дробязко, призванный в РККА в возрасте 17 лет в июле 1942 г. в часть, которая практически сразу попала под обстрел и разбежалась, увидел, как одна группа таких же, как он, новобранцев часто останавливалась. При первых попытках приблизиться его с угрозами отгоняли, но затем Дробязко удалось разглядеть, *«что при остановках они заглядывают в тоненькую синюю ученическую тетрадку»*. В тетрадке *«оказалась переписанной не то молитва, не то заговор от пуля»*. По словам мемуариста, он *«о такой галиматье раньше читал только в книгах и был ошеломлен, встретившись с людьми, верившими в нее. В голове не укладывалось, что в наше время молодые грамотные ребята могут верить в чушь. А они стали предлагать мне переписать молитвы и передавать их знакомым ребятам. Я отказался, сказав, что не верю в эту ерунду. Они меня обругали и рассеялись в кустах»*³.

Опасения верующих солдат были во многом обусловлены гонениями предшествующих лет. Вследствие крайней ограниченности личного пространства на фронте открытое выражение религиозных чувств нередко встречало непонимание сослуживцев, а то и отдельных командиров. Такой случай описал О.В. Бредихин: когда у прибывшего старшины в бане увидели на шее крестик, командир взвода его сразу отчислил из разведки: *«”Ты чего сюда, молиться пришел? Давай. Ты нам не нужен. И в роту. Иди – гуляй”*. *И из взвода разведки он его отчислил. Это факт. За то, что у него был крестик. А что там на самом деле у других... может, у меня тоже был [крестик]. То есть когда наглядно – это очень даже не поощрялось»*⁴.

¹ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 75, 76

² Респондент: Гречко Владимир Григорьевич.

³ Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008. С. 37.

⁴ Респондент: Бредихин Олег Васильевич.

Однако в большинстве своем командиры, особенно ближе к концу войны, меньше внимания уделяли религиозным чувствам своих подчиненных, чем их профессиональным умениям и навыкам, полагая, что лучше сохранить хорошего бойца, чем идейную чистоту рядов подразделения, а может быть, и разделяя их религиозные убеждения втайне от других бойцов. Считалось, что если вера помогает бить врага, то пусть бойцы верят, лишь бы не демонстрировали публично своих религиозных взглядов. А. Шнеер приводит записанное им свидетельство ветерана 201-й Латышской стрелковой дивизии Лазаря Шнеера о том, как в 1943 г. его после возвращения из разведки вызвали к замполиту: «*Являюсь, смотрю, в руках у него мой тфилин¹. В вещмешке моем рылся, пока я в поиск ходил*». Замполит сказал: «*Я догадываюсь, что это такое, я жил среди евреев. Ты что, в бога веришь?*». Л. Шнеер замялся, опасаясь согласиться и не желая врать: «*Мать дала. Как талисман ношу с собой*». Тот посмотрел и отдал: «*Ладно, возьми и никому не показывай!*». Эта ситуация разрешилась без серьезных последствий: «*Я обрадовался, была уверенность: если тфилин со мной, жить буду*». А. Шнеер отмечает, что таких бойцов, «сохранивших традиции и веру отцов, в дивизии было много»². Ветераны 16-й Литовской дивизии также вспоминают, «*что неоднократно, когда позволяла обстановка, многие бойцы молились*», отмечались и факты «*погребения погибших евреев по религиозному обряду*»³.

А.Г. Малюк вспоминает: «*Вот, я помню, мы на задании были, и, наверно, километров 70 отмахали за двое суток. Так был у нас один верующий, у него была какая-то святая книжка... Ну, я даже сейчас не помню, как разговорник или словарь такого небольшого формата. Нам пришлось не просто идти, а бежать, мы уходили, и у нас еще были раненые, не из приятных момент. Кроме того, у меня было оружие одного из раненых и вещмешок, в общем, груза много. И вот он достал эту самую книжку, стал на колени. Ну, конечно, пот льет, все промоклише, голодные, окровавленные руки, потому что с ранеными, да и сам такой. Он на колени стал и читал. Наш командир разведки говорит: "Не надо его трогать, пусть он это". И значит, он читал, читал и громко читал, потом помолился и положил эту книгу в вещмешок. Это первый раз я увидел*». В отличие от командира сам автор, бывший комсоргом подразделения, впоследствии все-таки попытался словом воздействовать на своего верующего сослуживца⁴.

В целом в рядах действующей армии было все-таки меньше верующих, чем среди мирного населения, особенно в сельской местности. Летчика-истребителя С.Ю. Ясаниса поразила ситуация, когда он однажды проснулся ночью и увидел, как его хозяйка квартиры «*стоит перед иконой на коленях и молится. И мне так странно как-то показалось. А она, когда привозили нас на машине обычной, на*

¹ Элемент молитвенного облачения иудея, представляющий собой две маленькие коробочки из выкрашенной черной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы.

² Шнеер А. Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003. С. 67–68.

³ Там же. С. 83.

⁴ Респондент: Малюк Александр Григорьевич.

стартере, хозяйка выходила к калитке и считала нас: “А где Вася?” А что мы: “Васю в Москву вызвали!”». Все понимавшая хозяйка отвечала: “Ясно, в Москву, пойду, помолюсь за него”»¹.

Сам С.Ю. Ясанис был крещеный, но в Бога не верил. Когда уходил на фронт, креста не носил, однако в действующей армии обзавелся им. Произошло это уже ближе к концу войны, в 1944–1945 гг., и не стало для него очень значимым событием: *«Причем когда в Польше стояли, ну, наверно, месяц на одном месте стояли, под Бельском местечко, и вот, когда я улетал уже дальше, на Запад, хозяйка меня поцеловала, обнимала и что-то положила в карман. Ну, я потом, на следующий день, что ли, достаю, а там на бусинках крестик и рядом с партбилетом лежит. Я так посмотрел, думаю: “А, пускай!”»*. Так крестик и лежал вместе с партийным билетом до тех пор, пока летчика не сбили, и уже тогда *«как-то потерялся куда-то»*. Таким образом, автор воспоминаний продемонстрировал достаточно релевантное отношение к религии: будучи человеком неверующим, не стал выбрасывать крестик, но и не стал его вешать на шею, просто убрав в карман (возможно, чтобы просто не увидели сослуживцы) вместе с другим «сакральным символом» для любого коммуниста – партбилетом – на всякий случай. Однако и потеря креста не слишком расстроила автора, признавшегося: *«А молитв я и сейчас не знаю»*².

Как правило, к Богу обращались в самую трудную минуту, когда возникала непосредственная угроза жизни человека. Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды: *«У меня случай вот такой был: ...”Фердинанд” – немецкое самоходное орудие ползет прямо на меня... лежу, и вырвалось у меня “Спаси Господи” или “Помоги Господи” [смеется]. И “Фердинанд” остановился»*³. Похожие чувства испытала, попав в Кировограде под жестокую вражескую бомбардировку, медицинская сестра Е.С. Тюкина: *«Я сижу и тряусь вся и говорю: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”*. Хотя я была атеистка, тогда были совсем другие дети, воспитаны в другом духе, а тут я: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!”»⁴. Предельно четко ответил на вопрос о том, верил ли он в Бога, еще один фронтовик – В.Г. Гречко: *«Нет. Но все верили, когда бомбят. В окопе лежишь: “Господи, пронеси, лишь бы не меня”. Вот тогда верили»*⁵.

Трудности военной службы, гибель боевых товарищей, переносимые физические и нравственные страдания вынуждали многих военнослужащих искать духовной поддержки, которую традиционно давала религия. Один из бойцов писал матери из госпиталя, в который попал после «мясорубки» в сентябре 1942 г. под Сталинградом: *«Прошу тебя, сходи за меня в церковь, помолись за меня... и поставь несколько свечей перед иконой. Помолись богу за скорейшее окончание*

¹ Респондент: Ясанис Сергей Юлианович.

² Респондент: Ясанис Сергей Юлианович.

³ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 75.

⁴ Респондент: Тюкина Евгения Степановна.

⁵ Респондент: Гречко Владимир Григорьевич.

войны, многострадающий русский народ, за новый мир». Другой раненый, описав тяготы невыносимого бытия, давал близким такое напутствие: «Жена и дети, как-нибудь живите, видно, мое такое счастье – что даст господь»¹. В сочетании с критикой советского руководства за положение в тылу и на фронте подобные проявления религиозных чувств рассматривались военной цензурой как «анти-советские настроения», хотя в ходе перлюстрации выделялась и отдельная группа религиозных писем негативного характера. Количество их, впрочем, было невелико: из 190 367 писем, обработанных военной цензурой особого отдела НКВД Сталинградского фронта с 15 по 31 июля 1942 г., отрицательные высказывания были отмечены в 2600, в том числе только в 19 – религиозные².

Многие матери и жены давали уходившим на фронт детям и мужьям написанную от руки на листе бумаги молитву «Живые помощи» (90-й псалом). Зашитая в ворот гимнастерки или подкладку шинели, молитва была призвана выполнять значение оберега, защищать ее обладателя от гибели. По словам В.Г. Гречко, «у многих были... записки такие, где, например, какая-то молитва». Хранили ее, как правило, «в гимнастерке, в кармашке», нередко рядом с партийным и комсомольским билетом. При этом автор добавляет, что «никто ее не читал, все в карманах носили». У него такая молитва также была, хотя фронтовик и затруднился точно ответить на вопрос о том, откуда она взялась, отметив, что ему дал ее кто-то из сослуживцев: «Ну, ребята, кто-то, наши: “Володька, у тебя есть?”. Я говорю: “Нету! – Я тебе дам”. И давали. Я ее сам первый раз прочитал, засунул и на этом забыл»³.

Другой фронтовик, Л.М. Карпеева, сначала была категорична, вспоминая о своей жизни на войне: «Амулетов у меня никаких не было». Однако позже рассказала, что, несмотря на комсомольский билет, не раз обращалась во время войны к Богу и всю войну проносила в кармане молитву: «У меня были “Живые помощи”. Когда я уходила в армию, мне мама дала “Живые помощи”, они у меня и сейчас до сих пор лежат. А папа: “Что я буду с твоими «Живыми помощами»?”. Папе не повезло, а мне повезло». Она давала молитву переписать своим однополчанам, и считает, что та помогала ей в трудные минуты⁴. А медсестра В.М. Мухортова читала эту молитву раненым по их просьбе: «Меня всегда очень уважали, я всегда с ранеными была в окопах, и говорили: “Медсестра, давай, читай молитву”. В окопах...». Листок с молитвой написала мать и «положила в карманчик, пришила карманчик в гимнастерке и положила». Ее сын, ссылаясь на предыдущие рассказы матери, отмечал, что его мать «заговоренная была... ее на фронте даже не контузило ни разу. Все время на передовой. Кроме обморожения ничего. Это потому, что молитва была зашитая, которую мама дала. И вот солдаты с ее батареи говорили: “Вон, пошла санинструктор с батареи, пойдём

¹ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 267–268.

² Там же. С. 161.

³ Респондент: Гречко Владимир Григорьевич.

⁴ Респондент: Карпеева Лидия Михайловна.

с ней, ее не убьют, и нас заодно»¹. О чудесном спасении благодаря 90-му псалму рассказывают и другие участники войны².

Все это позволяет согласиться с расхожим афоризмом: «В окопах атеистов нет», приписываемым сразу нескольким авторам³. Тяжелый ход войны и ежеминутная угроза гибели не могли не оказывать влияние на распространение среди красноармейцев и командиров веры в Бога. Обращает на себя внимание и то, что само распространение религиозных взглядов в действующей армии происходило практически без всякого влияния со стороны церкви, не допускавшей в тот период в ряды Вооруженных сил, а значит, полностью на добровольной основе. В то же время десятилетия воинствующего атеизма также не пропали даром, и у части военнослужащих демонстрация религиозных чувств вызывала в лучшем случае равнодушие, а то и отторжение. В конечном итоге выбор веры или безверия в годы Великой Отечественной войны оставался личной прерогативой советского человека как на фронте, так и в тылу, хотя на принятие решения по данному вопросу значительное влияние оказывала осуществлявшаяся политика.

7.3. Суеверия и приметы военного времени

Еще более широкое распространение, чем уже подзабытые многими религиозные догматы и обряды, на фронте и в тылу получили различные суеверия и приметы, разделявшиеся нередко и верующими, и неверующими. Фольклорист-фронтвик Л.Н. Пушкарёв, собравший немало материалов по данному вопросу, утверждал: «В армии были и атеисты, и искренне верующие люди, но мне лично ни разу не приходилось сталкиваться с тем, что люди молились бы перед боем. Если это и делалось, то молча, про себя. Чаще я встречался с бытовым суеверием, с бытовой религиозностью, с необъяснимой верой в потусторонние (но отнюдь не обязательно божественные!) силы. Чаще всего это была вера в судьбу, в рок, в необъяснимые факты»⁴.

В своей основе суеверия имеют религиозное происхождение (некоторые являются даже более древними, чем мировые религии, уходя корнями в язычество) и фактически представляют собой веру в воздействие потусторонних сил на поведение людей, а также в то, что от этих сил можно найти защиту при помощи

¹ Респондент: Мухортова Валентина Мефодьевна, 1922 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Присутствует В.М. Мухортов (сын В.М. Мухортовой). Продолжительность 100 минут. Запись 18 мая 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

² *Городова М.* Девяностый // *Российская газета*. Неделя. 2008. 8 мая.

³ Различные источники называют в качестве его автора генерала Дж.С. Паттона, капеллана У.Т. Каммингса, подполковников У. Клира и У. Кесси, журналиста Э. Пайла и др. См.: Бог не ангел: Афоризмы. М., 2000; Большая книга афоризмов. 9-е, испр. изд. М., 2008 и др.

⁴ *Пушкарёв Л.Н.* Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // *Военно-историческая антропология*. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 323–324.

специальных обрядов или талисманов. В советской атеистической пропаганде суеверия не отделялись от вероисповеданий: и те и другие рассматривались как проявления мракобесия и невежества. Однако официально Русская православная церковь и другие конфессии, канонизируя определенный символ веры, обычно отвергали суеверия, выступающие проявлениями неподконтрольной «народной» религиозности как ложной, суетной, т.е. неосновательной и пустой веры. По словам выдающегося русского религиозного философа и богослова П.А. Флоренского, «...суеверное представление у известного лица о предмете или явлении возможно лишь постольку, поскольку у него в данный момент на него же нет научного или истинно-религиозного взгляда»¹. Утрата церковью своего положения в СССР в 1920–1930-е гг. вовсе не привела к искоренению суеверий, оставшихся привычными общественными предрассудками, передаваемыми из поколения в поколение². Несмотря на широкомасштабные антирелигиозные мероприятия, рассчитанные на многомиллионную аудиторию, значительная часть советских граждан сохранила приверженность иррациональным способам объяснения происходивших или ожидаемых событий.

Одной из наиболее часто встречающихся примет грядущей войны традиционно считается увеличение числа новорожденных мальчиков по сравнению с девочками. Очевидцы вспоминали о событиях кануна Великой Отечественной войны: «*Эта я слышала, что перед войной, говорят, много мальчиков рождается. Да одни мальчики рождаются – это значит будет война*»³. Еще одна женщина отмечала: «*Люди кричат: “Война!”, а мы в роддоме детей рождем. И что я запомнила – мальчиков все рожали*»⁴. Эти субъективные впечатления не нашли подтверждения на материалах статистики⁵, но стали устойчивыми стереотипами массового сознания.

Многочисленные свидетельства, подтверждающие, что предстоит жестокая и кровопролитная война, находились и в природных явлениях. В качестве неблагоприятных знаков природы рассматривались сильные дожди, засухи и другие катаклизмы. Особенно часто в таком качестве выступали небесные явления: необычный кроваво-красный цвет луны и сильный звездопад, зарево, шаровые молнии и сполхи, приобретающие очертания различных фигур и символов – всадника, образ

¹ Флоренский П.А. О суеверии // Философские науки. 1991. № 5. С. 87.

² Социологи П. Бергер и Т. Лукман, отмечая упадок организованной религии в США, подчеркивают увеличение числа людей, которые надеются, что личностные религиозные верования помогут им справиться с жизненными проблемами и преодолеть страх смерти. Вследствие этого они считают, что уровень религиозности в американском обществе почти не менялся. Цит. по: Смельзер Н. Социология. М., 1993. С. 485.

³ Знамена войны // Живая старина. 2005. № 2. С. 16.

⁴ Алексиевич С. У войны не женское лицо. С. 70

⁵ В 1946 г. была опубликована статья С.А. Новосельского «Влияние войны на половой состав рождающихся» в сборнике трудов кафедры организации здравоохранения Ленинградского педиатрического института «Вопросы охраны материнства и детства». Он проанализировал данные о рождаемости в Англии, Франции, Германии и отдельных городах России в 1908–1925 гг. – до, во время и после Первой мировой войны. Статистика показала, что в последние годы войны и после нее наблюдается некоторый всплеск рождения мальчиков – 106–108 вместо 103–105 в мирное время на 100 рожденных девочек. Однако в годы, предшествующие войне, мальчиков рождалось не больше, чем в другое мирное время.

которого прочитывался как Георгий Победоносец, плачущей Богородицы, а также крестов, гробов, сакральных надписей¹. Эти образы в христианской символике издавна тракуются как предвестники ужасных событий. К тому же в 1940 г. состоялся парад планет, к Земле приблизился Марс, носивший имя древнеримского бога войны, что в астрологии всегда считалось предвестником конфликтов и раздоров. Неожиданное нашествие крыс, муравьев, саранчи и других насекомых, птиц и зверей прямо ассоциировалось с будущим немецким наступлением². Признаками надвигающейся войны также считался хороший урожай грибов, яблок, огурцов, зерновых культур, отмечавшийся в разных регионах страны в 1941 г.³ Это изобилие должно было в последующем обернуться нехваткой продуктов, согласно закономерностям круговорота развития. Природные аномалии рассматривались как знаки, поданные свыше о предстоящих бедствиях, а поскольку многие граждане ожидали войну с Германией, невзирая на успокаивающие заявления советских средств массовой информации, то именно с ней они в первую очередь и связывались.

Нарастание социально-психологической напряженности в обществе накануне Великой Отечественной войны отчетливо выразилось в появлении различных мистических видений. Путникам (как правило, шоферам) являлась женщина в белом или прозрачном одеянии, а то и без него, ее гендерная трансформация – белый, как лунь, старик, другие мифические персонажи⁴. Женщина иногда интерпретируется как Божья Мать, а ее нагота выступает определяющим обстоятельством в трактовке данного образа как вестника войны. По мнению М.А. Рыбловой, «оскудение женской, прокреативной сферы связано непосредственно, по народным представлениям, с избытком жизненной силы-энергии в сфере мужской, что и приводит к неизбежной войне. За нарушением нормы с неизбежностью следует расплата с последующим оскудением уже мужской сферы»⁵.

Эти видения выступали знамениями, сообщавшими о предстоящей войне. Так, Варвара Таранец из города Кизляра распространяла «к[онт]р[революционные] слухи» о том, что к ней «*ежедневно прилетают ангелы и предсказывают приближение конца света, что СССР воюет с Германией и германские войска бьют русских*»⁶. В начале июня 1941 г. ночью на колокольне Исаакиевского собора в Ленинграде зазвонили колокола. Когда дежурный отряд милиции поднялся на колокольню, колокола еще гудели, но звонарей не было. Глянув вниз, милиционеры обмерли от ужаса: вся площадь перед собором была покрыта красными гробами – это было

¹ Азбелев С.Н. Русская народная проза // Народная проза. М., 1992. С. 18; *Скоробогатько Н.* Чудеса Божии на фронтах Отечественной войны. Свидетельства очевидцев. М., 2007. С. 17 и др.

² Сорока М. Видения, знамения или галлюцинации? URL: http://siac.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=784&Itemid=44 (дата обращения: 13.08.2013).

³ Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курган, 1994. С. 9–10; Знамения войны // Живая старина. 2005. № 2. С. 16 и др.

⁴ Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1994. С. 8–10.

⁵ Рыблова М.А. Народные образы предвестников войны // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: мат-лы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010. С. 195–196.

⁶ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 405.

предсказанием десятков тысяч смертей в блокадном Ленинграде. Примерно в то же время, за две недели до начала войны жители Даугавпилса видели «пляску смерти» над городским кладбищем. В воздухе, примерно на высоте 3 м от земли, плясали, взявшись за руки, три белые фигуры, одетые в черные перчатки, чулки и обувь – еще одно предсказание будущей войны и связанных с нею неизбежных людских потерь¹. В ряде храмов вдруг начали дружно слезоточить иконы Богородицы, что в православной традиции означало приближающуюся беду.

В источниках личного происхождения сохранились указания на вещие сны и другие предчувствия грядущей катастрофы. А.В. Ушакова из города Прокопьевска Кемеровской области перед войной увидела «бой на небесах». Вечером она возвращалась домой с тетей из бани. *«Я взглянула на небо и вскрикнула от испуга: там рубили друг друга саблями всадники на гигантских лошадях. Страшная схватка проходила в полной тишине и как бы при замедленной съемке. Тетя, посмотрев вверх, лишь крепче сжала мне руку и ускорила шаг. Ночью мне не спалось, я еще раз вышла на улицу, но небо было чистое. Никогда больше я не видела ничего подобного!»*. А. Портнову мать рассказала о том, что видела во все «огромную реку, покрытую тонким льдом, в которую с обоих берегов валились бесчисленные массы людей и исчезали в черной воде и под льдинами». После этого она сказала: *«Будет война. Газеты и радио нас просто успокаивают»*. А 22 июня 1941 г., слушая выступление В.М. Молотова, тяжело вздохнула: *«Сон сбился»*².

По мнению отечественных исследователей, подобные «неотрефлексированные представления о происходящем, обличенные в форму видений и знамений», отражают напряженный внутренний мир общественных представлений об историческом событии. Основной функцией мистических откровений выступает толкование истории в периоды кризисов, когда традиционные средства оказываются бессильны перед реалиями. «Тогда видения и знамения выступают как экстремальный резерв социальной адаптации. Но, в связи с этим, они недолговечны. Как только жизнь входит в привычное русло, спадает мистическая напряженность, потребность в них отпадает»³.

Еще одним отражением острого социально-психологического кризиса стало массовое распространение накануне и во время войны писем религиозно-мистического содержания – «круговых писем», или «цепочек писем», поскольку от получателей требовалось их переписать и переслать далее в определенном количестве. Акту переписывания и пересылки теста придавалось магическое значение, приобретающее разную направленность (положительную или отрицательную) для тех, кто его выполнял или не выполнял. По мнению А.А. Панченко, сама идея «цепи» или «круга», сформированного постоянно тиражируемым письмом, подразумевает создание новой социальной реальности. Поэтому одной из главных

¹ Андреев С. Ночное видение. URL: http://veroyu.my1.ru/publ/chudesa_pravoslavija_i_redko_vstrechajushhiesja_svjatyni/nochnoe_videnie/8-1-0-5 (дата обращения: 08.08.2013).

² Шлионская И. Феномены Великой Отечественной // Мир зазеркалья. 2002. № 11 (110).

³ См.: Кузнецов Б.В. События Смутного времени в массовых представлениях современников («видения» и «знамения», их значение в этот период). М., 2010.

функций «круговых писем» он считает компенсацию социальных и культурных кризисов, переживаемых обществом, магическое письмо «играет по преимуществу роль оберега»¹.

В предвоенный и военный период наиболее широкое хождение получили «круговые письма» двух основных видов – «святые письма» (или «небесные письма») и «письма счастья». Вероятно, самое большое собрание таких писем хранится в «фрейбургской коллекции», содержащей выписки из писем остарбайтеров 1942–1944 гг. В разделе «Круговые письма» имеется 31 вариант «святого письма», а на 6 карточках отмечается, что в руках у составителя побывало еще 17 текстов. Таким образом, через цензора-составителя картотеки прошли 48 «круговых писем». Все карточки с «круговыми письмами» были заполнены за пять месяцев с декабря 1943 по апрель 1944 гг.²

Исследователи считают, что «святые письма» имеют более четкую структуру, чем «письма счастья». Как правило, они начинаются с молитвы: *«Иисус Христос, благослови нас, помолимся мы за тебя, Боже Святейший, избави нас от грехов и всего злого через муку Твою святую...»*³. Затем следовал рассказ о чудесном появлении письма и о его магической силе. Этот раздел текста А.А. Панченко называет «эпической частью», считая, что его структура «изоморфна строению многих легендарных циклов христианского фольклора, базирующихся на исходном предании о появлении сакрального существа или предмета в профанном мире. Циклы такого рода обычно предполагают, что “материнское предание” развивается и дополняется “дочерними рассказами”, содержащими свод правил “магического этикета”, т.е. примеры должного и недолжного поведения людей в отношении святого или святыни и сообщения о результатах этого поведения»⁴. В большинстве «круговых писем» «фрейбургской коллекции» эта часть сведена к минимуму: К.В. Чистов отмечает, что 23 из 31 «круговых письма», повторяющих друг друга дословно, представляли собой простейшую разновидность «святого письма» – обращение к Христу, просьбу простить грехи, даровать благословение и спасти в тяжелую годину⁵. И это понятно: остарбайтеры могли писать домой только на почтовых открытках, где помещалось немного текста. Наиболее объемные послания переслали сразу на нескольких открытках.

В одном из развернутых текстов происхождение письма объяснялось следующим образом: *«Молитва эта от пули и меча. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Она была спущена с неба на голубое дерево в 1791 году. Написано это было золотыми буквами»*⁶. В другом тексте сообщалось, что письмо исходит от самого Иисуса Христа, было записано золотыми буквами в Киево-Печерской лавре, раскрылось у образа архангела Михаила. В письме содержалась угроза наказания за

¹ Панченко А.А. Ускользающий текст: пророчество и магическое письмо // Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. С. 352.

² Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. С. 20–21.

³ Там же. С. 169.

⁴ Панченко А.А. Ускользающий текст: пророчество и магическое письмо. С. 343.

⁵ Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. С. 22.

⁶ Там же. С. 168.

грехи: «О, буду вас наказывать: грехом, ветром, огнем, пуццу царя на царя. Наделаю между вами кровопролитную войну». Лишь молитвы Богородицы предотвращали наказание. Письмо призывало хранить имя Христа в тайне и обещало прощение грехов¹. В конце письма указывались требования к получателю: «Эта молитва должна за 3–4 дня обойти весь мир. Спишите ее 10 раз, пошлите в различных направлениях и через 4 дня будет вам радость; вы услышите радостное известие и избавитесь от своих грехов». Как правило, они содержали обещание награды за их выполнение и наказания – за невыполнение: «Кто сделает это за 4 дня, тому Господь дарует счастье. Один человек не сделал этого, и у него умерла дочь, а сам он заболел»². Заключительные формулы нередко содержали призывы к молитве и покаянию.

Разумеется, «святые письма» переписывали и рассылали не только «восточные рабочие» и жители оккупированных территорий СССР, но и граждане, находившиеся в глубоком советском тылу. В сентябре 1941 г. прокуратура Краснодарского края докладывала о появлении в станицах Апшеронского, Лабинского, а затем и других районов Кубани большого количества листовок религиозного содержания, в которых сообщалось о «голосе спасителя в городе Иерусалиме», призывавшем молиться. Верующим предлагалось переписать 9 раз текст полученной записки и раздать его окружающим: «через два дня получите радость, а напишите “спаси меня, господи, силою честного и животворящего креста твоего, Господи”». Для распространения листовок в станице Имеретинской неграмотные старухи использовали родственников-школьников³.

По мнению А.А. Панченко, содержание «писем счастья» менее устойчиво. Он выделяет в нем два основных компонента: ритуальные предписания и эпическую часть, в которой обычно опускается история появления письма и рассказывается лишь о людях, переписавших или не переписавших его текст⁴. Так, накануне войны в различных регионах имело хождение письмо «Фландрийская цепь счастья». Его текст гласил: «Фландрийская цепь, ее прислали мне, а я передаю Вам, чтобы не порвать цепь счастья посылайте ее в течение 24 часов лицам, которым Вы желаете счастья. Цепь счастья началась с 1838 года и должна обойти весь свет сразу, кто эту цепь порвет, тому вечно не будет счастья. Прочитав это событие, с тех пор как началась переписка, обратит внимание на 4 день после получения цепи счастья, исполнится Вам счастье. Вы не должны оставлять у себя листок, а перепишите его сразу и пошлите листок лицам, которым вы желаете счастья. Послать можно по почте и лично. И у себя не держи и еще точно таких 3 напиши, и передай или пошли, кому желаешь счастья». Этот текст передавали друг другу в июне 1941 г. учащиеся и учителя ряда районов Орджоникидзевского края, а также краевого центра – города Ворошиловска, среди которых были и комсомольцы. Так, учительница Пузанкова, член ВЛКСМ, в колхозе «Волна революции» 20 июня

¹ Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. С. 170.

² Там же. С. 171.

³ ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3, 31–34.

⁴ Панченко А.А. Ускользящий текст: пророчество и магическое письмо. С. 344.

«вручила бумажку такого содержания» секретарю комсомольской организации неполной средней школы Сырмятниковой. Та распространила ее среди учеников 7-го класса, те, в свою очередь, – среди учеников 4-го класса¹.

Ранее, в середине весны 1941 г. письмо было изъято в совсем другом регионе страны – на западе Белорусской ССР, что позволяет сделать выводы о географии его распространения. В докладной записке одной из местных партийных инстанций, датированной 17 апреля 1941 г., отмечалось, что 10–12 марта 1941 г. в одну из школ Брестской области «на разные фамилии учеников поступило 15 писем. В связи с тем, что все эти письма были написаны двумя почерками директор школы тов. Яцко заинтересовался этим, вскрыл несколько писем. В заголовках писем было написано “Фландрийская цепь счастья”. По всему заголовку наставлены кресты. В тексте письма сказано: это письмо размнож в 4 экземплярах и раздай верующим. И дальше написано, кто это письмо порвет, тот ни когда не будет видеть счастья. Все эти письма тов. Яцко собрал и отдал в НКВД. Кто писал эти письма, выяснить пока не удалось»².

Еще один раздел «фрейбургской коллекции» содержит другую группу уникальных свидетельств по рассматриваемой проблеме – пересказы снов остарбайтеров. Судя по часто встречающимся в них сценам семейной жизни, доминировавшим у «восточных рабочих» было желание возвратиться домой. Однако эти мирные картины сопровождались зловещими видениями (провалилась крыша в родном доме, отца угрожали убить, хорек высосал всю кровь, море крови в лагере)³. Эти тревожные и трагические эмоции в сновидениях свидетельствовали, что освобождение и путь домой могли достаться дорогой ценой. К.В. Чистов также отмечает «глубокую традиционность некоторых мотивов – переправа через реку, карабканье через гору, вампиризм, сражение с чудовищем (змеей). Все они известны нам по средневековой письменности и поздним фольклорным отражениям (например, в русских причитаниях). Два первых из них обычно обозначали трудный переход в мир иной»⁴.

К снам примыкают пророчества, которые также говорят о конце войны, но предсказывают вместе с тем катаклизмы и трагические переживания, например, тяжелые бои («раненые захлебнутся в своей крови»). Упоминается и собственная гибель человека, видевшего сон, в том числе как уже сбывшееся пророчество: «Одной девушке снилось, что война закончится 25 мая, что через 90 дней мы поедем до дому, а через 8 дней она умрет. Она уже умерла, не знаю, исполнится ли вторая половина пророчества»⁵.

У военнотружущих, особенно семейных, относившихся к старшим возрастам, общее психологическое напряжение также нередко выливалось в тревожные сны.

¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 404.

² Письма счастья в 1941 г. URL: http://users.livejournal.com/_bees_/113853.html (дата обращения: 29.07.1941)

³ Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. С. 159–166.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 166–167.

В.Н. Хохлачев (1898 г.р.) 22 апреля 1944 г. писал жене, что у «него душа вся болит», так как он увидел такой сон: «...будто бы я у себя дома, захожу в комнату и вижу[:] ты сидишь и такая бледная, бледная, а личико такое худое и локоны твои спускаются на лоб[.] Я спрашиваю: “Анечка, что с тобой, почему ты так болеешь?” и прошу тебя достать мне летние рубашки[-]косоворотки[.], и в это время входит в комнату моя покойница мать, я обращаюсь к ней и говорю: “Мама что же это Вы с Анечкой сделали? Почему она такая больная?” Она что-то мне хотела ответить, и в этот момент я проснулся[.], и такой неприятный холодок на душе, что я уже до утра не мог уснуть и несколько дней так волновался, да и сейчас все волнуюсь о тебе так, как не получаю давно твоих писем»¹. Образы «бледной», с «худым» лицом жены и покойницы-матери выступали для В.Н. Хохлачева плохими предзнаменованиями и вызывали тревогу за судьбу близкого человека, опровергнуть которую у него не было никаких возможностей. Однако несколько дней он сдерживался и только потом написал домой о своих опасениях. В отношении жены они не подтвердились, судя по дальнейшим письмам, зато сам фронтовик оказался в госпитале².

Ближе к концу войны сны В.Н. Хохлачева стали менее тревожными, в них появилась надежда на встречу с членами семьи, по которым он очень соскучился. Например, 7 ноября 1944 г. он сообщал жене: «Анечка, на днях видел во сне Толечку [сына. – Авт.] и крепко, крепко его целовал, как будто бы я приехал с фронта домой, прихожу в дом, а Толечка бежит в передней комнате, на кровати сидит мама, я стал Толечку брать на колени, он сразу с недоверием пошел ко мне, а я ему говорю: “Сыночек, да ведь я же твой папка.” И он меня сразу начал крепко, крепко целовать, обнимать своими ручонками и все целует, целует без конца, я у него спрашиваю: “А где мамочка?” Он мне отвечает: “Мамочка пошла за хлебом, скоро придет”. И в этот момент я проснулся и долго, долго не мог уснуть, вспоминая всех Вас». Это сновидение приобрело повторяющийся характер: «Недавно я видел тебя и сыночка во сне и так крепко, крепко вас обоих целовал, и ты мне все время твердила: “Вовка, а как нам без тебя было плохо, как мы за тобой соскучились, хорошо, что ты приехал”. И вот когда я проснулся, то мне стало грустно, что все это было во сне, а не наяву, и, ты веришь, я весь день ходил как не свой и все время смотрел на твою карточку и без конца ее целовал» (1 января 1945 г.)³.

Находили свое отражение в сновидениях и переживания за судьбу народа и страны в целом. 28 ноября 1941 г. А.С. Гершгорн записал в своем дневнике: «Ночью мне приснился какой-то странный и довольно грустный сон: я нахожусь в большом зале на каком-то собрании. Перед собравшимися выступает старая еврейская писательница. Она рассказывает об ужасах, которые немцы творят с еврейским населением. Она говорит и плачет. Меня крайне удивляет, что выступает женщина. Я никак не могу припомнить (назвать) даже одной еврейской писательницы. Картины, которая она рисует, будто мне знакомы. Это “эпизоды”

¹ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 223.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 229.

из проскуровской кровавой бойни...». Когда автор проснулся, у него «было очень тяжело на душе», до утра он уже не смог уснуть, «стараясь разрешить проклятую загадку: почему из всех народов Бог “выбрал” именно мой»¹. Очевидно, что стремление рассматривать сновидения как информацию, содержащую в себе предсказание будущего, было присуще немалой части советских граждан в годы войны.

Собственная жизнь и жизнь своих близких неизменно относились к главным темам пророчеств. А.Ф. Гнётов в середине апреля 1940 г., еще до войны, уезжал из города Мелеуз в Стерлитамак поступать в летное училище, и мать приехала его провожать на вокзал: «Отец не смог приехать, а она приехала. Приехала, ну и поезд уже подали, прощаются. Она плакала, как я сейчас помню, так плакала. Я говорю: “Мама, мне неудобно как-то”. Ну, никто не плачет, а она плачет: “Мама, ну, чего ты плачешь, ну, нельзя так, мне стыдно”. Она говорит: “Сыночек, я больше тебя не увижу”. Вот это ее слова были. Я говорю: “Да ну, что ты!”». Предчувствие не обмануло женщину, и через два с половиной года, в октябре 1942 г. ее сын получил телеграмму о том, что мать умерла от кровоизлияния, «ей было 46 лет»².

Желание заглянуть в ближайшее будущее, избежать неблагоприятных последствий, выбрать правильную линию поведения вело к появлению мистицизма, веры в гадалок и прорицателей, в роли которых традиционно выступали увечные, слепые и другие люди, отличавшиеся от остальных физическим и психическим обликом и наделявшиеся вследствие этого сакральными признаками. Так, буквально за несколько дней до начала войны, 18 июня 1941 г., уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю Астраханцев докладывал о том, что в селе Юровка Кизлярского района Орджоникидзевского края проходили «сборища церковно-кулацких элементов, возглавляемые слепым по кличке “Федя” (из села Коктоубей)». В районном центре того же края – селе Новоселицком – в течение четырех предвоенных лет «орудовала» считавшаяся местными властями полоумной «“святая” Таня Литвинова – дочь быв[шего] крупного торговца. Ее агенты организовали паломничество к ней не только из села Новоселицкого, но и многих других сел района. Литвинова устроила себе в бане келью, в которой принимала клиентов, читала им евангелие, занималась “пророчеством”, предсказывала будущее, ловко используя в своей агитации антисоветские вымыслы». За это она получала от верующих приношения – яйца, хлеб и другие продукты, а также деньги»³.

В годы войны указанные выше мотивы усилились, а вместе с ними выросла и потребность в предсказателях и гадалках, поскольку причин для беспокойства стало еще больше, прежде всего в связи с уходом родственников на фронт и отсутствием достоверной информации об их судьбе и развитии событий в ходе

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 3. С. 158. В ходе антисемитского погрома, устроенного петлюровцами 15 февраля 1919 г. в г. Проскурове (в настоящее время – Хмельницкий), было уничтожено 1,6 тыс. евреев.

² Респондент: Гнётов Александр Федорович.

³ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 403–404.

военных действий в целом. Уже в сентябре 1941 г. прокуратура Краснодарского края отмечала появление в ряде населенных пунктов Кубани многочисленных гадалщиков-ворожей. При помощи карт, колец, стука стула они давали ответ на самый важный на тот момент времени вопрос – живы ли родственники, служившие в рядах Красной армии на фронте. Бывший коммунист Попов с 1 по 15 ноября 1941 г. гадал 30 гражданам. При этом на вопрос о смерти родственников нескольким гражданкам дал утвердительный ответ, «*чем заставил их плакать и волноваться*». Определенной платы не взимал, брал столько, сколько давали. Представления о потерях в рядах РККА расценивались как очевидные сомнения в победе советских войск, и все обнаруженные гадалщики привлекались к уголовной ответственности по статье 58-10 за «*распространение контрреволюционной агитации и пропаганды*»¹.

Тем не менее вера в предсказателей и гадалок сохранялась. Одной из самых известных прорицательниц военного времени была слепая Матрона Московская (Матрена Дмитриевна Никонова), в 1999 г. канонизированная Русской православной церковью как местночтимая московская святая. В житийной литературе отмечается, что за год-два до начала Великой Отечественной войны Матрона сказала: «*Война вот-вот начнется. Народу много погибнет, но наш русский народ победит*». В начале 1941 г. она еще раз подтвердила: «*Будет война. Победа будет за нами. Москву враг не тронет, она только немного погорит. Из Москвы уезжать не надо*». А когда появилась угроза захвата Москвы осенью 1941 г., то к ней якобы приезжал сам И.В. Сталин, которому она сказала: «*Русский народ победит, победа будет за тобой. Из начальства один ты не выведешь из Москвы*»². Она сообщила, что немцы не войдут и в Тулу, это пророчество также подтвердилось. Многим обратившимся к ней в военные годы людям она сообщала сведения о том, живы или погибли на фронте их родственники³.

Большинство суеверий и примет на фронте было связано непосредственно с боем. Как правило, они запрещали совершать фронтовикам определенные действия с целью уберечь их в бою. Часть примет и суеверий сохранялась на протяжении столетий, переходя из поколения в поколение. К ним, например, относится привычка надевать чистое белье перед боем, унаследованная красноармейцами еще от солдат Русской императорской армии и объяснявшаяся как гигиеническими – чтобы при возможном ранении в рану не попала грязь, так и религиозными соображениями – в случае смерти предстать в чистом перед Богом. Опытные бойцы также предпочитали много не есть перед боем, поскольку ранение в брюшную полость при пустом желудке менее опасно, чем при полном.

¹ ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3, 31–34.

² Эта предполагаемая встреча изображена на иконе «Матрона и Сталин» в церкви Святой равноапостольной княгини Ольги в Стрельне (близ Петербурга), вызвавшей резкие разногласия и в самой церкви, и в обществе. Они привели к отставке настоятеля храма игумена Евстафия (Жакова). См.: Настоятель храма, в котором была выставлена икона с изображением Сталина, подал прошение об отставке. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/522725.html> (дата обращения: 13.08.2013).

³ Святая Матрона Московская – биография. URL: <http://mati-matrona.ru/index/biografija/0–53> (дата обращения: 09.08.2013).

Другие приметы имеют скорее иррациональный характер и с трудом могут быть логически объяснимы. В частности, перед боем нельзя было ругаться матом, дарить что-то «на память», думать о плохом, трагическом, приближая смерть. Видимо, поэтому бойцы перед боем предпочитали заниматься механической работой: чистить оружие и форму, писали письма домой, но не сообщали о предстоявшем им испытании. После боя нельзя было надевать вещи погибших бойцов, что, впрочем, нередко нарушалось вследствие нехватки обмундирования и обуви, а также показывать на своем теле места, куда был ранен товарищ, чтобы не произошло подобное. Вплоть до конца войны следовало хранить первую выданную пулю или обойму с патронами.

Одно из самых распространенных суеверий было связано со смертными медальонами, в которые военнослужащие должны были вкладывать сведения о себе. Считалось, что, заполнив листки медальона, бойцы сами подписывали себе приговор, и многие выбрасывали «смертники» или использовали не по назначению, храня махорку, спички или иголки. Если же приходило ложное сообщение о смерти фронтовика, то потом о нем говорили: «Долго жить будет!». В то же время источники зафиксировали немало случаев, когда военнослужащие предсказывали собственную гибель или гибель своих сослуживцев. Немало красноармейцев использовало в качестве амулетов и оберегов предметы культа (иконы, молитвы, кресты), а также фотокарточки, письма, обведенные на бумаге ручки и ножки новорожденных детей и другие подарки родных и близких. Нередко в таком качестве использовалось переписанное от руки стихотворение К. Симонова «Жди меня», которому придавалось магическое значение¹.

Были и специфические приметы, характерные для представителей отдельных родов и видов войск. Так, летчикам, например, нельзя было фотографироваться перед вылетом². Перед полетом ни в коем случае нельзя было бриться, а летать следовало в одном и том же: «Какой-то вот шарф один, в каком я мог только [летать], больше не надо одевать»³. Пожалуй, самая известная примета для моряков – с кораблем случится беда, если с него побежали крысы.

Разумеется, далеко не все военнослужащие верили в те или иные приметы в годы Великой Отечественной войны. Так, В.И. Бирюков рассказал, что все его сослуживцы были «атеисты. Поэтому каких-то (как их назвать?..) амулетов, талисманов не было. У нас такого и в мозгах не было. Мы, пацаны, что там говорить. Мы же не взрослые»⁴. Обращает на себя внимание и то, что веривших «обычным» гадалкам и предсказателям на фронте было также значительно меньше, чем в тылу. По словам С.Ю. Ясаниса, в 1943 г. в селе Владимировке, под Астраханью, «подошли к нам или мы подошли – цыганки. Ну, она мне: “Давай погадаю!” Я: “Да ну, погадает она! – Давай, не будешь жалеть”... И вот она мне сказала

¹ Пушкирёв Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной). С. 323.

² Респондент: Ясанис Сергей Юлианович.

³ Респондент: Гнётов Александр Федорович.

⁴ Респондент: Бирюков Владимир Ильич.

тогда: «Трудной будет у тебя война, будут тебя сбивать, но будешь выходить из сложных положений живым и проживешь 98 лет»». Не поверив вначале предсказаниям цыганки, боевой летчик-истребитель, не следовавший в годы войны, по его словам, никаким суевериям и приметам, только на излете жизненного пути все-таки приходит к выводу, что оно оказалось справедливо: «И вот, в каких переплетах я здесь не был, 6 раз сбивали, и все в переплетах таких, что бывало, никак не должен выжить, а вот выживаю, и сейчас вот 91-й, уже половина [смеется]. А может, и правда...»¹.

Суеверия позволяли сохранять магическую связь между фронтом и тылом, создавая возможность повлиять на сохранение жизни своих близких. Как и многие другие женщины, мать С.Г. Дробязко, провожая его, «состригла в конверт прядь... черных кудрявых волос»². Она должна была напоминать о сыне, а их сохранение позволяло надеяться на его возвращение. Истоки этих действий уходят далеко в прошлое: в фольклоре отрезанные волосы выступают заместителем самого человека. Вполне вероятно, это не осознавалось ни женщиной, совершавшей привычный обряд, ни тем более ее сыном, не одобрявшим религиозные воззрения своих сослуживцев.

Суеверия и приметы фронтовиков разнообразны, поэтому представляет несомненный интерес первый опыт их систематизации. Е.С. Сеньявская выделяет их следующие основные типы: «а) система запретов на определенные действия накануне боевых действий; б) выполнение определенных ритуалов после возвращения из боя; в) традиции и обычаи в отношении памяти и вещей погибших; г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики; д) молитвы (как традиционные, так и самодеятельные); е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и закрепленные традициями боевого подразделения; ж) придание рациональным действиям дополнительного мистического обоснования; з) традиции воинского коллектива, связанные с военной специальностью»³. В целом суеверия и приметы военнослужащих можно рассматривать как составные части особой военной субкультуры, присущей фронтовикам, осмысление которой позволяет лучше представить внутренний мир «человека воюющего».

* * *

Отношения человека с Богом относятся к сфере его интимных, глубоко личностных переживаний, однако публичное выражение религиозных чувств издавна подвергается строгой регламентации, следствием которой и стало появление церкви. Со временем она превратилась в один из важнейших социальных институтов, существенно превосходящий свои первоначальные функции организации, предназначенной для совместного исповедания и распространения веры. Определяя содержание религиозных догматов и формы религиозных обрядов, церковь стала

¹ Респондент: Ясанис Сергей Юлианович.

² Дробязко С.Г. Путь солдата. С. 7.

³ Сеньявская Е.С. Солдатские суеверия на войне как пример стратегии выживания. С. 239.

играть роль главного посредника между человеком и Богом, практически лишая его самостоятельности в данных вопросах и строго карая вероотступников.

Советское государство, стремясь поставить под свой контроль все сферы жизни общества, подвергло церковь систематическим преследованиям. Тем не менее к началу войны значительная часть советского общества сохранила религиозность в той или иной форме, а война способствовала ее усилению. Несмотря на все свои содержательные отличия как признанные церковью обряды и молитвы, так и отвергаемые ею приметы и суеверия стали необходимыми способами психологической адаптации людей к экстремальным условиям военного времени. Все это свидетельствовало о сохранении той сферы жизни человека, которая оставалась автономной по отношению к государству, стремившемуся всё взять под свой контроль.

Глава 8

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

С началом Великой Отечественной войны ресурсы свободного времени советских граждан резко сократились как в количественном, так и в качественном отношении. Такой поворот был в определенной мере подготовлен в 1930-е гг., когда в преддверии грядущей войны происходило «подтягивание поясов»¹ по всем направлениям. С 1940 г. свободное время рабочих пошло на убыль в связи с введением 7-дневной рабочей недели, увеличением продолжительности рабочего дня с 7 до 8 часов, новациями «антирабочего» законодательства. Что касается жителей села, в канун войны составлявших более 70 % населения страны, то из-за колоссальной загруженности тяжелой физической работой, минимальности достатка, а также слабой приспособленности советской деревни к потреблению культурных продуктов, символизировавших величие сталинского государства, прогресс по части полноценного использования свободного времени был здесь, во множестве случаев проблематичен. В общем, на исходе предвоенного десятилетия советская культура имела огромные достижения, в стране ощущалась атмосфера удивительной приподнятости, веры людей в то, что они вершат великие дела, однако все это уживалось с очень скромными жизненными благами большинства населения, что не могло не отражаться на возможностях использования им свободного времени.

Ограничение ресурсов свободного времени слабо соответствовало представлениям классиков марксизма о его тесной связи с процессами всестороннего развития личности. Обеспечение все возрастающего по своему объему свободного времени всем членам общества постулировалось К. Марксом как одна из целей идущей на смену капитализму коммунистической общественно-экономической формации. Предполагалось, что в конце концов наступит этап в развитии общества, когда «мерой богатства будет... отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»². В СССР рубежа 1930-х – 1940-х гг. такая последовательность больше выстраивалась в лозунгах и песнях («Человек всегда имеет право / На ученье, отдых и на труд»), в реальности же приоритет отдавался интенсификации занятости и дисциплине труда. Данные ориентиры неизбежно отражались на количестве свободного времени трудящихся и практиках его использования, что, в свою очередь, вело к переменам в семейной, образовательной и иных сферах.

Свободное время, по мнению социологов, принадлежит к значимым атрибутам современной цивилизации. Социология свободного времени исходит из известной марксовой формулы, согласно которой категорию свободного времени следует

¹ «Весь народ сильно сдал телом»: Война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича // Российская история. 2009. № 6. С. 55.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 217.

понимать как простор для свободной деятельности и развития способностей личности. Имея в виду две главные функции свободного времени (= досуга) – восстановление сил человека и его духовное и физическое развитие, видные отечественные социологи (В.Д. Патрушев, Б.А. Грушин) сформулировали такое инструментальное определение: свободное время – это часть внерабочего времени, остающегося после его расходования на разного рода непреложные занятия и обязанности¹. От этого определения мы и будем отталкиваться, рассматривая использование свободного времени советскими гражданами в годы войны, причем с разграничением по линии «тыл – фронт», так как условия повседневной жизни и в том и в другом случае обуславливали специфику содержания и ритма той самой сферы человеческого существования, которую мы привыкли называть досугом.

Советский человек первой половины 1940-х гг., безусловно, испытывал влияние определенных традиций свободного времяпровождения, а кроме того, руководствовался тем репертуаром досуговых возможностей, которые предоставлялись ему в условиях военного времени. Возможности эти существенно сузились по сравнению с довоенным периодом, но по-прежнему находились под пристальным вниманием власти. Приоритеты последней и в рассматриваемый период отдавались культурному досугу в публичных формах. В том смысле, что праздники желательно было отмечать «на миру», а книги брать в библиотеке. Для историка частной жизни в этом ракурсе важен ответ на вопрос о том, насколько отдельный индивид был вписан в досуговый мейнстрим и в то же время насколько он был в состоянии действовать в данной сфере по-своему, отклоняясь от закрепившихся в обычае либо предписанных норм. Этот вопрос о мере самостоятельности индивида в части свободного (по определению) времяпровождения особенно актуален потому, что война болезненно вторглась в его внутренний мир, породила крайнюю необходимость в нормализации душевного состояния и реабилитации сил. Компенсационный потенциал, заложенный в досуге как таковом и способный в какой-то степени вернуть человеку привычную «почву под ногами», в такие моменты особенно значим. Реализация духовных потребностей, которая, несомненно, является формой проявления частной жизни, имеет удивительную способность выдвигаться на один из первых планов именно тогда, когда систематически не удовлетворяются первостепенные для физического существования условия (еда, сон, тепло, уют). Хотя, разумеется, такая зависимость не тотальна, но убедительными ее примерами выступает повседневность многих фронтовиков или жителей блокадного Ленинграда.

Расхождения между поведенческими клише и индивидуальными поступками человека в сфере свободного времяпровождения в каждом конкретном случае обуславливались многими факторами – полом, возрастом, местом проживания, социальным происхождением, уровнем культуры. Стратегии досугового поведения, которые выстраивались в 1941–1945 гг., базировались, как правило, на двух

¹ Социология в России. М., 1998. С. 473.

основаниях: жизненной ситуации индивида, сложившейся в условиях войны, и его личных пристрастиях, отсылающих к обозначенным выше факторам. Нам же предстоит выяснить, насколько имевшие место в войну практики проведения досуга соответствовали внутренним потребностям советских людей.

8.1. Досуговые возможности и предпочтения мирного населения

Испытав шок начала войны, мирное население постепенно приспосабливалось к новым условиям повседневности. То, насколько скоро это происходило, в главном зависело от двух обстоятельств: близости военных действий с их страшными атрибутами (бомбежками и их последствиями, видом убитых и раненых, столкновением с оккупантами), а также личностных особенностей. Что касается последнего фактора, то буквально с первого дня войны можно заметить своего рода инерционность в поведении (в том числе досуговом) некоторых граждан, которая, похоже, помогала справиться со ступором и беспокойством, наступавшими сразу после получения ошеломляющего известия; человек по возможности старался продолжить начатое либо задуманное (до новости) действие. В.И. Мартынов, проживавший в г. Павлово-на-Оке, рассказывает, что узнал о войне, когда шел с товарищами купаться на реку: «22 числа день был жаркий. <...> И мы шли купаться. В то время “граммофоны” на столбах, радио... Тогда назывались “граммофоны”. И вот идем, а выступает Молотов. И говорит, что на нас напали, началась война. Мы остановились, послушали, и между собой поговорили. “Ну, мы им-то сопли уоем! Они еще пожалеют, что на нас пришли...”. Вот так. <...> И пошли на речку. Купаться, конечно»¹. Инженер Горьковского автомобильного завода В.А. Лапшин, с 1940 г. занимавший должность главного электрика, 22 июня 1941 г. оказался в Москве. Здесь он проводил несколько дней отпуска со своей старшей дочерью, которой собирался показать «выставку, метро, Мавзолей, зоосад и другие достопримечательности». Услышав выступление В.М. Молотова по радио, Лапшин понял, что отпуск «придется закончить». «Потянуло сразу же домой, на завод, чтобы в это боевое время быть на своем посту». Тем не менее на выставку, куда было запланировано попасть именно в этот день, пошли, и провели там время до вечера. Билеты на поезд в Горький, загодя купленные на 24 июня, менять не пытались; 23 июня Лапшин сводил дочь в зоопарк и в планетарий, покатали на метро, единственное – не успели в Мавзолей Ленина. Все это происходило на фоне отмеченной в дневнике Лапшина нарастающей «сосредоточенности» москвичей, выстаивания очередей за сахаром, мылом и керосином, а утром 24 июня – дальних всполохов от разрывов снарядов, стрельбы зениток и даже учебной воздушной тревоги. На вокзале выяснилось, что поезд отменен, поэтому до дома добирались четверо суток пароходом².

¹ Респондент: Мартынов Валентин Иванович.

² Военная «повседневность» глазами автозаводцев (дневники В.А. Лапшина и И.И. Пермовского) // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005. С. 760.

Чутко схватывается момент перехода от мирной к военной повседневности в дневнике-воспоминаниях Леонида Андреева. Война застала девятнадцатилетнего Андреева в Смоленске; он тогда готовился к учебе в одном из столичных вузов. «Разрыв между мирной и военной жизнью был настолько неожиданным, – писал Андреев, – что мы во многом еще продолжали жить по-прежнему. К вечеру следующего дня [25 июня] я надел свой парадный костюм, захватил привезенные мною из Москвы подарки и направился к брату в прекрасном настроении. На улице, однако, моя пруть сразу приуменьшилась. Заметно было, как увеличилось всеобщее беспокойство, появилось много людей с узлами и чемоданами. Мне стало неудобно за свой неуместно праздничный вид». Поскольку той же ночью случилась бомбежка города, то утром, возвращаясь из гостей, молодой человек увидел первые разрушенные войной дома. «Знакомая улица стала неузнаваемой. Целый ряд деревянных домов исчез. На их месте лежали груды досок, бревен, кирпичей, в которых рылись люди. Мелкие капли дождя оседали на них, прибавляли пыль, покрывавшую тротуар. Большой фикус стоял посреди мостовой, а рядом на сломанном листе сидел маленький светлый котенок. Облизываясь и потряхивая головой, он смотрел на кашу из нескольких домов». Последующие бомбежки преобразили город, сделали чужим для его же жителей. Судя по записям, Андреев изучал страшные перемены уже отстраненным взглядом: «В центр я теперь ходил все реже. Тяжело было считать новые раны, которые прибавлялись на теле города... Город погибал очень быстро, таяла на глазах»¹.

Восприятие среды обитания, в которой в любом случае оставалось время и место какому-то досугу, проходило сквозь призму уже увиденного и отложившегося в сознании за дни, недели, месяцы войны. Однако примечательно, что не только увиденного, но и ожидаемого. Последнее, как свидетельствуют источники личного происхождения, довлело над теми, кто был в преддверии призыва, и это во многом определяло их восприятие текущей жизни. Эвакуированному в октябре 1941 г. из Москвы в Уфу вместе с матерью студенту-юристу Леониду Рабичеву (чей отец занимал высокий пост в Наркомате нефтяной промышленности), казалось бы, можно было продолжать ходить на поэтические вечера, устраиваемые в уфимских квартирах столичной «золотой» молодежи, посещать местную библиотеку. Однако этот досуг воспринимался как временный и пустой, так как еще до прибытия в Уфу Рабичев принял решение об уходе на фронт².

Весьма показательны с точки зрения рефлексии текущих досуговых форм дневниковые записи жителя г. Горького, автозаводского художника И.И. Пермовского (1911 г.р.), над которым весной 1942 г. нависла угроза призыва в армию. История с мобилизацией затянулась: Иван Пермовский вначале был признан медкомиссией годным к строевой службе, уже паковал вещи, однако затем «перекомиссия» перевела его в нестроевые. В конце концов, он был зачислен в запас второй категории, приписан к штабу МПВО; по собственным словам, «получил отсрочку от мясо-

¹ Андреев Л.Г. Философия существования. С. 13, 16, 32.

² Рабичев Л. «Война все спит». С. 61, 63.

рубки». Еще находясь в ожидании призыва, Пермковский, будучи глубокой творческой натурой, испытывал довольно сильные негативные эмоции в отношении тех контрастов, которые не столько видел, сколько представлял себе. 5 марта 1942 г., украшая декорациями Центральный клуб, он стал невольным зрителем репетиции красноармейской самодеятельности. Свои переживания записал в дневник так: *«Всеведущие девушки с накрашенными губами, завсегдами танцевальной площадки, веселились с дюжими лейтенантами. И, глядя на их флирт и неистовое веселье, мне невольно пришло в голову сравнение. Ведь сейчас, вот в эту же минуту, там, на поле боя, умирают тысячи людей, посылая в снежное бездонное небо проклятья. Умирают с именами любимых людей, и в застеклевших, потухающих глазах еще теплится слабая надежда на жизнь, которая удаляется с каждой секундой. А они бездушно веселятся! О, как глупо и нелепо устроена жизнь! Подойти бы и сказать: “Послушайте, ради того неизвестного вам человека, который умирает там, давайте прекратим эту вакханалию. Давайте задумаемся в это и почувствуем хотя бы небольшие угрызения совести!” Но я не сказал так. Да и не имел права говорить. Уж больно лихо отбивали дробь кованые лейтенантские сапоги, а белокурые девушки плавно скользили по кругу в безудержной лезгинке, улыбаясь задорным накрашенным ртом».* После истории с призывом, когда Пермковский уже почти смирился с участью уйти на фронт и, вероятнее всего, погибнуть, он не стал легче относиться к несовершенствам окружающей жизни; откровенно тяготился работой на летней культплощадке, которая готовилась к открытию (*«Будут танцы, кино, концерты и пр. ерунда»*)¹.

И все же то, что обычно называют неистребимой «жаждой жизни», присущей человеку, порождало потребность в эмоциях, связанных в том числе с хорошим отдыхом, впечатлениями от встреч с искусством и другими людьми. Жизнь продолжалась, и для основной части тылового населения работа периодически, рано или поздно, сменялась кратким отдыхом, и, пожалуй, самой распространенной его формой были финансово не затратные, соответствующие не один год насаждаемому коллективизму, народные гуляния. Горожанам, особенно в крупных центрах, такие прогулки (т.е. самый обыкновенный променад, лишенный какого-либо пафоса или темы, если, конечно, речь не шла об официальном празднике) по выходным, а иногда и вечером в будние дни дарили массу впечатлений и возможность поддерживать теплые отношения с друзьями, знакомыми, коллегами. Как пример – две зарисовки из дневника жителя г. Горького, инженера-автозаводца В.А. Лапшина (1895 г.р.). Первая сделана в праздничный день 1 мая 1942 г., который, тем не менее, оказался рабочим. *«Несмотря на то, что день рабочий – чувствуется праздник. На работе поздравляют друг друга с праздником. Вечером на улице много гуляющих. Слышны переливы гармошки».* Вторая зарисовка списана с вечернего гулянья 17 мая, которое Лапшин увидел случайно, возвращаясь с работы. *«На проспекте Молотова гуляют толпы народа. Масса военных. Молодые лейтенанты флиртуют с девушками. Девушки, сбросив свои пальто, расцвели как весенние цветы, своими*

¹ Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 893, 896, 897, 898, 900, 904.

яркими цветными платьями». Тут стоит отметить умение советских людей создать атмосферу праздника даже в самых тяжелых условиях, что достигалось прежде всего доброжелательным товарищеским отношением друг к другу. А еще обратить внимание на то, что вскоре, в конце мая, город подвергся бомбардировке. 1 июня другой уже знакомый нам горьковчанин, художник Пермовский записал в дневнике: *«Культплощадку открыли. Вновь завернулись в лихом фокстроте сотни пар. Как все-таки это все не похоже на войну. Одним словом, киноконцертному залу обеспечен доход до 2500 руб. Билеты на танцы берут нарасхват. Военные наслаждаются с веселыми девицами... А на фронте... На Харьковском направлении 5 000 убитых и 70 000 пропавших без вести...»*¹.

Впрочем, картины досуга могли быть проще, скромнее, особенно если речь шла о небольших городах или деревнях. Как довольно скучный обрисовала свой досуг другу-фронтовику, заочно знакомому по переписке, Клава Демина из г. Аша Челябинской области: *«Живу в захолустном городе. Работа и дом, что повседневно окружает. Выйти отдохнуть – некуда. Имеется небольшое здание, где идет кинокартина, куда попасть можно с большим трудом и то не всегда. Одна отрада под выходной в другом помещении танцы под аккордеон. Любитель их и посещаю часто»*². Танцы под гармошку или под патефон, а также походы в кино, похоже, были самыми распространенными видами проведения досуга в маленьких городах или в сельской местности. Впрочем, жители деревень, скорее, уповали на то, что к ним заглянет кинопередвижка.

Действительно, походы в кино еще с довоенных лет были излюбленным времяпровождением советских граждан. Но в годы войны к такому проведению досуга порой возникали серьезные препятствия. Кинотеатры и дома культуры разрушались в ходе военных действий либо приспособлялись под иные жизненно важные нужды; зимой они плохо отапливались. О сокращении сети кинотеатров в городах свидетельствует, к примеру, статистика по Горьковской области: на 1 апреля 1942 г. число городских кинотеатров уменьшилось с 98 до 56. Что касается сельских районов, то на примере «важнейшего из искусств» можно убедиться, что при всем желании власти максимально использовать его потенциал для поднятия морального духа и патриотического воспитания сельских жителей широкими возможностями для этого в годы войны она не располагала. Так, если накануне Великой Отечественной войны сеть киноустановок в Горьковской области состояла из 27 в райцентрах, 126 стационарных в колхозах, 77 звуковых и 75 немых кинопередвижек, то уже в течение трех первых военных месяцев эта сеть сократилась; часть кинопередвижек была передана в РККА, часть обслуживала госпитали (а их в области было 170). К началу 1942 г. осталось 67 сельских стационарных кинотеатров, 11 звуковых кинопередвижек, 60 немых кинопередвижек. Согласно справке отдела пропаганды и агитации Горьковского обкома ВКП(б) о состоянии кинофикации, в отдельных районах области (Сергачском, Красно-Октябрьском,

¹ Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 786, 788, 906.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 135–136.

Вознесенском, Тонкинском и др.) *«совершенно перестали демонстрировать кино»*. Поскольку некоторые клубы были превращены в зернохранилища и детские ясли, то основная нагрузка упала на кинопередвижки, которые перевозили из села в село известные фильмы («Щорс», «Чапаев», «Валерий Чкалов», «Александр Невский», «Фронтовые подруги», «Семья Оппенгейм» и др.). Усилиями Управления кинофикации Горьковской области совместно с областными партийными и советскими организациями летом 1942 г. поэтапно во многих районах был проведен Фестиваль оборонного фильма¹.

Потребность в кинопродукции была чрезвычайно велика, и это касалось как фильмов, так и киножурналов, военных хроник. Городское население устремлялось в кино семьями и с друзьями, а бывало – и поодиночке, если «по случаю» перепал билет. В.А. Лапшин в своем дневнике 28 сентября 1941 г. впервые с начала войны упомянул о покупке двух билетов на 5-часовой сеанс. С женой и маленькой дочкой смотрели музыкальную комедию «Антон Иванович сердится», которая понравилась. Следующий выход в киноконцертный зал состоялся лишь через четыре месяца, что сам автор признает как непривычно долгий срок. В этот раз на картину «Танкер Дербент» ходил сам, так как *«билет принесли»*; особенно отметил киножурнал, хотя и слишком короткий. В марте 1942 г. семья Лапшина смотрела «Разгром немецких войск под Москвой», а в апреле он сам водил дочку на фильм «Большая жизнь». В последнем случае сожалел, что не показали киножурнал: *«Из-за него я и шел больше в кино»*. В июле был в кино с другом, фильм «Дочь моряка» показался смешным и вообще *«замечательным»*. К американскому кинематографу Лапшин, между прочим, имевший опыт деловой поездки в США, был настроен более критично, даже предвзято. Это видно из дневниковой записи от 6 августа 1944 г.: *«По дороге [домой] зашел в киноконцертный зал, где смотрел американскую картину “Джаз Солнечной долины”. Так себе, веселая бессодержательная картина, которых много печет Голливуд. Музыка, песни, танцы, флирт, хороший конец. Все в американском вкусе»*². Из дневников и писем советских граждан следует, что обычной практикой было устройство в фойе кинотеатров танцев (до или после сеанса).

Выходы в кино или в театр случались в семье сочинцев Дьяковых примерно раз в месяц. Типична запись по этому поводу из дневника А.З. Дьякова (1892 г.р.), заведующего технической библиотекой на узловой железнодорожной станции Сочи: *«Были с женой на утреннем спектакле в театре – смотрели “Свадьбу в Малиновке” Ростовскую МУЗ Комедию. Хорошая вещь – смотрел с удовольствием... Народу было мало, до 75 % заполнено»*³. В семьях их друзей (из числа руководящих работников железнодорожной станции) частота посещения зрелищных предприятий была примерно такой же, о чем можно судить по тому, что дети на время спектаклей *«подкидывались»* Дьяковым.

¹ Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. С. 470, 479, 482–483.

² Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 762, 776, 781, 783, 797, 860.

³ Герои терпения. С. 32.

Дневник Лапшина не содержит упоминаний о походах в театр в родном городе, зато его автор в обязательном порядке посещал театр во время командировок в Москву. В апреле 1944 г. попал в компании с коллегой на гоголевские «Мертвые души» в филиале МХАТ. В августе того же года ему удалось посмотреть «Варваров» Горького в Малом театре, купив билет с рук за 20 руб. при его стоимости 5 руб. Выбор спектаклей определялся наличием билетов, а их уровень неизменно оценивался Лапшиным высоко. В целом его свободное времяпровождение в столице проходило разнообразно. Лапшин считал за правило сходить на какую-нибудь выставку (например, в июне 1943 г. побывал на выставке трофейного оружия, а попав на нее вторично, почти год спустя, отметил много «новинок»), выбраться в кино или в парк. А вот от идеи пообедать в одном из столичных ресторанов из числа открывшихся наряду с коммерческими магазинами 15 апреля 1944 г. ему пришлось отказаться. Объяснил так: *«Цены в них не для меня. <...> Зашел в ресторан, думал пообедать, ан не тут-то было. Первое – 65 руб., второе – 75 руб. Стопка 100 гр. – 54 рубля. В общем, чтобы пообедать, нужны руб. 200, а мне на всю командировку дали 550 руб. Все рестораны стали именоваться названиями рек. Урал, Иртыш, Дон и др.»*. Согласно записям Лапшина, датированным 1944 г., настоящим зрелищем для жителей и гостей столицы были салюты. Пометками об увиденных (или услышанных) салютах пестрит дневник Лапшина в апреле и августе 1944 г. А 27 августа он даже специально приехал на Красную площадь, предполагая посмотреть салют именно оттуда. Это удалось: *«20 арт. выстрелов из 224 орудий. Зрелище красивое»*¹.

Проведение досуга имело сезонные особенности. К примеру, для жителей г. Горького это были катания на санках зимой и купания в Оке летом. Для населения г. Сочи, как и других приморских городов и поселков, традиционной составляющей свободного времяпровождения являлись морские купания. Атмосфера начала войны им не способствовала, и на исходе первого военного лета Дьяков сожалел: *«В этом году на море был только три раза. В мае и первых числах июня. Все откладывал на вторую половину июня и на июль, а тут проклятый Гитлер замутил воду»*. Летом 1942 г. купальный сезон наступил в свой срок; жители Сочи с удовольствием совершали индивидуальные и коллективные (несколькими семьями) «вылазки» к Ривьере. В июле и августе стало не до купаний – началась эвакуация. В июне 1943 г. популярность купаний в этих местах несколько снизилась из-за слухов, *«будто в море много плавают трупов моряков и бойцов, принесенных речками с гор. Есть и фрицы. От этого у купающихся получается “столбняк”»*².

Типичный воскресный день городского жителя предполагал утренний выход на базар, поход в баню, променады. Однако здесь можно было столкнуться с затруднениями, способными как минимум испортить настроение. Цены на рынке могли быть слишком высокими или он вообще не удовлетворял покупателей ассортиментом (так обычно происходило на исходе зимы и ранней весной, когда

¹ Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 855–856, 862–863.

² Герои терпения. С. 22–23, 48, 65.

урожай прошлого года был практически исчерпан), а бани не всегда устраивали графиком работы. Как написал в своей жалобе в Горьковский обком ВКП(б) в сентябре 1942 г. рабочий Сидор Иванов, «в Ворошиловском районе [г. Горького], чтобы вымыться в бане, это надо быть счастливецом, это целая проблема, баня не работает, а работает только для высших на ихних правах». В конце письма, обрисовавшего положение завшивевших детей рабочего люда, автор полностью вышел из себя: «Неужели в СССР нет воды и дров, тогда на кой черт держат у нас штат и баню, мы бы стали ее сами отапливать»¹. Судя по многочисленным справкам и докладным запискам, характеризующим состояние и работу бань городов Горького (в наличии – 9 бань с пропускной способностью 22 140 чел. в день), Дзержинска (1 баня на 2 340 чел. в день) и Павлова (1 баня), ситуация в этих коммунально-бытовых учреждениях на самом деле была неудовлетворительной. Среди недостатков отмечались нарушения норм санитарного режима, очереди, теснота и грязь в моющих классах, неработающие души, нехватка шаек и мест для одежды, воровство². В дневнике А.З. Дьякова также обнаруживаются претензии по поводу очередей в женское отделение сочинской бани, а также упоминаются склоки при дележе шкафчиков для одежды.

Как мы уже отмечали, выходной не обязательно был днем отдыха. На этот день вполне мог быть запланирован воскресник, комсомольско-молодежный или по поводу какого-нибудь профессионального праздника. Тогда воскресенье было заполнено физически тяжелой работой (погрузка дров, разгрузка овощей и пр.). В зависимости от сезона в выходные дни масса времени расходовалась также на труды в огородах, которых у отдельных городских семей было по несколько. Сажали преимущественно картофель, морковь и др. овощи. Как сообщает дневник Лапшина, в связи с «уборочными работами на огородах» Горьковский автозавод объявил 19 сентября 1943 г. (воскресенье) «общевыходным днем». Об успехах в области сельского хозяйства самого автора дневника свидетельствует следующий отчет: «Теперь вся квартира завалена картофелем. В большой комнате картофель, в коридоре картофель, в ванной – картофель»³.

В выходные и будни распространенным способом проведения свободного времени советских граждан было чтение, которое в силу мозаичности советского социума, безусловно, имело разноуровневый характер, однако в целом охватывало широкие слои населения. Последнее подтверждает библиотечная статистика 1930–1940-х гг., рисующая взрослого массового читателя в СССР именно как читателя библиотек. Доступность книги как продукта культуры, «читателеформирующая» роль советской школы, а также дефицит развлечений в повседневной жизни советского человека – все это породило высокий спрос на книгу, получаемую через библиотеку, еще в предвоенное десятилетие. К примеру, согласно показателям Краснодарской краевой библиотеки им. А.С. Пушкина, ее посещаемость за несколько лет выросла почти в два раза (со 123 863 чел. в 1936 г. до 238 525 чел.

¹ Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. С. 344.

² Там же. С. 246–267, 370–371.

³ Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 840.

в 1940 г.), а средний показатель выдачи книг на одного человека в 1940 г. достиг 20 экземпляров. Однако в годы войны состояние фондов и инвентаря многих библиотек ухудшилось, некоторые из них пострадали от бомбежек или были совсем разрушены. Так, Пушкинская библиотека Краснодара во время оккупации не работала, а после освобождения города недосчиталась 60 % книг¹.

Основные изменения в составе читательской аудитории библиотеки в годы войны были связаны с притоком читателей-военнослужащих. Пик его пришелся на 1943 г., первые месяцы после освобождения Краснодара от оккупации. Если за 9 месяцев 1943 г. Пушкинскую библиотеку посетило (по всем отделам) 42 035 чел., то 18 898 из них составили именно военнослужащие. В этом смысле им уступили даже учащиеся (14 254 чел.), которые до тех пор традиционно опережали по посещаемости другие группы читателей. Впрочем, в 1944 и в 1945 гг. ситуация вернулась в более привычное русло: вновь лидировали группы учащейся молодежи и служащих, за ними следовали рабочие и военнослужащие. Характерно, что отдельной категорией в отчетности библиотеки теперь фигурировали «инвалиды Отечественной войны» (в 1945 г. – 603 чел.). За 1945 г. все отделы библиотеки посетило 123 348 чел., т.е. фактически был достигнут уровень посещений 1936 г.²

Наиболее востребованной у населения была художественная литература. В то же время возрос спрос на техническую литературу (дорожное строительство, электротехника, радиотехника) и литературу по машиностроению, технологии металла, пищевой технологии. Как отмечается в отчетах, интерес к этой литературе проявляли военные и гражданские специалисты. Военнослужащие же интересовались преимущественно книгами по военной истории и военному делу. В отчете за 1943 г. особо выделено, что с августа «увеличился спрос на социально-экономическую литературу в связи с выходом книги тов. Сталина “Великая Отечественная война Советского Союза”»³.

Специфика военного времени отразилась в формах работы Пушкинской библиотеки с читателями. Среди этих форм выделялись передвижная работа и книгоношество. В 1943 г. было выдано 25 «передвижек» в воинские части, госпитали и на производства (в каждой «передвижке» в среднем по 100 экземпляров книг). В 1944 г. было сформировано 15 таких «передвижек». В одном из госпиталей Краснодара в 1943 г. работала «передвижка» на 350 книг, а также приходил «работник библиотеки по 4 часа ежедневно по обслуживанию бойцов литературой по палатам». Достаточно регулярной была практика «читок» в госпиталях и на производствах. Например, в течение 1944 г. силами библиотечных работников было проведено 275 «читок». Их тематикой чаще всего выступало героическое прошлое русского народа, например, по произведению А. Новикова-Прибоя «Цусима», дневнику героя Отечественной войны 1812 г. Д. Давыдова. Книгоноши обслуживали прежде всего тяжелобольных инвалидов Великой Отечественной войны (в госпиталях, на дому, в инвалидных домах), а также руководящих работников краевых учреждений

¹ ГАКК. Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3. Д. 3. Л. 16, 19–20. Д. 5. Л. 1–2.

² Там же. Д. 5. Л. 6. Д. 6. Л. 60б.

³ Там же. Д. 5. Л. 4, 6, 15.

и организаций, научных работников и специалистов. Если в 1944 г. ими было охвачено всего 15 инвалидов войны, то в 1945 г. – 2 320 чел. В отчетной документации библиотеки даже делалась попытка проанализировать их читательские интересы («Инвалид войны т. Литвинов интересуется русской историей, другой т. Поддубный интересуется разведением пчел...»)¹.

Библиотечная статистика, безусловно, необходима для воссоздания общей картины читательских возможностей в СССР военного времени. Но в силу экстремальных обстоятельств такие возможности реализовать было крайне сложно. Кроме того, статистических данных недостаточно для раскрытия мотивации чтения человека военной эпохи, его настоящих читательских интересов, впечатлений от прочитанных книг. Ценную информацию такого рода можно отыскать в источниках личного происхождения, прежде всего в дневниках.

К примеру, дневниковые записи вышеупомянутого А.З. Дьякова довольно информативны и дают представление о его собственном круге чтения, и даже позволяют проследить, насколько логика конкретного читательского выбора определялась реалиями военного времени. Имея за плечами серьезный боевой опыт (участие в Первой мировой и Гражданской войнах), Дьяков пытается разобраться в перипетиях внешней политики, которая привела к войне. Не случайно в июле 1941 г. он с увлечением читает «Историю дипломатии» и фиксирует свои размышления в дневнике. Тяжело переживая отступление Красной армии, он настойчиво повторяет тщетные (в силу неполноты и противоречивости официальной информации) попытки анализа ситуации на фронтах. В конце концов оставляет их и находит «отдушину» в чтении произведений Шекспира – за зиму им прочитаны «Макбет», «Гамлет», «Король Лир», «Отелло». Весной 1942 г. наступает черед отечественной классики. Дьяков пишет: «Хочу читать Толстого “Воскресение” и “Война и мир”, Горького еще не всего прочел. Да и др. классиков тоже жаль – нет возможности ни читать много, ни писать хотя бы немного, ни на фронте сражаться». Он следует задуманному, о чем свидетельствует запись от 22 июля 1942 г.: «Воздушная тревога впервые с утра, вероятно, налет на Туансе – все чаще! Паня уже привыкла – без суматохи оделась и направилась в убежище. Я завтракаю и читаю Толстого “Война и мир”. На вокзал уже поздно...»².

Нет ничего удивительного в том, что предпочтения Дьякова лежат в русле «официальной антологии», где список классиков возглавляли Л. Толстой и М. Горький, а Шекспир занимал не последнее место в ряду рекомендованных зарубежных авторов. Особая ситуация сложилась с романом «Война и мир», так как чтение этого произведения в период Великой Отечественной войны приобрело поистине массовый характер. В силу стечения обстоятельств этот роман занял свое место среди «пропагандистской литературы актуального звучания» (известно, в том числе из пропагандистских источников, об интерпретации войны с Гитлером как повторении войны с Наполеоном), читался «жадно» и с вполне определенными целями.

¹ ГАКК. Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 7, 16. Д. 6. Л. 7–7об.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 56об.; Герои терпения. С. 21, 50.

Анализируя стратегии блокадного чтения, П. Барскова пишет: «Роман Толстого был текстом, который многие блокадники хотели бы превратить в матрицу для видения войны вообще и блокады в частности. Такое желание исходило одновременно от идеологических верхов в качестве пропаганды и от самих блокадников»¹. Очевидно, данный вывод стоит распространить на большинство читателей военного времени. Во всяком случае, дневниковые записи Дьякова свидетельствуют, что чтением романа «Война и мир» он проверял «правильность» своих ощущений о войне, подтверждал свою веру в победный для России ее исход.

Вообще, судя по дневниковым записям, Дьяков как бы «прокладывал» свой личный путь к каждому из выбранных писателей. И заключения, которые он делал по прочтении их произведений, имели для него самостоятельное значение. Приведем одно из них, попавшее в дневник: «Читал Шекспира “Макбет” – что значит честолюбие и роль женщины...». Определенное место в своих записях уделял Дьяков условиям чтения. Он читал и на работе, но в основном дома, причем посвящал этому занятию большую часть своего свободного времени, вечернего или в выходные дни. Домашнее чтение иногда осложнялось специфическими проблемами. К примеру, записывал в дневнике, что вынужден был отложить статью К. Федина о Горьком в журнале «Новый мир» из-за того, что «клопы одолели, пришлось встать и гонять их». Особенно нравилась Дьякову атмосфера семейного чтения. Он любил читать в обществе жены, круг читательских интересов которой был беднее (Прасковья Дьякова в юности батрачила, а к началу войны уже несколько лет была домохозяйкой).

Как секретарь первичной парторганизации железнодорожной станции и агитатор Дьяков просматривал довольно много агитационной литературы, причем делал это заинтересованно. В круг его обязанностей входили беседы с рабочими о международном положении и читки газет, поэтому его настольным чтением были брошюры Г. Александрова («Гитлеровский план порабощения Европы», «Почему Гитлер терпит поражение»), А. Матюшкина («Истребить немецко-фашистских оккупантов») и др. Естественно, время от времени Дьяков обращался к работам Сталина, Ленина. Показательно, что в самый тяжелый момент жизни (когда пришло сообщение о гибели на фронте сына), Дьяков читал «Письма Горькому» Ленина. Возможно, этот сюжет дневника был своеобразным «примышлением» автора, но в любом случае он наделялся символическим смыслом и был призван подчеркнуть значение момента.

Пристрастие к чтению Дьяков сохранил и в эвакуации в Грузии. Примечательно, что, покидая Сочи, семья «увязывает» в 4 узла «барахла личного пользования» также и 10 книг. Тоска в эвакуации совпадает у Дьякова с читательской неудовлетворенностью. «Опять начал читать “1001 ночь” – однако скучная эта писанина – только и читать в период изгнания или как мы сейчас “эвакуированные”», – записал он².

Благодаря дневнику Дьякова, крайне ценному подробностями фиксации военной повседневности, приоткрывается фрагмент конкретной «читательской

¹ Барскова П. Вес книги: стратегии чтения в блокадном Ленинграде // Неприкосновенный запас. 2009. № 6. С. 42.

² Герои терпения. С. 55.

биографии». Подразумевая профессиональную занятость автора дневника, казалось бы, следует считать ее нетипичной. Однако известно, что образовательный уровень Дьякова не был высоким, а жизненный опыт – легким. И в этом смысле обстоятельства его жизни близки судьбам многих его современников.

В отличие от Дьякова, не блиставшего образованностью и попавшего в библиотечные работники на волне «выдвиженчества» из социально-ценных групп населения, уже известный нам горьковчанин В.А. Лапшин имел за плечами Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, занимал должность крупного специалиста на заводе, и он демонстрировал несколько иной подход к чтению. Книги Лапшин предпочитал покупать, будучи в командировке в Москве, где обязательно делал рейд по книжным и даже букинистическим магазинам. Для языковой практики читал книги на английском (в частности, упомянут *«Ivanhoe» Walter Scott*), но особенно любил литературную периодику, среди которой выделял журнал «Знамя». В апреле 1943 г. восхищался его январским номером: *«Прекрасные вещи помещены в этом номере. “Жди меня” – волнующая вещь. “Скобарь” – замечательная повесть. Записки американского военного корреспондента со Ржевского фронта. В общем, журнал “Знамя” я считаю самым лучшим журналом. В нем печатаются всегда такие прекрасные вещи»*¹.

Наряду с чтением другим универсальным способом свободного времяпровождения советских граждан было прослушивание радио, причем внимание привлекали не только информационные сообщения, но и классическая музыка, а также просветительские передачи. Популярностью среди мужчин пользовались домино и карты, в которые играли в основном дома; впрочем, для самых бесшабашных существовал вариант приобщиться к азартным играм на рынках. Люди с удовольствием ходили в гости друг к другу, встречались семьями. Такие вечеринки предполагали танцы и пение. Мужчины также могли подолгу обсуждать ход и перспективы военных действий, дискутировать на различные животрепещущие темы. В то же время мужчины – авторы дневников отмечают склонность женщин сплетничать, неизменно драматизируя положение своей семьи. Лапшин едко описывает встречу своей жены с подругой А.Г. Галичской: *«Сидели и все разбирали. Этот вот так живет [,] у него и масло и яйца, другие еще лучше, а в конечном счете все сводят к тому, что всех хуже на Автозаводе живут мы да Галичские. Слышать тошно было их разговоры. Я уж и тему менял, и патефон заводил, но они упорно все возвращались к этим темам»*². Дьяков тоже упоминает, что у женщин постоянно происходили посиделки, на которых те сплетничали (так называемое «бабье информбюро»), в том числе и на интимные темы («Мара помирилась со своим и что они провели ночь, как было в первую брачную. Она довольна»; «Халтурин живет с двумя женами, с Тосей и Лиманихой»), много говорили на тему собственного здоровья («Собрались все больные – сердце, ишиас, по женским делам и горько плакали, обсуждая свое положение» – сочувственный

¹ Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 822, 825.

² Там же. С. 847.

комментарий Дьякова). А однажды вечером Дьяков даже застал жену и соседок за разговором «о женах наших вождей-руководителей». В этой беседе было высказано «пожелание, чтобы в газетах публиковали их фото и биографии»¹.

Стремление к самообразованию у некоторых оставалось на уровне нереализованных желаний, как у Дьякова, в первые дни войны сокрушавшегося о незнании иностранных языков. Другие же проявляли большую настойчивость и организованность в занятиях. Так, Лапшин практиковал регулярные самостоятельные занятия английским языком. Обычно в течение часа читал дома по утрам («какую-либо книгу из *Grader Reading series*, *The learn to read series* или же *технический журнал на английском языке*») или же брал с собой такого рода литературу на дежурство на заводе². Импульс к изучению языка, вероятно, дала поездка Лапшина в США, куда в 1935 г. его направила администрация Горьковского автозавода для размещения заказов и приема электрооборудования. В.И. Бирюков также взялся за изучение английского из соображений практического свойства. В 1944 г. за его плечами было два курса физико-математического факультета Ростовского университета и два года службы в зенитной артиллерии. Полученные от американцев по ленд-лизу радиолокаторы были снабжены инструкциями на английском языке, поэтому Бирюков с другом взялись за его самостоятельное изучение. Попросили начальника привезти из Моск-вы учебник, и с помощью этого «очень хорошего учебника» начали читать и разговаривать между собой. «Т.е. начали изучать язык, чтобы читать эту инструкцию. И между собой общались... чтобы как-то языковую обстановку [создать]»³.

В противовес нужно сказать о деструктивных формах проведения досуга, к которым относилось в первую очередь пьянство. Порой оно поражало женщин, о чем узнаем, в частности, из переписки военнотружущего Г.П. Сенникова с женой, которая сама призналась в пристрастии к алкоголю и в том, что слоняется по таким же знакомым, «пропивает» имущество. Оправдывалась, что находится в отчаянии, боится за «обреченного» мужа. Методично, с помощью практически ежедневных писем Сенников пытался избавить жену от пагубной привычки. Объяснял, что у нее нет никаких оснований жаловаться на судьбу: детьми не обременена, жилье и сбережения имеются, да и он сам далек от фронта: «Нет еще оснований опускать руки. Ведь если даже возьмут меня на фронт (что очень маловероятно), то и тогда бы должно думать о том, что миллионы взяты на фронт и миллионы страдают. Зачем распускать себя». Брал с жены слово: «Напиши, даешь ли обещание больше ни капли в рот не брать ни при каких условиях, в любых компаниях. Когда тебе слишком тяжело, садись и пиши мне, перечитывай старые письма, а лучше всего – ищи себе работу»⁴.

¹ Тажидинова И.Г. Повседневность Великой Отечественной войны в дневнике сочинца А.З. Дьякова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4(18). С. 92. 2011. № 1 (19). С. 86; 2011. № 2 (20). С. 103.

² Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 763, 773.

³ Респондент: Бирюков Владимир Иванович.

⁴ ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 7. Д. 26. Л. 19, 21об.

Пьянству были подвержены и инвалиды, возвращавшиеся с войны; их неприкаянность была серьезной, но далеко не всегда осознаваемой обществом проблемой. Не получая должной и своевременной помощи (материальной, моральной), эти люди зачастую опускались, попадали в алкогольную зависимость. В письме, адресованном Сталину, этот момент затронул житель г. Горького капитан И.К. Волков, инвалид II группы, который ранее участвовал в Гражданской и Советско-финской войнах, а в Великой Отечественной лишился ноги. Жалуясь на равнодушие к проблемам фронтовиков, Волков писал: *«Я в Горьком 11 месяцев, и ни разу не приглашали хотя бы на собрание или беседу, т.е. культурно-просветительной работы не ведется. В результате чего офицеры и инвалиды пьянствуют и избегают пойти на работу»*¹. О том, что невнимание окружающих подталкивало инвалидов к алкоголю, рассказал на примере судьбы своего деревенского друга В.И. Мартынов: *«Очень скоро ему оторвало, я помню, [кажется], одну ногу. Оторвало. Меня уже там не было. Я уже в армии был. Он приехал [вернулся с фронта] без меня. Это потом мне рассказали. И вот он приехал без ноги. В этих случаях нужно лечить человека. Как это называется? Состояние его такое напряженное. Его нужно лечить. Помогать ему, в этом случае. А он запил... И большинство, раненые, которые безногие, безрукие, погибали. Пьют и погибают»*. По мнению Мартынова, на инвалидов-фронтовиков не обращали тогда должного внимания *«не потому что жадничали или не хотели»*. *«Не умели. Не знали»*, – подводит он черту под своим рассказом².

Рассматривая досуговые практики, невозможно обойти тему праздников и того, как они отмечались советскими людьми в 1941–1945 гг. В этот период в праздничной культуре произошел целый ряд изменений. Во-первых, традиционные формы празднования (демонстрации, шествия, манифестации, политические и индустриальные карнавалы, физкультур-парады) практически перестали существовать. В значительной мере это было обусловлено тем, что большие скопления людей могли стать мишенями для вражеских летчиков. Кроме того, указанные формы празднования требовали значительных затрат на организацию, что в период военных действий было неприемлемо. Во-вторых, праздники перестали сопровождаться украшением домов, улиц и площадей, что не позволяло создавать прежнего особого праздничного мироощущения. В-третьих, произошло возрождение религиозных традиций и праздников, которые стали открыто отмечаться. В-четвертых, государственные праздники практически потеряли статус выходных дней, поскольку решение о том, объявлять или нет праздник выходным, стали принимать центральные и местные власти в зависимости от обстановки на фронте и пожеланий населения. В-пятых, произошло дробление праздничного пространства на тыловые и фронтовые праздники. В-шестых, праздничные мероприятия были сокращены до минимума и проходили в форме собраний и митингов на предприятиях и в учреждениях, где провозглашались призывы к победе³.

¹ Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. С. 677.

² Респондент: Мартынов Валентин Иванович.

³ Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 206–210.

Первым государственным праздником, отмечавшимся с начала Великой Отечественной войны, стала 24-я годовщина Октябрьской социалистической революции. Военный парад советских войск на Красной площади, состоявшийся 7 ноября 1941 г. в условиях осадного положения столицы, оставил неизгладимый след в народной памяти. Глубокое символическое значение имел тот факт, что военные части после парада отправились на фронт. Это был уникальный опыт праздника во время войны, что обеспечило участникам и зрителям накал чувств, потрясающий эмоциональный подъем¹. Следующим ярким и запоминающимся событием стал первый праздничный салют, произведенный 5 августа 1943 г. в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего СССР в честь освобождения Орла. Между двумя этими событиями государственные праздники отмечались без привычных масштабных и торжественных мероприятий, по «упрощенной модели» празднования, которая сводилась к заседаниям и официальным поздравлениям.

Некоторое представление о таком режиме организации праздников дает дневник А.З. Дьякова. 21 декабря 1941 г. Дьяков записал: *«Сегодня родился тов. Сталин – 62 года. Надо провести читку о Сталине, а завтра собрание с докладом. Выступал днем в клубе перед началом сеанса о рождении Сталина, присутствовало до 60 ребят»*. На следующий день состоялось само собрание рабочих станции, посвященное 62-летию Сталина. Дьяков констатировал: *«Пришло на собрание только 21 чел. (это из 115 чел. коллектива). Это небывалый случай. Погоревали и решили созывать собрание всегда в 17 часов, т.к. в 19 ч. стали ходить мало»*. В случае с организацией праздника 8 марта 1942 г. Дьяков также решил, что причина слабой явки в неверном выборе дня празднования – 7 марта: *«Вчера Комаров нагромоздил разных собраний, в том числе узловое собрание женщин в клубе. Пришло 28 женщин вместо 200–300 ожидавшихся. Я ему доказывал, что надо 8-го провести»*².

Такая пассивность на первый взгляд кажется странной, поскольку с самого начала войны в советском обществе сказывалось стремление коллективно обсуждать события на фронте; люди *«толпились»*, с большим желанием посещали лекции и митинги (на лекцию по теме войны 10 июля 1941 г., согласно записи Дьякова, собралось 2 тыс. чел.)³. Очевидно, что в последующее время произошло снижение активности участия населения в коллективных мероприятиях (лекциях, собраниях), в том числе и праздничных. Причинами этого являлись тяготы войны, «заорганизованность» и формализм в проведении торжеств, отсутствие праздничной атмосферы и соответствующего настроения. Тем не менее лекционная и кружковая работа с той или иной степенью активности велась на предприятиях непрерывно, и в первую очередь выполняла идеологические задачи. Например, на Горьковском автозаводе в августе 1943 г. появился «Кружок по изучению книги т. Сталина о Великой Отечественной войне», состоявший из 25 чел. А уже из-

¹ Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны. С. 207.

² Герои терпения. С. 35–36, 43.

³ Там же. С. 22.

вестный нам инженер-автозаводец В.А. Лапшин только за первые два года войны прочел 250 лекций, причем не только для работников своего предприятия, но и для раненых в госпиталях¹.

Вообще очевидно, что на крупных предприятиях ситуация с празднованиями была более стабильной. По случаю официальных праздников они устраивали «товарищеские ужины». Лапшин упоминает ужин 7 ноября 1944 г., куда были приглашены не только дирекция Горьковского автозавода, но и недавно награжденные орденами работники (140 чел.). *«Время провел очень весело. Был хороший ужин, вино, шампанское»*, – оценил празднование автор дневника. В дневнике Лапшина также описано празднование 8 марта 1943 г. Тогда вечер открылся торжественным заседанием в заводской столовой, на которое было приглашено около 200 женщин. После официальной части (оглашение приказов о премиях и призыва организовать сбор средств для женщин Сталинграда) состоялся ужин: *«Женщины и девушки, хорошо поужинав, подбодрившись шампанским, хорошо веселились. Танцевали, плясали барыню. В общем, вечер прошел замечательно хорошо. Народ встряхнулся после большой работы»*. Таким образом, Лапшин, будучи одним из руководителей автозавода, оценивает качество праздника с точки зрения восстановления эмоциональных и физических сил работников для новых трудовых свершений. В праздник 8 марта 1944 г. приказом директора многие женщины были награждены золотыми часами, что было хорошим поощрением².

Упоминает Лапшин и такой праздник, как вручение заводу знамени Государственного комитета обороны СССР и знамени горкома партии за работу в августе 1943 г. После официальной части состоялся «звездный» концерт: с русскими народными песнями выступала Лидия Русланова, а конферансье был Михаил Гаркави. Как это часто бывало в военное время, концерт прервало оглашение только что полученного сообщения об успехах Красной армии: *«Что делалось в зале. Гром аплодисментов, крики ура»*. В 1944 г. на Лапшина произвел сильное впечатление концерт хора Свешникова (около 120 чел.), выступавшего со старинными русскими песнями на праздновании 26-й годовщины Красной армии. Лапшин, любивший классическую музыку и изредка игравший на рояле, отметил *«прекрасные басовые партии»*, *«хорошую сработанность, звучность, мелодичность»* хора, а также отдельные песни («Пой ласточка, пой», «Вечерний звон»), навеявшие лично ему воспоминания о мирном времени. *«Зал с восторгом воспринял все песни. <...> Хороший хор. Хорошие песни»*³.

Нельзя не заметить, что настроение мирного населения поднималось и приобретало характер праздничного преимущественно от обнадеживавших сообщений с фронта. Как великого праздника ждали советские люди дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков родных городов. С особенными надеждами отмечали этот день те, кто находился в эвакуации. Уроженка г. Днепропетровской области Днепропетровской области молодая пианистка Евгения, эвакуировавшаяся

¹ Военная «повседневность» глазами автозаводцев... С. 834, 835.

² Там же. С. 867, 820–821, 849.

³ Там же. С. 837, 847.

из родных мест, с большим подъемом праздновала его освобождение, а вскоре – и освобождение Киева. Заметила, что «праздник прошел веселее, чем эти два года войны»¹.

Насущную потребность в праздничных ощущениях по-прежнему удовлетворяли семейные торжества и один из самых любимых праздников советских граждан – Новый год. Однако динамика ухудшения экономической ситуации, нарастание в ходе войны материальных проблем определяли в подавляющем большинстве случаев скромность этих торжеств. День рождения дочери в семье инженера Горьковского автомобильного завода И.А. Харкевича в апреле 1942 г. отмечался несмотря на все трудности: «Мать из кожи вон лезет, чтоб устроить праздник. Бедная мобилизует все средства, но получается вообще убого, а по нынешним временам все-таки роскошно: и белые булочки и чай с сахаром. У Наталки предстоит целое собрание из 15 персон, оживлена ужасно и ждет с нетерпением вечера... Подарил я Наталке дешевенькую брошку – синего жука – убогий подарок – иного ничего нет по магазинам, война все проглотила». На следующий год, в 8-летие Наталки праздник создать не удалось: «Мамка на этот раз ничего не могла собрать и только дочке испекла маленькую белую булочку»².

Для горожан подготовка к новогоднему торжеству предполагала поход в парикмахерскую, но главное – создание некоторого запаса продуктов и спиртного. Сбор компаний для празднования нередко происходил спонтанно, что отразила дневниковая запись А.З. Дьякова: «Паня возится у плиты – всего наготовила, можно и Новый Год встречать... В 10 ч. сосед т. Дикопольцев пришел с работы. К нему зашел машинист т. Еремин. Собрались встретить Новый Год – достали бутылку водки и две бутылки вина. Позвали меня и Паню... Пришли Алексеевы – Володя и Нина – соседи. Только расположились – пришел ко мне т. Немец, достал “шкалик”, чтобы посидеть у меня под Новый Год. Одним словом, не собираясь, оказались участниками хорошей компании по встрече Нового Года, пили, ели, пели, танцевали, дурачились дотьяна. В 12 ч. мне дали слово о прошедшем 1941 и с 1942 г. Разошлись в 9.30»³.

Будучи по своей сути переломным, знаменующим переход от старого к новому, непременно лучшему, новогодний праздник в военное время воспринимался как приближающий разгром врага. Его настроение, безусловно, определялось конкретной ситуацией на фронте, но даже ее неблагоприятное развитие на данный момент в большой степени нивелировалось надеждами и пожеланиями на будущий год, тостами о скорых победах. «Новый год – разгром немцев продолжается. Здорово им попало. Скромно встретили новый год. Лелюша кое-что сделала. Пили кофе с сахаром и лепешками из ржаной муки. Есть какие-то надежды, что немца окончательно разобьют», – записал в своем дневнике инженер Харкевич о праздновании 1943 г.⁴

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 141.

² «Весь народ сильно сдал телом»... С. 59, 62.

³ Герои терпения. С. 37.

⁴ «Весь народ сильно сдал телом»... С. 62.

Таким образом, начавшаяся в 1941 г. война внесла изменения в привычный уклад жизни мирного населения. Каждый ее новый день привносил атрибуты военной поры: рылись окопы и возводились укрепления, проводились учебные воздушные тревоги, позже перераставшие в настоящие, разбирались завалы после бомбежек и хоронились погибшие, возникали продовольственные и другие бытовые проблемы. Но население, если к тому не было непреодолимых обстоятельств, всеми силами старалось практиковать привычные образцы досугового поведения, распространенные еще в довоенный период и позволявшие в какой-то степени справляться с растерянностью и нестабильностью. Среди них были посещения зрелищных предприятий и вечеринки в кругу друзей, чтение книг и прослушивание радиопередач, народные гуляния и сезонный отдых на водоемах. Очевидно, что большинство граждан делало выбор в пользу досугового мейнстрима, главные тенденции которого обозначились в 1930-е гг. Можно заключить, что эти тенденции не противоречили личным предпочтениям и вкусам основной массы населения и выражались в предпочтении публичных коллективных форм отдыха. Индивидуально окрашенные стратегии свободного времяпровождения выбирали немногие, да и то они, как правило, сочетались с общепринятыми формами. Категоричное неприятие отдельных развлечений было свойственно чувствительным натурам, глубоко сопереживавшим происходящему в стране либо испытывавшим постоянный страх за собственную судьбу и жизнь своих близких, а потому неспособным отвлечься от «черных» мыслей. Эти люди предпочитали удовлетворять свои духовные потребности путем более требовательного выбора из репертуара зрелищных предприятий и более тщательного подбора литературы для чтения, а могли вовсе устраниваться из поля публичного свободного времяпровождения, замкнувшись в своем приватном пространстве. Иногда последнюю позицию порождала повседневность на грани элементарного выживания, когда на активный отдых не оставалось ни физических, ни материальных ресурсов. Известно также, что к деструктивным формам проведения досуга (например пьянству) зачастую склонялись представители тех групп населения, чья личная судьба в годы войны подверглась наиболее суровым испытаниям, например инвалиды или люди, потерявшие родственников, жилье, имущество.

Нельзя не отметить, что большой вклад в организацию свободного времени населения вносило государство, что особенно ощутимо было в части поддержания функционирования учреждений культуры, проведения торжеств по случаю официальных праздников. Однако «заорганизованность», формализм, шаблонность и неумеренный крен в идеологию при проведении мероприятий отталкивали от них часть населения; эти люди по возможности прекращали участвовать в подобных торжествах. Что касается неофициальных праздников (дней рождения и других значимых событий личной и семейной жизни советских граждан), то они оставались той связующей нитью, которая соединяла родных и близких людей, усиливала их мотивацию к победе над врагом. Впрочем, дружеским и семейным кругом люди встречались с удовольствием и без особых поводов, если к этому обнаруживались даже минимальные ресурсы. Таким образом, хотя ни материальных средств, ни

свободного от «непреложных обязанностей» времени у советских людей в войну не прибавилось, а пережитое наложило неизбежный отпечаток на мироощущение, потенциал их жизнелюбия, наперекор обстоятельствам, не исчерпался. Как сказала о доминировавшей в войну позиции ее участница М.И. Сонкина, «*поем, шутим и тем мы держимся*»¹.

8.2. Особенности «культурного отдыха» фронтовиков

«*Культурный отдых*» фронтовиков в силу специфики их повседневности тяготел к коллективным формам. По причине непредсказуемости боевых условий его хроника не отличалась стабильными характеристиками, а чаще всего выстраивалась ситуативно, нередко стремительно и рвано. Для военнослужащих, находившихся на передовой, проблема такого рода отдыха вообще, как правило, не стояла. «*Прямо на фронте – какая там самодеятельность. Там самодеятельности нет*», – усмехнулся на наш вопрос О.В. Бредихин, служивший разведчиком. Конкретизировал, что определенные возможности для культурного времяпровождения появлялись при выводе во второй эшелон обороны и, конечно, существовали в штабах: «*Вот штаб батальона, штаб полка, штаб армии... 15 км [от передней линии]. В штабе армии тоже есть солдаты. Есть комендантская рота, дежурный батальон, там интенданты, там целая куча в штабе армии, там у них клуб есть, там у них кино есть, там у них столовая. А здесь же ничего нет*»². О наличии свободного времени, которое можно было бы потратить каким-то особенным образом (не на переписку и чтение газет), затруднились вспомнить моряк Н.М. Боровик и летчик Н.П. Жуган³. В то же время Н.П. Демкина, служившая связисткой, рассказывала, что любая более-менее длительная остановка на марше сопровождалась организацией самодеятельности, чему содействовало командование: «*...ходили, узнавали, кто что умеет, петь, танцевать. Кто на гармошке играет, в деревне найдут гармошку. А я все умела, и петь и танцевать... Вот в фильме “В бой идут одни старики” в нем действительно показано, как пели. Мне одна знакомая говорит: “Вот война идет, а вы пели?!” А я ей говорю: “Да, пели”. Там пели большие, чем в мирной жизни, нас даже заставляли, потому что была необходима разрядка. Командиры, политработники – они заставляли, как только остановились, каждую свободную минуту мы либо пели, либо танцевали*»⁴.

Действительно, исполнение музыки и песен получило на фронте самое широкое распространение. Его роль была колоссальна в сплочении разнородного контингента воюющих: рядовых и командиров, людей с высшим образованием и практически неграмотных, мужчин и женщин. Влияние советских песен на формирование новой

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 178.

² Респондент: Бредихин Олег Васильевич.

³ Респонденты: Жуган Николай Павлович; Боровик Николай Максимович.

⁴ Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 131–132.

советской идентичности прослеживается с первых послеоктябрьских лет, однако именно в годы Великой Отечественной войны ощущение слитности собственной судьбы с судьбой страны, заложенное этими песнями, стало определяющим.

Репертуар песен, созданный во время Великой Отечественной войны, в письмах с фронта часто назывался «солдатским». Его проникновению в массы воюющих способствовало кино. Так, песня «Темная ночь», прозвучавшая в фильме «Два бойца», моментально завоевала популярность в среде фронтовиков. Младший лейтенант, политрук роты М. Львович пишет, что эту песню можно было услышать повсюду, называет ее второй после «Землянки» *«хорошей песней про фронт»*. Большой любовью фронтовиков пользовались и русские народные песни, которые фактически ставились ими в один ряд с солдатскими. *«Вчера в потемках пел с солдатами солдатские, русские народные песни: “Ермак”, “Разин”, “Степь”. У меня два солдата с превосходными голосами»*, – отмечал Львович¹. Очевидно, что исполнение музыки и песен в условиях фронтовой повседневной жизни стало той психологической отдушиной и тем развлечением, которые ничем заменить было нельзя. И можно представить, насколько большим было удовольствие посмотреть и послушать настоящий концерт, включавший музыкальные и танцевальные номера в исполнении профессиональных артистов.

Фотоснимки времен Великой Отечественной войны запечатлели мгновения фронтовых концертов. На одних – расположившиеся на поляне бойцы (кто прислонившись к дереву, а кто и взобравшись на танк) неотрывно смотрят на артистов, зажигательно исполняющих свои номера и, очевидно, не просто дарящих отдых на привале, но вносящих необыкновенные, нерядовые впечатления в их повседневность. На других – площадь среди руин, лишь отдаленно напоминающих городские здания, на которой устроена импровизированная сцена с замершими вокруг людьми, не выпускающими из рук оружия, про которых ясно, что это краткая остановка на том пути, где вряд ли найдется место искусству. Так много написано о несовместимости ценностей искусства и войны, что этот момент их встречи как своего рода «момент истины» требует осмысления. Тем более в источниках нет недостатка. Многие творческие люди, выезжавшие на фронт в составе артистических бригад, впоследствии записали воспоминания, в большой степени фокусируясь на особенностях публики своих концертов, ее потребностях и эмоциональных реакциях. С другой стороны, впечатлениями об увиденных концертах делятся сами фронтовики в письмах, дневниках, мемуарах. Зачастую речь идет об одном единственном за месяцы или годы пребывания на фронте концерте, и тем важнее оценка, которая ему дается.

Проблема концертного репертуара для красноармейцев встала практически в первые дни войны, когда опытные работники искусств поняли, что выходить на сцену с тем, с чем *«выходили вчера, как будто ничего не произошло»*, невозможно. Директор Московской государственной эстрады Б. Филиппов отметил в своем дневнике, что вопрос нового репертуара возник уже в связи с выступлениями

¹ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 118. Л. 3, 12.

артистов на мобилизационных пунктах и в госпиталях. Взамен «мелких бытовых тем» потребовалась «героика, зовущая в бой, сатира, разящая фашизм, гражданская поэзия, пробуждающая патриотические чувства». Также подразумевалось, что репертуар должен нести отдых и веселье¹.

Поскольку шефство работников искусств над армией и флотом имело многолетние традиции еще со времен Гражданской войны, да и в период Советско-финской войны в войска также выезжали артистические группы, то первая фронтовая бригада московских артистов, несмотря на длительность согласований с Комитетом по делам искусств, была создана достаточно быстро. Состав бригады, выехавшей 12 августа 1941 г. в направлении Вязьмы (там располагалась база, откуда артисты разъезжали с концертами), был поистине «звездным»: В.Я. Хенкин («первый комик советской эстрады, мастер юмористического рассказа»), Л.А. Русланова (известная исполнительница русских народных песен), М.Н. Гаркави (популярный конферансье), артисты оперетты И.И. Гедройц и Е. Калашникова, Д.М. Кипиани (артист радио, баритон), Е.И. Шукевич («лучший иллюзионист Мосэстрады»), Т.С. Ткаченко (солистка балета Большого Театра), М.Е. Борисенко и В.Л. Жерехов (дуэт баянистов) и аккомпаниатор Руслановой С.О. Максаков («виртуоз на казанской гармошке»).

Концерты бригады проходили в домах культуры, клубах, но намного чаще – на открытых площадках. Самый первый концерт, к примеру, был организован на кладбище, а эстрадой служил грузовик. В репертуаре были отрывки («Парень из нашего города», «Суворов», «Собака на сене»), монтажи («Ленин» и «За Родину») и многое другое. Со временем артисты стали расщеплять концерты следующим образом: заранее через комиссара части узнавали фамилии лучших красноармейцев и командиров, и конферансье, объявляя концертные номера, посвящал их тому или иному герою. Это сближало красноармейцев с артистами, и они бурно реагировали².

Опыт выезда первой фронтовой концертной бригады содействовал организации следующих групп. Отчеты об их работе и отзывы на нее показывают, насколько напряженным был концертный график артистов и в какой сложной обстановке им приходилось работать. Так, концертная бригада Московского театра оперетты под художественным руководством К.М. Новиковой (9 артистов), «работая по обслуживанию» частей 1-го Украинского фронта, с 15 февраля по 1 апреля 1944 г. дала в общей сложности 70 концертов. Бригада под руководством А.А. Бурдина, состоявшая из артистов нескольких московских театров (Московского театра драмы, Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, Московского театра оперетты), дала за 50 рабочих дней 151 концерт, перекрыв «все существующие» нормы³.

Дневник А.Н. Цфасмана (художественного руководителя джаз-оркестра Всесоюзного радиокомитета) сохранил сведения о том, как «принимали» фронтовики

¹ РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202. Л. 2, 5.

² Там же. Л. 4–35.

³ Там же. Д. 1532. Л. 1, 31.

джазовую музыку. Весной 1942 г. джаз-оркестр в полном составе выехал на фронт, где пробыл почти четыре месяца. Выступать приходилось на открытых площадках и в самых разных помещениях, в том числе в церкви («Джаз расположился у алтаря, а зрители – во всю длину храма»). После одного из концертов генерал-майор Н.Ф. Лебедеко пригласил артистов, как это было заведено, в свою «трехкомнатную землянку». Даже не будучи поклонником джаза, он похвалил оркестр «за сыгранность, за веселье, исходящее от каждого музыканта во время исполнения номеров. Хвалил за репертуар – как в смысле лирики, так и развлекательности. Хвалил, кстати, за внешний вид». По поводу последнего разгорелся спор, так как джазисты сомневались, что правильно сделали, приехав на фронт в смокингах. Но генерал категорически отверг идею военного обмундирования для артистов: «Здесь надо заставить людей забыть на время о своей тяжелой работе»¹.

Эмоции, которые пробуждали прибывавшие на передовую артистические бригады, были сильными и не всегда однозначными. Хотя пытавшиеся их зафиксировать в письмах или дневниках зрители наиболее часто использовали сравнение со «сном», однако, очевидно, что ощущения, которые они испытывали, были детерминированы самими условиями фронтовой повседневности.

Младший лейтенант В.П. Песков, служивший в стрелковой дивизии, описал в дневнике-воспоминаниях концерт артистов, прибывших на передовую из Беломорска и расположившихся на импровизированной сцене – в нише дома, угол которого был снесен снарядом. На фоне неубедительного комика и матроса с песней «А кто его знает», сорвавших жидкие аплодисменты, большой успех имела женщина, спевшая «что-то» хриплым голосом. Однако не она, а совсем другая исполнительница буквально заорожила бойцов, и это было связано с целым комплексом факторов: внешним видом, вокальными данными, манерой поведения: «Вот показалась девушка, Нина, как представил ее конферансье. Чистое открытое лицо. Сквозь белую тонкую ткань блузки ясно обозначались формы. Весь наряд ее венчала серенькая гофрированная юбочка, какие-то домашние тапочки. Каждый из нас заметил (и это особенно приятно было осознавать), что косметика не коснулась этого личика. Тишина стояла необыкновенная, казалось, прекратилось дыхание. Только по-прежнему нарушали тишину ритмические бухающие разрывы снарядов противника. Сейчас особенно чувствовалась неуместность их в этой обстановке».

Грудным задушевым голосом девушка спела знакомого многим «Скворушку», и то «призрачное, неземное» впечатление, которое произвела она на зрителей, связывается автором дневника с естественностью исполнительницы. «Думалось, что она не сознает покоряющую силу своего голоса. Впечатление, производимое ею на бойцов, было потрясающим. Вот голос как-то неожиданно оборвался. Песня кончилась. Нина стояла перед оцепеневшими бойцами, без этих профессионально отработанных театральных жестов, без киваний, без нарочитого стремления распалить нас своим женским торсом. Вся фигура ее, застывшая в одной позе, будто

¹ «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 145–148.

вопрошала: «Чем я вам еще могу помочь?». Вдруг юношеский чистый голос произнес: «Я вам еще спою». И оттого, что это было сказано без конференсье и просьбы еще не пришедших в себя бойцов делало девушку по-домашнему уютной и трогательно простой». Если ответом на первую песню было ошеломление, тишина, отсутствие аплодисментов, то после второй бойцы очнулись и выразили свои чувства весьма разнообразно: «Кто рукоплескал, сжав винтовку меж колен, кто неистово топал, кто кричал. Нина неловко кивнула головой и исчезла. Поднялся сплошной рев. Она спела еще несколько песенок. Выходила просто постоять перед бойцами. Пока стояла – молчали. Уходила – снова поднимался рев. Нину хотелось просто видеть как олицетворение, как символ всего гуманного, чистого, непорочного»¹.

Иногда довольно трудно трактовать ситуацию и даже на основании достаточно информативного источника сделать определенное заключение о том, что именно доминировало в отношении комбатантов к искусству, когда они не покидали концерта и под угрозой гибели. Можно допустить, что для части аудитории встреча с прекрасным, особенно в контрасте с обстановкой на передовой, была полна высокого смысла, упоительна, ошеломительна, и поэтому такие люди были способны «отключиться» от всего отвлекающего от процесса взаимодействия с искусством. Возможно, имели место пиетет, преклонение перед творчеством как особым видом человеческой деятельности. Не исключено, что суть дела заключалась в дисциплинированности, свойственной военным, не имевшим обыкновения действовать без приказа. Вполне вероятно и то, что артисты, зачастую не реагируя на опасность в силу своей неискушенности в военной науке, внушали комбатантам особое почтение, и именно поэтому, даже вполне отдавая себе отчет в степени риска, те предпочитали оставаться на своих зрительских местах. На фоне безотчетной смелости выступающих фронтовики просто не могли позволить себе даже намек на трусость.

Вышеприведенные размышления напрямую касаются фрагмента из интервью пулеметчика Д.И. Бакая, участника обороны Севастополя, трижды там раненого. «Помню, в Севастополе, когда 250 суток, не что-нибудь. И вот услышали мы, что в Севастополь приехали артисты. И попал я посмотреть артистов, за 8 месяцев [впервые]. Уже после второго ранения. Нас человека три-четыре с полка пошло. Нас послали от полка. Вы, пойдете, говорят, посмотрите концерт. Километра четыре мы шли пешком до нашего клуба. Клуб какой был? Вот такой настил, ну, как полхаты, неструганный, ничего, просто настил. Плащпалатками [занавешено], где раздеваются артисты. А тут сцена. Баянист [только], а больше никого не было, чтоб гитар или еще чего. И пели девчата под баян. Вот нас человек 150 собралось на поляне. И вот слышно... пушка выстрелила. И через нас снаряд пошел. Через некоторое время вторая выстрелила. А концерт идет, артисты поют. Как оно у них [внутреннее состояние] было – не знаю. А мы же военные. А военный каждый воображает: раз, два, три... четвертый артиллерийский налет всех уничтожит. Но никто, ни командиры, ни рядовые, никто

¹ РГАЛИ. Ф. 2594. Оп. 1. Д. 555. Л. 51–52.

не дал команду, что надо врассыпную, что надо в укрытие. Сидели и слушали концерт... и перестал обстрел. Представляете, перестали стрелять. Факт тот, что такие нервы были напряженные, а никто не ушел с места. Соскучились за вот этой духовностью, за песней. А когда заиграли “Вставай, страна огромная...” [голос срывается]»¹.

Источники личного происхождения сохранили самый широкий спектр мнений о фронтовых концертах: от восторженных, благодарных до прохладных и даже отрицательных. Конкретная оценка была в первую очередь связана с качеством концерта, но зависела и от множества других факторов: уровня запросов в сфере искусства и опыта общения с ним, имевшегося у военнослужащего, его настроения и общего состояния в данный момент, боевой обстановки и ее ближайших перспектив. Такую зависимость поразительно точно передает эпизод из воспоминаний Л.Г. Андреева, описывающий путь лыжного батальона к линии фронта. Солдаты, измученные холодом и голодом (уже несколько дней они питались в основном дохлой кониной), «много спали, больше сидели у костра, уставившись на слабый огонь, и молчали часами, днями. На третий день комзвод, всунув голову в палатку, крикнул: “Пошли на концерт!” Никто из нас не понял, о чем он говорит, но поднялись по армейской привычке и вывалились наружу. У штабной палатки, на снегу, лежали две плащ-палатки, стоял неизвестно откуда взявшийся стул. Вяло подходили солдаты. Когда собралась порядочная толпа, из палатки вышло пятеро: трое мужчин и две женщины. Они поразили нас больше, чем если бы перед нами выросли бы буханки хлеба с палатку величиной. Я смотрел концерт, почти ничего не воспринимая, не испытывая никаких ощущений, кроме возникшего во мне, как только я увидел гостей, волнения. Чувство затерянности, заброшенности, оторванности от всего мира, не покидавшее нас ни на минуту в полосе, где не было жизни, здесь, на лесной стоянке, почти перестало ощущаться, охватив нас целиком, выросло до размеров, уже не охватываемых нашим глазом»².

Военный переводчик В. Раскин в силу своей искушенности был достаточно скептически настроен по отношению к фронтовым зрелищным мероприятиям. Писал с иронией: «Сегодня у нас концерт джаза... Концерт не очень хороший, но и не совсем плохой по военному времени. С этой скидкой на войну как-то не могу свыкнуться. С горохом и пишеном я примирился, но плохих стихов не выношу: сознание по обыкновению отстает от бытия...». Другой концерт он оценил намного жестче: «Наши орфеи и [неразборч.] плюют на бороду музам и грациям... Какой хлам подносят эти халтурщики!»³ «Очередной халтуркой» назвал в письме жене прошедший в его стрелковом полку концерт старший лейтенант Н.С. Воронин⁴. Капитан А. Шкудов также остался недоволен концертом артистов из Казахской ССР, который не тронул за «живое»⁵.

¹ Респондент: Бакай Дмитрий Иванович.

² Андреев Л.Г. *Философия существования*. С. 133–134.

³ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 47, 57.

⁴ Фронтовые письма из калужских архивов: сб. документов. Калуга, 2010. С. 36.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 191. Л. 50б.

Очевидно, нередко имело место несовпадение запросов фронтовиков и предложения артистических бригад. Рядовой В. Цоглин писал матери и сестре в Москву: «К нам приезжали из Госцирка, бригада; отхалтурили и смылись. Конечно, удовольствие кое-какое принесли, посмеяться вдоволь можно было. Шуточки все сальные, но для нашей аудитории сгоди. Такие бы номера у вас не допустили. Поганой метлой с подмостков согнали бы»¹. На этом фоне выделяются положительные отзывы о выступлениях армейских ансамблей, зачастую представлявших более качественный, а главное – понятный и близкий для воюющих репертуар. Военный переводчик В.И. Стеженский (ранее – студент Московского института истории, философии и литературы) в мае 1942 г. охарактеризовал концерт фронтовой бригады как слабый в сравнении с выступлением армейского ансамбля, приезжавшего неделей раньше. Тогда он отозвался похвалой в дневнике: «Получил вчера большое удовольствие от концерта армейского ансамбля. Многие номера можно смело показывать в Москве»². Артиллерист капитан И.С. Горохов в августе 1942 г. также хвалил в письме, адресованном жене-певице в г. Горький, именно армейский творческий коллектив: «На огневую позицию моей батареи приехала группа артистов красноармейского ансамбля песни и пляски. Всем существом своим я отдохнул. Впервые за всю войну я услышал музыку. Душа моя переживала самые несбыточные фантазии»³.

Как видим, наряду с концертами профессиональных артистов либо самодеятельности, организованной в тылу специально для выездов на фронт, широкое распространение имело такое явление, как выступления самодеятельных коллективов самих фронтовиков. Большое значение для самореализации в данной сфере имело музыкальное образование либо навыки исполнительства на любительском уровне, которыми обладали многие советские военнослужащие. Яркий пример – ученики Н.Н. Полуэктовой, преподававшей в 1930-е гг. и далее, в годы войны, в Горьковском музыкальном училище. Полуэктова переписывалась с некоторыми из своих воспитанников, оказавшимися в рядах РККА, и они рассказывали, что берут на себя в своих воинских частях «все вопросы искусства», организуют кружки и концерты, с успехом выступают с собственными номерами. Выпускница Московской государственной филармонии Галина Брюханова, в свое время учившаяся у Полуэктовой, работала медсестрой в полевом госпитале № 4268. В письмах Галина делилась, что руководит хоровым кружком из девушек-медиков, а летом 1944 г. во время празднования юбилея А.П. Чехова попробовала себя в роли режиссера, поставив несколько инсценировок его рассказов. Медсестра Лидия Козьмина, которая в Горьковском музыкальном училище специализировалась по классу фортепиано, освоила на фронте игру на трофейном немецком аккордеоне, и мало кто верил, что «раньше аккордеона в руках не держала». В 1944 г. на офицерском обеде по случаю ноябрьских праздников Лидия показала несколько номеров для приехавших в часть гостей («генералов»). «Я стала играть, сама не замечая, как, –

¹ Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 13.

² Стеженский В.И. Солдатский дневник: военные страницы. М., 2005. С. 49, 50.

³ ЦАНО. Ф. 6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 8об.

писала девушка Полуэктовой. – Я изливала то, что было на душе. А на душе грусть какая-то, тоска. Они притихли все, не шелохнутся. В этот вечер я получила от генерала часы»¹.

Командиры и политработники были в высшей степени заинтересованы в развитии художественной самодеятельности, так как участие в ней несло расслабляющий эффект, занимало время и мысли комбатантов на досуге. Но хотя нет недостатка в свидетельствах о том, что «самодеятельность» организовывалась согласно распоряжениям «сверху», однако гораздо чаще встречаются рассказы о собственных починах военнослужащих, и прежде всего деятельности так называемых «заводил», способных расшевелить сослуживцев, выявить среди них таланты и, наконец, организовать мероприятие, достойное называться «концертом».

Как рассказал артиллерист М.Д. Шибанов, «в каждой батарее был свой заводила, свой аккордеонист или баянист, а кто был в командировке в Москве, на концерте, [тот] записывал, напевал, передавал другу...»² Гвардии старшина В.В. Сырцылин (в довоенной жизни – библиотекарь), принадлежавший к категории подобных лидеров, докладывал в письме жене, что в период отдыха организовал самодеятельность, поэтому «пришлось самому писать сцены», командовать репетициями, и в итоге через пару недель ожидается выступление «всем на удивленье». Обещанный концерт состоялся в канун Нового 1944 года, и, видимо, имел успех, так как в начале февраля планировалось провести его трижды, а к 23 февраля Сырцылин готовил совершенно новую программу. Семье он признавался, что именно в самодеятельности отводит «в тоске свою душу». Что касается общественного признания, то оно стимулировало к дальнейшим творческим поискам. «Мои миниатюры в большом спросе на нашей красноармейской эстраде, – с гордостью писал Сырцылин в апреле 1944 г. – За зиму написал 4 небольших вещи и большой литературно-музыкальный монтаж, сейчас работаю над драматическими этюдами “Ход конем” и “Моя тайна”. В голове тем много, но нет времени писать». Кстати, потенциал Сырцылина не остался незамеченным политработниками, и в конце года его утвердили «штатным лектором», по собственному мнению, «преподавателем истории партии». Таким образом, произошел тот нередкий случай, когда творческая энергия была перенаправлена в наиболее полезное с идеологической точки зрения русло³.

В то же время ясно, что на более-менее постоянной основе концертная самодеятельность могла развиваться лишь в тех коллективах, которые имели стабильный состав и оказывались на достаточном расстоянии от передовых позиций. Так, из рапорта шефам (Горьковскому обкому Международной организации помощи борцам революции), который поступил от рядового, сержантского, офицерского и вольнонаемного состава военно-санитарного поезда № 163, известно, что, располагая несколькими музыкальными инструментами, молодежь поезда ежедневно

¹ «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. документов. С. 28, 100.

² Респондент: Шибанов Михаил Дмитриевич.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 60, 70, 71 об., 88; Герои терпения. С. 107, 114.

выступала перед ранеными¹. Л.Л. Вегер, которому довелось попасть с ранением на такой же военно-санитарный поезд, наполненный, преимущественно женским персоналом, подтверждает, что в периоды ожиданий поездок к фронту там проходили репетиции самодеятельности, хора. Более того, хор соревновался с хорами других поездов и давал концерты для местного населения².

Самодеятельные коллективы, демонстрировавшие высокий уровень, стремились максимально использовать. О данной тенденции свидетельствуют факты известности таких коллективов за пределами отдельной воинской части, развертывание их своего рода «гастрольной жизни». А.В. Пыльцын вспоминает, что в госпитале, где служила медсестрой его жена, действовал на постоянной основе коллектив художественной самодеятельности, в котором она, бывшая ученица одной из ленинградских балетных школ, считалась ведущей солисткой танцевальной группы. В периоды затишья в боевых действиях, когда в госпитале было не так много раненых и не ожидалось наплыва новых, этот коллектив в соответствии с планами политуправления фронта «гастролировал» по воинским частям, находящимся на отдыхе или на переформировании³.

Но самореализация красноармейцев происходила не только в концертной деятельности. Масштабный характер приобрела она в литературном творчестве. Крайне редко представляя настоящую художественную ценность, это творчество имело значение прежде всего для личностного роста, а также выполняло функцию дополнительной патриотической мобилизации. О данной тенденции свидетельствует систематическая отсылка своих собственных произведений в газеты многими фронтовиками.

Явление фронтового самодеятельного литературного творчества было связано с двумя предпосылками. Во-первых, его стимулировало приобщение к газетному и книжному слову, происходившее на фронте более-менее регулярно. Во-вторых, бойцы ощущали сильное желание поделиться собственными военными впечатлениями и переживаниями, зачастую несравнимыми по мощи и яркости с предыдущим отрезком жизни. Старший лейтенант И.Г. Блынский писал об этом в редакцию газеты «Красная Татария» так: *«Находясь на фронте и некоторое время по ту сторону линии фронта, я, набравшись впечатлений, недавно написал ряд стихотворений»* (к письму приложено семь стихотворений)⁴.

Иногда бойцы проявляли заинтересованность не только в единичной публикации, но и в компетентной оценке своего творчества. Курсант А.Н. Самарин, отославший в редакцию «Красной Татарии» несколько своих *«курсантских стихотворений пулеметчика»*, торопился узнать о своих способностях: *«Дорогая редакция, прошу написать мне ответ, есть или нет у меня талант к этому»*. Ответ сотрудника газеты Н. Козловой не обнадеживал и был достаточно типичным: *«Тов. Самарин!*

¹ «Я пока жив...» С. 109.

² Вегер Л.Л. Записки бойца-разведчика. С. 60.

³ Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003. С. 171.

⁴ НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.

Ваши стихи не смогли использовать в печати, т.к. вы еще слабо владеете стихотворной техникой. К тому же мы получаем очень много стихов и выбираем из них самое лучшее». Сотрудники редакций, как правило, советовали бойцам доработать свои фронтовые опыты, а главное – больше читать. Впрочем, границы применения таких рекомендаций были очевидны. Как писала Козлова, «в условиях фронтовой обстановки трудно, конечно, систематически работать над освоением стихотворной техники... Трудно и совет дать. Посоветуешь читать больше художественную литературу, изучать классиков, а найдется ли все это на фронте?»¹

Впрочем, довольно трудно определить, насколько самостоятельно были написаны те или иные тексты за подписью бойцов или командиров Красной армии, увидевшие свет во фронтовых газетах. Письма и воспоминания фронтовых корреспондентов сохранили сведения о распространенных практиках написания текстов разных жанров за красноармейцев как о норме журналистской работы в годы войны. В 1941 г. минометчик, а в 1942–1945 гг. сотрудник газеты 8-й армии «Ленинский путь» Л.И. Левин вспоминал: *«Редактор то и дело посылал меня в части. Подавляющее большинство моих статей и заметок появлялось под чужими подписями. Выслушав рассказ о том или ином боевом эпизоде, я, как это делают все журналисты, просил у своего собеседника согласия напечатать этот рассказ за его подписью. Никто, конечно, не отказывал... Перелистывая теперь комплекты нашей армейской газеты, я подчас затрудняюсь определить, какие из красноармейских или сержантских заметок подготовлены мной. Честно говоря, все они писались тогда на один лад»².*

В любом случае, для самовыражения в области поэзии или прозы требовалась начитанность, поэтому следует обратить внимание на круг чтения фронтовиков. Разумеется, основным чтением на фронте были газеты. В.В. Сырцылин сообщал жене: *«Читаем газеты и даже часто центральные, так что я в курсе всех событий в стране и вне ее»³.* Однако близость такого рода чтения фронтовым будням не позволяла ощутить дыхания мирной жизни, да и насквозь пропитанное идеологией содержание газет не вызывало интереса у значительной части военнослужащих. Рядовой О.В. Бредихин, баловавший сослуживцев пересказами Джека Лондона (*«Мальчишкой читал. И им рассказывал. Люди некоторые вообще там не читали. Здоровый, храбрый, всё, а у него образование – 2 класса, 3 класса, 4 класса»*), вспоминает, как политрук приходил к ним во взвод и интересовался, получают ли они газеты. Разговор шел по канонам фронтового общения: *«Да, нам приносят газеты». «А что вы с ними делаете?» «А мы их прорабатываем». «А как?» «Аж дым идет!» Газеты поступали – давай их сразу делить на самокрутки. Вся ценность газет была, чтоб их разделить и самокрутки крутить»⁴.*

Газеты содержали актуальную информацию, но практически не снимали психологического напряжения. Чтение книг в гораздо большей степени позволяло «пере-

¹ НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 3. Л. 67, 68об. Д. 4. Л. 62. Д. 6. Л. 72.

² РГАЛИ. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

³ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 25.

⁴ Респондент: Бредихин Олег Васильевич.

ключиться», давало возможность отдохнуть и получить эмоциональную разрядку. Назначение такого чтения проявлялось в восстановлении нарушенной идентичности. Думается, везде, где условия существования выходили за пределы человеческих возможностей, целью такого чтения также становился эскапизм. Его основным вектором был перенос в иное время, в «жизнь, не похожую на современную»¹.

Интерес фронтовиков к отечественной классике был в известной степени предопределен. С одной стороны, канон классики уже сформировался и закрепился на уровне преподавания литературы в советской школе, классическая литература издавалась огромными тиражами. Естественно, для фронтовика шансы «встретиться» именно с произведением классики были самыми высокими. С другой стороны, классическая литература привлекала постановкой смысловых вопросов. Об интересе к классике упоминал заместитель редактора дивизионной газеты Алексей Шкудов, по собственным словам, владевший «искусством правдами и неправдами доставать книги» (в качестве прочитанных указаны произведения Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина и др.). Младший лейтенант М. Львович на первое место в своих предпочтениях ставил Льва Толстого, на второе – Максима Горького. Очень часто упоминался в письмах солдат и офицеров поэзия и проза А.С. Пушкина². О преобладающем выборе в пользу классики свидетельствует фронтовая лирика Валентина Сырцылина. Классические произведения русской литературы («*Великих классиков творенья, / Которых знает стар и млад*») символизировали для Сырцылина ценности, неподвластные разрушениям врага³. Для многих фронтовиков новое понимание жизни и новое прочтение классики шли «рука об руку». «*Читаю и перечитываю, только сейчас начал понимать Щедрина и особенно Пушкина. Значит, теперь я уже взрослею*», – заключает военный переводчик В. Раскин. Он же сознательно отказывался от чтения прозы о Великой Отечественной войне. «*На войне душе солдата сказка мирная милей*». *А на фронте, да о фронте... Не хочу*⁴.

Для некоторых военнотружущих литература выступала жизненной необходимостью; и чем невыносимей были условия существования, тем насущней становилось ее присутствие. Вспоминая изнуряющие, «оскотинивающие» условия своего двухмесячного пребывания в Тесницких лагерях под Тулой, где его готовили к фронту, Леонид Андреев (будущий замечательный ученый-филолог) описывает именно такое положение: «*Мне было тяжело. Я чувствовал себя в чужом мне мире, в котором не было ничего моего. И оживлялся только тогда, когда находил статью о Мицкевиче или читал березам Есенина*»⁵.

Особые возможности для чтения открывало пребывание бойцов на лечении в госпиталях или на учебе. Из казанского госпиталя Сырцылин писал об обилии свободного времени, стимулировавшем желание прочитать «уйму книг». «*Книги*

¹ Барскова П. Вес книги: стратегии чтения в блокадном Ленинграде. С. 44.

² РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 291. Л. 6. Д. 1400. Л. 84, 98; «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 27.

³ Герои терпения. С. 194.

⁴ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 107.

⁵ Андреев Л.Г. Философия существования. С. 62.

читаю одну за другой», – сообщал В.П. Баранов из ереванского госпиталя. «Книжки, читаю их заоями...» – писала восстанавливавшаяся после ранения санинструктор Анна Сологуб из госпиталя в Саратове¹. На фронте же распространенной практикой являлось чтение вслух, что определялось как условиями (например, слабой освещенностью землянки или наличием единственного экземпляра книги), так и читательской активностью некоторых фронтовиков. За чтением следовало обсуждение прочитанного, беседы на различные темы, на этой почве развивались дружеские привязанности. «Живем дружно, часто разговариваем о книгах, искусстве, философии с тем бандитом, у которого на присланной фотографии шапка на боку», – писал Сырцылин, традиционно выступавший инициатором коллективных чтений².

Однако из источников известны и не столь благополучные сюжеты. Лейтенант Рабичев вспоминает, как из-за отсутствия других книг начал читать бойцам своего взвода перед сном, при свете горящей гильзы «Евангелие» («в пустой избе лежало на столе»). Писал домой, что слушали внимательно. А однажды в его блиндаже заночевал незнакомый капитан, с которым разделили ужин, выпили водки. Выяснилось, что оба москвичи. Разговорились об увлечениях, родных, книгах, и даже перешли «на ты». «А утром капитан Павлов вынул из кармана свое красное удостоверение и сказал, что посетил меня не случайно, а по заданию руководства СМЕРШ, что из вчерашнего разговора он понял, что я советский человек, комсомолец, но, что я совершил ошибку, читал своим бойцам «Евангелие», и по секрету рекомендовал мне опасаться моего сержанта Чистякова, который написал в СМЕРШ, что я в своем взводе веду религиозную пропаганду, и предложил мне немедленно бросить в огонь найденную мной в пустой избе книгу, а он, в свою очередь, бросил туда донос Чистякова, что мне повезло, что бумага эта попала в его руки, а не в руки его коллег. Пришлось мне впоследствии читать моим бойцам журналы “Знамя”, стихи Пастернака и Блока, “Ромео и Джульетту” Шекспира»³.

Интересный рассказ о знакомстве с трофейной Библией содержится в одном из писем военного переводчика В. Раскина, принадлежавшего к категории самостоятельных читателей с высокими запросами. Случайно наткнувшись на Библию («взял ее у одного разведчика, из нее вертели крутки, миниатюрное издание»), он увлекся чтением и интерпретацией прочитанного. «Читаю с большим удивлением, никогда не думал, что там столько войн, грабежей и убийств. Чувствую, как иной раз во мне просыпается недобитый филолог с неискоренимой привычкой считать, анализировать и т.д. Библия кажется мне достаточно наивным, недостоверным, но все же историческим трудом. Я дочитал только до книги Самуила, но у меня уже сложилось впечатление, что библия – продукт коллективного творчества. После войны обязательно познакомлюсь с научной литературой о библии. Очень доволен, что мне попалась эта черненькая книжечка с золотым обрезом. Читая

¹ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 159; РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 6.

² Герои терпения. С. 93.

³ Рабичев Л. «Война все спешет». С. 102.

ее, чувствую, что кое-чему учусь. В конце концов, ведь это литература не хуже всякой другой»¹.

Выбор книг в условиях фронта был, естественно, невелик. Хотя при воинских подразделениях существовали походные библиотеки, имевшие в своем составе как художественную, так и общественно-политическую литературу, но в суровых обстоятельствах они быстро скудели, терялись, далеко не всегда были «под рукой» у бойцов. Поэтому читалось в основном найденное, подобранное на «дорогах войны», присланное родственниками либо купленное по случаю, проездом через Москву. Особое обострение проблемы наличия литературы было связано с пребыванием Красной армии за границами СССР. Писатель Ибрагим Гази в письме, написанном из Польши, обращался с просьбой к другу, директору казанского музея М.Н. Елизаровой: «*Не сможешь ли мне прислать какую-нибудь книжечку или литературный журнал (старый!). Книжный голод хуже хлебного. По-польски читать не умею. Хотя калякать уже кое-как могу. Война научит*»².

Здесь стоит коснуться досуговых возможностей, которые возникли у советских солдат и офицеров во время «заграничного похода» (в Румынии, Венгрии, Польше, Чехословакии и др. европейских странах), а также их предпочтений на этот счет. Хотя на завершающем этапе войны деструктивные тенденции в проведении свободного времени усилились, что было связано с истощением сил и моральной усталостью фронтовиков, а проявилось в неумеренном потреблении алкоголя, рискованном и даже преступном поведении некоторых из них³, однако большинство практиковало позитивные способы досугового времяпровождения. Много времени посвящалось прослушиванию музыки, тем более что в оставленных населением домах часто попадались музыкальные инструменты, патефоны и даже пластинки с русскими песнями. В клубах танцевали, смотрели американские, английские, мадьярские, австрийские и советские фильмы. Заинтересованно общались с местным населением, которое иногда радовало исполнением «Катюши», «Полюшка-поля», «Стеньки Разина»⁴. Гуляя или катаясь на велосипедах по улицам городов, сравнивали увиденное с оставленным на родине, насыщались впечатлениями об архитектуре, нравах, природе европейских стран.

За границами СССР открылись новые возможности приобщения к концертным мероприятиям, правда, реализовать их удалось в основном уже в послевоенные месяцы. В июле 1945 г. военный врач Хася Идельчик писала родным, что живет в 18 км от Вены и очень хочет попасть в театр, даже отложила на это деньги⁵. Запись из дневника молодого разведчика Сергея Баруздина (в будущем – известного советского писателя) сообщает, что в мае 1945 г. он вместе с сослуживцами, находясь неподалеку от Праги, побывал на концерте «*чешской самодеятельности*».

¹ РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 98.

² Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

³ См. об этом: Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. С. 226, 253.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 35об., 36об., 37об.

⁵ Архив НППЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 195. Л. 20.

«Осталось чудное впечатление и от музыки, и от задумчивых чешских песен, стихов и танцев». Противоположную оценку заслужил концерт артистов из Будапешта, который Баруздин посмотрел месяц спустя, уже будучи в Венгрии. Автор дневника отметил, что концертная программа имела «большой уклон на похабщину и халтуру», демонстрировались «всякие сомнительные “арабские танцы”». Прошло некоторое время, и силами части Баруздина были даны «ответные» самодеятельные концерты для мадьярской аудитории, имевшие, по его словам, большой успех¹.

Подводя итоги, следует отметить, что потенциально военное время, разумеется, не располагало к культурному росту людей, так как характеризовалось тяжестью воздействия, долговременной неопределенностью, непосредственными угрозами самому существованию. В этом смысле комбатанты находились в наихудшем положении, поскольку их риски были максимальны, а возможности нормальной организации отдыха минимальны. Такие обстоятельства, казалось бы, сложно совместимы с потребностью в искусстве и литературе, которая, тем не менее, в период Великой Отечественной войны присутствовала и проявлялась достаточно разнообразно.

Потребность в «культурном отдыхе» могла быть удовлетворена, так сказать, на официальном уровне. Ярким примером является организация фронтовых концертов (важного компонента досуга комбатантов, правда, с учетом того, что далеко не все смогли стать их зрителями хоть однажды), и в этом несомненная заслуга Комитета по делам искусств при СНК СССР и советского военного командования. Приобщение к музыкальному, эстраднему, танцевальному, цирковому искусствам позволяло военнослужащим интеллектуально и эмоционально переключаться, что при физической усталости и тяжело переносимой лишенности положительных впечатлений было крайне важно. Согласно многим свидетельствам, фронтовые концерты оставили в памяти их зрителей неизгладимый след, поддержали силы в борьбе с врагом. Но даже будучи не всегда довольными увиденными концертными программами, комбатанты отмечали их ценность в условиях фронтовой повседневности. В этой связи девятнадцатилетний разведчик В. Цоглин резюмировал: «Вот и все развлечения, остальное – грохот, вой, взрывы и по 5 кг грязи на каждом сапоге»².

Можно сделать заключение, что во время фронтовых концертов спонтанно создавалось своего рода поле взаимодействия фронта и тыла. Посредством искусства комбатантам транслировались те ценности далекой от них мирной жизни, связь с которыми, казалось, была утрачена. Если такой «контакт» происходил (что во многом зависело от правильно подобранного репертуара, профессионализма и самоотдачи артистов), то военнослужащие испытывали восторженные эмоции и сравнивали свое состояние со сном, переносившим их в иное (читай: мирное) измерение. Если случались моменты несовпадения («халтура» в деятельности некоторых артистических бригад), то средством избежать разочарований становилось

¹ РГАЛИ. Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 32, 35, 40.

² Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 160. Л. 13.

повышенное внимание к творчеству коллективов армейской художественной самодеятельности. Последние демонстрировали близкий и понятный «людям с передовой» репертуар (каких-либо претензий к концертам армейской самодеятельности нами вообще не обнаружено), а главное – позволяли фронтовикам проявлять на самом деле многочисленные таланты, получать заслуженные похвалы и уважение, и, тем самым, дополнительную поддержку боевого духа.

Читательская активность (по возможности, избирательная), самореализация в музыкальном и литературном творчестве (на добровольной основе, так как организационные усилия «сверху» обычно имели характер импульса, призванного подтолкнуть или поддержать инициативы «снизу»), техники самообразования, – всё это содействовало личностному росту фронтовиков и было в определенном смысле формой проявления их частной жизни. В отрыве от семейного и привычного дружеского круга, в условиях, когда остро ощущался дефицит интимности, а уединение было практической проблемой, частная сфера индивида все равно требовала своего наполнения. И своеобразным «топливом», позволявшим развивать внутренний мир, углубляться в себя, становилось получение новых знаний и эстетических впечатлений, непосредственная самореализация в области искусства. Образованный контингент военнослужащих, конечно, был слабо удовлетворен скудными возможностями к развитию, даже ощущал деградацию своего культурного уровня. Зато люди с невысоким образованием (а это была основная масса красноармейцев) имели возможность раздвинуть собственные «горизонты», расширились их коммуникации и кругозор. Также можно предположить появление некоторых «объемов» свободного времени, которыми советский человек зачастую не располагал в мирной жизни. Так, поневоле свободный от домашних (семейных, бытовых) забот, человек на фронте мог более-менее произвольно тратить свое личное время, в том числе на чтение и занятия музыкой. «Культурный отдых» входил в число тех потребностей комбатанта, удовлетворение которых обеспечивало ему душевный комфорт и развитие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Частная жизнь советского человека в условиях военного времени, все еще остающаяся terra incognita отечественной историографии, на проверку оказалась невероятным смешением жанров и стилей. Будучи по определению частью общего и в то же время отделенной от него завесой сугубо личного, она вбирала в себя коллективные представления эпохи и индивидуальные практики их освоения, наглядно подтверждая изрядно подзабытую ленинскую сентенцию о несвободной жизни в обществе. При этом степень этой несвободности определялась не столько жесткостью политического режима, сколько элементарными условиями проживания, плотностью социальных связей и деликатностью окружающих. Большие многопоколенные семьи, перенаселенные коммунальные квартиры и общепринятые нормы коллективистской морали, казалось бы, полностью лишали советского человека даже намека на возможность уединения и жизни частным порядком. Тем не менее островки партикулярной жизни, неподконтрольной не только бдительному государеву оку, но и моральному прессингу обнаруживались в самых к тому не располагающих местах – письмах, подвергавшихся цензуре; мимолетных свиданиях на митингах и партийных собраниях; разговорах на коммунальных кухнях и загородных прогулках. В этом отношении война, перевернув жизнь человека, мало что в ней поменяла, сохранив, а в некоторых случаях и расширив сферу частного.

Произошедшее в годы войны резкое ухудшение условий существования подавляющего большинства советских граждан стало для многих из них не только катастрофой, но и школой самостоятельного выживания, в пространстве которого зачастую не срабатывали еще вчера казавшиеся незыблемыми социальные нормы и нравственные ориентиры. По словам наших респондентов, на войне приходилось учиться жить заново, мирясь с сознательно вычеркиваемыми из предыдущей жизни вещами: откуда-то взявшейся верой в Бога, внезапно проснувшейся потребностью любить и быть любимыми, невзирая на оставленные в тылу семьи, писать письма незнакомым девушкам и грезить о шелковом нижнем белье, когда-то еще до войны увиденном в витрине торгсиновского магазина. Эти разрывы с реальностью, вернее, несоответствующие ей поведенческие траектории, собственно говоря, и были проявлением той самой частной жизни, о которой на войне следовало забыть. Забыть во имя приближения Победы и грядущего мира, когда можно будет «пожить в свое удовольствие».

Война породила ощущение скоротечности человеческой жизни, ближайшая перспектива которой ограничивалась пережитой атакой или налетом вражеской

авиации. В ситуации предельного сжатия отведенного историей времени обострялись эмоциональные и чувственные потребности человека в атрибутах оставшейся в прошлом мирной жизни с ее комнатными перегородками, создававшими иллюзию уединения; семейными застольями и чтением зачастую с трудом добытых книг; иконами на старых комодах, напоминавшими о существовании другого, невидимого мира, и, конечно же, ежедневными встречами с друзьями, соседями, коллегами по работе. Оказавшись на передовой или в эвакуации, люди, вопреки частным обстоятельствам и общей, к тому вовсе не располагавшей ситуации, нуждались пусть в небольшом, но все же огороженном от постороннего вторжения пространстве, замещением которого нередко становились крепкий сон и написание писем. Его внутреннее обустройство и наполняемость конкретными вещами зависели от пристрастий и привычек самого человека, а также от местонахождения и выполняемой работы. Так, наличие свободного времени у выздоравливающих в госпитале и его полное отсутствие у рядового пехотинца или работницы оборонного завода обуславливали разное наполнение частной жизни и возможностей ее проявления. Тем не менее о ее существовании красноречиво свидетельствуют собранные нами «женские» и «мужские» истории; расслышанные в общем потоке рассказов о войне воспоминания о «Живых помощах» и проснувшейся вере в Бога; семейная и дружеская переписка тех лет; фронтовой досуг и «культурный отдых» мирного населения. Не все они попали в поле нашего зрения, ограниченного оптикой замочной скважины. Выбранная в качестве исследовательской перспективы, она как нельзя лучше отражает возможности своего изучения и реального положения, занимаемого в советском обществе.

Надеемся, что увиденные и собранные воедино в этой книге фрагменты частной жизни советского человека в условиях военного времени станут еще одним веским аргументом в пользу существования области приватного, которое не зависит от политического режима, но неизбежно регламентируется решаемыми им задачами и конкретными обстоятельствами. Помещенная в интерьер вооруженного и идейного противоборства, частная жизнь оставалась для советского человека на всем протяжении войны сферой, аккумулирующей и передающей эмоции, без которых ему было бы невозможно остаться человеком и выйти из нее победителем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

- Архив Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост».
Ф. 9. Оп. 2. Д. 118, 122, 160, 161, 177, 195.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).
Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 2.
Ф. Р-498. Оп. 1. Д. 3.
Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13.
Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10.
Ф. Р-1621. Оп. 1. Д. 2, 3, 5, 6.
Ф. Р-1773. Оп. 1. Д. 8.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 16, 16а, 24.
Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 2, 9, 13, 20, 24, 27, 29, 60, 61.
Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 326, 339, 342, 351, 404, 442, 471, 476.
Оп. 3. Д. 1, 6, 18, 43.
Оп. 5. Д. 32, 34, 37, 39, 40, 46, 48, 49, 53, 54, 55.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2, 8, 12, 34.
Ф. Р-7523. Оп. 27. Д. 4, 412.
Ф. Р-8009. Оп. 22. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20,
21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38,
39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53.
Оп. 6. Д. 245, 1913.
Ф. Р-8401. Оп. 2. Д. 64.
Ф. Р-9226. Оп. 1. Д. 460, 507, 647, 638, 648, 649, 650.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).
Ф. Р-1060. Оп. 1. Д. 9.
- Национальный архив Республики Адыгея (НАРА).
Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1, 9, 10.
Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12.
Ф. Р-79. Оп. 3. Д. 507.
Ф. Р-855. Оп. 1. Д. 23, 46, 47, 52.
Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 2.
Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 237, 267.
- Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).
Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 34.
Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 3, 4, 6, 7, 8.
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Ф. 2594. Оп. 1. Д. 555.
Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38.

Ф. 2931. Оп. 1. Д. 1202, 1532.

Ф. 3260. Оп. 1. Д. 55.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 106, 251.

Ф. М-7. Оп. 1. Д. 4076.

Ф. М-33. Оп. 1. Д. 15, 150, 152, 188, 191, 291, 292, 318, 354, 360, 369, 501, 761, 1003, 1165, 1171, 1208, 1222, 1393, 1400, 1407, 1454, 4076.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Ф. 1562. Оп. 14. Д. 1060, 1168, 1169, 1171, 1210, 1217, 1250.

Оп. 20. Д. 222, 283, 365, 442, 523, 597.

Оп. 41. Д. 89.

Оп. 329. Д. 1009, 1871.

Хранилище документации новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (ХДНИ НАРА).

Ф. П-1. Оп. 2. Д. 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101.

Оп. 3. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 403.

Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451, 1186, 1234.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).

Ф. 9. Оп. 1. Д. 309, 310, 314, 316, 318, 324, 328, 332.

Оп. 2. Д. 233.

Ф. 13. Оп. 2. Д. 372, 412, 439, 478, 731, 738, 1003.

Оп. 4. Д. 22, 23.

Центр хранения документов личных собраний Центрального государственного архива города Москвы (ЦХДЛС ЦГА Москвы)

Ф. 172. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 14, 15, 30.

Оп. 2. Д. 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 67, 68, 69, 72, 82, 103, 104, 105, 120.

Оп. 3. Д. 1, 3, 6, 7.

Оп. 4. Д. 6, 7, 8.

Ф. 289. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 31, 32.

Центр хранения документов общественно-политической истории Москвы (ЦХДОПИМ).

Ф. 63. Оп. 1. Д. 1215, 1217, 1281, 1342.

Ф. 80. Оп. 1. Д. 833.

Центр хранения документов после 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы (ЦХД после 1917 г. ЦГА Москвы).

Ф. 490. Оп. 1. Д. 9, 11, 34.

Оп. 2. Д. 23.

- Ф. 534. Оп. 1. Д. 38, 39, 40, 59, 60, 61, 62.
Ф. 831. Оп. 1. Д. 19, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 54, 55, 71, 73, 74, 79, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 102, 127.
Ф. 2433. Оп. 8. Д. 2, 8.
Ф. 2852. Оп. 5. Д. 9, 16.
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).
Ф. 32. Оп. 11 309. Д. 156.
Ф. 228. Оп. 710. Д. 17, 79, 212.
Ф. 240. Оп. 2795. Д. 310.
Ф. 412. Оп. 10 301. Д. 3.
Ф. 3565. Оп. 1. Д. 13.
Ф. 6217. Оп. 6. Д. 13.
Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).
Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13, 15, 110.
Оп. 7. Д. 26.
Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ).
Ф. 8288. Оп. 1. Д. 15.

Опубликованные источники

- Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М., 1982.
Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005.
Балан А.А. Годы войны. URL: <http://rkka.ru/memory/359sd/balan.htm>.
Балевиц З.В. Православное духовенство в Латвии 1920–1940: сб. документов. Рига, 1962.
Блокада глазами очевидцев. Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. СПб., 2003.
Борис Дмитриевский – герой-танкист: письма, воспоминания, документы. М., 2008.
Вегер Л.Л. Записки бойца-разведчика. М., 2003.
«Весь народ сильно сдал телом»: война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича // *Российская история*. 2009. № 6.
Военная «повседневность» глазами автозаводцев (дневники В.А. Лапшина и И.И. Пермовского) // *Общество и власть. Российская провинция*. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005.
Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси. Минск, 2010.
Войны кровавые цветы: устные рассказы о Великой Отечественной войне. М., 1979.
Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991.

- Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.
- Галустян В.* Мой Нахичеван. Таганрог, 2011.
- Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар, 2010.
- Голубева-Торес О.Т.* Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2. 1941–1945. М., 2009.
- Гурвиц Л.А.* Воспоминания фронтового радиста. От КВ-радиостанции – до морских крылатых ракет. СПб., 2008.
- Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957.
- Город и война. Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2012.
- Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002.
- Дробязко С.Г.* Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М., 2008.
- Дрягина И.В.* Записки летчицы У-2. Женщины-авиаторы в годы Великой Отечественной войны. 1942–1945. М., 2007.
- Екатеринодар – Краснодар. 1793–1993. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993.
- Жукова Ю.К.* Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М., 2006.
- Законодательные и административно-правовые акты военного времени: с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М., 1942.
- Знамена войны // Живая старина. 2005. № 2.
- Иноземцев Н.Н.* Фронтовой дневник. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.
- Иоффе Г.* Городок наш ничего... // Российская история. 2013. № 2.
- Калуга в период немецкой оккупации. Дневник врача Михаила Устрялова // Российская история. 2011. № 3.
- Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a690x330.htm.
- Кожурин В.С.* Народ и власть (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995.
- Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1937.
- Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. Краснодар, 2003.
- Лебединцев А.З., Мухин Ю.А.* Отцы-командиры. М., 2004.
- Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко. Дневники, записки, воспоминания. 1939–1946. М., 2013.
- Миркин М.* От Черей до Чикаго. Иерусалим, 2013.
- «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М., 2009.
- Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1994.

- Невымышленное: устные истории остарбайтеров. Харьков, 2004.
- Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в жизни и судьбе бывших заключенных: сборник статей, воспоминаний и интервью. М.; Воронеж, 2008.
- Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008.
- Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе // Собрание законодательства СССР. 1935. № 47. Ст. 391.
- Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005.
- Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы. Донецк, 2013.
- Орстхо Р. Дети униженного детства. Маленькие истории моей жизни в большой истории жизни моего народа. Нальчик, 2009.
- Осипова Л. Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!» Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012.
- От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Т. 9. М., 2008.
- Отомстим! О зверствах фашистов в Ростовской области. Ростов н/Д, 1944.
- Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования. М., 2006.
- Партизанские пословицы и поговорки. Курск, 1958.
- Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1947.
- Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.
- Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): сб. документов. Тамбов, 2005.
- Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010.
- Письма с фронта (письма нерехтчан с фронтов Великой Отечественной войны). Нерехта, 2008.
- Письма с фронта. 1941–1945 гг. Казань, 2010.
- Письма счастья в 1941 г. URL: http://users.livejournal.com/_bees_/113853.html.
- Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 года «Об изменении действующего законодательства РСФСР в связи с постановлением ЦИК И СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». URL: <http://bestpravo.ru/sss/eh-akty/x1r.htm>.

- Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 г. М., 1998.
- Пришивин М.М.* Дневники. 1940–1941. М., 2012.
- Пыльцын А.В.* Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003.
- Рабичев Л.* «Война все спешет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М., 2008.
- Ракобольская И., Кравцова Н.* Нас называли ночными ведьмами. Так воевал женский 46-й гвардейский полк ночных бомбардировщиков. 2-е изд., доп. М., 2005.
- Рогачев А.В.* Я помню. URL: <http://www.iremember.ru/content/view/473/82/1/6/lang,ru>.
- Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. документов. М., 2009.
- Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.). Т. 2. М., 1994.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
- Сергель Б.* Пасха Христова в Новороссийске в 1943 году // Родная Кубань. 2005. № 1.
- Скорородов А.В.* Такой долгий, долгий путь: воспоминания, раздумья, размышления. М., 2010.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1936. № 34, 51.
- Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1944. № 11.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1926. № 82. 1929. № 35.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003.
- Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007.
- «Сохрани мои письма...»: сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007. Вып. 2. М., 2010. Вып. 3. М., 2013.
- Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курган, 1994.
- Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.
- Стеженский В.И.* Солдатский дневник: военные страницы. М., 2005.
- Страницы скорби и любви... Документальные свидетельства Великой войны (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). Краснодар, 2010.
- Фронтовые письма из калужских архивов: сб. документов. Калуга, 2010.
- Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
- Черненко М.* Чужие и свои. Документальная повесть. М., 2001.

Чиров Д. Т. Среди без вести пропавших: воспоминания советского военнопленного о Шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф, 1941–1945 гг. М., 2010.

Шумелинский М. Г. Дневник солдата. М., 2000.

«Я пишу последнее быть может...» Омск, 1994.

«Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. документов. Н. Новгород, 2010.

«Я это видел...» Новые письма о войне. М., 2005.

Респонденты¹

Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 127 минут. Запись 14 апреля 2013 г.

Акимов Алексей Федорович, 1913 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 17 апреля 2013 г.

Бакай Дмитрий Иванович, 1921 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: ст. Динская Краснодарского края, квартира респондента. Продолжительность 65 минут. Запись 17 июня 2013 г.

Баляшина Анна Исааковна, 1925 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 83 минуты. Запись 19 июня 2013 г.

Бирюков Владимир Иванович, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 60 минут. Запись 6 ноября 2012 г.

Боровик Николай Максимович, 1921 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 55 минут. Запись 20 июня 2013 г.

Бредихин Олег Васильевич, 1925 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, зал заседаний краевого совета ветеранов. Продолжительность 76 минут. Запись 23 октября 2012 г.

Гнётов Александр Федорович, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 247 минут. Запись 3 апреля 2013 г.

Гольдфарб Мириам Филипповна, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись 4 апреля 2013 г.

Гречко Владимир Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 119 минут. Запись 24 апреля 2013 г.

¹ Записи хранятся в архиве лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Емельянов Михаил Иванович, 1929 г.р. Интервьюеры: Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 43 минуты. Запись 14 мая 2013 г.

Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 77 минут. Запись 25 октября 2012 г.

Исаев Александр Дмитриевич, 1930 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 100 минут. Запись 30 апреля 2013 г.

Калабухова Инна Николаевна, 1933 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 95 минут. Запись 19 октября 2012 г.

Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись 15 октября 2012 г.

Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Присутствует А.П. Стасюк. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 175 минут. Запись 13 марта 2012 г.

Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г.

Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г.

Крюкова Анастасия Леонтьевна, 1928 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира И.В. Пащенко. Присутствует И.В. Пащенко (внучка А.Л. Крюковой, беседа осуществляется по Skype). Продолжительность 73 минуты. Запись 15 октября 2012 г.

Линник Валентин Михайлович, 1934 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 160 минут. Запись 3 февраля 2013 г.

Малхасян Андрей Георгиевич, 1921 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 117 минут. Запись 16 октября 2012 г.

Малюк Александр Георгиевич, 1927 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 135 минут. Запись 29 сентября 2012 г.

Мартынов Валентин Иванович, 1926 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 60 минут. Запись 2 ноября 2012 г.

Мухортова Валентина Мефодьевна, 1922 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента.

Присутствует В.М. Мухортов (сын В.М. Мухортовой). Продолжительность 100 минут. Запись 18 мая 2012 г.

Обозьянский Александр Павлович, 1927 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 75 минут. Запись 8 июля 2013 г.

Петрушенко Николай Филиппович, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 102 минуты. Запись 27 апреля 2013 г.

Прибыльская Елена Валентиновна, 1928 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 30 октября 2012 г.

Резникова Надежда Федоровна, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Майкоп, квартира респондента. Продолжительность 120 минут. Запись 10 января 2013 г.

Речестер Эмиль Исаевич, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 146 минут. Запись 12 апреля 2013 г.

Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г.

Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 25 октября 2012 г.

Синюгин Петр Васильевич, 1924 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Майкоп, городской совет ветеранов. Продолжительность 120 мин. Запись 5 ноября 2001 г.

Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г.

Токарева Галина Федосеевна, 1918 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 157 минут. Запись 15 ноября 2012 г.

Тюкина Евгения Степановна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г.

Черчемболиев Григорий Корнеевич, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 155 минут. Запись 30 апреля 2013 г.

Шепеленко Нина Павловна, 1930 г.р. Интервьюер Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 53 минуты. Запись 20 февраля 2012 г.

Шибанов Михаил Дмитриевич, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, конференц-зал краевого совета ветеранов. Продолжительность 72 минуты. Запись 6 ноября 2012 г.

Ямщикова Лидия Владимировна, 1932 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность: 67 минут. Запись 14 мая 2013 г.

Ясанис Сергей Юлианович, 1922 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 135 минут. Запись 16 мая 2013 г.

Монографии и коллективные труды

Агамбен Дж. Номо сасаг. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012.

Алексиевич С. У войны не женское лицо... М., 1988.

Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.

Аристов С.В. Люди доброй воли. Нацистский концентрационный лагерь Равенсбрюк в судьбах бывших узниц из Советского Союза. Подольск, 2012.

Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005.

Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007.

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.

Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.

Васильченко А. Секс в Третьем рейхе. М., 2005.

Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009.

Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. М., 2001.

Галаган В.Я. Ратный подвиг женщин в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1986.

Гланц Д. Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009.

Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

Гончарова А.В. Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40–80-х годов. Тверь, 2005.

Грейг Олег, Грейг Ольга. Походно-полевые жены. М., 2005.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа Анналов. М., 1993.

Гурова О.Ю. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008.

Гюльманн К.Д. Общественная и частная жизнь в европейских городах средних веков. СПб., 1839.

Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани. Краснодар, 2009.

Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895.

Зензинов В.А. Встреча с Россией: как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию, 1939–1940. Н.-Й., 1944.

Илизаров Б.С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М.; СПб., 2007.

История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989.

История советского крестьянства. В 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М., 1987.

История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). М., 1984.

Источниковедение. М., 2000.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. В. Новгород, 2009.

Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011.

Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.

Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997.

Кон И.С. Дружба. СПб., 2005.

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000.

Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004.

Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

- Кузнецов Б.В. События Смутного времени в массовых представлениях современников («видения» и «знамения», их значение в этот период). М., 2010.
- Куликов Б. Николай Майоров. Ярославль, 1972.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930 годы. СПб., 1999.
- Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006.
- Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
- Меерович М. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008.
- Мишакова О.П. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1943.
- Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001.
- Николаева К.И., Карасева Л.М. Великая Отечественная война и советская женщина. М., 1941.
- Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны (государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005.
- Одинцов М.И. Государство и церковь в России в XX веке. М., 1994.
- Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР. М., 1930.
- Посадская Л.А. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). М., 2013.
- Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России: невеста, жена, любовница. X – начало XIX в. М., 1997.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004.
- Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969.
- Саркисов А. Героические дочери Кавказа. Баку, 1965.
- Сенявская Е.С. 1941–1945: фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. М., 1995.
- Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
- Скоробогатько Н. Чудеса Божии на фронтах Отечественной войны. Свидетельства очевидцев. М., 2007.
- Смелзер Н. Социология. М., 1993.

- Социология в России. М., 1998.
- Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009.
- Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848.
- Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
- Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
- Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2001.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. М., 2001.
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. М., 2001.
- Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002.
- Цыпин В.А. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.
- Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.
- Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999.
- Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.
- Шнеер А. Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003.
- Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992.
- Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1945 гг. М., 2012.
- A History of Private Life. Vol. 1–5. Cambridge, 1987–1991.
- Beck B. Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–1945. (Krieg in der Geschichte. Band 18) Schöningh, 2004.
- Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L., 2002.
- Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989.
- Markwick R.D. and Charon Cardona E. Soviet Women on the Frontline in the Second World War. Basingstoke, 2012.

Сборники статей

- В своем кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала Нового времени. М., 2003.
- Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М., 2003.
- Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения. Ежегодник. 2005/2006. М., 2006.

Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005.

Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002.

Героини войны (Очерки о женщинах – Героях Советского Союза). М., 1963.
Девушки-воины. Очерки о девушках – героинях Великой Отечественной войны. М., 1944.

Женщины на краю Европы. Минск, 2003.

Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001.

Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: мат-лы и исследования. СПб., 2008.

Правда о религии в России. М., 1942.

Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. В 2 кн. М., 2004.

Устная история в Карелии: сб. науч. ст. и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007.

Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.

Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000.

Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени). М., 2000.

Статьи

Азбелев С.Н. Русская народная проза // Народная проза. М., 1992.

Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13.

Андреев С. Ночное видение. URL: http://veroyu.my1.ru/publ/chudesapravoslavija_i_redko_vstrechajushhiesja_svjatyni/nochnoe_videnie/8-1-0-5.

Барскова П. Вес книги: стратегии чтения в блокадном Ленинграде // Неприкосновенный запас. 2009. № 6.

Беззубцев-Кондаков А. Наш человек в коммуналке. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/10/be15.html>.

Беглов А. Епископат Русской Православной Церкви и церковное подполье в 1920–1940-е гг. // Альфа и Омега. 2003. № 1 (35).

Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.

Бок Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. Вып. 6.

Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны //

Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006.

Булавин М.В. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны на динамику религиозности православного населения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12).

Был ли секс в СССР? // Комсомольская правда. 2004. 1 ноября.

В постели с врагом. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24590186.html>.

«В СССР секса нет». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/В_СССР_секса_нет.

Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс-информация. Вып. 3–5 (ч. II). М., 1990.

Волкова Е.Ю. «Очень хотелось жить, не замерзнуть, не умереть с голоду» (что помогло выжить детям в годы Великой Отечественной войны) // Война в истории и судьбах народов Юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): мат-лы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 1–2 июня 2011 г.). Ростов н/Д, 2011.

Воронина О. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М., 1993.

Вселенская панихида // Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.

Гириц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Самосознание мировой культуры. СПб., 1999.

Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функциях быта // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003.

Городова М. Девяностый // Российская газета. Неделя. 2008. 8 мая.

Грудницына Л.Ю. Жилищная политика в России. URL: <http://nash-kronshtadt.ru/gorozhaninu/domovye-komitety/zhilishhnaja-politika-v-rossii-proshloe-i-budushhee.html>.

Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется» (О «Последних стихах» Елены Ширман) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55.

Девочка и война. URL: <http://www.krestianin.ru/articles/18215.php>.

Дом Наркомфина. URL: <http://www.openmoscow.ru/dostdomnarkomfina.php>.

Емельянов Н. Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь с 1917 по 1952 гг. (по данным на январь 1999 г.) // Богословский сборник. М., 1999. № 3.

Ермолина Л.Г. Фронтовые письма в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия ОГИК музея. 2002. № 9.

Жиромская В.Б. Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. ст. СПб., 1995.

Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5.

Журавский А. К вопросу о классификации оппозиционных движений и групп митрополиту Сергию (Страгородскому) // Русская Православная Церковь в XX в.: мат-лы конф. Петрозаводск, 2002.

Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3.

Из истории сектантства на Орловской земле. URL: <http://www.sektainfo.ru/Regions/Orel.htm>.

Кардоне Э.Ш., Марвик Р.Д. «Нашу бригаду не пошлют на фронт»: советские женщины в Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д, 2009.

Коммунальная квартира. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

Коммуникативная неудача. URL: http://www.ling-expert.ru/library/slovar/commun_failur.html.

Коржавин Н. «О том, как веселились ребята в 1934 году, или Как иногда облегчает жизнь высокий этический принцип: «Важно не “что?”, а “как?”» // Вопросы литературы. 1995. Вып. 6.

Корна Л.Л. Архитектура и утопия: упущенная встреча. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3559>.

Королева Л.А., Королев А.А. Власть и мусульмане в СССР в Великой Отечественной войне (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13).

Кринко Е.Ф. Религиозные представления населения Кубани в годы Великой Отечественной войны // Национальное возрождение России: теория и практика: сб. ст. и тезисов науч.-практ. регион. конф. «Русский национальный характер: основные ценности». Ростов н/Д, 1996.

Кринко Е.Ф. Устная история: рассказы о войне // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Исторические, социально-экономические и политические науки. Майкоп, 2000. № 4.

Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. трудов. Майкоп, 2001. Вып. 3.

Кринко Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. как предмет изучения в современной историографии // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7. Минск, 2012.

Кринко Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство и границы // Народы юга России в отечественных войнах: мат-лы Междунар. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012.

Кринко Е.Ф., Реброва И.Г., Тажиудинова И.Г. Проблемы адаптации женщин-военнослужащих к боевым условиям в годы Великой Отечественной войны // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2008.

Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г. «Сердце выслать не могу», или О повседневности чувств военного времени // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д, 2009.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Архивные источники по истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. Проблема единения народов России в экстремальные периоды истории как цивилизованный феномен российской государственности. Исследования и документы. М., 2012.

Крылова А. Советское личное: «семейно-бытовая» тема в предвоенной советской литературе // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000.

Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные и советские женщины // Отечественная история. 2008. № 2.

Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.

Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

Левинг Ю. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 76.

Ленин В.И. О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных // Полн. собр. соч. Т. 54.

Мамонов В.М. О собирании документов личного происхождения государственными архивами СССР // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4.

Медик Х. Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4.

Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество. URL: <http://socioline.ru/node/828>.

Настоятель храма, в котором была выставлена икона с изображением Сталина, подал прошение об отставке. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/522725.html>.

Неклюдова М.С. «История частной жизни»: генеалогия одного издательского проекта // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2008. № 10.

Никонова О. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.

Обозный К. Псковская Православная миссия в 1941–1944 гг. // Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. 2000. № 55.

Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2.

Панченко А.А. Ускользящий текст: пророчество и магическое письмо // Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.

Попова О.В. Благотворительная деятельность Псковской Православной Миссии (1941–1944) // Псков. Научно-практический историко-краеведческий журнал. 1997. № 7.

Принципы планирования городского жилья. URL: http://www.rusdb.ru/dom/researches/town-planning_principle.

Пушкарёв Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

Пушкарёва Н.Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6.

Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005.

Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России // Социологические исследования. 2004. № 6.

Рабокольская И. Ночные ведьмы. URL: <http://tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.html>.

Реброва И. Устная история: от всеобщего увлечения и критики к профессионализации // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2011.

Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.

Репина Л.П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Альманах гендерной истории. Адам и Ева. СПб., 2003.

Репина Л.П. История женщин и гендерная история на рубеже веков: итоги и перспективы развития. (Аналитический обзор) // XX век: методологические проблемы исторического познания: сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. М., 2001. Ч. 2.

Репина Л.П. История женщин сегодня. Историографические заметки // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.

Рыблова М.А. Народные образы предвестников войны // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: мат-лы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010.

Сенявская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7(22).

Сенявская Е.С. Солдатские суеверия на войне как пример стратегии выживания // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): мат-лы Междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011.

Синицын Ф.Л. Советское государство и ислам во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Мир и политика. 2011. Июнь. № 6 (57).

Смиловицкий Л. Невостребованная память // Мост. Независимый еженедельник. 2012. 18 апреля. № 622.

Смиловицкий Л. Память без срока давности // Мост. Независимый еженедельник. 2012. 12 декабря. № 654.

Смирнов И. Соцреализм: антропологическое измерение // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000.

Сомов В.А. Письма фронтовиков о жизни военного времени // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005.

Сорока М. Видения, знамения или галлюцинации? URL: http://siac.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=784&Itemid=44.

Сталинка. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

Стоит ли копаться в «грязном белье»... (Российские историки размышляют над проблемами «истории частной жизни») // Родина. 1996. № 12.

Суворова Н. Молитва за Отечество // Родная Кубань. 2005. № 1.

Тажидинова И.Г. Поэты 1930-х гг.: декларации эмоциональной независимости // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: мат-лы межрегион. науч. конф. (XVI Адлерские чтения). Краснодар, 2009.

Тажидинова И.Г. Стратегии совладания с ревностью в условиях Великой Отечественной войны (на материале лирической поэзии) // Мужское и мужественное в современной культуре. СПб., 2009.

Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. Магнитогорск, 2010.

Тажидинова И.Г. Повседневность Великой Отечественной войны в дневнике сочинца А.З. Дьякова // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4 (18). 2011. № 1–2 (19–20).

Тажидинова И.Г. «А писать им надо обязательно о любви...» // Родина. 2012. № 3.

Тажидинова И.Г. Женщины в армии: свидетельства мужчин-комбатантов // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: мат-лы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 2013.

Теорема Томаса. URL: http://msk.treko.ru/show_dict_1146.

Терушкин Л.А. Архиву НПЦ «Холокост» в Москве – 15 лет // Отечественные архивы. 2007. № 4.

Трусова Е.А., Кашкина Э.Л. Сохранить для потомков // Красная звезда. 1985. 4 октября.

Ульянова Г. Рецензия на книгу «Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история». URL: http://galinaulianova.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-04-21-14-23-05&catid=36:historical-blog&Itemid=57.

Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.

Утехин И. Особенности неуклонного роста в условиях зрелости // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54).

Флоренский П.А. О суеверии // Философские науки. 1991. № 5.

Хлынина Т.П. Устная история между теорией и методом // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. Краснодар, 2009.

Хлынина Т.П. Жизнь в эпоху перемен, или О том, как в 1920-е – 1940-е гг. в советской России решался жилищный вопрос // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3.

Хлынина Т.П. Жилое пространство и особенности его организации в советской России в 1920–1940-е гг. (Статья первая) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 1 (27).

Хлынина Т.П., Гонезук Ф.З. Личные фонды Национального архива Республики Адыгея: практика комплектования и перспективы использования // Отечественные архивы. 2010. № 2.

Хоффман Д.Л., Тимм А.Ф. Биополитическая утопия. Репродуктивная политика, гендер и сексуальность в нацистской Германии и Советском Союзе // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.

Цаплин В.В. Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. // Советские архивы. 1993. № 5.

Церковь должна быть свята и непорочна // Майкопская жизнь. 1942. 11 октября.

Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х годов в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10.

Чистов К. Фольклор и язык остарбайтеров // Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1941–1944 гг. М., 1998.

Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 58.

Чуйкина С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х гг. // В поисках сексуальности. СПб., 2002.

Шаповалов В.Ф. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России // Общественные науки и современность. 2007. № 2.

Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3.

Шлионская И. Феномены Великой Отечественной // Мир зазеркалья. 2002. № 11 (110).

Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

Шрам К. Исповедь в соцреализме // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000.

Штельцль-Маркс Б. Советские освободители и австрийские женщины: проблемные отношения // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 2. Посв. 50-летию заключения Государственного договора с Австрией. М.; Грац; Вена; Ставрополь, 2006.

Этапы развития жилищных отношений в России и городе Москве в XX веке. URL: http://www.up.mos.ru/cdz/kerzonu/kniga08_4.htm.

Khlynina T.P. Living Space and Its Arrangement in Wartime (The second article) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2013. № 29 (3).

Krinko E.F. Private Life of Soviet Man during Wartime: Historiography and Problem Origin // European Researcher. 2012. Vol. (33). № 11–1.

Диссертации и авторефераты

Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда-Ленинграда, 1917–1991): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Гущина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Кащенко Е.А. Сексуальная культура военнослужащих: дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.

Фефилин С.В. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х – середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2002.

Шимон И.Я. Отношение Советского государства к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.

Художественные произведения

Булгаков М.А. Собачье сердце. URL: http://www.m-a-bulgakov.ru/dog_heart_17.html.

Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. М., 1983–1987.

Гранин Д.А. Мой лейтенант. М., 2013.

Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1975.

Калабухова И.Н. В прощаньи и в прощеньи. М., 2008.

Калабухова И.Н. «Где мои тринадцать лет?..» Повести. Ростов н/Д, 2006.

- Резникова Н.Ф. Ветка сирени. Сыновьям о войне. Майкоп, 1990.
Сатуновский Я. «Хочу ли я посмертной славы...» М., 1992.
Симонов К.М. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. М., 1979.
Сквозь время: стихи поэтов и воспоминания о них. М., 1964.
Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М.; Л., 1965.
Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. Стихотворения и поэмы. СПб., 2005.
Стихи остаются в строю: сб. М., 1958.
Твардовский А.Т. Василий Теркин. Теркин на том свете. М., 2010.

Электронные ресурсы

- Коммунальная квартира. Визуальный музей советского быта. URL: <http://www.kommunalka.spb.ru>.
Наша общая Победа. URL: <http://41-45.su/about>.
Письма времен Второй мировой войны // Центр изучения истории и культуры восточноевропейского еврейства. URL: <http://ru.judaicacenter.kiev.ua/category/pisma-vremen-vtoroj-mirovoj-vojni>.
Я помню. I remember. Воспоминания ветеранов ВОВ. URL: <http://iremember.ru>.

Справочные издания

- Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. М., 1997.
Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.
Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985.
Государственные архивы СССР. В 2 ч. М., 1989.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III–IV. М., 1956.
Центральный московский архив-музей личных собраний: путеводитель. М., 2008.
Листи з фронту. Каталог з фондів Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького. Дніпропетровськ, 2007.

Научное издание

**Кринко Евгений Федорович
Тажидинова Ирина Геннадьевна
Хлынина Татьяна Павловна**

**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ:
ПРОСТРАНСТВО, ГРАНИЦЫ
И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
(1941–1945)**

*В оформлении обложки использованы фотографии
Н.Ф. Петрушенко, Е.С. Тюкиной, а также Архива НППЦ «Холокост»*

*Техническая редакция:
А.С. Бабаева, А.А. Яковлева*

Верстка Н.В. Лункина

Оформление обложки Я.Ю. Яковлева

Перевод Т.П. Хлынина

Сдано в набор 30.10.2013. Подписано в печать 18.11.2013.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 29,33.
Тираж 300 экз. Заказ № 70/13.

Подготовлено и отпечатано DSMGroup.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081.
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66
E-mail: dsmgroup@mail.ru